БРАТЬЯ СТАРОСТИНЫ

Борис Духон, Георгий Морозов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Братья Старостины — уникальное явление в истории спорта. Легендой они стали еще при жизни, причем все четверо сразу — Николай, Александр, Андрей и Петр. Их главное детище — спортивное общество и футбольная команда «Спартак», созданная их усилиями и их же усилиями превратившаяся в поистине «народную», ставшая предметом поклонения для миллионов болельщиков. Едва ли найдется в мировом футболе подобный пример: старший из братьев, Николай Петрович, начал свои занятия спортом еще до революции, а в 1935 году стал «крестным отцом» нынешнего «Спартака», которым продолжал руководить до самой своей смерти в 1996 году. Без малого столетие, отданное футболу! Причем специалисты — как наши, так и зарубежные — признают: в принципах руководства командой он намного опередил свое время. Третий из братьев, Андрей Петрович, работал начальником сборной СССР, и с его именем связано самое большое наше достижение в футболе — выигрыш первенства Европы в 1960 году.

Но братья сумели проявить себя не только на футбольном поле. Судьбу их отнюдь не назовешь легкой. Им — опять же всем четверым — пришлось пройти и через тюрьмы и сталинские лагеря, 12 лет оказались по существу вычеркнуты из жизни. В их биографиях, как в капле воды, отразилась биография страны, со всеми ее трагическими поворотами.

Предлагаемая вниманию читателей книга необычна. Впервые в серии «ЖЗЛ» выходит биография сразу четырех героев. Можно согласиться с авторами: отрывать биографии братьев одну от другой, рассказывать о каждом из них в отдельности было бы в корне неправильно. Ибо сила Старостиных и состояла в том, что всегда и везде они выступали вместе, ощущая себя *семьей* и чувствуя поддержку друг друга.

- Борис Духон
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ[1]
  - ОТ АВТОРОВ
  - ИЗ ДИНАСТИИ ЕГЕРЕЙ
  - ПОКА БЫЛ ЖИВ ОТЕЦ…
    - ■
    - ■ Загадки на каждом шагу
    - ■ Магия Погоста и Пресненского Вала
  - РУКОПОЖАТИЯ С ЛЕНИНЫМ И МАЯКОВСКИМ
    - ■

- Пресненский Вал покидали по очереди
- Вчетвером по одному пути

○ В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

-
- Это звонкое слово «Спартак»
- Баски как символ футбольной революции
- Прессинг, и не только на бумаге
- Как сложно расстаться с мячом
- Когда в страну пришла беда

○ ЛЕГЕНДАРНОЕ ИМЯ УСТОЯЛО

-
- Был бы человек, а повод найдется
- «Головой не пробьешь стены этого дома…»
- Игра без правил
- Где трое, там и четвертый
- От восьми до десяти

○ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ, НЕ ОПУСКАЯ РУК

-
- На вечной мерзлоте
- За отказ от работы — вплоть до расстрела
- Два брата встретились в неволе
- От крыс в морге до звонка Сталина

○ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ЖИЗНИ — ДАЛЕКО НЕ ЗАКАТ

-
- Предвосхитив понятие «топ-менеджер»
- В прежнюю жизнь вошел без раскачки
- Три очка на «Коровьих тропах»
- На островке частной собственности
- Хранители семейного очага

○ СЛЕД НА СТРАНИЦАХ И ЭКРАНАХ

- Русская речь начала века
- Жаль, что передача опоздала
- «Костюм заморский для Андрея…»
- Утраченные кадры и непоставленные сцены

○ НЕ ПАМЯТНИКАМИ ЕДИНЫМИ

○ НАСЛЕДНИКИ ПО ПРЯМОЙ

○ ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ, АЛЕКСАНДРА, АНДРЕЯ, ПЕТРА СТАРОСТИНЫХ

○ КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

○ Иллюстрации

• notes

○ 1

○ 2

Борис Духон
Георгий Морозов
БРАТЬЯ СТАРОСТИНЫ

Авторы выражают глубокую благодарность за помощь в создании книги и предоставленные фотоматериалы Андрею Владимировичу Лаврову, Андрею Петровичу, Елене Николаевне и Наталье Андреевне Старостиным. Ряд фотографий взят с созданного А. В. Лавровым сайта: lavrov-a.myheritage.com

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ[1]

Уже несколько лет я нахожусь во власти упорно меня преследующей фантазии: воображаю книгу, которая так и просится быть написанной, напечатанной, разошедшейся по заповедным личным библиотечкам всех, кому дорог футбол. Мне мерещится, что я держу ее на ладони, ощущаю ее вес (она не тоненькая), заглядываю на некоторые страницы, вижу ее место в известной серии «ЖЗЛ» и даже угадываю название — «Дом Старостиных».

В «ЖЗЛ» эту книгу я просватал бы с легкой душой вовсе не «для разнообразия» и не по той причине, что «футбол занял видное место в жизни народов всех континентов». Перед нами редкостный случай служения не кого-то в единственном числе, а большой, дружной семьи (четыре брата и две сестры да зятья с невестками) московскому, русскому, спартаковскому спорту на протяжении всего XX века. Здесь нет ни малейшего преувеличения: мальцы Старостины начинали в дореволюционное время с кулачных боев «стенка на стенку» между Пресней и Дорогомиловом, а их взросление шло шаг в шаг с проникновением в народную жизнь новеньких, с иголочки, остро интригующих, захватывающих спортивных веяний. Мало сказать, что Старостины были свидетелями «спортизации» всего быта, они с энтузиазмом, природным умом и предприимчивостью сами, как кашевары, заваривали кашу, не уклоняясь от трудностей и невзгод, и в конечном итоге как спортобщество «Спартак», так и лучшая футбольная команда страны того же названия в большой мере своим существованием обязаны им.

Спорт ничто не миновало, он повторял век и зацепил братьев Старостиных на 12 лет в бериевские лагеря, как мне представляется, за духовную независимость, расцененную на Лубянке в качестве подозрительной гордыни, и, не в последнюю очередь, за спортивное нежелание уступить тем власть имущим, которые не мыслили быть битыми даже на футбольном поле.

Словом, изучающему век наш история семьи Старостиных (а ее в обиходе именовали и кланом, и сектой, завидуя ее влиянию) предоставляет богатейшую россыпь исторического, бытового, спортивного, международного материала, портреты и характеры, в коих переплелись корни староверческие, от ямщиков и егерей, футбольных знаменитостей, капитанов сборных команд Москвы, РСФСР, СССР, членов КПСС, должностных лиц — президентов, председателей, начальников, водящих дружбу и с «вождями», и с писателями и артистами, потом «зэков» и снова знаменитостей

после реабилитации. Вот уж действительно дался им этот спорт, полной мерой испили они из притягательных призовых кубков! Можно сказать и иначе: жизнь ему отдали — Николай, Александр, Андрей, Петр… И тем не менее не нашлось смелого автора, который бы взялся за заманчивый, беспроигрышный сюжет. Некоторых я убеждал, агитировал, соблазнял, загорались и, видимо, робели.

Допускаю, что осведомленный читатель возразит: а есть ли нужда в книге «Дом Старостиных», если из-под одаренного пера Андрея Старостина благополучно вышли и изданы четыре незаурядные книги, если старший брат Николай отличился двумя книгами, которые недавно переизданы в однотомник под одной обложкой («Футбол сквозь годы» и «Звезды большого футбола»)?

Но ведь книги братьев, пусть даже их целая библиотечка, старостинская, пусть даже они туго набиты живописными, увлекательными свидетельствами и наблюдениями, совершенно естественно относятся к жанру мемуарных и для той книги, о которой я хлопочу, беллетристической, исторической, психологической, в стиле, если хотите, известных биографий Андре Моруа, могут служить богатейшим, неисчерпаемым источником. Да и, наконец, у братьев-авторов и в мыслях не было разбирать собственные «роль и значение», заслуги и неизбежные человеческие слабости, давать оценку всему тому, что им удалось совершить на грешной футбольной земле за многие десятилетия. А в этом и смысл.

«Спартак» никак не отнесешь к невезучим. Что бы ни происходило с ним, хотя бы и в те сезоны, когда он ухнул лигой ниже, он всегда оставался на виду, от него не отворачивались ни болельщики, ни пресса. Тем, кто затеет складывать пирамидку из доводов, объясняющих его популярность, настойчиво рекомендую не забыть литературной деятельности Андрея и Николая Старостиных. Ни один наш чемпионского значения футбольный клуб, включая динамовские Москвы, Киева и Тбилиси, столичный армейский и автозаводский, не выдвинул из своих рядов сразу двух оригинальных литераторов. Подчеркивая оригинальность, я имею в виду то решающее обстоятельство, что свою литературную деятельность братья Старостины вели самостоятельно, за них не сочиняли прикомандированные «литзаписчики», пользующиеся обычно в таких случаях набором стандартных мыслей, оборотов, слов.

Я тем более охотно свидетельствую об этом, что мне довелось помогать Николаю Петровичу по просьбе «Огонька». Моя помощь оказалась нужной только лишь из-за неимоверной занятости начальника спартаковской команды (он и в отпуск не ходит,

вечно у него неотложные дела). Мне же по сути дела оставалось записать его устные рассказы и не то чтобы их поправить, пригладить, «развить», а совсем наоборот — проявить предельную бережность, чтобы сохранить и ход его мыслей, и старомосковские, единственные в своем роде речевые обороты. Не помню ни одного момента, когда бы Николай Петрович воспользовался общеупотребительным выражением (футбольная тема, как известно, породила свой жаргон, который в ходу и у репортеров), он всегда искал и находил свой угол зрения, свои выражения.

Если же принять во внимание, что книги братьев Старостиных мало того что проникнуты всепоглощающей верностью футболу, добрым желанием упомянуть как можно больше сподвижников, зачастую забытых, еще и глубоко нравственны, благодаря чему профессия игроков в ножной мяч вырастает в наших глазах, становится занятием, полным человечности и драматизма, то еще неизвестно, какие заслуги их перевесят — игровые, чемпионские, административные, капитанские, начальнические или — литературные.

И что нельзя не упомянуть, так это щедрую живописность старостинских рассказов. Ведя речь о футболе, и Андрей, и Николай совершенно естественно, что отвечает их приметливой натуре, восстанавливают обстоятельства места и времени, будь то дореволюционный быт, сталинские парады и сталинские репрессии, чемпионаты союзные и чемпионаты мировые, артистическая и писательская богема (у Андрея) и деловая злободневная проблематика (у Николая).

Они не фанатики, не замкнувшиеся в своем кругу еретики, их преданность спартаковским цветам зрячая, разумная, без перехлестов.

Как-то в разговоре со мной Николай Петрович обронил: «Свою полезность я вижу в том, что раньше других остываю в горячие моменты, которых в футболе не перечесть, кругом еще пылают страсти, а я уже просчитываю реальные варианты».

Ценность книг Старостиных сомнению не подлежит, в мемуарном жанре они — в первом ряду золотой футбольной библиотеки. Свежий однотомник из двух книг Н. Старостина удачно ее пополнит. Однако мою фантазию о книге «Дом Старостиных» эта новинка ни капельки не поколебала, скорее укрепила. Такая бездна интереснейшего материала!

Мне остается ответить на возможную реплику: «Чем агитировать, сам бы взялся!» Жалею, что фантазия на меня снизошла поздновато. Но, честное слово, завидую тому товарищу по профессии, который, располагая запасом сил и времени, с

головой уйдет в прекрасную работу…

Лев ФИЛАТОВ, 1993 год

ОТ АВТОРОВ

Думается, Лев Иванович Филатов порадовался бы тому, что его идея — пусть и несколько в ином формате — воплотилась в жизнь. Приведенная выше статья когда-то была написана им по заказу младшего из нашего дуэта, да и сам он не раз говорил при встречах: «Слушайте, Гера, а почему бы вам не взяться за это? Вы молоды, любите „Спартак“ да и пером вроде бы владеете — что вам еще нужно?» А в ответ звучали отговорки — мол, из всех братьев и сестер доводилось беседовать лишь с Николаем Петровичем, да и то коротко. И как браться за столь фундаментальный труд, пользуясь лишь чужими воспоминаниями и не опираясь на личное восприятие? «Но ведь Пушкин писал о Пугачевском восстании, опираясь на документы! Жаль, — вздыхал снова Лев Иванович, — просто и не знаю, кому бы еще предложить…»

После кончины замечательного спортивного журналиста в феврале 1997-го его протеже опрометчиво заявил на газетных страницах: «Две недели, как нет с нами Филатова, и год, как ушел из жизни последний из братьев Старостиных. И чувство вины перед обоими заставляет взяться за перо, залезать в архивы и тормошить коллег. Я знаю, что не соберусь написать эту книгу. Но в моих силах отыскать несколько экспонатов для будущего музея Старостиных». Что ж, никогда не говори «никогда». Только с годами начинаешь понимать правоту Филатова: такая работа действительно захватывает с головой.

Старшему из нашего авторского тандема посчастливилось чаще общаться с братьями, разве что с Петром Петровичем он встречался мимолетно, с целью получить недостающий автограф для личной коллекции. Но недаром в этой же коллекции хранится факсимиле Николая Петровича: «У о[бщест]ва „Спартак“ много друзей и поклонников. Однако большинство из них свои чувства выражают в словах. Вы же, Борис Леонидович, свои симпатии претворяете в делах и потому заслуживаете особой благодарности».

А когда в футбольном клубе поздравляли Старостина с девяностолетием и дошел черед до адресата приведенного выше послания, то Николай Петрович полушутя, полусерьезно провозгласил: «Этот человек знает о „Спартаке“ больше, чем я!»

Приступив к книге о братьях на полтора десятка лет позже, чем стоило бы, мы в чем-то наказали сами себя. Ведь за эти годы не стало многих, кто мог обогатить представление о клане ценными подробностями. Это в первую очередь ближайшие

родственники — зять Николая Петровича Константин Ширинян, супруга Андрея Петровича Ольга Старостина, племянник братьев, сын их сестры Веры Петровны Александр Попов… Да и в ходе работы над материалом пришло печальное известие — ушла из жизни племянница героев книги, дочь их сестры Клавдии Петровны Ирина Прокофьева.

С другой стороны, в новом тысячелетии начало создаваться генеалогическое древо семьи Старостиных. Взялся за него Андрей Лавров, чья бабушка приходилась братьям двоюродной сестрой. Подошел он к делу со скрупулезностью и педантичностью, стараясь подтвердить документами по возможности каждый факт, каждую дату. Его поиски стали огромным подспорьем, и мы старались опираться в книге именно на данные, собранные Лавровым, даже если они и расходились с тем, что публиковалось ранее.

Особый колорит нашему труду придавало то, что в серии «Жизнь замечательных людей» никогда доселе не выходил том, посвященный сразу четверым персонажам. Конечно, об одном только Николае Петровиче можно было бы выпустить отдельное издание. Но тут мы имеем дело с редким случаем, когда сразу несколько братьев внесли значимый вклад в развитие одного вида спорта. Пусть в лихие времена судьба разбрасывала их по разным городам и весям, даже в отрыве друг от друга каждый из четверых оставался образцом верности своим идеалам.

Август — сентябрь 2011 года

ИЗ ДИНАСТИИ ЕГЕРЕЙ

Андрей Старостин, по рассказам его племянника и тезки Андрея Старостина-младшего, охотно поддерживал легенду о том, что когда-то в их род влилась дворянская кровь. Мол, были из крестьян, а потом генерал-дворянин выкупил крепостных и на одной из девиц женился. Но версия эта не нашла никакого подтверждения: напротив, поиски Андрея Лаврова ее опровергают.

Предки братьев по отцовской линии были егерями-старообрядцами и жили в деревне Острова Заполянской волости Порховского уезда Псковской губернии. (В книгах Николая Старостина говорится, что деревня принадлежала к Тарховскому уезду, но тут скорее всего вина литзаписчика, который неудачно воспроизвел услышанное им слово.)

Охотничье мастерство уроженцев здешних мест было хорошо известно всей России: не случайно в охотничий лексикон вошли слова «псковичи» и «лукаши». Именно так именовали егерей — то по географической привязке, то по имени основателя династии Луки. «Вынослив, как егерь-пскович», — говорили в этой среде. Имелся и термин «псковский способ охоты»; способ этот заключался в том, что егеря, выследив волка или лисицу, быстро обкладывали зверя с трех сторон и гнали на стрелка.

Обычно в зимнее время псковичи нанимались на службу артелями по три человека. Услуги их в конце XIX века оценивались весьма высоко: месячное жалованье каждого егеря составляло 100 рублей. Они обладали бесплатными охотничьими свидетельствами и полномочиями, предоставленными страже казенных лесов.

В 1867 году на зимний сезон три окладчика-псковича были приглашены в Люберцы. В отчете охотничьего общества отмечалось, что с помощью егерей удалось добыть немало трофеев. А если точнее, то убиты были двадцать два волка, четыре лисицы, три медведя и шесть лосей. Псковичи осели близ Москвы.

Общество сначала снимало им жилье в Люберцах, а затем егеря стали заводить семьи и строить собственные дома. Можно отыскать упоминания о родственных кланах Зуевых, Лихачевых, Старостиных. Любопытно, что кто-то из этих охотников на волков проживал на… Волковской улице. Обратила на себя внимание исследователей и другая игра слов: приезжие из деревни Острова устраивали облавы под Москвой на Островецком болоте. Зимой псковичи ходили на «красного зверя»: медведя, волка, лисицу, а

летом натаскивали собак на болотную дичь, к которой относились бекас, вальдшнеп, дупель, коростель.

Одним из видных егерей Московского общества охоты имени Императора Александра II был Никита Петрович Старостин. Дата его рождения неизвестна, зато известно, что в 1892 году отмечалось 25-летие его охотничьей деятельности и по этому поводу виновник торжества получил денежный подарок и золотые часы. А тремя годами позже государь наградил Никиту Петровича медалью «За усердие». Из псковских краев прибыли в Москву и его братья. Один из них, Иван Петрович, приходится дедом героям нашего повествования.

Сохранились сведения и о прадеде братьев. Петр Старостин родился в деревне Острова около 1820 года. Известно, что его жена Маланья появилась на свет в 1823-м и прожила целый век. У них родились десять детей, о шестерых из которых создателю генеалогического древа удалось добыть информацию.

Иван Петрович, дед братьев Старостиных, тоже родом из деревни Острова. Жизнь его уместилась в промежутке примерно между 1845 и 1900 годами. В книгах Николая Старостина о нем уже есть упоминания:

«Дед, Иван Петрович Старостин, уроженец Псковской губернии, бородатый старообрядец, могучего, судя по фотографиям, сложения, умер еще до моего рождения. На его родине я никогда не был».

Или другая цитата: «Род наш, что и говорить, своеобразен. Бабушка, Надежда Терентьевна Старостина, — православная, а дед и вся родня по линии отца — старообрядцы. Они не знали вкуса вина, не курили, самым страшным ругательством считалось выражение „нечистая сила“».

Надежда Терентьевна (в девичестве Кошкина) скончалась в 1918 году в возрасте 86 лет. У них с Иваном Петровичем было пятеро детей — сыновья Дмитрий и Петр, дочери Екатерина, Наталья и Анна.

Судя по указанию фамильного сайта Старостиных, год рождения Петра Ивановича и Дмитрия Ивановича совпадает — 1871-й. Но ведь никто из братьев ни разу не обмолвился, что их отец и дядя — близнецы!

Андрей Лавров не сомневается на этот счет. Правда, на надгробии Дмитрия Ивановича год его рождения указан по-другому: «1868». Но у многих родственников на надгробиях даты совершенно неправильные — например, у мамы Старостиных Александры Степановны, у ее сестры Анны Степановны. Кроме того, имеются фотографии XIX века, на которых изображены Иван Петрович и Надежда Терентьевна Старостины с детьми. Если

всмотреться в лица, легко убедиться, что оба брата (а других сыновей у Ивана Петровича не было) — близнецы. «Мой прадед, Алексей Степанович Сахаров, был с Петром Ивановичем постоянно вместе, они крепко дружили, — рассказывает Лавров. — А потому Петр и Дмитрий, приезжая в Погост до того, как построили свой дом, жили у Сахаровых. Жена ямщика Степана Васильевича Сахарова Любовь Егоровна Мохова считалась по местным понятиям довольно-таки богатой особой. Она была женщиной предприимчивой и держала в Погосте двухэтажный дом, где останавливались постояльцы. Так что эти фотографии хранились у моего прадеда и впоследствии попали ко мне».

Имеется и документальное подтверждение версии Андрея Лаврова, о которой он также рассказал нам. В актовой записи о смерти Петра Ивановича Старостина от 17 февраля 1920 года проставлен возраст: 49 лет. Простое вычитание дает дату рождения — 1871-й. А Дмитрий Иванович Старостин умер 19 сентября 1928 года на 58-м году жизни (об этом сообщалось в № 19 «Охотничьей газеты» от 1928 года). Стало быть, родился он в том же 1871 году.

По мнению старшего научного сотрудника Порховского краеведческого музея Алексея Крылова, отец братьев Старостиных Петр Иванович носил фамилию Петров, а Старостиными Петровы стали именоваться уже в Москве, когда Петр Иванович работал в обществе охоты имени Александра II. Так утверждал сам Николай Петрович Старостин. В конце августа 1991 года в интервью газете «Молодежь Псковщины» он начал разговор со слов: «Мой отец — Петр Иванович Петров — уроженец Псковской губернии, Порховского уезда, Заполянской волости, деревни Острова». И на удивленную реплику журналиста пояснил: «Да, в молодости у моего отца Петра Ивановича была фамилия Петров. В прошлом веке и на заре нынешнего в крестьянской среде чаще всего семейная фамилия в деревне происходила от имени главы семейства, и даже ближайшие родственники, жившие в разных семьях, нередко носили разные фамилии. Фамилия Старостин появилась в нашей семье позднее, когда мы переехали в Москву, к месту новой службы отца. Так фамилия наша стала двойной: Петровы-Старостины. Апотом осталась лишь одна». В качестве иллюстрации был приведен пример: двоюродный брат Иван всегда носил фамилию Петров-Старостин. Дочь Николая Петровича Елена тоже помнила рассказы отца о том, что их род менял фамилию.

Андрея Лаврова такое толкование удовлетворило не полностью. Дело в том, что двоюродный дед братьев, Никита

Петрович, который первым из егерей-псковичей приехал в Москву, уже имел фамилию Старостин! Разгадка, по мнению исследователя, крылась в той манере, в которой велись записи в старообрядческой общине. Отец братьев звался Петром Ивановым (Ивановичем), дед — Иваном Петровым (Петровичем) и потому по рождению был записан как Иван Петров, то есть сын Петра.

По линии матери одного из прадедов звали Василий Васильевич Сахаров, одну из прабабушек — Наталья Семеновна Мохова. Родились они соответственно в 1822 и 1820 годах. Сын Василия Степан, появившийся на свет в 1849-м, 18 января 1871-го взял в жены свою ровесницу Любовь Егоровну Мохову. Жили они в деревне Погост, неподалеку от Переславля-Залесского.

Можно опять обратиться к мемуарам Николая Старостина: «Мой второй дед — по линии матери, Степан Васильевич Сахаров — ямщик, возивший на почтовых тройках пассажиров из Переславля-Залесского в Ростов-Ярославский. Деда Стёпа — так звали его многочисленные внуки и внучки, общим числом что-то около тридцати. Любили мы его за веселый нрав и доброту. Высокий и толстый, он с гордостью восседал на тарантасе, когда вез нас по воскресеньям в церковь, которая находилась в трех верстах от Погоста. А после этого угощал горохом, репой, ягодами и яблоками из садов своих пяти дочерей. Сам хозяйство не вел, этим занимались два его сына — Василий и Алексей со своими женами».

Одна из его дочерей, Александра, стала женой Петра Старостина, которого однажды послал в Погост его дядя Никита по какому-то делу. По рассказам Евдокии Сахаровой, племянницы Александры Степановны, у Петра Ивановича был изъян — отсутствовал один глаз. Это подтверждается и строками из книги Андрея Старостина «Встречи на футбольной орбите»: «На садках, подпуская вверх из кювета голубей, отец неосторожно высунулся из укрытия, и поторопившийся стрелок угодил ему дробиной в левый глаз. Теперь ему при выстреле не надо было прищуриваться, а правый глаз был ястребиной зоркости».

Разница в возрасте между Петром Ивановичем и его избранницей составляла девять лет, что также пугало дочь ямщика. По рассказам, не желая, чтобы девушка убежала, егерь «сажал ее в терем» и оставлял собаку — сторожить. Так или иначе, свадьбу сыграли, и Петр увез восемнадцатилетнюю Александру с собой.

ПОКА БЫЛ ЖИВ ОТЕЦ…

О «детстве» героев нашего повествования говорить сложно, поскольку речь идет не об одном человеке, а о четырех братьях да еще двух сестрах. Когда одни еще оставались в нежном возрасте, другие из него уже вышли. А потому обозначить временной отрезок повествования придется иначе — кончиной главы семьи. Но сначала о том, кто в семью входил.

Загадки на каждом шагу

Принято считать, что Николай Петрович Старостин родился 13 февраля (26-го по новому стилю) 1902 года в Москве. Но уже здесь начинаются загадки и легенды…

Во-первых, в столичных архивах сведений о его рождении не обнаружено, равно как и о рождении Андрея Старостина. Андрей Лавров пытался отыскать документы в хранилищах Ярославской и Псковской областей, предполагая, что дети могли появиться на свет в то время, когда Александра Степановна была либо у своих родителей в Погосте, либо на родине мужа. Но и эти попытки не увенчались успехом, хотя однозначно отрицательного ответа создатель генеалогического древа не получил: в каких-то архивах честно указывали на неполный состав имеющихся документов.

Во-вторых, сама дата неоднократно ставилась под сомнение. Во многих официальных бумагах, датируемых сороковыми годами прошлого столетия и позднее, рождение Николая Петровича обозначено 1898 годом. Причем вписывал он эти цифры своей рукой.

Одна из версий гласила, будто первенец Петра Ивановича и Александры Степановны в действительности уроженец XIX века, а «омолодили» его, дабы избежать призыва в армию в период Первой мировой войны. Однако более вероятным все же выглядит обратная версия: лишние годы Старостину приписали в период лишения свободы его тамошние благодетели, чтобы на законных основаниях освободить от наряда на тяжелые работы. По словам дочери Елены Николаевны, отец сам рассказывал ей об этом после освобождения.

Да и с календарной датой рождения не всё ясно.

Поскольку вариантов несколько, предоставим слово Андрею Лаврову как главному знатоку темы.

«Если изучать документы по Николаю Петровичу, — рассказывал он, — разница непременно будет бросаться в глаза. Например, на личном листке отдела кадров стоят цифры „14.07.1898“, а на заполненной рукой самого Старостина карточке — „13.02.1898“. Официальная же дата рождения по старому стилю — 13 февраля 1902 года».

Сначала о расхождении в цифрах «13» и «14». «Как опытный генеалог, — продолжает Лавров, — могу с уверенностью сказать, что существует распространенная ошибка при выдаче свидетельств из метрических книг, когда сначала идет запись о крещении и лишь потом о рождении. Так вот 14-го числа Николая Петровича, очевидно, крестили». Как видим, в документах

менялся даже месяц рождения! Вообще, сослуживцы Старостина по «Спартаку» рассказывали, что в конце жизни он и сам путался, когда отмечать день своего рождения.

Теперь о годе его появления на свет. Откроем книгу Николая Петровича «Футбол сквозь годы»: «Страшная телеграмма — „Отец умер“ — шла в Москву три дня. Мы с Александром добирались в Погост на буфере поезда, тащились почти сутки. И опоздали: отца похоронили без нас. Семья оказалась в трудном положении. Мне исполнилось 18 лет, Александру — 16…» Если учесть, что Петр Иванович умер 15 февраля 1920 года, то всё сходится, и разрыв между братьями в полтора года тоже подтверждается. Кроме того, как указал тот же Лавров, на одной из сохранившихся фотографий запечатлены родители Старостиных вместе с двумя старшими детьми. И, как видно на снимке, у братьев небольшая разница в возрасте.

Авторы этой книги солидарны с родственником Старостиных, хотя книга «Футбол сквозь годы» в полной мере не может служить аргументом. Ведь Николай Петрович, продолжая перечисление членов семьи, написал, что Клавдии в описываемый период было 13 лет, хотя на самом деле вскоре после смерти Петра Ивановича ей исполнилось 15.

Но ведь и книга Андрея Старостина «Повесть о футболе» едва ли не начинается с фразы: «Когда в 1914 году родилась младшая сестра Вера, старшему брату Николаю исполнилось двенадцать лет…», то есть также указывает на 1902 год его рождения.

Андрей Лавров предположил, что Николаю могли изменить метрические данные при записи во 2-е Грузинское начальное училище в 1909-м: мол, семилетнего ребенка могли и не взять в начальную школу. Еще одну версию выдвинул Алексей Холчев, спартаковский поклонник и журналист, лично знакомый с Николаем Петровичем. По его мнению, изменения в документах могли произойти после смерти Петра Ивановича в 1920-м, дабы старшему из братьев проще было решать вопросы с наследством. На наш взгляд, обе версии — скорее, из области теории, но привести их всё же стоит.

В общем, разгадку, скорее всего, нужно искать в архивах Московской области. При этом вполне вероятно, что церковь, в которой крестили Николая, в то время находилась вне Москвы, а ныне оказалась бы уже на городской территории. Сам он писал, что его крестной была Агафья Никифоровна, жена Дмитрия Ивановича, или попросту тетя Гаша.

С Александром всё тоже не так просто. Во всех справочных изданиях указывается, что родился он 9 августа (22-го по новому стилю) 1903-го. Год и месяц не оспариваются, а вот число требует

корректировки.

На семейном сайте выложена актовая запись из метрической книги за № 32 от 9 августа 1903 года. Она гласит: «Псковской губернии Порховского уезда Заполянской волости деревни Острова у крестьянина Петра Иоаннова Старостина и законной жены его Александры Стефановой, оба православного исповедания, 8 августа 1903 года родился сын Александр. Восприемником при крещении был Владимирской губернии Переславского уезда Погостовской волости деревни Погоста крестьянин Павел Васильев Мохов».

Как видим, датой рождения прямо названо 8 августа. Соответственно, по новому стилю день рождения Александра Петровича приходится на 21 августа.

С третьим ребенком в семье никаких недомолвок и ошибок не связано. В Центральном историческом архиве города Москвы создателю генеалогического древа выдали справку: «В фонде церкви „Замоскворецкого сорока г. Москвы“ в метрической книге церкви Иоанна Предтеческой под Бором г. Москва за 1905 год сохранилась актовая запись за № 70 о рождении 14 марта 1905 года Клавдии. Крещение состоялось 15 марта 1905 года». Стало быть, по новому стилю девочка появилась на свет 27 марта.

Процитируем еще один абзац: «Родителями Клавдии являлись крестьяне деревни Островов Порховского уезда Полянской волости Псковской губернии проживавший „в доме Трусовой“ Петр Иванов Старостин и законная его жена Александра Степанова; оба православного вероисповедания». Можно закрыть глаза на некоторые географические неточности, ибо куда интереснее ссылка на то, где проживала семья. Получается, что на тот момент Старостины еще не вселились в свой домик, о котором речь пойдет ниже.

В современных источниках числа рождения и смерти Андрея Петровича Старостина почему-то поменялись местами. Вероятно, составителей всяких энциклопедий (в том числе и клубной спартаковской и Википедии) подвела близость дат — 22 и 24 октября. Поскольку свидетельство о крещении пока отыскать не удалось, утверждать это можно со слов дочери, Натальи Андреевны. Прибавление в семье егеря наступило в 1906-м — 11 октября по старому стилю или 24 октября по новому.

В своих книгах Андрей Петрович неоднократно указывал, что его крестным отцом был глава мануфактурной фирмы «Братья Грибовы» Алексей Грибов. Впрочем, последний не слишком-то бережно отнесся к своему крестнику и, прибыв на обряд в пьяном виде, чуть было не уронил младенца у купели.

В книге «Спартак Москва. Официальная история»

неправильно приводится и число рождения Петра Петровича. По новому стилю оно приходится на 29 августа. Это легко вычисляется по архивным данным, то есть записи № 35 от 17 августа (по старому стилю) 1909 года: «Псковской губернии Порховского уезда Заполянской волости деревни Острова у крестьянина Петра Иоаннова Старостина и законной жены его Александры Стефановой, оба православного исповедания, 16 августа 1909 г. родился сын Петр. Восприемниками при крещении были: той же губернии и уезда и волости и деревни крестьянский сын Николай Петров Старостин и деревни Погоста крестьянская девица Агрипина Стефанова Сахарова».

Отметим, что крестным отцом Петра стал его старший брат, которому в то время было всего семь лет. В православии это допускалось. Сестра Клавдия, например, в девять лет оказалась крестной матерью своей родственницы по линии Сахаровых.

Что касается Веры, то она, как и старшая сестра, по рождению — москвичка. В фонде Московской духовной консистории в метрической книге московской Георгиевской церкви, что в Грузинах, за 1914 год сохранилась актовая запись № 360 о рождении 31 октября (по старому стилю) Веры. Крещение состоялось 5 ноября 1914 года. Восприемниками при крещении были: крестьяне деревни Острова Иоанн Дмитриев Старостин и жена крестьянина Агафия Никифорова Старостина. Стало быть, по новому стилю шестой ребенок Петра Ивановича и Александры Степановны появился на свет 13 ноября. А крестными Веры стали ее двоюродный брат Иван и тетя Гаша, которые тоже проживали в домике на Пресненском Камер-Коллежском Валу.

Николай, Александр и Вера вышли похожими на мать; Клавдия, Андрей и Петр — на отца. И по цвету волос они тоже различались: первые трое — русо-рыжеватые, трое других — брюнеты.

Магия Погоста и Пресненского Вала

Дом располагался по адресу: Пресненский Вал, 46. Построен он был благодаря тому, что Московское общество охоты предоставило двум егерям ссуду на строительство. Елена Николаевна Старостина описывала этот домик, в котором еще успела побывать до того, как его снесли:

«Он был поделен на две равные половины, хотя в одной семье было шестеро детей, а в другой — один-единственный ребенок. Вход через сени вел в общую кухню, которая переходила в продолговатую общую переднюю, из нее вели двери: налево — к Петру Ивановичу, направо — к Дмитрию Ивановичу. Дальше располагалась общая столовая, так что родственники практически всё время находились вместе. Поскольку у папы братьев и сестер было много, двое обычно спали в передней, потому что в детской все не умещались».

Что характерно, дома имелся телефон, и это свидетельствовало об определенном статусе его хозяев. Конечно, аппарат был установлен не столько для нужд егерей, сколько для удобства членов общества охоты, которые могли оперативно связываться со Старостиными и высказывать им свои пожелания.

Был еще и двор, засаженный тополями, с чуланом и флигелем, где размещались собаки, которых владельцы частенько оставляли на зиму у окладчиков. К псарне прилагалась площадка для выгула животных, которая, впрочем, со временем преобразовалась в спортивную. По воспоминаниям Андрея Петровича, снаружи у калитки стояли столбики, не дававшие ломовым извозчикам подъехать к ней вплотную и перекрыть вход во двор. Николаю Петровичу запомнилось, что шесть окон выходили на улицу, на частично замощенную мостовую, а Петр Петрович добавил про забор с мусорным ящиком, находившимся на противоположной стороне. «Очная ставка» братьев с местом, где прошло их детство, состоялась во время съемок телепередачи в середине восьмидесятых, когда Александр Петрович уже ушел из жизни.

Материальное положение семьи было достаточно устойчивым, но зависело от многих факторов. Во-первых, жалованье Старостины получали от Московского общества охоты довольно скромное. Во-вторых, на них висела выплата ссуды за домик. В-третьих, организация любой охоты несла накладные расходы: например, для приваживания волков надо было купить прирезанную лошадь и положить в определенном месте. Удалось добыть зверя — расходы оправдались. Но ведь и охотники

попадались разные, и от щедрот своих егерям они тоже платили по-разному.

Поэтому когда Московское общество охоты объявило, что в зимний сезон должен быть взят двухтысячный за его историю волк, Петр и Дмитрий Ивановичи воодушевились. Среди любивших пострелять из ружья аристократов находились те, кто обещал, если юбилейный трофей достанется им, заплатить егерю-помощнику десять тысяч рублей! И отец героев нашего повествования едва ли не впервые в жизни решил, перефразируя пословицу, поделить шкуру неубитого волка. Он купил для жены дорогой и модный сак, рассчитывая отбить его премией за удачную охоту. Но человек предполагает, а Бог располагает: удачливым стрелком оказался отнюдь не тот, на кого рассчитывал Старостин. И скромный гонорар в полсотни рублей никак не мог оправдать покупку, которой Александра Степановна была уже и не рада.

Наступило время жесткой экономии. Керосиновые лампы без особой необходимости не зажигали, набирая продукты в лавках под запись, останавливались на самом необходимом. Но если люди как-то могли поджаться, то уменьшать рацион содержавшихся в доме собак было невозможно: варево из пшена с кониной вынь да положь.

Выручил один из клиентов. Василий Прохоров получил известность как один из первых русских авиаторов. В отличие от мануфактурщиков он здоровался с егерями за руку и обращался к ним по имени-отчеству. В столовой у Старостиных висела подаренная им фотография, где пилот был запечатлен вместе с коллегами рядом с разбитым аэропланом. Охоту на юбилейного волка он пропустил как раз потому, что восстанавливался после очередной аварии. А тут приехал завалить волка не один, а с французским летчиком-испытателем Альфредом Пэгу. Тот был известен тем, что после того, как Петр Нестеров впервые исполнил «мертвую петлю», взялся повторить фигуру высшего пилотажа. И сделал это, ориентируясь только на газетные публикации. Француз не раз исполнял показательные полеты перед москвичами над Ходынским полем.

Охотник в нем был не чета летчику, и на волка иноземный гость отправился, позабыв даже зарядить ружье. Так что всё решил выстрел Петра Ивановича, хотя Пэгу пребывал в уверенности, что сам попал в волка. Возможно, впоследствии француз и понял, как обстояло всё на самом деле, но в любом случае со Старостиным он расплатился по-царски, а потом еще прислал из Парижа штучную двустволку центрального боя фирмы «Голянд-Голянд».

А так из года в год отцы семейств занимались одним и тем же делом. В зимний сезон организовывали охоту для богатых клиентов, и потом в сенях дома валялись волчьи туши — в ожидании отправки в мастерскую по изготовлению чучел. Чучела эти вручались удачливым охотникам. На лето егеря вывозили собак, погрузив свору в товарный вагон, в район Погоста. Там натаскивали их на дичь, готовя будущих чемпионов на ежегодных Всероссийских полевых испытаниях, проходивших где-нибудь в Люберцах или Косине. Селились Старостины обычно или в самом Погосте, у родителей Александры Степановны, либо по соседству, в деревне Вашутино, где им сдавал дом художник Дмитрий Кардовский, известный как иллюстратор произведений русской классической литературы и автор композиций на исторические темы.

К крестьянскому труду дети приобщались, но больше по собственному желанию, чем по необходимости. Иногда местные ребятишки «разводили» москвичей не хуже, чем Том Сойер своих приятелей при покраске забора, то есть брали незатейливые подношения за право пройти участок с бороной, управляя лошадью. А вот помощь отцу и дяде в походах с собаками по болотам была обязательной. И тут Петр Иванович своих отпрысков не щадил. Егеря уходили из дома с утренней зарей, возвращались домой с вечерней, когда уставали собаки. Был, конечно, перерыв на обед, но от этого нагрузки на берегах Вашутинского озера не уменьшались.

Время от времени из Москвы на автомобилях приезжали хозяева собак, дабы убедиться, как они продвинулись в обучении. Охотились на привычных для егерей и их четвероногих воспитанников местах, иногда удлиняя маршрут до болот у реки Нерль, по соседству с дачей знаменитого певца Федора Шаляпина. Для деревенских мальчишек было в диковинку видеть легковые машины и экипировку охотников — фирменные ружья, специальные куртки, непромокаемые болотные сапоги выше колен. С собой гости обычно привозили напитки и закуски из Елисеевского магазина, разложенные по корзинам, и по возвращении в деревню устраивали застолье, обсуждая трофеи и выучку легавых.

В обычные дни взрослые часто собирались у самовара, вспоминая разные истории из охотничьей жизни. Младшим Старостиным запомнилось, как отец и дядя Митя, спасаясь от волков, несколько часов просидели зимой в лесу на деревьях, пока из деревни не пришла помощь. Или навсегда отложился в памяти трагический случай, когда двоюродный дед по неосторожности застрелил на охоте своего брата Онуфрия. А

порой за кружкой чая разгорались жаркие споры, чья собака лучше. В егерях царил дух соперничества, и это проявлялось даже за столом. Каждому хотелось воспитать пса-чемпиона, и у Петра и Дмитрия Старостиных, как и у их коллег-конкурентов, братьев Фрола и Кирсана Зуевых, были свои фавориты. Гордостью отца героев нашего повествования являлась, например, сука Леда. А выдрессированный им пойнтер Рокет на полевых испытаниях показал результат в 90 баллов из 100 возможных, набрав при этом за чутье 23 из 25 баллов. В книге «Полвека работы с легавой собакой», изданной в Ленинграде в 1938 году, приводились слова Петра Ивановича Старостина: «Не мне учить собаку, а мне учиться у нее; я ничего подобного не видывал…» А ведь он считался одним из лучших мастеров своего дела, что признавал и самый уважаемый окладчик среди псковичей — Никита Старостин.

Профессия отца не могла не сказаться на том, что в семье любили собак и не переносили кошек. Это было связано со случаем, когда один из псов, находившихся на попечении Старостиных, лишился глаза после выпада когтистой кошачьей лапы. То ли на Андрея произвела особое впечатление эта история, то ли еще по какой-то причине, но на протяжении всей жизни, как рассказывала его племянница, кошек он просто боялся.

Камер-Коллежский Вал в начале XX века обозначал границы Москвы. Получалось, что Старостины жили на рабочей окраине, поскольку многие окрестные обитатели работали в расположенных поблизости Брестских мастерских. Но на атмосферу, царившую в районе, куда большее влияние оказывал пустырь под характерным названием «Горючка». Там царили блатные, и если на пустыре вдруг возникала какая-то постройка, она непременно сгорала. Старшие беспокоились, как бы «Горючка» не зацепила ребят, и для тревоги были основания: кое-кто из одноклассников Николая по 2-му Грузинскому начальному училищу и впрямь пошел потом по неверному пути. К счастью, отпрысков Петра Ивановича влекло к иному.

Более того, в детективных комиксах и книгах, вроде популярного «Джека-потрошителя», их симпатии были всегда на стороне сыщиков. Да и в детских играх считалось престижнее преследовать условного преступника.

Одна из таких игр чуть было не закончилась трагически. Когда дома не было взрослых, в письменном столе двоюродного брата Ивана мальчишки отыскали револьвер — как оказалось, заряженный. И Александр по неосторожности чудом не прострелил Андрею голову: пуля просвистела мимо и угодила в окно.

Быть может, есть в этом какая-то мистика, но четвертого ребенка в семье судьба не раз подвергала смертельным испытаниям. В деревне Андрей однажды чуть было не утонул, в Москве — едва не сорвался под колеса трамвая, пытаясь вскочить на ходу…

Иван, единственный сын дяди Мити, был намного старше своих двоюродных братьев и сестер (он родился в 1893-м) и в какой-то мере мог служить им спортивным примером. Он серьезно занимался коньками в Русском гимнастическом обществе «Сокол-I», выполнял нормативы того или иного разряда, постепенно начал выигрывать состязания и был знаком с кумирами того времени — конькобежцами Николаем Струнниковым, Василием и Платоном Ипполитовыми. Юные братья не раз отправлялись поболеть за скороходов на Патриаршие пруды, да и сами были не прочь, прикрутив к валенкам снегурки, погоняться по катку или даже просто по обледеневшему тротуару.

Соревновательный дух среди детей поощрял прежде всего Петр Иванович. Вместе с детьми он порой и сам мог пробежаться по двору наперегонки. Мальчишки состязались в армрестлинге, хотя слова такого, разумеется, не знали. Ржавая десятифунтовая гиря, валявшаяся во дворе, служила им и легкоатлетическим, и тяжелоатлетическим снарядом. Устраивали пари даже на то, кто дольше продержится, задержав дыхание.

Как правило, Николай с Александром в этих забавах опережали двух младших, поэтому им было интереснее испытать свои силы в борьбе со сверстниками. Иногда дрались пара на пару с братьями Сахаровыми, жившими по соседству, зимой отправлялись на лед Москвы-реки, где сходились стенка на стенку пресненские с дорогомиловскими. Однако здесь уже приходилось соблюдать конспирацию, потому как отец к кулачному бою относился отрицательно. Старшие сыновья находились уже не в том возрасте, чтобы их ставили в угол, поэтому глава семьи прибегал к арапнику или просто к затрещинам. Но экзекуция не была длительной, поскольку вездесущая тетя Гаша обычно вступалась за племянников.

Никто из братьев Старостиных не мог сказать точно, в какой момент в их жизнь вошел футбол. В 1910-м уже проходили чемпионаты Москвы, городская сборная принимала соперников из Санкт-Петербурга, но тогда это вряд ли еще могло увлечь мальчишек. Возможно, отсчет стоит вести от Олимпиады 1912 года, на которой сборная страны потерпела столь оглушительное поражение, что даже не интересовавшийся футболом дядя Митя отозвался на кухне репликой: «Осрамили Россию, голоштанники!»

Но, скорее всего, увлечение началось не раньше 1913-го, с поступлением Николая в коммерческое училище, где игра в мяч уже была популярна. Сам он склонен был говорить даже о 1914-м.

И в детской закипели регулярные схватки между «сборными Москвы и Петрограда». «Питерцами» пришлось стать Александру и Андрею, силы которых были относительно равны. А вот у «москвичей» тактика строилась по-иному: маленький Петр охранял ворота, а все атаки вел исключительно Николай, который по совместительству брал на себя роль судьи. Летом гоняли мяч и во дворе, и на проезжей части Пресненского Вала, следя лишь за тем, чтобы круглый снаряд не угодил под колесо ломовой телеги. Шар из грубой резины оставлял на ногах синяки, с тряпичным было полегче, но травмоопасным было само покрытие. Николай однажды упал бедром на кирпич, повредил сустав и угодил на несколько месяцев в Софийскую больницу. Со временем двое старших начали пропадать на Ходынском поле, где с утра до вечера соперничали так называемые «дикие» команды. Андрею, а уж тем более Петру по малолетству оставалось лишь подавать мячи из-за ворот.

Играли босиком, потому как разбитые ботинки сулили лишнюю встречу все с тем же отцовским арапником. Николай и Александр, экономя по гривеннику на школьных завтраках, накопили червонец на две пары бутс. Строго говоря, этой суммы не хватало, надо было доплатить еще рубль сорок, однако хозяин магазина вошел в положение ребят и сделал скидку. А его слова: «Может, из вас не только футболисты, а и люди выйдут» — оказались пророческими.

Как часто бывает в семьях, у Старостиных появлялись только им одним понятные выражения. Например, нарицательным стало слово «джинал». Первоначально оно означало кличку кобеля, никак не желавшего постигать правила охоты вообще и поведения в обществе других собак в частности. С согласия хозяина пса Петр Иванович прекратил с ним работать, а слово осталось в ходу, когда речь шла о чем-то недостойном.

Другое словечко ввел в обиход дядя Митя. Ораву племянников он именовал емким охотничьим термином — «облава». И ведь действительно получилось метко. С одной стороны, детям свойственно постоянно шуметь, как и загонщикам, вытесняющим волка на нужный участок леса. А с другой — ребята постоянно оказывали в домашних делах посильную помощь, пусть их роль была и не главной, как у «массовки» при облаве.

Дядя Митя в разговоре с Андреем использовал фамилию его крестного — Грибов. Как правило, упоминание носило

негативный оттенок, то есть использовалось тогда, когда старший родственник был чем-то недоволен. А своего брата Дмитрий Иванович звал забавным производным: Петрункевич.

Разумеется, что-то придумывали и сами дети. Уже в пору увлечения футболом, когда младшие Старостины стремились иметь накачанные бедра, Андрей очень переживал из-за своей худобы. С точки зрения физиологии, все происходило закономерно, но разве мог мальчишка знать такие нюансы? А Петр подкалывал брата, обращаясь к нему не иначе как Тонконогий или просто Нога. Надо полагать, шутить над Николаем или Александром младший не посмел бы, а вот разница в три года вполне позволяла ему нарушение субординации.

Возникали прозвища и со стороны. Когда Николай пошел в Грузинское начальное училище, одноклассники окрестили его производной от фамилии — Старуха. По мере того как братья достигали школьного возраста, кличка автоматически переходила и на них.

Интересно, что едва ли не все, в том числе и родственники, знавшие Александра взрослым, уверяли, что его уменьшительное имя было Шура. А вот Андрей, описывая детские годы, то и дело называл его Саней.

Старшего из сыновей Петр Иванович после начальной школы определил в училище иностранных торговых корреспондентов, помещавшееся на Большой Никитской улице. Там готовили специалистов со знанием какого-то языка, однако сам Николай впоследствии в анкетах указывал, что владеет только немецким со словарем. А в графе об образовании писал: «Коммерческое училище братьев Мансфельд. Москва, Никитские ворота, 2. 1913–1918. Финансист». По его стопам родители направили потом Александра, Клавдию и Андрея, однако полный курс обучения им пройти было не суждено.

Начало Первой мировой войны не нарушило размеренный уклад старостинской семьи, а вот в 1917-м все стало меняться. И Февральскую, и Октябрьскую революции Петр Иванович встретил с воодушевлением, которое передавалось и его сыновьям. Единство горожан, организованно шествовавших по центральным улицам Москвы, красные банты и ленточки на демонстрантах, появление народных дружин вместо привычных городовых — всё это создавало атмосферу предвкушения чего-то очень значимого и важного.

А вот Дмитрий Иванович, придерживавшийся монархических воззрений, революцию не принял. Правда, любовь к государю не мешала ему прятать евреев при погромах, но смена

государственного строя — это совсем другое. И позднее, когда по Пресненскому Валу шли первомайские колонны, он специально выходил из калитки с метлой, поднимая пыль, и декламировал сатирические стишки:

Социал и демократ,
Весь обгадив Петроград
И нагнав на нас тоску,
Едет гадить к нам в Москву.

Никаких последствий его акции протеста не имели, да и людям постепенно становилось не до этого: наступал продовольственный кризис. Старостины уже не могли зарабатывать организацией охот и натаской собак: исчезла клиентура. Во флигеле, где прежде обитали пойнтеры и сеттеры, Иван устроил кустарный цех по производству патоки. Андрей вместе с одной из родственниц пытался торговать этим продуктом, но без успеха: даром что родители отдали его в профильное училище, способностями к коммерции он не выделялся.

Петр Иванович продавал или обменивал на еду ружья, но в городе и это не спасало от голода. Практически вся семья переехала в Погост, в Москве оставались только Николай с Александром. И, как мы уже знаем, они не смогли даже попрощаться с отцом, которого в феврале 1920-го свалил тиф: телеграмма опоздала, да и поезд тащился сутки.

По словам Андрея Лаврова, могила отца братьев Старостиных находится в деревне Слободка, в трех километрах от деревни Перелески (бывшее название Погост), километрах в двадцати от Переславля-Залесского, справа от шоссе, если ехать в Ярославль. Рядом село Вашка, где находится храм Святителя Николая Чудотворца. Петр Иванович покоится в одной могиле с Аграфеной Степановной Позиловой (Сахаровой), согласно ее устному завещанию.

Для младших Старостиных наступили тяжелые времена. Как писал Андрей Петрович, это было время, «когда я за кусок хлеба ходил в пойму косить, изнемогая от усталости и жалящего гнуса… когда пахал, из последних сил стараясь удержать плуг в борозде на должной глубине, когда жал и молотил в одном ряду со взрослыми, когда вставал с восходом и ложился после захода солнца в самый длинный день летней страды…». Детство заканчивалось.

РУКОПОЖАТИЯ С ЛЕНИНЫМ И МАЯКОВСКИМ

Полтора десятилетия, которым посвящена эта глава, были для братьев Старостиных неотрывно связаны с футболом. И все-таки видится целесообразным разбить повествование, выделив спортивные события в отдельный сюжет.

Пресненский Вал покидали по очереди

После кончины Петра Ивановича главой семьи стал Николай, которому только-только исполнилось восемнадцать. К тому времени он уже начал трудовой путь бухгалтером центральных ремонтных мастерских Мосземотдела, располагавшихся на Ходынке. Решено было, что Александра Степановна с двумя младшими детьми — Петром и Верой — пока останутся в Погосте, а четверо станут обустраиваться в Москве. Андрея, приехавшего летом с оказией, старший брат взял под свое крыло — подручным слесаря. Кроме мастерских тот посещал еще и девятилетнюю школу № 18. Александр трудился по соседству, на Петровском огороде: так называлось большое картофельное поле.

В мастерских шли восстановление и сборка тракторов, жаток, сеялок — в общем, важной техники для молодой Советской республики. А потому неудивительно, что однажды туда пожаловал Владимир Ильич Ленин. Начальства по какой-то причине на месте не оказалось, и Николаю выпало встретить в конторе вождя революции.

Для молодых читателей нужно пояснить: в Советской стране человек, который лично видел Ленина, обретал некий ореол исключительности. Особенно ярко это проявлялось с течением времени, когда тех, кому выпала такая судьба, оставалось не так уж много. Их приглашали выступать в школы и вузы, на предприятия и в воинские части. Естественно, находились впоследствии и проходимцы, пытавшиеся примазаться кличности вождя. Неслучайно даже родился анекдот про множество помощников, якобы несших бревно вместе с Владимиром Ильичом на коммунистическом субботнике.

Применимо к рассказам Старостина, опубликованным уже во второй половине столетия, тоже находились скептики: мол, кто теперь проверит? Однако и Андрей был в тот день в мастерских, так что о визите знал. А по словам дочери Николая Петровича, о своем общении с Лениным он рассказывал им с сестрой, когда они были детьми, то есть еще до Великой Отечественной войны. В те годы не было принято фантазировать на ленинскую тему.

Так вот, Ленин приехал во время обеденного перерыва, когда в конторе находился бухгалтер Старостин. Они перебросились несколькими словами, тут набежали рабочие, окружили высокого гостя. Наконец, к месту событий добрались нарком земледелия Семен Середа и инженер Петр Ильин, конструктор снабженного мотором плуга, ради испытания которого, собственно, и прибыл председатель Совета народных комиссаров РСФСР. Должностные

лица удалились на Ходынку опробовать плуг, и Ленин попрощался с Николаем за руку…

Будучи школьником, Андрей вел дневник, куда записывал все самые значительные события. Таковым стала и публикация в журнале «Известия спорта» о спортивном кружке 18-й трудовой школы Краснопресненского района, сопровожденная снимком. Упоминалось, что председателем кружка является Сергей Ламакин, а секретарем — Андрей Старостин. И эта заметка стала своего рода индульгенцией, когда директор школы Алексей Эдуардович Готвальд, застав ребят шалившими на перемене, пожелал вызвать родителей. Но, ознакомившись с журналом, сменил гнев на милость.

В свободное время братья приобщались к театру, причем не только в качестве зрителей. При Солдатенковской больнице, которую ныне все знают как Боткинскую, в кружке самодеятельности существовала театральная секция. Андрей писал впоследствии: «Николай играл роли героев-любовников, Александр, к общему удивлению, неплохо выступал в амплуа комических старух. А я — в „кушать подано“. Но вскоре и от этого был отстранен, после деликатного замечания режиссера: „Вы говорите деревянным голосом“.»

Братья и сами ходили на спектакли, благо в рабочкоме выдавали бесплатные билеты. Хотя поначалу не обходилось без конфузов. Так, Андрей, после деревенской жизни не сразу освоивший правила поведения в городе, однажды закурил самокрутку с махоркой прямо в зрительном зале, за что ему тут же досталось от Клавдии. А Николай попался в традиционную для новичков ловушку во время действия, когда персонаж по сценарию не может что-то расслышать и переспрашивает. В зале всегда находились добровольные помощники с громкими подсказками и одним из них оказался Старостин.

Андрея мир искусства увлек по-настоящему. Он посещал и классические спектакли, и новаторские, как в театре «Семперантэ», который размещался в квартире жилого дома, без деления на сцену и зрительный зал, а артисты импровизировали по ходу сюжета. Стал свидетелем дебюта Аллы Тарасовой во Второй студии МХАТа.

Очень хотелось ему послушать Сергея Есенина, из-за чего он не пропускал литературные диспуты в надежде, что застанет там любимого поэта. Увы, довелось только провожать его в последний путь. Забегая вперед скажем, что в дальнейшем Андрею Петровичу довелось познакомиться с сыном Сергея Александровича Константином, который стал знаменитым футбольным статистиком.

А вот с Владимиром Маяковским Андрей сталкивался лично. Сначала случайно, в фотоателье, куда пришел к сыну владелицы, своему школьному товарищу Володе Шустрому. А впоследствии, когда Старостин уже обрел футбольную известность, их представил друг другу поэт Николай Асеев. И Маяковскому явно пришлось по душе, когда футболист процитировал строчку из его стихотворения.

Дядя Митя во время Гражданской войны помогал на конюшне Матвею Чуенко, своему родственнику, известному до революции наезднику, мечтая о том, что его мастерство егеря однажды снова будет востребовано. И дождался: в доме раздался звонок от управляющего делами Совнаркома Николая Горбунова — заядлого охотника. Так что Дмитрию Ивановичу довелось организовывать охоту на волков для видных большевиков — Климента Ворошилова, Николая Крыленко, Павла Дыбенко. И тяга к любимому делу оказалась сильнее политических воззрений. В вольере на Пресненском Валу опять появились охотничьи собаки, а в сенях лежали перед отправкой к чучельнику убитые волки. Дмитрий Иванович снова участвовал в испытаниях легавых, как лучший натасчик получал призы и денежные награды. Вот с сыном у него начались проблемы. Иван стал охладевать к конькам, и в этом бы не было большой беды, если бы посещение катка не заменили походы в трактир.

Александра Степановна с младшими детьми вернулась в Москву, но понемногу Старостины начали покидать родительский дом. Николай, уже успев отслужить адъютантом в 9-й Московской военно-инженерной дружине, что располагалась на Таганке, устроился работать заведующим финансовым отделом Московской конторы Нижгубселькредсоюза на Мясницкой. А в 1923 году женился на Антонине Назаровой, которая жила по соседству, в районе Красной Пресни. Ее отец варил квас и содержал квасную. На свадьбе, правда, Николаю пришлось пить не квас, а более крепкие напитки. А поскольку к спиртному он был не приучен, то на гостей произвел ошибочное впечатление. Младшая дочь Елена рассказывала нам, смеясь, что родственники со стороны невесты даже боялись, что она выходит замуж за пьяницу.

Молодые решили жить отдельно, поначалу на съемных квартирах. В тот год начала выходить газета «Вечерняя Москва», и Николай с самых первых номеров стал ее постоянным читателем. Не ложился спать, не заглянув в свежий номер.

А в 1924-м замуж вышла Клавдия — за футболиста Виктора Прокофьева. В отделе записей актов гражданского состояния при Краснопролетарском совете Москвы сделали такие отметки: по

роду занятий жених — инструктор, невеста — машинистка. Правда, почему-то постоянное место проживания Клавдии указали так: «Псковская губерния Порховского уезда Заполянской волости дер. Острова».

У Виктора и Клавдии 21 января 1925-го родилась дочь Ирина — первый ребенок в новом поколении. Николай был ее крестным отцом. Сохранилась фотография с дарственной надписью: «Моей крестной дочере» — вот так, через «е». Выглядело как-то по-церковнославянски.

А 31 марта 1926-го он и сам стал отцом: появилась на свет дочь Евгения. В то время Николай с Антониной обитали на Красносельской, а на работу он ездил на Балчуг, будучи заведующим секцией спорттоваров Москоопкульта МСПО на Балчуге.

Увы, пустела и другая половина дома на Пресненском Валу. В 1928-м ушел из жизни дядя Митя. В книгах Андрея Старостина указывалось, будто его близкий родственник умер, вернувшись домой со стадиона. Но в «Охотничьей газете» № 19 сообщалось, что Дмитрий Иванович Старостин умер 19 сентября на пятьдесят восьмом году жизни, в этот же день закончив «всесоюзные испытания легавых», которые он проводил, будучи уже тяжелобольным. Полевые испытания проходили близ станции Конобеево.

Неточность в воспоминаниях, возможно, связана с тем, что сам Андрей в то время (в 1928–1930 годах) проходил действительную воинскую службу в Московской пролетарской стрелковой дивизии. Что касалось армейских будней, то поблажек не делали даже для игрока сборной страны, каковым стал Андрей Старостин. Курсанты постигали строевую подготовку, штыковой бой, искусство окапываться. Были и марш-броски с полной выкладкой, когда не всегда выручала даже хорошая спортивная подготовка. С соседом по казарме, малограмотным пареньком откуда-то из-под Орла, у Андрея состоялся взаимовыгодный обмен: москвич писал красивые письма невесте однополчанина, а тот взамен чистил его винтовку. Но командир отделения разгадал эту комбинацию и с тех пор лично контролировал процесс подготовки оружия. Что ж, обращаться с винтовкой Старостин тоже научился. В 1929-м он вступил в ряды ВКП(б).

Второй полк Пролетарской дивизии был расквартирован в Спасских казармах у Сухаревской башни, но в течение двух лет службы доводилось и нести дежурство по штабу дивизии, расположенному в Бироновском дворце в Садовниках, и бывать на лагерных сборах частей Московского гарнизона в селе

Всесвятское за чертой города. Впрочем, теперь эта территория уже давно даже не окраина Москвы, а район «Сокола».

Так или иначе, с кончиной дяди Мити примет егерской жизни в доме не стало. Молодежь выбирала иную стезю, а на площадке для выгула собак был обустроен теннисный корт. Лучше всех в этом виде спорта получалось у Клавдии.

Единственным из братьев, кто после школы решил продолжить учебу в вузе, был Петр. Поначалу он поступил в энергетический институт, но проучился там три семестра и в 1931-м перевелся в химико-технологический. В 20-м выпуске «Исторического вестника», изданного вузом в 2006 году, можно прочитать: «Среди славных имен спортивной Менделеевки — Петр Старостин, младший брат из знаменитой московской спортивной семьи. Заслуги его в футболе сомнений не вызывали, но не было документальных подтверждений, что он учился в МХТИ. И вот мы держим в руках оригинал зачетной книжки № 124 Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева, выданный 1 марта 1934 года с соответствующими печатями и подписями — зам. директора по УПУ Артура Викмана и секретаря Матвеева. Внимательное знакомство с ней приводит к выводу, что владелец тяготел к техническим дисциплинам: физика — отл., электротехника — отл., количественный анализ — отл., прикладная механика — хор., техническая термодинамика — отл., технический анализ — отл., и самое главное для настоящего силикатчика, „хим. кремния“ — отл.». Тем не менее после окончания вуза Петр работал по линии промкооперации — возглавлял производственный спортивный комбинат Москооппромсовета.

Андрей Лавров рассказывал:

«Николай Петрович и Андрей Петрович, чтобы помочь своей двоюродной сестре, а моей бабушке Клавдии Алексеевне Сахаровой, пригласили ее из деревни в Москву и временно взяли помощницей по хозяйству. Бабушка прекрасно готовила и шила. Впоследствии они устроили ее на работу продавцом в магазин спортивного инвентаря на улице Горького. У руководителей магазина образовалась недостача, и они решили повесить ее на бабушку. К счастью, ревизоры разобрались, что к чему, но Клавдия Алексеевна с тех пор зареклась быть продавцом».

По всей вероятности, третьим из братьев и сестер Старостиных завел семью Александр. О его первой жене Елизавете известно очень мало. В уменьшительном варианте ее почему-то звали Лиля. У них родилась дочь Алла, но даже дату появления на свет родственники смогли назвать приблизительно — то ли 1931-й, то ли 1932 год. После развода со Старостиным

Елизавета вышла замуж тоже за известного футболиста — ленинградца Павла Батырева и вместе с дочерью уехала в город на Неве. Один из ведущих питерских историков футбола Юрий Лукосяк по нашей просьбе пробовал отыскать какие-то ее следы, но пока его поиски не увенчались успехом. Юрий Павлович заметил лишь, что это не первый случай, когда петербургские мастера мяча уводили жен у московских, и привел в пример аналогичную ситуацию с Виктором Федоровым и Львом Корчебоковым. Но вовсе не факт, что Александр Старостин оказался здесь пострадавшей стороной, поскольку о нем самом говорили как о большом любителе женского пола.

Вторая супруга Александра Зинаида, по некоторым данным, в девичестве носила фамилию Морозова, а по первому мужу, от которого имела дочь, — Корзинщикова. С Александром у них была разница в девять лет. Зинаида Михайловна водила мотоцикл и даже участвовала в кроссах. По воспоминаниям родственников, она была замечательной женщиной и в семье почему-то носила прозвище Мюллер.

Когда Вера Петровна вышла замуж за Петра Попова, тоже известного в футбольном мире человека, Александра Степановна переехала с ней на Новорязанскую улицу. Вера была намного младше мужа, и присутствие матери ей очень помогало.

В 1933-м женился Петр, познакомившийся со своей избранницей Зоей Шлыгиной в общей компании на даче в районе Покровского-Стрешнева, там, где сейчас проходит канал им. Москвы. Тогда про такие семьи, как у Зои, говорилось: «из бывших». Ее отец Алексей Петрович Шлыгин когда-то заправлял меховым магазином на Тверской, в том здании, где потом находился магазин «Наташа». Правда, жизнь свою строил сам: начал работать, служа у хозяина, а потом выучился и стал продвигаться по социальной лестнице. После периода нэпа превратилея в советского служащего, но к власти относился лояльно. Мама Надежда Федоровна умерла в двадцатые годы.

У Зои были две сестры и брат, а сама она училась в школе Большого театра. Выступала в паре как балерина не классического, а характерного танца. У них с Петром была разница в шесть лет, и поженились они, только когда ей исполнилось семнадцать.

В 1933-м полку детей прибыло: 10 января у Николая родилась дочь Елена (ее в семье звали Лялей), а 11 сентября у Веры появился на свет сын Александр. Семья Николая в тот период уже жила на Спиридоновке.

Сама Елена Николаевна рассказывала нам:

«Из раннего детства на Спиридоновке отложилась новогодняя

елка. А еще — как я болела скарлатиной и папа принес очень красивую куклу и большую шоколадную бомбу. Старшая сестра Женя меня опекала. Думаю, папа хотел мальчика, но при мне разговоров об этом не было».

Последним с холостяцкой жизнью расстался Андрей. Быть может, потому, что в молодости в списке его приоритетов после мира спорта шел мир искусства.

В 1926-м Художественный театр показал премьеру, о которой потом говорила вся столица: «Дни Турбиных». Всем запал в душу молодой актер Михаил Яншин, сыгравший роль Лариосика. Первым посмотрел пьесу Николай и конечно же порекомендовал ее младшему брату. Андрей потом и сам не мог подсчитать, сколько раз он бывал на «Днях Турбиных».

Познакомиться с Яншиным помогло стечение обстоятельств. В одной школе с Андреем училась Надежда Киселева — первая красавица, происходившая из цыганской семьи. Неудивительно, что со временем она оказалась в цыганском хоре Егора Полякова, где выступала под псевдонимом Ляля Черная. Однажды Андрей встретил однокашницу на улице под руку с молодым человеком, которого она представила как своего мужа. Это и был Яншин. В свою очередь, школьного товарища Ляля отрекомендовала как знаменитого футболиста. Старостин был немедленно приглашен в гости и провел незабываемый вечер. Собралась компания — художник Петр Кончаловский, Иосиф Раевский, Борис Ливанов. Звучали то стихи, то романсы, хозяйка танцевала — в общем, расходились уже под утро.

Общение с Яншиным заставило Андрея задуматься о многих вещах, на которые он прежде не обращал внимания. Например, достигнув первых больших успехов в футболе, считал, что не нуждается в подсказках авторитетов. А вот артист всегда рассказывал, что с почтением прислушивается к «старикам» театрального мира, прежде всего к Константину Сергеевичу Станиславскому. Кстати, к Андрею друг любил обращаться не по имени, величая его Мастером.

Яншин был страстным игроком, причем его занимала не сумма выигрыша, а процесс борьбы, будь то бильярд или шахматы, благо в них ставки необязательны. Сражался в покер с Николаем Асеевым. Видимо, это пришло к нему от матери Александры Павловны, которая и сама была не прочь посоперничать с сыном за карточным столом. Знал толк в лошадях, поскольку и сам пробовал себя в гонках на призы на Московском или Харьковском ипподроме. С Андреем Петровичем их связывал интерес к бегам. Андрей, которого водил на ипподром еще отец, подружился с Павлом Чуенко, сыном Матвея

Ивановича. Андрей писал: «Я помнил всех довоенных победителей „Дерби“, начиная с 1922 года, когда после долгого перерыва, вызванного хозяйственной разрухой, Наркомзем восстановил рысистые испытания на Московском ипподроме».

Еще одним местом сбора стал «Кружок друзей искусства и культуры», директором которого был Борис Филиппов. В полуподвале одного из домов в Старопименовском переулке собирались представители столичной интеллигенции — Ираклий Андроников, Алексей Толстой, Василий Качалов. Со временем число площадок только увеличивалось — Дом литераторов, Дом Всероссийского театрального общества, Дом композиторов, Центральный дом работников искусств, Дом ученых, Дом кино… И все это сопровождалось для Андрея новыми знакомствами — с Павлом Марковым, Михаилом Булгаковым.

В начале тридцатых, уже после того, как Андрей демобилизовался из армии и работал директором фабрики «Спорт и туризм», возникла идея — организовать цыганский театр. Он получил название «Ромэн», а художественным руководителем стал Яншин. Неудивительно, что Андрей стал там часто бывать — и на репетициях, и на премьерах. А его знакомство с артисткой Ольгой Кононовой переросло в любовь и создание семьи — правда, поначалу в гражданском браке. Сестра Ольги Александра была до войны замужем за режиссером Платоном Лесли. Отец сестер Николай Григорьевич Кононов впоследствии выкупил у Старостиных домик на Пресненском Валу, и там поселились его родственники.

Вчетвером по одному пути

Братья с юности тяготели к разным видам спорта. Но и с разным успехом. Николай в 18–19 лет был неплохим боксером, по его словам, даже выиграл первенство Москвы в полутяжелом весе среди новичков. А вот Андрей, как выяснилось, для силовых единоборств не годился. Пробовал заниматься борьбой в раздевалке краснопресненского стадиона, в секции бокса при школьно-спортивном кружке, но быстро обнаружилось, что у него нет физических данных. И школьный преподаватель физкультуры Виктор Николаевич Прокофьев, сам выходивший на поле с учениками, посоветовал ему не разбрасываться, а сконцентрироваться на футболе. Увлечение детства — коньки — пригодилось зимой, в соревнованиях по хоккею с мячом. Плавать Старостины умели, но это был не их вид спорта, и, например, когда Николай, Александр и Андрей, уже будучи игроками сборной, сдавали нормы ГТО в открытом бассейне на Москве-реке, их прыжки со стартовых вышек у профессиональных пловчих вызывали смешки. А вот в футболе они достигли значительных успехов.

Двое старших еще успели сыграть за команды Русского гимнастического общества: Николай — с 1917-го по 1921-й, Александр — на год меньше. В 1922-м оба перешли в новый рабочий клуб — МКС, который расшифровывался как Московский кружок спорта. К МКС приобщился и Андрей — на уровне детской команды.

Символично, что один из авторов этих строк ныне работает в редакции газеты «Московская правда», которая, как и редакции других столичных газет и одноименное издательство, располагается в здании, построенном на месте стадиона «Красная Пресня». Братья были в числе тех, кто возводил стадион. Спортивная площадка, в просторечии — «Физичка», здесь существовала и раньше, но с благословения Краснопресненского райкома комсомола ее благоустроили, возвели павильон и трибуны. Энтузиасты вносили личные сбережения, но их было недостаточно, и тогда пришла идея: устраивать благотворительные концерты, сбор от которых шел на общее дело. А на открытие стадиона пришел даже дядя Митя, преодолевший скепсис по отношению к футболу.

В 1923-м МКС был переименован в «Красную Пресню», и под ее флагом старшие братья играли три года. В 1925-м к ним присоединился и Петр, начинавший с младших пресненских команд.

А дальше по футбольному пути они шли все вместе: в 1926—1930-м — в «Пищевиках», в 1931-м — в «Промкооперации», в 1932—1933-м — в «Дукате», в 1934-м — снова в «Промкооперации». Дело в том, что клубы часто реорганизовывались, переподчинялись, по указанию свыше территориальная принадлежность могла смениться на административную. К тому же председатель Краснопресненского исполкома Николай Пашинцев, опекавший команду, получал новые назначения по службе, и футболисты следовали за ним.

К слову, за некоторые переходы и приглашения спортсменов из других клубов братьям доставалось в печати. Так, «Комсомольская правда» в номере за 17 мая 1934 года поместила статью «О вредных приемах отнюдь не спортивной техники», в которой несколько абзацев были посвящены Старостиным:

«До текущего года вся физкультурная слава табачной фабрики „Дукат“ поддерживалась футбольной командой во главе с братьями Старостиными, никакого отношения не имеющими к табачной промышленности. В этом году померкла слава „Дуката“… Братья Старостины (а их четверо) и все футболисты первой команды „Дукат“, взвесив кое-какие выгоды и преимущества, „перешли“ в команду „Промкооперация“…

Для ускорения операций использовалась вся доступная техника. Заслуженный мастер спорта Николай Старостин „в интересах дела“ загрузил телеграфную линию Москва — Тифлис (где тренировались московские футболисты) такого рода депешами: „Молния. Тифлис. Старостину Андрею. Продолжай вести переговоры Малхасовым, Лапшиным. Без них не возвращайся. Николай“».

Статья эта критиковала не только кооператоров — подобное происходило и в других спортивных клубах и обществах. А вот газета «Труд» прошлась по старшему из братьев по другому поводу, напечатав материал на тему «Пора вправить мозги Николаю Старостину». Герой публикации пояснил потом, что то была реакция на его предложение создать добровольно-спортивное общество Промкооперации. В редакции посчитали, что Старостин-де занялся не своим делом.

Но в этой главе, собственно, хотелось рассказать не о сложных взаимоотношениях, царивших в спортивном мире Страны Советов, а о том, какими футболистами были братья.

Николай начал приобщаться к футболу еще во время учебы в коммерческом училище братьев Мансфельд, но поворотным пунктом стало его зачисление в третью команду РГО. Ряд футбольных историков считают, что это произошло в 1917 году, однако дата не увязывается с описанием Андрея, в котором

четырехлетняя Вера вместе с другими братьями и сестрой летним утром любуется дома выданной формой: черно-желтой полосатой майкой и белыми трусами. Поскольку самая младшая Старостина родилась в ноябре 1914-го, выходит, речь идет о лете 1919 года? Но здесь, похоже, тот случай, когда поверить надо спартаковской клубной энциклопедии и другим спортивным источникам.

Так или иначе, дебют Николая в тот день не состоялся, хотя сам он к празднику готовился тщательно: начищал бутсы, аккуратно укладывал форму в чемоданчик и даже сидел в погребе, дабы не перегреться на солнце раньше времени. Да и на стадион его сопровождала внушительная группа поддержки — не только братья с сестрами, но и соседские ребята. Однако в состав Старостин не прошел: сочли, что он недостаточно хорошо бегает. Такой вердикт не мог не ударить по самолюбию любого юноши, вот только одних недоверие ломает, а других подстегивает к исправлению недостатков. Николай начал целенаправленно работать над техникой бега и скоростью.

Практически каждый день он тренировал рывки, причем делал это прямо на улицах, лавируя между прохожими. К слову, наличие людей на тротуаре как бы моделировало обстановку на футбольном поле, ведь там тоже приходится обегать защитников. Даже женившись, он не оставил своих занятий и мог изумить Антонину неожиданным спринтом вроде бы в самый неподходящий момент.

Десятилетия спустя, став начальником команды, он рассказывал об этом спартаковским игрокам. В книге Рината Дасаева и Александра Львова «Мы все — одна команда» есть такой фрагмент:

«Николай Старостин, возвращаясь с женой из кино или театра, снимал выходные туфли и в носках делал несколько ускорений по опустевшей в сумерках аллее парка.

— Жалко было время терять, — объяснял он, видя недоумевающие лица тех, кто слушал его впервые. — Если есть настроение, здоровье, то как тут удержишься, чтобы над скоростью не поработать…

Любящий пошутить Гладилин обычно не упускал случая наивно поинтересоваться:

— Так с ботинками в руках и ускорялись?

— Это еще зачем? — искренне удивлялся всякий раз, не чувствуя подвоха, Старостин.

— Ведь туфли пропасть могли. Вы-то побежали, а они стоят беспризорными…

— Почему же беспризорными? А супруга на что? Тут, брат, все рассчитано было».

Упорство на тренировках принесло свои плоды: с годами Николай превратился в скоростного и напористого крайнего нападающего. От представителей этого амплуа в то время требовалось прежде всего убегать от защитников. Но Старостин прибавлял и в других компонентах игры. Когда он работал в мастерских на Ходынке, неподалеку находился стадион МКЛ (Московского клуба лыжников) с футбольным полем. И Николай вместе с Александром и Андреем непременно приходили туда постучать по мячу.

Ежегодным событием в футбольной жизни Москвы тех времен были соревнования на «Приз открытия», проводившиеся сначала перед осенним сезоном, а затем перед весенним. С 1915 по 1922 год они носили имя спортивного деятеля Бориса Майтова, а с 1923-го были посвящены Декабрьскому восстанию 1905 года на Пресне. Команды-участницы сначала набирали зачетные баллы в различных видах программы: обводка препятствий, бег в бутсах на 60 метров, удары по мячу на дальность, эстафетный бег и т. д. После этого очки суммировались, и два лучших коллектива получали право сыграть матч за приз.

Так вот, в 1922-м пара футболистов МКС, составленная из Николая Старостина и Павла Канунникова, показала наилучший результат в пасовке. Суть упражнения заключалась в следующем. Между штрафными площадками обозначался коридор шириной пять метров, в котором устанавливались девять препятствий. Игроки, передавая друг другу мяч, должны были пройти дистанцию как можно быстрее и нанести удар по воротам. Пара уложилась в 18 секунд. В другие годы победители в этой дисциплине не могли выйти из двадцати. О партнере Николая стоит сказать особо: он являлся кумиром всех братьев Старостиных, когда они еще были мальчишками. Когда Канунников приходил к товарищу по команде в домик на Пресненском Валу, тот же Андрей не мог сначала поверить своим глазам, а потом — от восхищения — отвести взор.

Выиграла команда МКС в тот год и эстафетный бег: каждый из одиннадцати спортсменов должен был преодолеть тысячу метров. На это им потребовалось 37 минут 48,5 секунды. Таким образом, можно предположить, что Старостин был неплох не только в спринте, но и на средних дистанциях. Успехи в отдельных дисциплинах позволили футболистам МКС выйти в финал, где они не оставили камня на камне от соперника — команды ЗКС (Замоскворецкий клуб спорта) — 5:1.

Осенью 1922-го форварда Московского кружка спорта включили в состав сборной Москвы. Кандидатуры для участия в товарищеском матче со сборной Петрограда обсуждались на

заседании Московской футбольной лиги. Когда заместитель ее руководителя Николай Гюбиев предложил включить Старостина, за Николая проголосовали шесть участников заседания из одиннадцати, то есть большинство. Домой, по словам самого Старостина, он вернулся крайне взволнованным, даже Александра Степановна это сразу заметила. Младшие братья и вовсе были поражены таким поворотом в его карьере. Петроградцам москвичи уступили, но Старостин забил гол и получил хорошую прессу. В дальнейшем цвета сборной Москвы он защищал вплоть до 1935 года.

В 1923-м, когда место МКС заняла «Красная Пресня», она тоже выиграла эстафету, хотя в других показателях не преуспела. А в 1924-м на обложке номера 9/10 журнала «Красный спорт» появилось фото Николая, разрывающего грудью финишную ленточку, с подписью: «Приз им. „Декабрьского восстания Красной Пресни“. Победа Кр. Пресни в эстафете 11 х 1000 метров. Финиш Старостина». В отчете ему был уделен отдельный кусок: «Последний этап Райкомвод (Холин I) начинает метров на 30 впереди от Красной Пресни (Старостин). Уже на втором кругу (каждый этап равнялся 4 кругам по 250 метров) Старостин достает Холина, вместе с которым они оказываются далеко впереди остальных. Холин заметно сдал, но Старостин, который выглядит совершенно свежим, не торопится его обходить и проходит, сберегая силы для финиша, целый круг сзади него. На последнем кругу резким броском Старостин обходит противника, легко отрывается от него и, прекрасно финишируя, дает красивую победу своей команде». А вот в пасовке они с Канунниковым в тот раз допустили техническую ошибку, и «Красная Пресня» в этом упражнении поделила последнее место.

Много лет спустя Андрей в шутку описывал Льву Филатову игру старшего брата: «Николай был ярчайшим представителем стиля „бури и натиска“. Представьте, бежит он по правому флангу с мячом, и на пути его вырастает защитник. Что, вы думаете, предпринимает Николай? Он берет защитника за шиворот, пользуясь своей немалой силой, переносит его на беговую дорожку и бежит дальше к воротам…»

Более серьезно, но в похожих красках отзывался о нем Петр: «Это ж сущий дьявол был! Скорость, напор, жажда борьбы невероятные. Удержать его ох как трудно было».

Зимой поддерживать форму Николаю помогал русский хоккей. На льду он тоже действовал в нападении, становился чемпионом Москвы в 1927-м и 1928-м, РСФСР — в 1932-м и 1934-м, СССР — в 1933-м. Участвовал в Международной рабочей спартакиаде 1928 года в Норвегии, где сборная СССР не знала

себе равных, причем в ее состав входили как раз временно переквалифицировавшиеся футболисты.

Быть может, на зеленом поле на фоне иных технарей Старостин действительно смотрелся несколько прямолинейно. Но ведь не зря же он в течение четырнадцати сезонов входил в сборную Москвы, включался в сборную РСФСР, а чемпионом РСФСР был четыре раза: в 1922, 1927, 1928 и 1931 годах. На его счету шесть неофициальных (то есть не вошедших в реестр ФИФА) матчей за сборную СССР. Бывал Николай ее капитаном, забил один гол — в ворота Турции в 1933-м на московском стадионе «Динамо». Константин Есенин писал о той встрече: «По ходу игры турки реализовали два штрафных, данных турецким судьей Кемалем Халим-беем, Николаю Старостину с подачи Петра Дементьева удалось отквитать только один гол».

Сам Николай Петрович рассказывал о себе так: «За мяч я всегда боролся горячо и, чего скрывать, вратарям покоя не давал. Шел на столкновения с ними, как говорят, „действовал в тело“». Однажды после матча Ленинград — Москва он зарубился на словах со своим старым товарищем, известным вратарем Николаем Соколовым, и пообещал ему, что в следующий раз не будет щадить лежащего голкипера и перепрыгивать через него. Однако остыл и впоследствии не выходил за рамки дозволенного. Да и с ним самим оппоненты порой не церемонились. Андрею Петровичу запомнилась игра в столице Австрии между сборными Вены и Москвы: «Мощного сложения австрийский вратарь вывел из игры бросками в ноги троих наших игроков. У бровки поля лежал с поврежденным голеностопом Николай Старостин…» У болельщиков он имел прозвище Апень (от слова «аппендицит» — потому что во время игры часто держался за правый бок).

К дисциплине старший брат относился очень щепетильно и долго не мог забыть случая, когда сам же ее нарушил. Как-то раз жена приболела, и он взял на игру пятилетнюю дочку Женю. Усадил ее на стул рядом с воротами, которые сам же собирался атаковать, рассудив, что и за ребенком сможет наблюдать краем глаза и девочка будет постоянно видеть отца где-то поблизости. Но в какой-то момент малышка выскочила на поле навстречу отцу. Судья остановил игру свистком, сорвав опасную атаку команды Старостина…

Александр пошел по стопам Николая. Футбольные университеты он постигал в младших командах РГО. И конечно, первые отзывы о его игре звучали от старшего брата. Тогда в ходу были словечки: «Хорошо гнется, горбатится». Нынешнему поколению болельщиков они ничего не говорят, в ходу иная лексика, но надо понимать, что это были комплименты.

Только амплуа Александр избрал другое. В третьей команде «Красной Пресни» был центральным полузащитником (хавом), а в первый состав, минуя второй, вписался уже как защитник. В беседе с Константином Есениным Александр восстанавливал обстоятельства дебюта: «Не помню числа, но это была осень 1922 года. Я играл центрхава в третьей команде, но случилось так, что меня прихватили в дороге на товарищескую игру с „Орехово-Зуевом“. И поставили в защиту. В основной состав».

В прежние времена к линии обороны формально относились двое — левый и правый защитники (беки). Конечно, помогали и полузащитники, но на них лежала еще и обязанность участвовать в атаке. А здесь в задачу входило вроде бы чистое разрушение. Но Александр этим не ограничивался.

Алексею Холчеву, пусть и в нежном возрасте, посчастливилось увидеть Старостина-второго на поле. И было бы неправильно не познакомить читателя с его наблюдениями:

«Хотя я отлично помню его фигуру, повадки и даже игровые моменты с его участием, впечатления мои были по-детски наивными. Но вместе с тем они стали основой моего восприятия футбола.

Вот устремляется на правого защитника Александра Старостина нападающий соперника. „В аут бей, в аут!“ — кричит кто-то сзади с истошным надрывом. И тут же рядом раздается спокойный голос: „Нет, Шурик не будет бить в аут, Шурик будет играть“. И я вижу, как капитан непринужденно отбирает мяч у нападающего и передает своему партнеру. Так я начинаю понимать одну из главных премудростей футбола, что бить в аут означает разрушение игры, а овладение мячом — ее созидание.

Или другой пример. После грубого приема Старостин скорчился от боли. „Отомсти ему!“ — кричат с трибун. И все тот же голос — о, как я благодарен его обладателю за эти уроки! — возражает: „Шурик не будет мстить, это ниже его достоинства“. И я получаю первое представление о футбольной чести».

Алексей Михайлович говорил нам, что Александру более всего подошло бы имя «Джентльмен». Но в народе защитника величали Жбаном — за крепкую и плотную фигуру. Телосложение обеспечивало преимущество в единоборствах, когда надо было отделить нападающего от мяча. Николай Старостин так и писал: «Широкоплечий, рост 177 сантиметров, вес под 80 килограммов — чуть подтолкнет, противник от мяча на метр отскакивает». Сказать честно, для футбола пропорции не самые типичные. Но и при такой комплекции Жбан пробегал стометровку за 11,8 секунды!

Во дворе своего дома, где часто собирались видные

футболисты, чтобы продемонстрировать разные приемы обращения с мячом, Александр однажды поразил всех. Компания тщетно пыталась выполнить трюк: поднять неподвижный мяч одним движением голеностопа и пронести его на подъеме ноги. Старостин же исполнил требуемое с первой попытки.

Отдал должное игре брата в своих мемуарах и Андрей: «Во время игры он какими-то внутренними регуляторами поддерживал пыл сердца и охлаждал рассудок. Его способность мгновенно оценивать неразбериху на футбольном поле была поразительной. Он почти никогда не ошибался в своем предвидении развития атаки противника и в нужный момент, казалось бы, самый критический и необратимый, вдруг неожиданно возникал перед прорвавшимся форвардом и забирал у него мяч».

Уместно процитировать еще одного игрока довоенных лет — вратаря Алексея Леонтьева: «Большой мастер защиты — это не тот, кто лихо атакует соперника, а тот, кто стремится вынудить его раскрыть свои намерения раньше времени. Александр Петрович резонно считал, что хитрость в игре принесет бóльшую пользу, чем сила. Именно он первым в нашем футболе с помощью разнообразных уловок вынуждал нападающего отпускать мяч чуть дальше положенного. И вот тут-то защитник становился хозяином положения».

Сам Старостин-второй советовал молодым партнерам: «Пас дать — не поле перейти! Идешь или бежишь по полю, оно ровное, не споткнешься. А выполняешь пас — откуда только кочки берутся! Вот и смотри, чтобы все учесть, вот и учись, чтобы не ошибиться».

Послужной список Александра, которого старший брат по классу ставил выше всех в семье, в доспартаковский период тоже весьма богатый: чемпион Москвы 1927, 1934 годов, чемпион РСФСР 1927, 1928, 1931 годов, чемпион СССР 1928, 1931, 1932 годов, за сборную СССР сыграл 11 неофициальных матчей. И капитанское звание в разных командах тоже было ему к лицу. В русский хоккей играл в нападении, стал чемпионом Москвы в 1927, 1934 годах.

Андрей закалялся в принципиальных матчах за свою 18-ю школу против 2-го реального училища. Этот футбол нельзя было назвать строго ученическим, поскольку в команду входил даже учитель истории Валентин Николаевич Покровский. В детскую команду МКС Андрея взяли правым нападающим (инсайдом), когда исполнилось 14 лет. Александр присутствовал на дебютной игре, а потом в разговоре с Николаем отозвался о действиях младшего брата неодобрительно, назвав его лентяем. Однако уже

в следующем матче против сверстников из «Сущевской площадки» Андрей забил гол, обрел уверенность в себе, и дела его пошли в гору. Правда, из линии атаки пришлось отодвинуться назад, на позицию полузащитника.

Дебют в первой команде «Красной Пресни» был омрачен неприятным инцидентом. Пока пресненцы сражались с «Трехгоркой», из раздевалки утащили их цивильную одежду. Так что домой братья добирались без брюк и ботинок, в футбольных трусах и бутсах.

Звание чемпиона Москвы, завоеванное в 20 лет, на какое-то время заставило Андрея подумать, будто в футболе для него уже нет секретов. Потребовалось критически взглянуть на себя, чтобы понять ошибочность такого вывода.

Во время службы в армии Андрей продолжал защищать цвета своего клуба в первенстве столицы, а также выступал за команды Московского гарнизона во всеармейских соревнованиях — и в футбол, и в хоккей с мячом. Впоследствии он написал об этом периоде: «Меня никто не понуждал играть за ЦДКА… Армейская команда комплектовалась из футболистов, желавших защищать ее цвета». За два года службы он добавил в атлетизме: вырос на четыре сантиметра, а объем грудной клетки увеличился на восемь сантиметров.

Опять обратимся к словам Алексея Холчева:

«Его на поле я помню не только хорошо, но и более осознанно. Андрей Старостин был одной из самых ярких и колоритных фигур в отечественном футболе. Убежден, что первый же взгляд на футбольное поле выделял среди участников именно его. Он как бы притягивал к себе внимание зрителя. Играл он при системе „пять в линию“ центрхава, а после освоения „дубль-вэ“ — центрального защитника. Широкоплечий, могучий, с копной черных волос, постоянно спадавших на лоб, в полинявшей рубашке и светлых бутсах, он всегда находился в гуще событий. Казалось, что все нити находятся у него, а сам он — полновластный командующий на поле. Было слышно, как он покрикивал на своих товарищей, и те безоговорочно выполняли указания.

Игра Андрея Старостина была сродни грозной всевластной стихии. Он словно стоял в одном ряду с былинными русскими богатырями. Была в нем их исполинская стать, и залихватская удаль, и беззаветная смелость, и первозданная мужская красота.

Я уже упоминал, что играл он в застиранной рубашке. Андрей Петрович, как и большинство великих спортсменов, был суеверен и терпеть не мог что-то менять в своей футбольной жизни».

В классификации Холчева Андрей был «Богатырем». Тем удивительнее, что на трибунах ему придумали прозвище Косопузый. Видимо, безымянные авторы шли от противного, ибо более подтянутого и элегантного игрока представить было трудно.

У Льва Филатова родился просто поэтический образ: «Вот он остановился чуть позади раскинувшихся веером пяти форвардов, это его место на поле, центрхава, центра полузащиты. Ноги широко расставлены, плечи наклонены вперед, черные волосы взъерошены, сбиты набок, и он не спешит их поправить. Кажется, что это по его воле идет атака, он ею управляет, от него игра расходится лучами. Я помню его зычное, басистое, на весь динамовский стадион: „Володя, играть будете?!“ Так он взывал к форвардам через их лидера, правого инсайда Владимира Степанова. Если, по его мнению, форварды прохлаждались, он вставал, уперев руки в бока, живым укором. Но не жалостным, вымаливающим, а властным, карающим. Легко было представить, что товарищам совестно оглянуться, что они боятся попасть под испепеляющий взгляд».

Николай подчеркивал, что младший брат сознательно наступил на горло собственной песне в интересах команды, когда в игре с басками нужно было персонально опекать грозного нападающего соперников. И он поступился немалой частью свободы, которой обладал на поле.

От братьев Андрей отличался тем, что его постоянно интересовали смежные темы: что общего между режиссером театра и футбольным тренером, какие нюансы можно почерпнуть футболисту из других видов спорта? Оттого и вошли в его жизнь частые обсуждения и дискуссии с представителями артистического мира. По той же самой причине пожелал однажды испытать на себе, как готовятся наездники. Пользуясь знакомствами на ипподроме, договорился с Александром Бондаревским и в течение нескольких недель каждое утро приходил в конюшню. Сам он признавался: «Я получил основное, чего добивался: познакомился, как говорится, с черного хода с методикой подготовки живого организма к высшим физическим напряжениям».

Правда, познав теорию, он не всегда следовал ей на практике. Зачастую даже накануне матчей засиживался с друзьями из круга Яншина допоздна, так что живший по соседству Николай заходил на огонек и напоминал про соблюдение режима.

На обозреваемом отрезке Андрей стал чемпионом РСФСР 1931 года, сыграл за сборную СССР десять неофициальных матчей. В хоккее с мячом действовал на позиции полузащитника,

его команды по два раза были лучшими в Москве (1927, 1928) и в РСФСР (1932, 1934). После ухода Александра из большого спорта капитанил и в клубе, и в сборной, и Николай считал: он идеально подходил для этой роли.

Конечно, и Петр в футболе равнялся на братьев, став их одноклубником в «Красной Пресне». В интервью Игорю Маринову он рассказывал: «Я начал играть в футбол с одиннадцати лет. Мы все, братья, увлекались и теннисом, и волейболом, и хоккеем. Но футбол — это было всё. Нашему характеру он более всего подходил. Он стал частью жизни не только личной, но и общественной. Это проявлялось в зрительском интересе. Мы играли всегда при полных трибунах и неистовом болении любителей футбола. Это окрыляло: хоть ты весь и поглощен игрой, но всегда чутко улавливаешь этот, как бы сказать, озноб трибун, их восторг, страсть. С 1930 года я попал в состав первой команды, которая выступала под разными названиями».

Александр признавал: «Петр был самым талантливым из нас». В первую очередь это касалось технической оснащенности, универсализма. Младший из Старостиных мог сыграть полусреднего нападающего, крайнего полузащитника. Когда его просили вспомнить свой лучший матч, называл встречу на «Красной Пресне» против ЦДКА в 1934-м, когда вышел на позиции правого инсайда и забил четыре мяча. Та встреча запомнилась многим.

Отложился и другой эпизод, в игре против «Динамо». Одним из динамовских корифеев был Федор Селин, которого в те времена считали королем воздуха. Да и на земле он действовал жестко и решительно. И вот после одного из нарушений правил Селиным Петр неожиданно решил заступиться за партнера: подскочив к обидчику, который был выше его на две головы, нанес удар кулаком. Тот опешил и только вымолвил, обращаясь к старшему брату: «Ну, Николай, и волчонка вы вырастили».

Старостины потом долго обсуждали, как это молодой игрок не побоялся вступить в стычку с признанным авторитетом. И пришли к выводу, что он таким способом самоутверждался, зарабатывал репутацию игрока, которого ничем не запугать. Конечно, руки на поле распускать не следовало, но и соперник должен был видеть, что фолы не сойдут ему с рук, да и запугать кого-то тоже не получится.

Но такой славы на поле, как братья, Петр не снискал. На то были разные причины. В спорте, как и в иных сферах деятельности, случаются, скажем так, приливы и отливы. В одни годы на новые дарования дефицит, и тогда они бросаются в глаза. В другие же кадровый выбор гораздо богаче, и чтобы пробиться

наверх, приходится прилагать больше усилий. Или календарь предоставляет больше или меньше шансов проявить себя. Константин Есенин писал: «Я вспоминаю четвертого Старостина, у которого было что-то от остальных братьев. Шевелюра Андрея, фигура Николая, скромность Александра… Вспоминаю матч, когда Петр Старостин забил в ворота Леонова четыре мяча… Его тогда и включили в состав сборной, но матч был только один — с Турцией, и сыграть в нем Петру не пришлось».

Ну а главная беда — разрыв связок, травма, которую в тридцатые годы лечить по-настоящему не умели. Николай в своих мемуарах написал, что брат получил ее в сражении против басков, и даже назвал фамилию виновника — Силаурен. На самом деле Петр, выходивший против басков только на замену, пострадал совсем в другом матче, годом позже. Вот что говорил он сам: «В игре с „Торпедо“ на стадионе „Сталинец“ столкнулся с Костей Рязанцевым и… Он-то виноват совершенно не был, я сильно согнул ногу, слишком сильно, и попал на кочку. В результате разрыв крестообразной связки, поврежден мениск. Теперь их просто заменяют, а тогда я был оперирован, но все равно колено выскакивало из сустава…»

Как и старшие, Петр зимой переключался на хоккей с мячом, выступал на позиции правого полусреднего нападающего. Лучшее его достижение — второй призер чемпионата СССР в 1935-м.

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Тридцатые годы ознаменовались большими переменами, и не только в футболе. И братья не раз оказывались в гуще событий — как на зеленом поле, так и за его пределами.

Это звонкое слово «Спартак»

1934 год — особая веха в нашем повествовании. И не потому, что в стране было учреждено звание «заслуженный мастер спорта СССР» и Николай оказался одним из его первых обладателей. И не потому, что сборная Москвы, за которую выступали Александр и Андрей, в Чехословакии успешно померилась силами с профессионалами из команды «Жиденице». И даже не потому, что Петр окончил вуз — первым среди братьев. Существеннее иное: зашла речь о создании добровольно-спортивного общества «Спартак», и Старостины стали одними из его организаторов.

Сделаем сначала небольшое отступление. Андрей Петрович писал: «Наша команда многократно меняла названия. Они возникали в зависимости от производственного профиля шефствующего коллектива: „Пищевики“, „Мукомолы“, „Дукат“, „Промкооперация“». Лев Филатов, исследовавший спартаковские корни, привел полный список: «Братья не просто провели свой молодой игровой век в этой команде, они приложили руку к ее созданию, прошли через все ее превращения (МКС — „Красная Пресня“ — „Пищевики“ — „Дукат“ — „Мукомолы“ — „Промкооперация“)». Это была, так сказать, классическая родословная. Но затем она стала подвергаться ревизии.

Например, в книге Константина Есенина «Московский футбол», изданной в 1974-м, «Мукомолы» в истории «Спартака» не упоминаются. Известный спортивный журналист Юрий Ваньят в брошюре «„Спартак“. История, „звезды“, победы», подготовленной в 1989-м, предлагал вести отсчет от 1918-го, включая в число прародителей РГО (Русское гимнастическое общество). Он, в частности, писал: «Думается, настала пора мне, как свидетелю тех событий, внести для историографов московского, в частности, спартаковского футбола одно необходимое разъяснение. К футбольному коллективу табачной фабрики „Дукат“ (равно как и на короткий срок к „Мукомолам“) первая команда пищевиков не имеет никакого отношения. Дело в том, что за исключением П. Е. Исакова, работавшего бухгалтером на „Дукате“, все остальные знаменитости „Пищевиков“ (вратарь И. Филиппов, братья Старостины, полузащитники С. Леута, С. Артемьев, защитники П. Попов, П. Тикстон и другие) перешли в „Промкооперацию“, ставшую в 35-м году „Спартаком“. А мы — футболисты младших команд остались на родном стадионе под маркой „Дуката“. Впрочем, вскоре все снова объединились, но уже в „Промкооперации“».

Составители клубной спартаковской энциклопедии уже в

нашем веке предложили свой вариант: без РГО, «Дуката» и «Мукомолов». Таким образом, за исходную точку был взят 1922 год. Вероятно, когда-то давно приверженцев красно-белого знамени одолевало желание: сделать историю клуба более древней, чем у «Динамо» и ЦСКА, которые, по принятой в советское время версии, образовались в 1923-м. С «Динамо», собственно, всё так и было. ЦСКА же впоследствии провел прямую линию к Обществу любителей лыжного спорта и вписал себе в свидетельство о рождении 1911 год. К слову, тот же Андрей Старостин не отрицал родственной связи между ОЛЛС и ЦСКА.

Но целью этой книги не являются дискуссии о старшинстве и первородстве. Как-то в разговоре с одним из авторов книги Никита Симонян метко заметил: «1922 год может быть отнесен к году зачатия, а дата зачатия никогда не бывает датой рождения». Интереснее другое. Николай Старостин в беседе с Леонидом Трахтенбергом попытался объяснить, почему больше всего людей в нашей стране болеют именно за «Спартак»: «На мой взгляд, решающую роль сыграло то обстоятельство, что динамовский и армейский клубы родились в 1923 году, а спартаковский — на 12 лет позже. В семье же — и футбольная, вероятно, не исключение — особые симпатии обычно питают к младшему ребенку, окружая его постоянной заботой и вниманием». Кстати, Николай Петрович точно так же отзывался и о своей младшей сестре Вере.

Таким образом, был сделан четкий акцент: для Старостина принципиально было то, что начиналось с 1935 года. К тому же речь шла уже о целом добровольно-спортивном обществе, а не о команде по отдельному виду спорта.

Вот как описывал этот период он сам: «Тогда в стране было одно Всесоюзное спортивное общество — „Динамо“, созданное в 1923 году и добившееся крупных успехов. В системе профсоюзов организация физической культуры строилась по производственному принципу. Спортсмен, как правило, обязан был выступать за команду того предприятия, на котором он трудился. Мы же, все четыре брата Старостины (и еще мужья двух наших сестер), играли за команду „Пищевики“, а работали в разных ведомствах. Пригласили меня однажды в бюро физкультуры городского совета профсоюзов и сказали, что я должен играть за команду МСПО. Я, конечно, ответил отказом — разбивалась „семейная сборная“! Возник конфликт. А вскоре в беседе с генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ Александром Косаревым речь зашла как раз об организации добровольного спортивного общества по образцу „Динамо“. Выбор пал на промысловую кооперацию. Сеть ее в то время состояла из тысяч

мелких артелей, изготовлявших многие виды товаров. Нужно было объединить молодежь, занятую в промкооперации, во всесоюзную спортивную организацию, открыть доступ в нее всем желающим физкультурникам. В организацию нового спортивного общества Косарев убедил включиться и меня. Начало было положено осенью 1934 года организацией Московского городского совета „Спартака“, ответственным секретарем которого я и стал. Немаловажное значение имело, конечно, то обстоятельство, что „Спартак“ создавался самими спортсменами, которые не только руководили им, но и активно сами выступали в соревнованиях. Я, например, продолжал играть в футбол и хоккей, участвовал в легкоатлетической эстафете по Садовому кольцу».

К тому времени братья, уехавшие из родительского дома, постарались поселиться поближе друг к другу. Местом сбора стало здание на Спиридоновке. Поначалу там имел жилье и Александр, но потом, по рассказам родственников, он стал квартировать отдельно, на Никитском бульваре, — все равно в двух шагах от остальных. Так что «производственные совещания» они могли проводить на чьей-то квартире. С Косаревым Николай и Андрей даже как-то попарились вместе в Сандуновских банях, обсуждая планы в неформальной обстановке. По части парилки у братьев была школа деда Степана из Погоста. Андрей в команде вообще не знал себе равных по части нахождения на верхней полке. Но и комсомольский вожак не ударил в грязь лицом.

Секретарь ЦК ВЛКСМ настаивал на том, чтобы название у организации получилось звучное, запоминающееся. В итоге было выбрано слово «Спартак», в принципе не новое для страны. Надо сказать, что еще в двадцатые годы команды под таким названием существовали в Ленинграде и Владикавказе. В Москве был завод «Спартак», выпускавший автомобили. В городе на Неве выходил одноименный журнал, позднее перепрофилированный в газету.

Более того, Валентин Николаев, легенда армейского футбола, рассказывал в интервью газете «Спорт-Экспресс»: «Еще до моего появления в ЦДКА кому-то из руководителей военного ведомства это название чем-то пришлось не по вкусу. Тогда Реввоенсовет СССР решил создать Всеармейское добровольное физкультурное общество, разработать его устав и наименование. Образовали комиссию под председательством Каменева, который и предложил новое имя — „Спартак“. „В честь вождя римских гладиаторов, как символ отваги и стойкости“, — добавил он. Почему решение это так и осталось на бумаге, никому не ведомо. В итоге в „Спартак“ превратился не ЦДКА, а „Промкооперация“».

Здесь надо уточнить, что Валентин Александрович имел в

виду не Льва Борисовича, а Сергея Сергеевича Каменева. По какой-то прихоти судьбы оба ушли из жизни в одном и том же 1936 году. Только исключенный из партии функционер Лев Каменев был расстрелян по делу так называемого «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра», а военачальник скончался от сердечного приступа, и его прах был с надлежащими почестями захоронен у Кремлевской стены. Старостины в своем выборе официально опирались на книгу Раффаэло Джованьоли, но не меньшее, а может быть, и большее влияние на них оказали спартаковские революционные отряды в Германии. «Союз Спартака» был образован в этой стране еще в начале XX века и относился к марксистским организациям. Также в Тифлисе в сентябре 1917 года по инициативе большевиков была создана молодежная организация социалистов-интернационалистов «Спартак».

Примечательно, что из всей четверки братьев на тот момент членом коммунистической партии был только Андрей. Остальные вступили в нее позже: Александр — в 1939-м, Петр— в 1940-м, а Николай — и вовсе в 1941-м.

Так или иначе, Николай возглавил всю футбольную структуру, которая называлась Центральная футбольная школа «Спартак». А 19 апреля 1935 года родилось добровольно-спортивное общество. В распоряжении спартаковцев оказалась загородная спортивная база в Тарасовке, по Ярославскому направлению. Вот стадионом собственным они так и не обзавелись и в первенстве Москвы принимали соперников то на «Трехгорке», то на стадионе союза шоферов в Лефортове.

В самом начале нового, 1936 года Александр и Андрей в составе сборной, скомплектованной из игроков «Спартака» и «Динамо», играли в Париже против профессионального французского клуба «Рэсинг». Добро на поездку дали высшие партийные органы, а это подразумевало, что проигрывать представителям буржуазного спорта никак нельзя. Тем не менее гости уступили — 1:2, хотя и получили потом прекрасные отзывы в местных газетах. Николай и Петр тоже участвовали в поездке, но в том матче на поле не выходили. А дома на семейном разборе игры самым дотошным экспертом оказалась Клавдия — прекрасная хоккеистка и теннисистка, в законах спорта она разбиралась отменно.

Начиная с этого года стали разыгрываться чемпионаты СССР среди клубных команд. Законодателями мод в довоенный период были москвичи. Динамовцы стали чемпионами весной 1936-го, в 1937 и 1940 годах. Спартаковцы ответили успехами осенью 1936-го, в 1938-м и 1939-м. Николай постепенно отходил от активной

игры, сосредоточиваясь на организационной работе. В частности, он возглавил Московский городской совет «Спартака», а параллельно руководил и всесоюзной секцией футбола.

Режиссер и сценарист Евгений Богатырев с гордостью говорил нам о своем отце, известном волейболисте Григории Берлянде:

«У моего отца было удостоверение МГС „Спартак“ за номером два, а номер один — у Николая Петровича. Старостин его и позвал на эту работу, волейбол тогда по популярности следовал за футболом. Папа сам был действующим игроком, тренировал женщин — чемпионок СССР».

Если в «Динамо» все строилось на четкой иерархии, то отношения внутри «Спартака» с первых же дней отличались демократией. Например, в футболе существовал тренерский совет, который коллегиально обсуждал все важнейшие вопросы. И тренеры — Михаил Козлов, Константин Квашнин, Петр Попов — вполне продуктивно работали в таких условиях.

Андрей Старостин писал позднее: «Именно тогда, во время высшего восхождения „Спартака“ по ступенькам популярности, я все больше утвердился во мнении, что футболист сам творец своей судьбы, тренер же — его советчик. И к чести тренеров „Спартака“ тех лет, они и не претендовали на диктаторские полномочия. Константин Павлович Квашнин, Владимир Иванович Горохов, Петр Герасимович Попов отлично понимали душу футболиста. Они были требовательны к соблюдению дисциплины и терпимы к мнению игрока. Подотчетность тренерскому совету они рассматривали не как усечение своих прав, а как осознанную необходимость для приближения к истине».

И удивительное дело: футбольной команде, представлявшей промкооперацию, стали симпатизировать отнюдь не только артельщики. Она стала своей среди творческой интеллигенции, не случайно позже шутили, что во МХАТ принимают лишь болельщиков «Спартака». А Михаил Яншин называл красно-белую команду «вторым филиалом МХАТа».

Во многом это было связано с личным обаянием Андрея Старостина. Николаю тоже было не чуждо прекрасное, он коллекционировал картины, но с представителями богемы пересекался куда реже брата. Михаил Якушин в книге «Вечная тайна футбола» писал о своем партнере по сборной Москвы: «Мне рассказывали, что он, купив в Тбилиси у букинистов несколько томов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, всю дорогу (а поезд в то время шел в Москву около четырех суток) не слезал с полки и читал их запоем, словно самый увлекательный роман. Его эрудиция всегда внушала уважение, и интереснее

собеседника трудно было себе представить. Андрей Старостин уже тогда был своим человеком в артистическом и писательском мире, но это ничуть не отдаляло его от нас. Дружба Андрея Петровича Старостина и народного артиста СССР Михаила Михайловича Яншина, длившаяся несколько десятков лет, можно сказать, зародилась на моих глазах. Познакомились они еще молодыми, но тем не менее всегда обращались друг к другу только на „вы“, и эта деликатность в их взаимоотношениях производила на меня сильное впечатление».

Круг друзей Андрея расширялся. История его знакомства с Александром Фадеевым интересна тем, что состоялась она в Сухуми, в очереди за кружкой сухого вина, а продолжилась катанием на лодке и купанием в море. В своих воспоминаниях Андрей не уточнял, в каком году это случилось, но, исходя из повествования, можно очертить десятилетие между написанием «Разгрома» и приездом в Советский Союз команды басков. Старостин упоминал также, что находился с командой на сборах и получил выходной после проигранного товарищеского матча. А из клубной энциклопедии явствует, что сборы обычно проходили в марте — апреле, дублирующий состав выезжал в ноябре, то есть в любом случае на Черноморском побережье Кавказа купаться было бы холодно.

Юрия Олешу Андрей впервые увидел в ресторане «Метрополь», еще не зная, что это известный писатель. Но облик человека за соседним столиком, его заразительный смех не могли не привлечь внимания. А познакомил их позднее Фадеев.

Любимым местом Олеши было кафе «Националь». Здесь он обедал с Михаилом Зощенко, Николаем Эрдманом. Встречались они и в Доме творчества в Переделкине. Как-то Олеша рассказал, что работает над инсценировкой «Идиота» (а Достоевский был любимым писателем Старостина), и позднее пригласил его на спектакль в театр им. Вахтангова.

Андрей признавался: «Юрий Карлович был для меня человеком, которому я нравственно был подотчетен. Я до конца верил в его честность и объективность. Не последнюю роль в этом сыграло его выступление на Первом съезде писателей. Он выступил благородно и достойно. В минуты житейских сомнений я часто мысленно задавал себе вопрос: а как бы рассуждал в данном случае Юрий Карлович?»

Как бы по цепочке Олеша познакомил Андрея с Марком Бернесом. В футболе артист не был искушен, но от приглашения на матчи не отказывался.

Как мы уже знаем, в семье Старостиных разговаривали на своем жаргоне. Но и общение Андрея с артистической средой

рождало лексику, понятную только посвященным. Например, фраза из цыганского спектакля: «Сапатера, как себя ты осрамила» была перенесена на футбол и вспоминалась в дни поражений. В дни побед говорили уже по-другому: «Сапатера, ты себя не осрамила!»

Сомнение в исходе матча могло выражаться фразой: «А вдруг Барсик?» Известно, что Андрей Старостин панически боялся кошек. И когда однажды Яншин пригласил большую компанию к себе «на осетра», произошел казус. Старостин, придя раньше остальных, был атакован домашним котом Барсиком. Хозяин кинулся спасать гостя, и в возникшей суматохе Барсик угодил в блюдо, в котором возлежала рыбина. То, что от нее осталось, пришлось срочно удалять со стола…

Андрей Петрович был уверен: «Приобщение к миру искусства благотворно влияет на психологию спортсмена, даже если речь идет лишь о непосредственном общении с его лучшими представителями». Как-то в Ленинграде «Спартак» оказался одновременно с труппой Художественного театра, прибывшей на гастроли. Два коллектива жили в одной гостинице «Астория», и накануне игры несколько футболистов собрались в номере у Яншина. Всеволод Вербицкий читал Есенина, заглянувший на огонек Василий Качалов — Маяковского. И хотя на следующий день предстояла игра, слушатели режим нарушили и на боковую вовремя не отправились. Но потом были лучшими на поле — эмоциональный заряд от общения с великими артистами компенсировал пару часов недосыпа.

Владимир Разумный, сын режиссера Александра Разумного, снимавшего вместе с Аркадием Гайдаром фильм «Тимур и его команда», утверждал, что у писателя была компания: певица Ляля Черная и два брата-футболиста — Николай и Андрей Старостины. «Они могли всю ночь гулять, пить, куролесить, а с утра Гайдар начинал дописывать сценарий». Николай сюда попал, надо полагать, для красного словца, поскольку такой образ жизни для него был вовсе не характерен. А вот для Андрея — вполне.

Возникали знакомства не только с артистами и литераторами. Как-то раз в «Кружке» к Андрею запросто обратился прославленный летчик Валерий Чкалов, который охотно поддерживал в разговорах и театральную, и футбольную тему. В дальнейшем им случалось смотреть матчи вместе, однако со знаменитым пилотом трудно было находиться в людных местах: его сразу же окружала толпа. Общался Старостин и с другим асом — первым Героем Советского Союза Анатолием Ляпидевским, спасавшим челюскинцев; позднее Ляпидевский заглядывал и в гости на Спиридоновку. А с Михаилом Громовым,

Андреем Юмашевым и Сергеем Данилиным, совершившими беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в США, судьба свела Андрея Петровича в Париже — в театре, когда гастролировал МХАТ.

А может, ему просто по жизни было суждено находить общие точки соприкосновения с незаурядными личностями? Вот и директором спартаковского магазина стал Александр Кожин. Когда Старостин играл в детской команде МКС, Кожин не раз противостоял ему на поле, выступая за ЗКС.

Или вот в 1936-м в «Спартак» пришел новый массажист — Никита Шум. И в разговоре вдруг выяснилось, что они с Андреем пересекались раньше при забавных обстоятельствах. Будучи еще школьником, Старостин ходил в цирк на соревнования борцов, часть которых для интриги выступала инкогнито. Как-то раз им вместе с одноклассником Мишей Модзгвришвили захотелось вычислить, кто скрывается под красной маской. Затаившись на улице у служебного входа, ребята дождались, когда атлет покинет цирк, и отправились за ним, чтобы узнать адрес. Но объект почуял слежку и в районе Смоленского рынка неожиданно выскочил на «сыщиков» с громким криком. Тем пришлось ретироваться. Вроде бы и делу конец, но не зря говорят, что мир тесен. Андрей с Мишей тогда выслеживали именно Шума, выступавшего в красной маске. Так и не смогли они догадаться, что таинственный атлет и чемпион мира в профессиональной борьбе Никита Титов (таков был псевдоним Шума), который порой показывал на арене силовые номера с гирями и штангой, — один и тот же человек. К слову, Никите Григорьевичу очень была обязана Майя Плисецкая: он спас юной балерине карьеру, вылечив травмированное колено. Его услугами охотно пользовались и великие спортсмены, и великие артисты. Когда в 1954-м Шум ушел из жизни, огромный венок возложила к гробу Галина Уланова.

В доме на Спиридоновке «Спартак» сделал надстройку, увеличив количество квартир. Помимо Старостиных там жили Станислав Леута, бегун Серафим Знаменский. Но много времени жильцы проводили за городом. Николай пробил для спартаковских футболистов право снимать дачи в Тарасовке за счет общества (позднее за это руководителю пеняли критики). И игроки вместе с женами и детьми обитали прямо по соседству с базой. На даче Андрея и Ольги постоянно находились и Яншин с Лялей Черной, и его свояченица Александра вместе с мужем Платоном Лесли.

Жилье в Тарасовке снимали и братья Знаменские, которые однажды, когда были проблемы с электричками, легко пробежали

от базы до Москвы. Здесь готовился к соревнованиям знаменитый боксер Николай Королев, ставший в 1936 году абсолютным чемпионом СССР.

Сами же Старостины участвовали в строительстве базы. Как вспоминали местные краеведы, «в те годы все строения на стадионе — трибуна, гостиница, ограда с пропускными воротами — были из дерева, и все это среди обильной зелени выглядело очень уютно. Южнее основного футбольного поля стоял двухэтажный павильон с двумя башнями и балконом между ними. На башнях вывешивались названия игравших команд и вручную менялись щиты с цифрами, когда забивали голы. Зимой павильон служил раздевалкой для тех, кто приходил на каток, который заливали на футбольном поле».

Николая обычно в Тарасовку возил шофер, но как-то раз он сам, не имея прав, сел за руль. Дело чуть было не закончилось трагедией. В салоне, кроме них двоих, также находились Антонина и корреспондент «Красного спорта». Двигаясь по Ярославскому шоссе с большой скоростью, Старостин, дабы не сбить велосипедиста, вынужден был направить машину в кювет. Сам он практически не пострадал, мужчины получили порезы, а вот супруга была без сознания.

Их дочь Елена Николаевна рассказывала:

«Мама получила перелом таза, полгода пролежала в больнице Склифосовского. Потом училась заново ходить. У нее вообще здоровье было плохое, случались приступы — невроз сердца. А еще года за два до аварии московские врачи поставили ей диагноз — рак. Папа привез хирурга из Ленинграда, и он определил абсцесс поджелудочной железы, часть пришлось удалить — под папину расписку».

Ходила байка, будто Антонине пытался оказывать знаки внимания Владимир Шнейдеров — путешественник и режиссер, в шестидесятые годы получивший известность благодаря телевизионной передаче «Клуб кинопутешествий». А братья будто бы его чуть не побили…

Николай подчеркивал, что общество создавалось спортсменами, которые не только руководили им, но и активно выступали в соревнованиях. Ладно, сам он стал функционером, так братья еще и работали на предприятиях! Андрея по решению Краснопресненского райкома партии направили руководить фабрикой «Спорт и туризм». Статус не предусматривал роскошного кабинета — сидеть приходилось в фанерной клетке с застекленными стенами, которые отделяли ее от цеха. Александру, трудившемуся бухгалтером в другом месте, пришлось объяснять брату азы — финансовую терминологию.

Позже он тоже пошел на повышение — стал директором 1-й кооперативной фабрики «Спартак». Андрею помогал осваиваться и его заместитель — Роберт Граслов. Но все равно ему пришлось поступать на заочную учебу в Институт Всесоюзного совета промысловой кооперации.

На фабрику «Спорт и туризм» легла задача: наладить выпуск шиповок отечественного производства для бегунов. Андрей Петрович вспоминал, что сделать это никак не получалось, на испытаниях шипы ломались, но наконец раздался звонок от Серафима Знаменского: изделие выдержало тест.

Был у третьего брата еще один непростой момент в жизни: в прессе появилась статья о несоблюдении правил кредитной реформы, и фабрика, которой руководил Андрей, оказалась в числе нарушителей. Последовали вызов к районному прокурору и строгое предупреждение: выписка бестоварных счетов, пусть даже в целях выплаты зарплаты рабочим, является незаконной. Тогда все обошлось, но правоохранительные органы этот прокол держали в уме. И неслучайно при аресте в сороковые следователи выдвигали в отношении Андрея еще и обвинение по закону от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Косареву удалось пробить свою давнюю идею: в рамках спортивного праздника по случаю Дня физкультурника сыграть показательный футбольный матч на Красной площади. Воплощение этой задумки доверили «Спартаку». Члены общества, невзирая на должности, по ночам шили огромный войлочный ковер размером с настоящую арену, а к утру скатывали огромный рулон, дабы не мешать движению транспорта. Помимо поля на ковре умещались беговые дорожки и секторы для других легкоатлетических дисциплин. Была еще мысль: возвести у стен Кремля с помощью резиновых конструкций гребной канал, но от нее пришлось отказаться: чтобы заполнить канал водой, потребовалось бы отключить ее на время из правительственных учреждений. Но и без выступлений гребцов действо получилось внушительным. Постановкой занимался Валентин Плучек, впоследствии знаменитый режиссер. Сталину, стоявшему на трибуне, зрелище понравилось, и футбольный матч даже продлился дольше, чем было предусмотрено сценарием.

Этот парад не остался единственным. Задумок по представлению других видов спорта было немало. Например, по Красной площади двигался автомобиль, а на закрепленной на кузове площадке то наматывали круги бегуны, то боксеры обменивались ударами в очерченном канатами ринге. Машину,

стилизованную под футбольную бутсу, через пять лет следователи НКВД тоже припомнят Старостиным…

Баски как символ футбольной революции

Значительным событием стал приезд в 1937 году сборной Басконии. Он имел политический подтекст — у себя на родине баски сражались за независимость с фашистами генерала Франко. Встречала футболистов на Белорусском вокзале огромная толпа, заполнившая привокзальную площадь.

Гости триумфально прошлись по советским полям. Московский «Локомотив» был повержен со счетом 5:1, московское «Динамо» — 2:1, сборная «Динамо» — 7:4, и только сборная Ленинграда сделала ничью с басками — 2:2. Советская общественность была взбудоражена. В кафе «Национал ь» Олеша, Яншин, Арнольд пытали Андрея Старостина: за счет чего баскам удается побеждать столь убедительно.

Позднее Старостин признавался, что не мог и представить себе, насколько скажется разница в классе между зарубежной и советскими командами. Отчасти из чувства патриотизма, отчасти не желая признавать очевидное, он твердил в разговорах с друзьями, что уж в следующем-то матче наши возьмут верх. Но пока что не получалось.

В своих воспоминаниях Андрей Петрович немного перепутал последовательность событий. Описав первые две игры на старте турне, он продолжал:

«А дальше пошло и пошло: под натиском испанских футболистов не устояли минчане, тбилисцы, киевляне и еще раз москвичи в матче-реванше, проигравшие баскам четыре— семь. Лишь сборная Ленинграда сыграла вничью: два — два. Я хорошо помню эти дни всеобщего возбуждения, когда Тарасовка сделалась центром футбольного притяжения — „Спартаку“ предстояло играть с басками последний матч».

На самом деле игра со «Спартаком» была пятой по счету, а уже после нее заграничные визитеры превзошли в Киеве местное «Динамо» — 3:1, в Тбилиси одолели тбилисское «Динамо» — 2:0 и сборную Грузии — 3:1, в Минске разгромили «Динамо» (Минск) — 6:1.

Но куда интереснее другое: во время первых игр в Москве Андрей побывал в раздевалке басков… в качестве журналиста. А познакомившись с ними, устроил для своих друзей из мира искусства встречу с зарубежными мастерами в «Метрополе». Так что Олеша с Яншиным смогли взглянуть на них не только с трибуны стадиона.

Надо сказать, что баски совершали турне по Европе с конкретной целью: заработать средства для помощи семьям своих

погибших соотечественников. Но еще и охотно знакомились с действительностью в различных государствах, а уж Страна Советов и вовсе была им любопытна. Побывали, например, на московской «Трехгорке», ознакомились с производством. Тренер гостей Вальяно и вовсе взялся отсудить товарищеский матч между «Спартаком» и ленинградским «Динамо», и все остались довольны его манерой судейства.

Случались и не самые красивые моменты. Известный футбольный исследователь Аксель Вартанян отыскал в архивах объяснение председателя Ленинградского комитета по делам физкультуры и спорта при Ленинградском облисполкоме, который писал следующее: «Меня вызвал секретарь Л енгоркома ВЛКСМ т. Уткин и от имени т. Косарева (который звонил по телефону) в присутствии секретаря ЦК ВЛКСМ т. Вершкова мне предложил: „Надо обязательно выиграть, а для этого нужно напоить команду до игры и обеспечить женщин для них и выбить двух игроков“. От выпивки испанцы отказались. Хотя попытка напоить их была». По мнению Вартаняна, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев и председатель Комитета физкультуры Иван Харченко действительно могли иметь к этому эпизоду непосредственное отношение, хотя вряд ли принимали решение самостоятельно.

В любом случае братьям Старостиным подобных задач Косарев не ставил.

Александр Нилин в своей книге «Век футбола» размышлял: «По каким-то причинам, даже Старостиными в своих мемуарах не обнародованным, „Спартак“ не должен был участвовать в серии матчей с басками. И „Спартаку“ бы судьбу благодарить, что спасла их от позора. А они, наоборот, нажали на комсомольского вождя Косарева, с которым Старостины, как сыновья царского егеря, нередко охотились, пустили в ход все прочие свои связи, давили на общественность (Старостины не только с начальниками дружили, но и с писателями, актерами, газетчиками) — вынь и положь им разрешение на незапланированный матч с басками».

Действительно, вся надежда легла на «Спартак». За подготовкой к игре следил лично Косарев, не раз приезжавший в Тарасовку.

Правда, на самом деле против одной из лучших команд Европы играл не «Спартак» в чистом виде — добрую половину составляли футболисты из других клубов. Прежде всего, назовем Григория Федотова, забившего важный гол и заработавшего пенальти.

Стимул озвучил Косарев. Он касался чисто спортивной

стороны: в случае победы над басками красно-белые в том же составе получали право представлять страну на рабочей Олимпиаде в бельгийском Антверпене, а затем на турнире в Париже.

Старший из братьев к тому времени практически повесил бутсы на гвоздь. Но свою роль он тоже сыграл, о чем свидетельствовал его рассказ: «У басков выделялся крепыш, центральный нападающий таранного типа Исидоре Лангара. Свои бомбардирские качества он отлично продемонстрировал в предыдущих матчах. Например, в канун нашей встречи баски обыграли динамовцев со счетом 7:4, и мы не могли оставить без внимания игру лидера сборной Басконии. На тренерском совете, который, кстати, я тогда возглавлял, мы решили отодвинуть центрального полузащитника, моего брата Андрея, в центр обороны, сделать из него третьего защитника. Но наше решение у Андрея вызвало негодование: почему, мол, мы хотим лишить его жизненного пространства? Но я попросил брата не горячиться, подумать, все хорошенько взвесить и сыграл на его самолюбии, сказав, что, кроме него, никто не обезвредит Л ангару. В конце концов Андрей согласился с нами, сказав, что хотя он и любит играть на месте центрального полузащитника, но честь „Спартака“ ему дороже».

Друзья Андрея на эту перестановку отреагировали образно. Михаил Яншин нашел театральную формулировку: «Амплуа героя-любовника меняете на резонера». В духе своей профессии высказался и Валерий Чкалов: «С истребителя на тихоход». Юрий Олеша подытожил: «Из созидателя становитесь разрушителем».

Между тем участие Андрея было под вопросом — неудачное движение на тренировке привело к травме паха. «Ну что, Нога, плохо с ногой?» — без подначки, с сочувствием спрашивал Петр. Ольга, танцовщица «Ромэна», предлагала выбить клин клином, дав нагрузку на больное место — так-де лечатся балерины. Но упражнения не помогали, как и массаж с компрессами. На помощь пришли лошадники: Евгений Архангельский посоветовал прибегнуть к средству, которым лечат коней. Жокей Джамбо Камбегов вспомнил про лекарство под названием «навикулин» и отыскал рецепт, по которому его можно приготовить. Александр Бондаревский согласился с советом: «Хуже не будет». Врач команды Лев Кагаловский достал все нужные ингредиенты. Втирания помогли — боль стала уходить.

Чтобы лучше настроить команду на игру с басками, в Тарасовку приезжали Яншин, Фадеев, выступали перед футболистами в красном уголке. Тренерский совет собирался на даче у кого-нибудь из братьев, в том числе и у Петра, в апреле

ставшего отцом: у него родился сын Андрей. В обсуждении состава на игру участвовал и Лев Кассиль. В наши дни его помнят только как писателя, но он был еще и незаурядным спортивным журналистом, случалось, сопровождал наши команды за рубеж. Например, участвовал в той самой поездке в Турцию, по возвращении из которой в Черном море попал в шторм и сел на мель пароход «Чичерин». Андрей Старостин потом описывал, как они с братом Александром помогали пассажирке-англичанке перебраться в спасательную шлюпку.

Обычно «Спартак» из Тарасовки добирался в Москву на электричке, но на этот раз почему-то возобладали настроения помпезности. Команду решили привезти на стадион на автомобилях «линкольн». Мало того что в дороге случились поломки и проколы шин, так уже в самом городе кортеж попал во внушительную пробку: тысячи болельщиков двигались в сторону динамовской арены в Петровском парке. В итоге игра началась с опозданием, а переодеваться футболистам пришлось прямо в машинах.

Москвичей вывел на поле Александр Старостин, который из-за травмы голеностопа сыграл только один тайм. Капитанскую повязку принял Андрей под напутствие брата: «Смотри, не осрами». В то время существовала традиция: капитан пожимал руку игроку, забившему гол, более бурное проявление чувств на поле было не принято. Николай вместе с Квашниным составляли тренерский штаб. В воспоминаниях старших братьев говорилось о том, что Петр появился на замену уже в конце матча, хотя спартаковская энциклопедия этот факт не подтверждает. Можно допустить, что за давностью лет Николай и Андрей что-то упустили, однако и сам младший брат уверял: «Я вышел на замену минут за 25 вместо, кажется, Малинина. Бóльшую часть игры я был внимательнейшим зрителем и, согласитесь, кое-что понимающим в футболе. Вероятно, арбитр нет-нет да и назначал, скажем, штрафной в сторону басков неоправданно или аут отдавал спартаковцам, в общем, по мелочам проявлял, может, чуть-чуть пристрастие. Но так, чтобы гол был забит неправильно или гол, забитый соперниками, не был засчитан, то есть так называемых теперь результативных ошибок и тем паче злонамерений Космачев не допустил».

А матч «Спартак» выиграл убедительно — 6:2. Приезд басков вообще сыграл важную роль в развитии нашего футбола: после их турне советские команды перешли на новую тактическую схему — так называемую систему «дубль-вэ». Доселе они действовали в два защитника и три полузащитника, но игра Андрея Старостина доказала необходимость перестановок. Теперь центральные

защитники появились и в других коллективах.

Июльская победа над басками, как говорится, пришлась в струю: она состоялась 8-го, а 27-го на заседании президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР рассматривался пункт «О награждении физкультурных спортивных обществ, работников и мастеров физической культуры и спорта». «Спартак», как и «Динамо», был удостоен ордена Ленина. Этой же наградой персонально отметили Николая Старостина. Достались ордена и двум другим братьям: Александру — Трудового Красного Знамени, Андрею — «Знак Почета». По этому поводу на стадионе в Тарасовке был проведен митинг, на котором выступил Косарев.

Вручение состоялось позже, его проводил Михаил Калинин. По воспоминаниям Николая, во время банкета с участием первых лиц государства возникла непредвиденная протоколом ситуация: Климент Ворошилов предложил спортсменам «познакомиться поближе», и началась неразбериха, вследствие которой Сталин с соратниками быстро удалились из зала.

В поездке в Бельгию и Францию участвовали все четверо братьев. Николай играть не собирался. Но в ходе Антверпенской рабочей Олимпиады многие игроки получили травмы, и пришлось тряхнуть стариной. Николай Петрович даже поразил ворота французов. Не избежали повреждений и братья. Александр выбыл из строя уже после первой игры с датчанами.

Петр полуфинальный матч против рабочей сборной Каталонии доигрывал, сильно прихрамывая, но даже само его присутствие на поле позволило Григорию Федотову забить важный гол — что называется, за счет партнера. В финале же отличился и сам Петр, закрепив победу над норвежцами. Игорю Маринову он рассказывал так: «Впоследствии в отчетах писали, что оба мяча забил Федотов (это уж когда мы, Старостины, далеко были от футбольных полей), на самом же деле решающий мяч провел я. Тогда, в поездке 1937 года, я единственный сыграл все матчи: очень много травмированных было». Поясним: единственный из братьев.

После этого спартаковцы перебрались в Париж, где выиграли турнир с длинным названием: «Кубок мира для рабочих команд на приз Всемирной выставки». В эти же дни там проходили гастроли Художественного театра, и приятно было встретиться с Яншиным и его коллегами.

Разумеется, мхатовцы пригласили спортсменов на спектакль: давали пьесу Константина Тренева «Любовь Яровая». После представления гостей пригласили за кулисы, и Яншин представил Владимиру Немировичу-Данченко «победителей Олимпиады в

Антверпене». Правда, он не стал уточнять, что речь шла о рабочей Олимпиаде.

Андрей с Яншиным побывали и в эмигрантском филиале известного до революции московского ресторана «Мартьяныч» в районе Монпарнаса — в сопровождении сотрудника посольства. Там выступал Александр Вертинский.

О спортивных итогах международных встреч Николай написал статью «Почему мы выиграли?». Там говорилось: «… Определила победу команды — уверенность в своих силах, широта и смелость действий каждого игрока. Этой уверенностью, приведшей к победе, команда в первую очередь обязана секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву и председателю Комитета по делам физкультуры и спорта И. И. Харченко. Именно они посоветовали команде применить в игре атакующий стиль».

Но появлялись на газетных страницах и другие публикации…

Прессинг, и не только на бумаге

Вернувшиеся из-за границы братья уже на Белорусском вокзале были встречены вопросами: «Всё ли в порядке?» Оказывается, прошел слух, будто спартаковцы специально подрывали своим выступлением престиж советского футбола. К тому же в газетах вышла статья «О насаждении в обществе „Спартак“ буржуазных нравов». Кстати, на некоторых сайтах о ней почему-то упоминается в привязке к 1939 году, но все произошло куда раньше.

На семейном совете решено было искать поддержки у Косарева, и все четверо попросились к нему на прием. Секретарь ЦК ВЛКСМ пробовал успокоить Старостиных, мол, во всем разберутся. Успокаивали друзей и Яншин с Фадеевым: ваше дело — отвечать на клевету спортивными результатами.

Но ситуация становилась всё более и более сложной. Публикации продолжали появляться. В августе газета «Красный спорт» подвергла критике саму организацию дела в добровольном спортивном обществе: «Спартаковцы ведь не спартаковцы. Подавляющая часть их мастеров люди „законтрактованные“, с промкооперацией ничего общего не имеющие. Они пришли в Спартак, соблазненные „роскошной жизнью“: стипендиями, квартирами, денежными премиями. Так, путем широкой практики переманивания спортсменов, разбазаривания средств, общество создало свою спортивную славу. Общество Спартак призвано воспитывать массу артельщиков, привлекать их к активной физкультурной жизни. Но вместо развития общественной самодеятельности в Спартаке физкультурная работа основана на платности».

Досталось и лично Николаю: «Всем памятен скандальный случай с переходом лучшего игрока завода им. Сталина — Семенова — в футбольную команду Спартака. Это было делом руководителя московского совета Н. Старостина, специалиста по „живому импорту“. Против этого факта возмущенно протестовала общественность завода, но Н. Старостин, поддержанный бывшим руководством Всесоюзного комитета по делам физкультуры, оказался сильнее… В прокуренных и душных комнатах московского совета безраздельно владычествует лишь один человек — Н. Старостин. Его имя связано со всеми победами общества, потому что именно он „выращивает“ и „настаивает на путь истинный“ своих мастеров, потому что он — „папа“. Так любовно называют его в обществе… В Спартаке мало кого интересует политико-воспитательная работа среди членов

общества, особенно среди мастеров. Кислягин, который заведует в Спартаке тремя отделами и является заместителем председателя общества, превратился в адъютанта Н. Старостина… Н. Старостин потерял чувство меры. Он дарит золотые часы нескольким участникам спортивной делегации, едущей в Антверпен, и за это „внимание“ они провозят его чемоданы, набитые бесчисленными покупками…»

Затем последовали и оргвыводы. В сентябре газета «Красный спорт» сообщала: «За полную бездеятельность по руководству футбольной секцией Всесоюзного комитета Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта снял с работы председателя указанной секции Н. Старостина». Буквально через день на страницах всё той же газеты некто Абрам Витар в статье «Пушечный удар» обвинил руководителей общества в финансовых манипуляциях. Как следствие, был снят с работы заместитель Старостина Кислягин.

В унисон спортивной газете выступила «Комсомольская правда». Материал Юрия Королькова был озаглавлен «Еще раз о чуждых нравах в обществе „Спартак“». И здесь упор был сделан на экономику: деньги в обществе тратятся-де не на развитие спорта, а на личные нужды отдельных руководителей. Братьев Старостиных обвинили в том, что за полтора года они получили сверх зарплаты 97 тысяч рублей.

Как выяснилось позднее, бегун Георгий Знаменский писал на братьев докладные. Вот что сообщал он в письме на имя Елены Клоповой, руководителя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при Совете народных комиссаров СССР: «Н. Старостин вызвал меня и передал, что на него написали донос какие-то сволочи динамовцы о том, что он провез много вещей из Парижа, и просил меня, чтобы я, когда меня вызовут, как авторитетное лицо, или кто будет спрашивать об этом, говорил, что он провез вещей столько же, сколько и все остальные. Я сообщаю следующее, что не только Николай, но Старостины Александр, Андрей и Петр вещей привезли больше всех…» В других посланиях в тот же адрес утверждалось: «При встрече со мной Старостин сказал мне, что ему стало известно… о том, что я написал на Старостина материал о провозе им из-за границы много вещей, а также в этом материале затронут и ряд других фактов, и что не написал ли я это под чьим-нибудь давлением… Я был удивлен тем обстоятельством, откуда Старостин мог знать о том, что кто-то на него пишет и возможно ли это?.. На все поставленные вопросы мне Старостиным я заявил ему, что никаких материалов в Комиссию Советского контроля не писал». Или еще один пассаж из докладной: «Я должен сказать, что по

своему поведению, по своему укладу, я бы сказал, что все Старостины не достаточно честные люди».

Есть мнение, что Знаменским руководила личная обида: мол, приоритет в обществе «Спартак» был отдан футболу, а развитию легкой атлетики уделялось недостаточное внимание. И он попытался добиться справедливости таким вот сомнительным способом. Что же касается сути его обвинений, то они не слишком вяжутся с тем, что писал о зарубежной поездке Андрей Старостин: «Мы располагали массой времени и весьма ограниченными финансовыми средствами…»

Николаю пришлось отвечать на эти обвинения, обращаясь в эпистолярном жанре не только к Косареву, но и к самому Сталину: «Вся тяжесть нашего положения усугубляется поведением и. о. Председателя Всесоюзного Комитета т. Клоповой, которая не только заявила, „что ордена Обществу и нам дал враг народа Харченко“, но одновременно во всех своих выступлениях всячески терроризирует и дискредитирует нас, договариваясь до полного абсурда и причисляя нас чуть ли не к врагам народа». Были и петиции, подписанные всеми четырьмя братьями, которые направлялись Вячеславу Молотову и его заместителю Власу Чубарю. До руководства Совнаркома СССР они пытались донести: «…Все помещенные в газете „Красный Спорт“ „факты“… — всё это не соответствует действительности и является явной подтасовкой и преувеличением, что легко может быть установлено даже при поверхностном объективном ознакомлении с действительным положением дел и работы Общества».

Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при СНК СССР создал социальную комиссию для расследования фактов. Занималась вопросом и прокуратура, причем дело было поручено опытным работникам — Андрею Воронову и Льву Шейнину. В конце осени «Известия» сообщили: «Дело Старостиных прекращено».

…Между тем до семьи Старостиных докатилась и волна конкретных репрессий. 27 октября был арестован Виктор Прокофьев, муж Клавдии, работавший руководителем футбольно-хоккейной секции спортивного общества «Буревестник». Обвиняли его в подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б). Согласно свидетельству о смерти, он ушел из жизни 12 июня 1939 года, причем причина смерти в документе не указана. Но, как установил Андрей Лавров, фамилия Прокофьева значится в так называемых «расстрельных списках Коммунарки». На одном из сайтов общества «Мемориал» указана другая дата смерти Виктора: 10 мая 1938 года. В этот день был

вынесен приговор, а привести его в исполнение по каким-то причинам могли спустя год с лишним. Свидетельство же о расторжении брака было выдано Клавдии Народным комиссариатом внутренних дел только 31 января 1940 года. Ей была возвращена девичья фамилия — Старостина.

Виктор был не единственным представителем спортивных кругов, кого бросили в застенки. Николай писал в книге «Футбол сквозь годы»: «Был арестован Володя Стрепихеев. Он возглавлял „Буревестник“. Ему выпало несчастье судить тот самый матч с басками, в котором „Динамо“ проиграло 4:7. Был арестован лучший в то время судья и первый руководитель „Локомотива“ Владимир Рябоконь. Была арестована целая группа лыжников, среди них спартаковские — Николай Королев и трое его братьев. Самое главное, никто не понимал — за что?»

Старостины находились в большой опасности, о масштабах которой даже не ведали. Но о серьезности положения можно судить по фрагментам протокола допроса одного из арестованных:

«— Расскажите подробно о вовлечении вас Старостиным в фашистскую организацию.

— В мае месяце 1936 года я был уволен с работы в „Локомотиве“… Я обратился к Старостину с просьбой об устройстве меня на работу.

В те дни, когда происходили у нас разговоры о работе, мы беседовали на политические темы. Старостин в озлобленных тонах… отзывался о руководителях партии и советской власти, доказывал неправильность политики партии по ряду вопросов…

В одной из откровенных бесед Старостин сообщил, что является руководителем фашистской шпионско-террористической организации, которая действует по заданиям германской разведки. Старостин предложил мне войти в эту организацию, на что я и дал свое согласие…

— Какие цели и задачи ставила организация?..

— Со слов Старостина, организация ставила своей целью свержение советской власти и установление фашистской диктатуры.

Нашими задачами, как заявил Старостин, является проведение шпионской деятельности и подготовка к совершению террористических актов против руководителей партии и правительства…

— Против кого персонально намечалось проведение террористических актов?

— В первую очередь против Сталина, Молотова и Кагановича.

— Как практически подготовлялось… совершение

террористических актов?

— …Старостин предложил осуществить убийство руководителей партии и правительства на стадионе „Динамо“ во время одного из спортивных соревнований… Руководители часто посещали стадион, и он был всегда заранее осведомлен об этом от Харченко (бывшего председателя ВСФК). Конкретно решено было стрелять в тот момент, когда кто-либо из намеченных лиц будет выходить с трибуны и садиться в машину…

— Кто вам известен из участников организации?..

— Со слов Старостина мне известно, что в состав фашистской террористической организации входили следующие лица: l. Леута Станислав, игрок команды мастеров общества „Спартак“.

2. Исаков Петр, инструктор по футболу общества „Спартак“.

3. Филиппов Иван, начальник футбольной школы „Спартак“.

Других фамилий Старостин мне не называл».

Аксель Вартанян, впервые сделавший достоянием гласности данный документ, по этическим соображениям не стал называть имени человека, давшего показания. Не станем делать этого и мы, согласившись с коллегой в том, что под пытками арестованный мог заявить все, что угодно. Тем более свою горькую чашу он испил до дна: Военной коллегией Верховного суда СССР ему была вынесена высшая мера наказания.

Почему этому делу не был дан ход — непонятно. Никого из спартаковцев, указанных в протоколе, правоохранительные органы тогда не тронули. Но…

Питерский исследователь Юрий Лукосяк отыскал в архивах и другой материал, который опубликовал в 1999-м в еженедельнике «Футбол» под заголовком «Приказано расстрелять». Здесь он рассказал еще об одной попытке чекистов расправиться с братьями:

«Седьмого марта 1938 года из столицы в питерский НКВД пожаловала депеша. Мол, в Москве вскрыта (слово из лексикона органов того времени) крупная террористическая организация, во главе которой стоял Петр Петрович Старостин (основная задача — борьба всеми средствами против Советской власти). В ее состав входили: В. А. Рябоконь (арестован в октябре 1937 г.), Н. А. Корнеев, В. М. Стрепихеев, А. М. Богданов, Н. В. Троицкий (тренер команды завода им. Сталина в Москве) и Г. И. Фепонов из Ленинграда… Планировались террористические акты против Сталина, Молотова и Кагановича. Их совершение намечалось на стадионах „Динамо“ или „Локомотив“ весной — летом 1938 года, во время больших физкультурных соревнований, где должны присутствовать также члены правительства и руководители партии. П. Старостин считал, что наиболее подходящими

кандидатурами для совершения непосредственного убийства являются Троицкий, Фепонов и Рябоконь».

В общем, положение братьев оставалось шатким. Особенно после того, как в ноябре 1938-го Косарев был снят с должности генерального секретаря, в декабре арестован, а 23 февраля 1939-го расстрелян.

После казни куратора и сам Николай жил в ожидании ареста: заступиться на высоком уровне было некому. Доводилось слышать высказывания, будто Старостин состоял в дружбе с главным в стране прокурором Андреем Вышинским, но на самом деле им приходилось только общаться на совещаниях по спортивной тематике. А тут еще осенью 1939-го возник, как сейчас бы сказали, конфликт интересов с наркомом внутренних дел. А им на тот момент стал не кто иной, как Лаврентий Берия.

Нарком имел влияние на весь динамовский спорт, но к московской и тбилисской футбольным командам у него было особое отношение. И именно грузинские мастера в тот год являлись главными конкурентами «Спартака». 8 сентября сетка Кубка СССР свела их в полуфинале. Красно-белые победили со счетом 1:0. Праздновали они успех и 12-го, одолев в финале с результатом 3:1 ленинградский «Сталинец». И тут с самого верха последовало распоряжение: переиграть полуфинал, поскольку тбилисцы опротестовали правильность засчитанного гола. По спортивному регламенту подобный протест был отклонен, однако для кремлевских небожителей законы не писаны… Указание исходило от члена политбюро ЦК ВКП(б) Андрея Жданова.

Несмотря на то, что Андрей Старостин сломал руку и играть не мог, а еще два ведущих футболиста были дисквалифицированы, «Спартак» выиграл и этот матч — 3:2. А 27 октября забил три безответных мяча тбилисцам уже в чемпионате страны, сделав весомую заявку на первое место. Получается, что у Берии действительно имелся повод нанести ответный удар доступными ему средствами.

Николай в мемуарах писал о том, что ордер на его арест уже поступил на подпись Вячеславу Молотову, но тот не дал санкцию. И объяснение находил такое: дочь главы советского правительства училась в 175-й правительственной школе вместе с дочерью Старостина Евгенией, они даже дружили. Но вряд ли функционера в такой момент посетила бы сентиментальность. А школа действительно была непростая, там занимались дочь Сталина Светлана Аллилуева, внучки Максима Горького Дарья и Марфа Пешковы. Последняя впоследствии вышла замуж за сына Берии Сергея Гегечкори. К слову, Лялю Старостины определили в обычную школу № 125, находившуюся на Малой Бронной.

Занималась Женя и в конноспортивной школе «Спартака» вместе с детьми Анастаса Микояна и сыном Сталина Василием (правда, отпрыск вождя скрывался под фамилией Волков). Но и это обстоятельство тоже вряд ли могло стать аргументом в решении судьбы Николая.

Тогда опала проявилась разве что в том, что в 1940 году, когда «Спартак», усиленный другими футболистами, отправился в Болгарию на товарищеские матчи, Николая сделали невыездным: руководителем делегации был назначен другой функционер.

Как сложно расстаться с мячом

Но вернемся опять к футбольным делам. Братья поочередно завершали выступления на зеленом поле.

В чемпионатах СССР Николай сыграл только один матч. Говорили, что с игрой он расставался мучительно. И дело, наверное, не в возрасте, хотя после тридцати неизбежно падает скорость, а она была главным козырем форварда Старостина. Просто все труднее было совмещать карьеру спортсмена с обязанностями спортивного руководителя — элементарно не хватало времени. При этом Николай, как отмечали современники, практиковал индивидуальные тренировки, то есть в свободную минутку мог выйти на поле с мячом. В Тарасовке ему порой составлял компанию мальчишка, который вырос потом в знаменитого футболиста Сергея Сальникова.

Критики в печати, утверждая о буржуазных нравах, вводимых Старостиным, были в общем-то не далеки от истины. Немало поездив по свету, старший из братьев подмечал, как выстраиваются отношения в зарубежных клубах. Полностью перенести эту модель на советскую почву было невозможно, но какие-то ростки в отдельно взятой структуре, то есть в «Спартаке», он пытался прорастить. Взять хотя бы тот факт, что еще весной 1936-го тренером в команде работал иностранец — чех Антонин Фивебр. А Нилин упоминал еще об одном иностранце — французе Жюле Ламбеке.

Алексей Холчев как-то беседовал с Константином Малининым, участником той самой знаменитой переигровки полуфинала Кубка СССР 1939 года. Речь зашла о премиальных, и вот что рассказал Малинин: «Николай Петрович лично выдавал нам деньги после игры. Каждый заходил к нему в кабинет, и всё там происходило без свидетелей. Но мы-то потом не скрывали друг от друга, кто сколько получил, вот только как заплатили Глазкову, никто так и не узнал». То есть советскую уравниловку Николай Петрович отрицал напрочь. Он старался учитывать личный вклад конкретного игрока в общее дело.

Или вот другой случай, произошедший в том же году. Легкоатлетка Наталья Петухова вышла замуж за голкипера Анатолия Акимова, и братья, по ее словам, помогли организовать торжество: «Николай Старостин дал две тысячи рублей на свадьбу. Андрей Старостин привез цыган-артистов, слава богу, без медведя». (К слову, Клавдия Сахарова вспоминала, что как-то раз на второй этаж дома на Спиридоновке, где проходило какое-то празднество, цыгане затащили коня.) Петухова, кстати, училась в

том же институте, что и Петр, но ей он казался невыразительным. А вот про других братьев она отзывалась в восторженных тонах: «Андрей и Александр — это нечто». Молодоженам Николай Петрович выхлопотал жилье в коммуналке, где поселились также другие мастера — Василий и Виктор Соколовы. Анатолий с Натальей обитали там долгие годы, и впоследствии начальник команды вспоминал нетипичное поведение вратаря: «Через меня прошло тринадцать поколений спартаковцев, но только Акимов никогда ничего не просил».

Но Старостин не стремился к слепому копированию импортных образцов, он возводил здание «Спартака» на свой лад. Вот изложенный тем же Холчевым рассказ Серафима Холодкова, в довоенную пору — игрока молодежной команды, о заседании тренерского совета перед принципиальной игрой с «Динамо»: «Сгущались сумерки, огромный красный абажур отбрасывал на стол яркий круг, уютно клокотал самовар, стояли блюда с ситниками, баранками, простенькими конфетами. Вокруг стола сидели братья, их друг и партнер Станислав Леута, великий форвард Владимир Степанов, тренеры Петр Попов и Владимир Горохов. В воздухе плыл аромат круто заваренного чая. Вел совет, конечно, Николай Петрович. По каждому возникающему вопросу, будь то место в составе или особенности игры одного из соперников, он внимательно выслушивал коллег, а затем коротко и веско подытоживал. Бывало, что разгорались споры, иногда до блеска в глазах, но третейский судья умело и корректно разводил несогласных. Он не навязывал своего мнения, но очень тонко улавливал разумные мысли своих друзей, четко отделяя зерна от плевел. А когда решение принималось, у всех складывалось ощущение, что оно достигнуто сообща. И как вы думаете, сколько времени длилось это совещание? До рассвета».

Достоинства старшего Старостина признавали соперники из других клубов. Вот что говорил торпедовец Вячеслав Орлов: «Николай Петрович Старостин — вот личность! Один только пример: мы, торпедовцы, возвращаемся из Ленинграда после сыгранных там матчей. „Спартаку“ же игры там еще предстоят. И вот Николай Петрович встречает нас на вокзале и сразу с вопросом: „Ну, как они играют?“» А динамовец Михаил Якушин впоследствии писал в книге «Вечная тайна футбола»:

«Должность начальника футбольной команды, которую Николай Петрович фактически исполнял десятки лет, возникла, мне кажется, во многом благодаря его деятельности, наглядно убедившей всех в ее пользе и необходимости. Человек он, конечно, редких достоинств. Про таких обычно говорят — светлая голова».

Раздумывал Старостин и о развитии отечественного футбола в целом. Например, еще в апреле 1938 года на страницах «Красного спорта» он предлагал создавать дублирующие составы команд мастеров и организовать турнир между ними. Здесь новатор опередил время: на практике идея осуществилась лишь после Великой Отечественной войны, в 1946 году.

Пост главы Всесоюзной секции футбола старший из братьев занимал всего несколько месяцев и был смещен, как уже упоминалось ранее, в сентябре 1937-го. Но самое удивительное, что его преемником стал не кто иной, как Александр! А ведь «дело Старостиных» тогда еще только закручивалось, прекратили его лишь в ноябре. Или оно все-таки было направлено в основном против Николая?

В отличие от Старостина-первого, его погодок повесил бутсы на гвоздь практически сразу и бесповоротно: «Мне стало казаться, что самое главное — вовремя уйти со сцены. В 1937-м я получил травму и в конце сезона пропустил несколько игр. А когда в 1938 году поехал на сбор, то быстро понял, что уже тяжело, что мне не угнаться за молодыми ребятами, и я решил уйти». Братья пробовали отговорить его, но он не послушался, бросив знаменитую фразу: «Хочу остаться в памяти болельщиков если не молодым, то хотя бы молодцеватым». Всего на его счету в чемпионатах СССР оказалось 18 матчей.

При Александре Старостине была упорядочена структура проведения чемпионата страны. В то же время возможности функционера такого ранга были ограниченны, и, например, доказать более высоким начальникам абсурдность переигровки кубкового полуфинала не представлялось возможным. Но все равно можно сказать, что человек находился на своем месте, ибо не зря же говорил о своем друге Лев Кассиль: «В нем нет спортивной узости, от которой у нас не избавились многие».

Снова уместно процитировать Якушина, который вспоминал про поездку в Турцию: «Александр Старостин не знал отбоя от корреспондентов после того, как в первом интервью на подковыристый вопрос, какова ваша профессия, ответил: „Бухгалтер“. Турецких журналистов одолевали сомнения… Уж очень его облик не вязался с привычным для всех обликом бухгалтера! Саша Старостин действительно был бухгалтером, причем не рядовым, а главным. И я не раз приходил к нему на службу на фабрику спортинвентаря неподалеку от Белорусского вокзала, где он колдовал над своими любимыми цифрами. В обращении Александр был человеком мягким и выражал свои чувства не столь эмоционально и резко, как его братья. Любил пошутить, разыграть».

Ходила байка, что однажды братья разыграли Юрия Ваньята, тогда еще начинающего спортивного журналиста. А именно — сказали, будто «Спартак» собирается добираться в Ленинград самолетом, а не поездом. По тем временам это было сенсацией, и репортер тут же выдал ее в номер. Можно догадаться, что инициатором розыгрыша был Александр.

Известный футбольный специалист Михаил Ромм (однофамилец и тезка знаменитого кинорежиссера) подготовил учебный фильм, появившийся на экранах в начале 1940 года. Состоял он из четырех частей: «Удары и остановка мяча. Ведение, финты и отбор мяча. Игра головой. Техника игры вратаря». После окончания съемок организовали два просмотра в узком кругу специалистов. Александр Старостин с укоризной указал на упущение: не показан удар носком. Ромм считал: «Это не упущение, я сознательно не заснял его, не желая тратить драгоценные метры на такой, по моему мнению, третьестепенный удар». Возникла дискуссия, но каждый остался при своем мнении. И это тоже было в духе Александра.

Руководил он Всесоюзной секцией футбола до июля 1941-го. Как понятно из даты, вмешалась Великая Отечественная война.

В случае с Петром все получилось банально: травма, о которой уже говорилось ранее, не оставляла надежд на полноценное продолжение карьеры. Последнюю операцию Петру делал один из лучших московских хирургов Ланда, который впоследствии ставил на ноги знаменитого Всеволода Боброва. Однако колено, что называется, не держало, выскакивало из сустава.

В чемпионатах страны младший из братьев провел 21 матч. Сам он говорил: «Сезон 1939-го стал для меня последним, выходил я в составе от случая к случаю. Не повезло, что говорить. Ведь был в расцвете сил». Уточним, что в тот год Петр участвовал только в товарищеских играх.

Дольше всех в строю оставался Андрей, у которого в сумме набежало 94 игры и четыре забитых мяча. При этом в 1938–1940 годах он был капитаном «Спартака». После победы в первенстве СССР-1938 именно он принял в свои руки знамя как символ чемпионства. Любопытна произнесенная при этом речь, приводя которую, Аксель Вартанян сделал ремарку: «Зная о диссидентских настроениях братьев Старостиных, пребываю в уверенности, что сказанные им слова шли не от сердца. Выбора у Андрея Петровича не было — играл он по установленным режимом правилам».

А вот и сам текст: «Мы понимаем, что дело не только в выигрыше первенства, которого наша команда добилась. Мы

понимаем, что осуществляем задачу, поставленную перед советской физкультурой, — воспитать здоровое молодое поколение, способное встать грудью на защиту родины, сумеющее догнать и перегнать западноевропейские буржуазные рекорды. И мы понимаем, что без поднятия политического и культурного уровня этого нельзя достичь.

Мы заверяем партию, правительство, физкультурную общественность, что будем бороться за реализацию этой задачи и добьемся успеха. Порукой этому служат те заботы и внимание, которыми окружают нас родина, партия, комсомол и лучший друг физкультурников товарищ Сталин».

Не зря зарубежные исследователи нашего футбола писали о Старостиных, что они умели «бегло говорить по-большевистски»…

Андрей, естественно, не был большим любителем официоза. Куда охотнее он соприкасался с жизнью в самых простых и естественных ее проявлениях. В 1939-м «Спартак» во второй раз подряд сделал дубль — выиграл и первенство, и Кубок СССР. Отметить успех команда собралась на квартире у капитана. Футболисты часто выходили на балкон, напротив которого располагалась школа, и вскоре оттуда явился завуч: невозможно вести уроки, ребята смотрят не на доску, а в окно…

Андрей, можно сказать, взял над этой школой шефство, приглашал мальчишек на матчи. Тогда у ребятишек шиком считалось нести чемоданчик знаменитого футболиста, и один из них даже узурпировал такое право, за что остальные прозвали его Комендантом Старостина.

Алексей Максименко, будущий летчик, учился в другой школе, но в его воспоминаниях тоже фигурировал третий из братьев: «У нас преподавателем по физкультуре был Андрей Старостин, знаменитый футболист. Мы все были члены спортивного общества „Спартак“, носили значки и спортивный берет. Задача стояла сдать нормативы на четыре значка. Первый — „Ворошиловский стрелок“, для этого нужно было выбить 45 очков из 50. Второй — ПВХО (подготовка к противовоздушной и химической обороне). Третий — ГСО (готов к санитарной обороне), надо было уметь оказывать первую медицинскую помощь, делать искусственное дыхание. И последний — ГТО, первой или второй ступеней. Этот значок на цепочке.

Помню, нужно было прыгнуть вверх на один метр сорок сантиметров, а я мог только на один метр тридцать сантиметров. Потом мне один друг рассказал, что можно прыгать через голову, и я сдал этот норматив, и Старостин дал мне ГТО второй степени».

Надо полагать, штатным преподавателем физкультуры Андрей все-таки не был. Но по спартаковской линии вполне мог заниматься с ребятами и в школе, расположенной в Потаповском переулке.

Про третьего брата в народе ходило много легенд. Однажды он сам в поезде слушал рассказ соседа по купе, который якобы был на короткой ноге с «Андрюхой» Старостиным. Между прочим, практически все друзья называли футболиста полным именем, и только Фадеев позволял себе ласковое: Андрюша. Рассказчик выкладывал всё новые и новые подробности, вроде того, что Старостин в перерыве каждого матча выпивает стакан коньяку для куража. Когда же его слушатель наконец-то представился, попросту потерял дар речи.

Весной 1940-го Андрей ездил во Львов: с одной стороны, помогал местному «Спартаку» правильно организовать работу, а с другой — присмотрел пару игроков для московской команды. Запоминающимися стали и матчи усиленного «Спартака» с болгарами — сперва в Софии, затем в Москве. Как раз за успешные выступления против «Славии» и сборной Софии ему было присвоено звание «заслуженный мастер спорта».

Когда в страну пришла беда

Известие о начале войны застало Старостиных в городе на Неве. Спартаковцы перед этим сыграли с «Зенитом», а 22 июня должны были встретиться с ленинградскими одноклубниками. В чемпионате СССР братья уже не выступали, но пропустить такой матч никак не могли. Накануне вечером в гостинице «Астория» они ужинали вместе с Марком Бернесом, договорились встретиться в Москве.

В шесть утра Андрея разбудил в номере телефонный звонок школьного друга Сергея Ламакина, который в то время занимал руководящую должность в системе гражданской обороны Ленинграда: «Вставай, война! Игры не будет». К двенадцати участники матча всё равно собрались на стадионе, где транслировалось по радио выступление Молотова. А вечерним поездом москвичи отправились домой.

На первой полосе газеты «Красный спорт» появилась заметка «Слово нашей семьи», подписанная четверкой братьев (орфография и пунктуация сохраняются):

«Грозен в своем гневе наш великий народ.

Вдвойне грозен он после подлого провокационного выступления гитлеровских бандитов и изуверов.

От Львова до Владивостока, от Мурманска до Еревана, всюду в едином порыве встала нерушимая семья русских, узбеков, грузин, эстонцев, украинцев, белоруссов, латышей, казахов… У нас есть что защищать и у нас есть чем громить зарвавшегося врага.

Под игом гитлеровских палачей стонут германские рабочие и крестьяне, стонут многие беззащитные народы Европы. Но коричневая чума со свастикой на рукаве будет выкорчевана. Ее сотрут с лица земли мощные и меткие залпы орудий воинов страны социализма, ее уничтожат до основания железные полки бойцов Красной Армии.

Физкультурники Советского Союза не раз доказывали свою беззаветную преданность любимой отчизне на полях сражений. В их рядах воспитаны многие орденоносцы, Герои Советского Союза.

Физкультурники СССР будут лучшими у станков на заводах и фабриках, у топок паровозов, у рулей пароходов и кораблей, у конструкторских столов. На полях сражений они будут передовыми у прицелов зенитных батарей, за штурвалами самолетов, в башнях танков, в полках пехоты.

Мы, четыре брата-спортсмена, воспитанные и взращенные

партией большевиков, советским государством, в любую секунду готовы с гордостью надеть краснозвездные шлемы и пойти на поле битвы сражаться, не жалея ни сил, ни жизни, ибо наша жизнь принадлежит любимой родине, ее гениальному вождю и полководцу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Заслуженный мастер спорта, орденоносец Н. Старостин; заслуженный мастер спорта, орденоносец, депутат райсовета Ал. Старостин; заслуженный мастер спорта, орденоносец, депутат райсовета Ан. Старостин; мастер спорта П. Старостин».

Есть основания полагать, что к составлению текста никто из братьев отношения не имел. В лучшем случае, его со Старостиными только согласовали. А может, и вовсе просто поставили в известность.

Петр просился добровольцем на фронт — отказали, в отличие от зятя, Петра Попова. На базе в Тарасовке появился учебный пункт, где молодежь обучали штыковому бою, метанию гранат, плаванию, лыжному спорту. Началась и подготовка снайперов.

Предприятия, на которых работали братья, были перепрофилированы на производство продукции для военных нужд. К примеру, фабрика «Спорт и туризм» стала изготавливать противогазы, вещевые мешки, и Андрею как ее директору пришлось перейти на казарменное положение. Работали в три смены, да еще и дежурили на крышах во время воздушных налетов — ведь уже летом начались бомбежки столицы. Самая первая в конце июля застала Андрея дома — заскочил вместе с Александром Фадеевым, чтобы пообщаться за рюмкой вина. Как водится, зашторили окна, но вдруг даже сквозь завесу двор озарился ярким светом — это упала зажигалка. Но дворник был начеку и быстро забросал ее песком.

В начале августа бомба снесла памятник Константину Тимирязеву на бульваре совсем недалеко от дома Старостиных. Дочь Николая Елена вспоминала:

«Вторая бомба разорвалась в Гранатном переулке, наш дом другой стороной выходил на него тоже. От ударов в квартире слетела люстра, один из фрагментов откололся, пришлось прикручивать его проволокой».

В квартире взрывной волной были выбиты стекла, а люстра упала на стол, за которым сидели Александра Степановна, Клавдия и Вера. После этого Николай уговорил мать и сестер уехать хотя бы на какое-то время в Погост — там было безопаснее.

Сами братья оставались в городе, и даже в нелегкие времена каким-то образом находилось время для футбола. Как-то раз спартаковцы выезжали в прифронтовую летную часть на

товарищескую игру. Чемпионат СССР был прерван, но разыгрывались Кубок и первенство Москвы. Старостиным тоже приходилось вспомнить былое, ведь прежней команды практически не было: одни спартаковцы воевали, другие трудились на предприятиях оборонной промышленности и были обязаны выступать за «Зенит» или «Крылья Советов». Так что честь флага отстаивали ветераны, играл в футбол и замечательный волейболист того времени Владимир Щагин.

Заключительный тур первенства Москвы не состоялся. 20 октября Москва была переведена на осадное положение. Большинство артистов и литераторов, друзей Андрея, отправились в тыл, хотя кто-то и оставался — например, тот же Фадеев, занятый в Совинформбюро. Сами Старостины в силу занимаемых должностей могли подлежать эвакуации вследствие отступления армии, на этот счет существовали соответствующие инструкции и даже был подготовлен транспорт. Тревогу вызывало то, что Ольга ждала ребенка.

Наташа появилась на свет 24 февраля 1942 года. Но как раз к концу зимы с Николая, Александра и Андрея келейно сняли звания заслуженных мастеров спорта. И это было еще не всё.

По утрам на работу Николая отвозила служебная машина, и как-то раз его водитель обратил внимание на практически неприкрытую слежку. Автомобиль с двумя мужчинами в одинаковых шляпах сопровождал их автомобиль и припарковался неподалеку от конторы. Старостин отреагировал дерзко: подошел к преследователям и предложил им передать начальству, что для встречи с ним необязательно кататься по всему городу.

Инцидент больше не повторялся, но обеспокоенный Николай попробовал на всякий случай обсудить ситуацию со вторым секретарем горкома партии Владимиром Павлюковым. Однако, как оказалось позже, это был не тот уровень, на котором решалась проблема…

Как отмечали составители клубной энциклопедии, последний финансовый документ, подписанный Николаем Старостиным в должности руководителя МГС «Спартак», датирован 19 марта 1942 года. До ареста оставалось около полутора суток…

ЛЕГЕНДАРНОЕ ИМЯ УСТОЯЛО

История ареста братьев Старостиных, как и многое в их жизни, сопровождалась изрядным количеством мифов и неточностей. Причем в какой-то мере к созданию легенд причастен и сам Николай Петрович. Недаром Александр Нилин писал: «Подозреваю, что действительная жизнь Старостиных превзошла бы детективной увлекательностью миф. Но кто сегодня докопается до того, как все было на самом деле? Талант братьев выразился и в том, что к мифу, о них сложившемуся, они приложили и свое недюжинное воображение. И от соблазна руководствоваться этим мифом мы никуда не денемся, размышляя о выпавшей им судьбе быть самыми значительными фигурами в отечественном футболе». В других случаях причиной мифотворчества могли стать нежелание авторов проверять фактуру или тенденциозное отношение к братьям.

Был бы человек, а повод найдется

Из того, что на виду, сразу же бросались в глаза тесные контакты Старостиных с генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ Александром Косаревым, одним из инициаторов создания общества «Спартак». И логично рождалась цепочка умозаключений: после расстрела Косарева неминуемые репрессии ждали его соратников. Но у комсомольского вожака отняли жизнь в 1939-м. Почему же понадобилось ждать целых три года, чтобы отправить в заключение Старостиных?

Также нет резона утверждать, что на события повлияло близкое знакомство братьев (прежде всего, Андрея Петровича) со знаменитым режиссером Всеволодом Мейерхольдом. Его расстреляли в 1940-м, так что слова «пошли прицепом», прозвучавшие в попытках отыскать причины ареста Старостиных, легко ставятся под сомнение.

Старший из четверки неоднократно и публично высказывался в том смысле, что у всемогущего Лаврентия Берии были к нему личные счеты. И даже цитировал слова Лаврентия Павловича, вспоминавшего об их встречах на футбольном поле: «Это тот Старостин, который убежал от меня в Тифлисе».

Лев Филатов, принявший слова Николая Петровича на веру, писал на страницах «Комсомольской правды»: «…А тут надвинулся зловещий силуэт министра в пенсне, Берия, на беду, неравнодушного с юных лет к футболу, да не вообще к футболу, а к тому, что входил в его епархию, динамовскую. Старостина ему не требовалось выслеживать, он когда-то „лично“ играл против него, в Тифлисе, был с ним знаком, знал, как тот умеет „идти на ворота“… В 1939 году был разыгран матч, который для моего юного довоенного поколения был выше и главнее всех когда-либо виденных. Без каких-либо обоснований, вопреки спортивным законам переигрывался полуфинал Кубка между „Спартаком“ и „Динамо“ (Тбилиси) спустя три недели после финала. Не знаю, как бы мы себя повели, если бы у „Спартака“ отняли победу. К счастью, он выиграл этот матч. К счастью для нас, сидевших на трибунах. Для Старостиных дни на свободе после этого были сочтены».

Этой же версии придерживался и Эдвард Радзинский в своей книге «Сталин»: «Главное соперничество в футбольной жизни страны шло между двумя клубами: „Динамо“ (клубом НКВД) и „Спартаком“ (командой профсоюзов)… В дни встреч этих команд на стадионе в правительственной ложе появлялся руководитель НКВД. Сначала это был Ягода. Но расстреляли Ягоду, и в ложе

стал появляться маленький Ежов. Расстреляют Ежова, и в ложе появится Берия. Все они свирепо болели за команду „Динамо“ и ненавидели Николая Старостина — основателя и главу „Спартака“». По мнению Радзинского, замешенная на ревности ненависть особенно усилилась после того, как сборная басков обыграла динамовцев, а от «Спартака» потерпела единственное поражение.

В чем слабые стороны футбольной версии ареста? Да хотя бы в том, что еще в советские времена исследователи, среди которых был и известный спортивный журналист Аркадий Галинский, пытались отыскать документальные подтверждения тому, что Берия играл в футбол на организованном уровне. И не нашли ничего — ни в протоколах матчей, ни в публикациях. Конечно, можно предположить, будто глава чекистского ведомства вдруг пожелал уничтожить все следы своего пребывания на футбольном поле, но для чего бы ему это понадобилось?

Радзинскому было свойственно гиперболизировать многие вещи, а потому вряд ли можно согласиться с его фразой: «Старостина знала вся страна. Наверное, после Сталина и Ленина это была самая знаменитая фамилия». Не думаем, что меньше популярен в народе, нежели спортсмены, был, например, летчик Валерий Чкалов. Но и познания автора непосредственно в футбольной теме вызывают большие сомнения: слишком много чисто «футбольных» ошибок в его книге. (Взять хотя бы такое утверждение: «В 1936 году ошеломляющим событием для СССР были не процессы — страна жила приездом футболистов-басков». На самом деле их турне по Советскому Союзу состоялось годом позже, в 1937-м. Или еще пассаж: «Сталин велел выиграть. Ежов предложил выпустить на поле „Спартак“. Он понимал — поражение от басков станет концом команды». Но ведь против сборной Басконии под флагом «Спартака», по сути, выступала сборная СССР, и огромный вклад в победу внес Григорий Федотов, приглашенный из «Металлурга». Да и вообще, что тут можно обсуждать, если, по словам Радзинского, «20 мая 1942 года Старостин проснулся от яркого света. Пистолет в лицо — и крик: „Встать!“ Его вывели, втолкнули в машину, отвезли на Лубянку». В указанный день разбудить Николая Петровича пистолетом, конечно, могли, а вот отвезти на Лубянку — вряд ли. Ведь он уже находился там без малого два месяца, поскольку был арестован 21 марта.)

Нельзя относиться всерьез и к публикации Аллы Боссарт в «Новой газете»: «В 1941 году, после матча в Германии, всех братьев арестовали как немецких шпионов». Это было напечатано в 2001-м, а девять лет спустя подобное же дилетантство проявил

журнал «Телесемь»: «Братьев Старостиных посадили как немецких шпионов после матча в Германии». Опять не совпадает дата ареста, да и в Германии ни у «Спартака», ни у сборной страны никаких матчей не было. К тому же, напомним, к началу сороковых из всего квартета на поле оставался только Андрей: Николай и Александр завершили карьеру по возрасту, Петр — по травме.

Еще дальше пошел в приложении к «Новой газете» Александр Меленберг, опубликовавший материал «Личные состояния братьев Старостиных». Но его тезис «Версия ареста — ипподром» нельзя воспринимать иначе как плод воспаленной фантазии. По информации автора, полученной якобы от анонимных завсегдатаев бегов, братья-де контролировали ипподром, а потому имели огромные теневые доходы. Однако из всей четверки регулярно играл на тотализаторе только Андрей, причем с переменным успехом. Александр иногда бывал вместе с ним, а Николай и Петр вообще не интересовались бегами.

Между тем в рассекреченных документах имеется «Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о „профашистских“ настроениях среди спортсменов» от 19 марта 1942 года. Вот его текст:

> Сов. секретно
> № 444/6
> ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ
> *НКВД СССР располагает материалами, свидетельствующими о профашистских настроениях и вражеской работе*[2] спортсменов: Старостина Николая Петровича, члена ВКП(б), председателя Московского городского общества «СПАРТАК»; Старостина Андрея Петровича, члена ВКП(б), директора фабрики «СПОРТ и ТУРИЗМ», и Старостина Петра Петровича, члена ВКП(б), директора Производственного комбината об-ва «СПАРТАК».
>
> В 1937–1938 гг. следствием по делу ликвидированной шпионской организации, созданной сотрудником немецкого посольства в Москве фон Хервардом среди работников физкультуры и спорта, была установлена причастность СТАРОСТИНЫХ Николая и Андрея к данной организации.
>
> Арестованные участники этой организации Стеблев В. Н., Рябоконь В. Н. и Кривоносое С. Г. на следствии показали, что Старостин Н. П. был связан с Хервардом и выполнял его задания шпионского характера.

Стеблев В. Н., Рябоконь В. Н. и Кривоносое С. Г. свои показания на суде подтвердили и осуждены.

В ходе дальнейшей разработки были получены сообщения о том, что Старостин Н. П. и его братья антисоветски настроены и распространяют клеветнические измышления в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

В момент напряженного военного положения под Москвой Старостины Николай и Андрей, распространяя среди своего окружения пораженческие настроения, готовились остаться в Москве, рассчитывая в случае занятия города немцами занять руководящее положение в «русском спорте».

Политические настроения Старостиных в этот период времени характеризуются следующими высказываниями.

Старостин Андрей среди близких ему лиц заявил:

«Немцы займут Москву, Ленинград. Занятие этих центров — это конец большевизму, ликвидация советской власти и создание нового порядка…

Большевистская идея, которая вовлекла меня в партию в 1929 году, к настоящему времени полностью выветрилась, от нее не осталось и следа».

Специальными мероприятиями, проведенными в ноябре 1941 года, были зафиксированы следующие высказывания Старостина Николая и членов его семьи:

Старостин И. — «11-й день наступления немцев, ну, через недельку они будут здесь. Нам надо поторопиться с квартирой и завтра все оформить».

«…если брать комнаты, то только у евреев, потому что они больше не приедут сюда».

Жена — «…Голицыно находится в 10 километрах от Москвы, Лялечка (дочка Старостина) идет учить немецкий язык, я тоже поучусь, а то немцы придут, а я и говорить не умею…»

Старостин: «Да, жизнь наступает интересная».

Жена — «Была интересная в 1917 году, боролись за жизнь, а теперь уничтожают все».

Старостин: «А что тогда было интересного?»

Жена — «Свержение царизма».

Старостин: «А сейчас идет свержение коммунизма».

Жена — «Скорее бы…»

Готовясь к сотрудничеству с германскими оккупационными властями и сгруппировав вокруг себя

классово-чуждый элемент, Старостины занялись накоплением материальных ценностей (валюта, золото) и продовольственных запасов.

Установлено, что Старостины связаны с разветвленной группой расхитителей социалистической собственности в системе Промкооперации и производственных предприятий спортивного общества «СПАРТАК».

Хищническая деятельность этой группы приняла широкий размах, особенно в период войны. Из числа участников группы в данное время арестовано 15 человек. Показаниями обвиняемых Старостин Николай изобличается как один из ее руководителей.

Используя свои связи среди отдельных руководящих работников советских и хозяйственных органов, Старостин Николай, получая крупные взятки, незаконно бронирует лиц, подлежащих мобилизации в Красную Армию, и организует прописку в Москве классово-чуждого и уголовного элемента.

НКВД СССР считает необходимым арестовать Старостина Н. П. и Старостина А. П.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар государственной безопасности БЕРИЯ

На первом листе имеется резолюция: «За спекуляцию валютой и разворовывание имущества промкооперации — арестовать. И. Ст.».

4 апреля того же года Берия сделал запись в своем дневнике: «Дошли руки арестовать Старостиных. Мячик гоняли здорово, люди оказались дерьмо. Строили из себя интеллигентиков. Вроде им дали всё, что могли дать. Сколько чемпионов в тылу у немцев воюет, как спортсмены под Москвой воевали, а эти мало того, что шкурники и спекулянты, так еще и предатели. Шлепнуть бы, но зачем. Коба сказал, уберите это дерьмо подальше от Москвы, а так пусть воняет. Интеллигенты без дерьма не могут».

Исходя из этой записи и резолюции Сталина, можно сделать вывод, что версию об измене родине решено было если не вывести из оборота, то, по крайней мере, сделать не основной. Но все-таки нужно сказать и о ней.

Дочь Николая Петровича Елена, ознакомившись со «Спецсообщением Берии», сделала уточнение. Действительно, она изучала немецкий язык с преподавателем на дому, но еще до

того, как пошла в школу. То есть до начала Великой Отечественной войны. Стало быть, этот факт из донесения выглядит притянутым.

В воспоминаниях спартаковского футболиста и хоккеиста Анатолия Сеглина есть такой эпизод: «Сидели за одним столом Старостины, Леута и еще какой-то человек. И кто-то из Старостиных обронил: „Нам все равно, где играть — что в Германии, что в Советском Союзе…“» В пользу «пораженческих» настроений свидетельствовала еще одна история, которую нам рассказал журналист Александр Соскин со слов бывшего футболиста московского «Динамо» Сергея Ильина. В военное время ввиду клубной принадлежности Ильин оставался в Москве, как и другие одноклубники, служил в той части, к которой был приписан. Однажды он повстречал на улице старшего из братьев Старостиных, и тот в разговоре бросил такую фразу: мол, это вас, чекистов, немцы будут вешать, а нам, кооператорам, все равно, при каком режиме играть… По мнению Соскина, хорошо знавшего своего собеседника, у Ильина просто не хватило бы фантазии придумать подобный эпизод. Но за давностью лет нам остается только догадываться, было ли это игрой воображения Сергея Сергеевича или реальной, но неудачной шуткой Николая Петровича…

Теперь об экономической составляющей ареста. Для ее подтверждения тоже имеются определенные аргументы. Сценарист и режиссер Евгений Богатырев, чей отец Григорий Берлянд был одноклубником и другом братьев Старостиных, поведал:

«В 1984 году я отдыхал в Одессе у родственников. В тот год проходили соревнования „Дружба-1984“ — альтернативные Олимпиаде в Лос-Анджелесе, куда не поехали спортсмены из СССР и ряда социалистических стран. В качестве поощрения победители должны были отправиться на теплоходе „Шота Руставели“ — флагмане Черноморского пароходства — из Сухуми в Болгарию. И когда теплоход перегоняли из Одессы в Сухуми, родственники устроили так, чтобы меня взяли на борт. Фактически я был единственным пассажиром и подружился с замполитом корабля — естественно, имевшим отношение к органам.

Когда он поинтересовался, над чем я сейчас работаю, то я ответил, что вместе с Ильей Гутманом снимаю фильм „ 'Спартак': действующие лица и болельщики“. Естественно, в разговоре всплыла фамилия Старостиных. И замполит сказал, что многое, рассказанное Николаем Петровичем, в том числе и об обстоятельствах его ареста, — красивая легенда. Что он сам

держал в руках дело старшего из братьев, из которого явствовало, будто посадили его за экономические преступления. К братьям, добавил замполит, вопросов нет, они пошли в заключение только как члены семьи. А истинной причиной наказания было изготовление левого товара в артелях.

После этого разговора мне вспомнился рассказ отца, который во время Великой Отечественной войны служил интендантом на флоте и однажды приехал в командировку в Москву. Николай Петрович пригласил старого товарища в гости отобедать, и тот был поражен обилием стола, контрастировавшим с аскетизмом военного времени. Вспомнил и рассказ Анны Дмитриевой, который она слышала от тренера Нины Тепляковой. Нина Сергеевна дружила с сестрами Старостиными, играла с ними в теннис, а потому тоже бывала в семье на обедах. И впечатление ее было примерно таким же, как и моего отца».

Со словами Богатырева стыкуется и цитата из интервью спартаковского вратаря шестидесятых годов, а впоследствии известного телекомментатора Владимира Маслаченко. Он рассказывал об одном застолье: «Стол „вел“ мужик, оказавшийся большой шишкой Лубянки. Зашел разговор о Старостине. И вот этот самый человек, который до того вальяжно восседал во главе стола, вдруг изменился в лице и сказал о Николае Петровиче: „Уголовник, б…!“ После чего разговор на эту тему мгновенно прекратился».

Теперь о незаконном бронировании лиц, подлежащих мобилизации в Красную армию. Действительно, у старшего из братьев были связи, позволявшие его протеже избежать отправки в войска. Так произошло, в частности, с упоминавшимся ранее Анатолием Сеглиным, другими спартаковцами. Анатолий Владимирович говорил: «Старостин из спортсменов кого мог, того освободил через райком. И всех в те же дни членами партии сделал, меня в том числе».

Но все они шли работать на военные заводы, причем даже на первенство Москвы не имели права играть за «Спартак», а защищали цвета других клубов. То есть никакой личной выгоды у Николая Петровича не было. Да и вообще московских футболистов с негласного одобрения властей редко посылали на фронт, разве что кто-то уходил добровольцем. При этом, думается, высокое начальство во главу угла ставило не стремление сохранить спортивный генофонд, а скорее идеологию: стремилось показать, что и в лихую годину столица живет полноценной жизнью, вот и матчи регулярно проводятся…

По утверждению безымянного замполита, собеседника Евгения Богатырева, дело об экономических преступлениях было

направлено именно против Николая Старостина. Остальных братьев брали, что называется, за компанию.

И вот что удивительно: в шапке спецсообщения Берии говорится только о трех братьях. А санкция на арест запрашивается вообще в отношении двух. Александр до поры до времени оставался за кадром, и этой загадке у нас нет никакого объяснения.

Но почему все-таки взяли всех? На наш взгляд, Старостины были слишком независимыми людьми по меркам тогдашнего общества. И одно это вызывало у власть предержащих огромное желание их изолировать. А формулировки уже не имели значения: что шпионаж в пользу Германии, что взятки военным комиссарам. В общем, было бы желание арестовать, а повод найдется.

«Головой не пробьешь стены этого дома…»

У Андрея, сына Петра Петровича, картина ареста отца запечатлелась в памяти, даром ему еще и пяти не исполнилось:

«Накануне отец хотел сводить меня в зоопарк. А тут пришли какие-то мужчины, начали шмотки бросать на пол. Я отцу говорю: „Пойдем в зоопарк, ты же обещал!“ Потом заревел, и меня унесли. Пришедшие описывали вещи на кухне. Отец играл в русский хоккей, так один из МВД взял его коньки с ботинками — гаги — и отдал мне: „Будешь в хоккей играть!“ Добрый попался… Мама отспорила шкаф, пианино, ковер — мол, это ей досталось от родителей. Если был фотоальбом, то конфисковали, снимки потом собирали у знакомых».

Сам Петр Петрович в 1989-м, за несколько лет до кончины, собрался изложить историю своего заключения на бумаге. Тетрадка с рукописью сохранилась, и родственники любезно предоставили ее для публикации в книге. Жаль, что в машинописном варианте не передать все особенности его почерка… Вот начало этого текста, стиль оригинала сохранен.

Арест

Москва. 1942 г, 21 марта, 4 часа утра. Длинный звонок в квартиру. Просыпаемся, удивленные и несколько испуганные от неожиданности. Открываю дверь. При входе трое мужчин.

— Здесь проживает Старостин Петр Петрович?

— Да, это я.

— Вы арестованы, вот ордер на арест и обыск. Чувствую, как за спиной заволновалась жена Зоя

Алексеевна. Стараюсь ее успокоить:

— Это недоразумение, ошибка.

Меня поторапливают быстрей одеваться. Жена наскоро что-то собирает в рюкзак на дорогу. Пытаюсь ее убедить, что это не понадобится. При выходе проснувшийся четырехлетний сын Андрюшка спрашивает:

— Пап, ты куда?

— Спи, сынок, скоро вернусь.

В коридоре наш дворник шепчет: у Николая Петровича, старшего моего брата, тоже обыск. Серебристая «волга» привозит на Лубянку.

Лубянка

Бокс, помещение чуть больше телефонной будки.

Сижу, наверно, несколько часов. Потом переводят в светлую комнату. Снимают верхнюю одежду, остаюсь в рубашке и брюках, ощупывают, нет ли каких твердых предметов. Входит парикмахер и начинает стричь наголо. Возмущаюсь, пытаюсь сопротивляться, в мыслях, как я вернусь домой с бритой головой, но он молча продолжает свое дело и доводит его до конца. Видимо, к таким протестам он давно привык.

Замеряется рост — 178 см, вес —71 кг, и снятие отпечатков пальцев. Потом подъем на лестнице наверх, и по длинным коридорам приводят в одиночную камеру — небольших размеров комнату с зарешатчатым окном под потолком и наружным козырьком, отчего в комнате стоит полумрак. В этой комнате мне предсто-

ит пребывать более года. А потом, примерно в такой же, девять месяцев в башне Бутырской тюрьмы. Итого в общей сложности 21 месяц одиночного тюремного заключения.

Первый допрос

С нетерпением ожидаю вызова к следователю, прошло уже более недели, а обо мне как забыли. Монотонность ожидания нарушается только периодическим открыванием глазка в двери, через который надзиратель наблюдает за моим поведением. По утрам приносят суточный рацион — 400 гр. хлеба, а днем маленькую миску жиденького бульона — супа или щей. И вот, наконец, появление конвоира и повелительное:

— На допрос!

Переход по коридорам сопровождается предупреждающим позвякиванием ключом по металлической пряжке ремня охранника. При появлении встречного конвоя — остановка и резкий окрик:

— Лицом к стене!

По обеим сторонам коридора располагаются кабинеты, где производятся допросы. И вдруг из одного из них доносится грубая, площадная брань и стоны. Страшная догадка — кого-то избивают. Впоследствии к этому относился не так болезненно, как в первый раз.

Сижу на табуретке, передо мной следователь Сергей Иванович Еломанов, полноватый блондин, невысокого роста, примерно моего возраста, капитан по званию. Через год он станет уже майором. Очевидно, быстрое повышение получит за «заслуги» перед Родиной за

«разоблачение врагов народа».

Допрос начался с заполнения анкетных данных.

— Фамилия, имя, отчество?

— Старостин Петр Петрович.

— Возраст?

— 32 года.

— Место работы и должность?

— Управляющий московским производственным комбинатом «Спартак».

Здесь немножко отвлекаюсь. Комбинат состоял из пяти цехов — швейного, обувного, трикотажного, деревообрабатывающего и металлических изделий, расположенных в разных местах города. Администрация и служебный аппарат размещались в нескольких комнатах ГУМа. Производил он спортивные изделия для об-

щества и на продажу. Во время войны почти полностью переключился на военную продукцию. Кстати, в начале войны в комбинат пришли работать мои коллеги по футбольной команде — Владимир Степанов, Василий Соколов, Анатолий Акимов, Георгий Глазков, Григорий Тучков и другие. Имена этих выдающихся спортсменов, конечно, помнят все любители футбола. Отступление о комбинате сделал потому, что некоторые обвинения будут связаны с моей в нем работой.

Закончив опрос моих анкетных данных, Еломанов сказал:

— Ну, а теперь рассказывайте о своей контрреволюционной деятельности.

И, помолчав, добавил:

— И о братьях тоже.

Я ответил, что никакой контрреволюционной деятельностью не занимался, и просил сказать, за что я арестован.

— Не занимались? — равнодушно сказал Еломанов. — Боитесь сказать больше, чем мы о вас знаем! Пытаетесь хитрить! Ничего у вас не выйдет. Думайте, думайте, с чего начать!

И отвернулся.

Я сидел и молчал. Часа через два он спросил:

— Ну, надумали?

Я ответил, что никакой вины за собой не знаю. К вечеру он вызвал конвой и в дверях крикнул:

— Думайте в камере!

Так окончился первый допрос, а с ним и иллюзия об ошибочности ареста и скором возвращении домой. Потекли тягучие, томительные дни, с вызовами один-два раза в неделю. Прошло несколько месяцев — сильней стало ощущаться чувство голода, появилась неприятная ноющая боль в желудке.

Как-то во время допроса в соседнем кабинете услышал голос Андрея — брата. Значит, он тоже арестован.

Часто в кабинете Еломанова появлялись другие следователи, среди них были худой долговязый Рассыпнинский и стройный брюнет Коган. Первый, как я узнал позднее, вел дело Николая, второй — Андрея. Третий брат Александр был арестован после нас и привезен на Лубянку прямо из действующей армии.

Памятным событием в кабинете Еломанова было появление начальства — комиссара госбезопасности Есаулова. Последовала команда «Встать!», что относилось ко всем находящимся в кабинете. И ко мне тоже. Есаулов, дав какие-то приказания Еломанову, собирался уходить и, видимо, зная, кто находится на допросе, и зло глядя на меня, сказал:

— Ишь, каким волчонком смотрит, гнойный прыщ на чистом советском теле!

И вышел.

Как-то на очередном допросе вошел Рассыпнинский и, кивнув на меня, спросил:

— Молчит? Тот кивнул.

— Значит, пора брать в…, — и назвал слово, которое по цензурным соображениям назвать нельзя. По смыслу это обозначало — брать в шоры или брать в обработку.

В последнее время я сам чувствовал, что нажим усиливается. Обращение на «вы» давно заменено на «ты». Появились угрозы, грубая ругань. Как-то Еломанов показал мне из кучи отобранных у меня при обыске газетных вырезок и фотографий карточку жены с сыном и сказал:

— Если ты будешь продолжать молчать, они тоже окажутся здесь.

И дальше возмущенно добавил:

— Неужели не понимаешь, что своей ослиной головой не пробьешь стены этого дома! На, смотри!

И он дал мне выдержку из показаний Николая Ежова, где перечислялись имена известных из различных

областей деятельности, которых он собирался вовлечь в свою контрреволюционную организацию. Среди них была фамилия Старостиных. Я не понимал, при чем же здесь мы.

Обработка

И обработка началась. В тюрьме был установлен порядок — в шесть часов утра подъем и заправка коек, а в десять вечера отбой и сон. Я от отбоя до подъема находился на допросе. А утром, когда приводили в камеру, разрешалось только сидеть лицом к входной двери с открытыми глазами. Если веки глаз начинали смыкаться, в камеру врывался непрерывно наблюдающий надзиратель и приказывал встать к стене. Наблюдатели сменялись примерно каждый час.

Допрос стал сопровождаться периодическим избиением при помощи появляющихся для этой цели двух

здоровых парней. Иногда к ним присоединялся Еломанов. Первый раз я пытался оказать сопротивление, но это только ухудшило мое положение. Слишком неравные были силы. Поэтому в дальнейшем я делал только жалкие попытки увернуться от ударов, нацеленных в нижнюю часть лица.

Принятый режим «обработки» стал быстро давать свой результат. Через несколько дней я с трудом передвигался, стремительно худел и слабел. Спать приспособился сидя с открытыми глазами. Вернее, это был не сон, а потеря ощущения действительности, прострация. На допрос конвой водил под руки.

В этот период начали возникать бредовые мысли — придумать на себя абсурдные, несуразные обвинения, чтобы поняли, что это вымысел, и отстали бы от меня. Созрела даже идея: я — агент французской контрразведки, а подтверждением этому мог служить автограф Эррио, который каждый из нас четверых братьев получил на приеме в Лионе, где он был мэром города. Этот автограф на карточке — меню обеда я и наметил паролем — приступить к террористическим действиям в Москве. Бог спас меня и моих братьев от смерти — я этого не успел сказать. Тогда я не знал, что нашего одноклубника Серафима Кривоносова, находящегося, видимо, в моем положении, расстреляли за показания убить Сталина на стадионе «Локомотив». Сталин никогда не бывал на стадионах, а тем более на

этом маленьком, находящемся на Рязанской улице близ Казанского вокзала.

Голодовка

Сколько прошло времени, сказать не могу, но в одну из ночей меня приволокли в камеру сильно избитым. Я объявил голодовку. Да и не смог бы есть, если даже захотел. Губы, язык, щеки изнутри — все распухло и кровоточило.

К концу дня в камеру с шумом вошла группа людей во главе с начальником тюрьмы.

— Враг, враг! — заорал он на меня. — Только враги у нас объявляют голодовку. Но мы тебе подохнуть не дадим. Сейчас накормим, — и он повернулся к стоявшим санитарам.

У одного из них в руках была клизма с какой-то коричневатой жидкостью. С меня содрали штаны, и началась экзекуция кормления. Большего унижения и пол-

ного своего бессилия мне никогда не приходилось переживать.

Несколько успокоившись, начальник тюрьмы обратился к стоящему здесь же тюремному врачу:

— Посмотрите, что у него, — и он указал на мое лицо. Врач ложечкой с трудом открыл мой рот, поглядел в

него и сказал:

— Страшного ничего нет, можно есть что-нибудь мяконькое.

Протест голодом потерпел фиаско. Однако на очередной допрос меня не вызвали. И в последующие дни тоже. «Обработка» прервалась, правда, к этому времени я был полностью истощен. Кожа да кости. Когда садился на табуретку, то раздавался звук, похожий на стук твердого предмета о дерево. Запомнились ногти на руках, они очень отросли, потрескались и загнулись книзу, стали как когти у курицы, мешали брать в руки мелкие предметы и цеплялись за одежду.

Внезапно я оглох с полной потерей слуха. Меня отвели к врачу. Отвечая на письменные вопросы, пытался прочитать, что он пишет. Мне удалось рассмотреть одно слово: «дистрофия». Перед уходом я спросил, можно ли рассчитывать на возврат слуха, он написал: «Будем надеяться». Врач был другой, не тот, кто смотрел мне в рот.

Прошло более двух месяцев полного затишья. Немножко стал приходить в себя. Постепенно восстановился слух.

Очная ставка

Пошел второй год пребывания в тюрьме. Вновь вызов на допрос. Вводят в просторный кабинет. За большим столом сидит Есаулов, поодаль еще люди, а в глубине у стены вижу брата Николая. С испугом всматриваюсь в его лицо, оно какое-то серое, отекшее, с крупными фиолетовыми кругами под глазами. Вижу, что он с таким же чувством рассматривает меня. Нас посадили рядом и стали задавать вопросы: знаем ли мы друг друга, имеем ли какие-либо взаимные претензии? Я понял, что начинается очная ставка.

В это время Николай попросил у Есаулова разрешения поговорить со мной без занесения этого разговора в протокол.

— Петь! — обратился ко мне Николай. Он несколько задумался, подбирая нужные слова, и сказал: — Нам

нужно, наконец, решиться перейти Рубикон, перестать таиться и обо всем рассказать. Иначе для нас все кончится очень плохо. Я это решение уже принял и хочу помочь сделать это и тебе. Я напомню о твоих высказываниях, которые ты допускал в нашем кругу, и думаю, что ты не будешь их отрицать.

Я молча слушал Николая и отлично понимал, что им делается попытка сохранить наши жизни, потому что другого пути действительно нет. Надо в чем-то признаваться, но в чем, я не знал.

Начался официальный допрос. Есаулов спросил у Николая, что он может рассказать о преступной деятельности своего брата Петра. Видимо, все заранее обдумав, Николай говорил:

— По окончании финской войны и заключения мирного договора Петр критиковал договор, считая, что в нем не компенсированы наши затраты, понесенные во время войны: финская территория, перешедшая к Советскому Союзу, мала и не гарантирует от возможного артиллерийского обстрела Ленинграда с финской границы. И вообще, учитывая наши людские потери, договор более похож на поражение, чем на победу. По окончании института Петр говорил, что зря потратил пять лет для того, чтобы работать инженером за 100–150 рублей в месяц, в то время, как, играя в футбол,

зарабатывает значительно больше. Отправляя людей из комбината, где руководил, на трудовой фронт для оборонительных работ, Петр высказывал свое отрицательное отношение к этому, считая, что люди принесут больше пользы, тем более, что на местах она (работа) была в большинстве своем плохо организована…

Все, что говорил Николай, он не просто выдумал, а вспомнил действительно когда-то сказанное мной. Но он так все исказил, намеренно придал этому разговору антисоветский душок. Он как бы определил для меня состав моей антиреволюционной деятельности. Обладая большей информацией, Николай первым оценил безнадежность ситуации, в которой мы находились, и ее вероятные трагические последствия. Я до сих пор благодарен ему за эту ставку.

Я, конечно, признался в своих антисоветских высказываниях и подписал протокол допроса. Как Николай смог припомнить эти обычные наши домашние разговоры! Например, я действительно говорил, что хотелось бы взять у Финляндии побольше территории, чтобы

обезопасить Ленинград, — и только. Или говорил, что пока играю в футбол, нет смысла работать инженером, — и только. Выражал сожаление о зря потерянном времени, когда люди, посланные мной на оборонительные работы, вернулись через неделю назад, не будучи использованными там, куда они направлялись, — и только. Формулировки, изложенные Николаем, были его импровизацией во спасение душ наших, в частности, моей. По окончании очной ставки Николай обратился к Есаулову и попросил разрешить мне передачу, при этом, указав на меня, сказал:

— Смотрите, он какой. На это Есаулов ответил:

— Сам виноват, он еще до сих пор носит камень за пазухой против Советской власти.

В камере я почувствовал душевное облегчение, хотя поводов для него никаких не было. Несколько раз вызывал Еломанов. Он был уже в погонах майора. На допросе шел разговор вокруг очной ставки. Уточнялись место и время, где я вел свои антисоветские высказывания, и их формулировки. Фактически на этом материале сложилось и мое обвинительное заключение, которое фигурировало на суде. Кратко оно звучало так.

По финскому вопросу — критика действий правительства и партии. По вопросу института и инженерной работы — клевета на низкую оплачиваемость советской интеллигенции. По оборонительным работам — клевета на низкую организацию оборонных работ под Москвой и отрицательное отношение к ней.

Вскоре я был переведен в башню Бутырской тюрьмы, и опять в одиночную камеру. Какая радость — передача! Видимо, Есаулов все же разрешил. Записка от жены с перечнем продуктов — и подпись. Большего писать не разрешалось. И ответ: «передачу получил», подпись.

В рассказе Петра уточним одну деталь: заместителя начальника следственной части 3-го (секретно-политического) управления НКВД СССР Анатолия Эсаулова — а именно так звучала должность на момент ареста — он называл Есауловым. Аналогичное написание встречалось потом и в книгах Николая. Однако эти воспоминания были оформлены, когда оба брата находились уже в почтенном возрасте. А вот в 1954-м, по горячим следам, хлопоча о пересмотре дела, Старостин-старший упоминал уже именно об Эсаулове.

Игра без правил

В своих мемуарах Николай Петрович Старостин детально рассказывал об аресте и пребывании на Лубянке. А вот в книгах Андрея Петровича об этом нет ни малейшего упоминания. Объяснять это принято тем, что старший из братьев создавал «Футбол сквозь годы» во времена перестройки, до которой Андрей Петрович не дожил. Но вовсе не факт, что своеобразная эстафета была бы принята. Николай с его рациональным складом ума не стеснялся описывать мерзости тюремной жизни, а Андрей, возможно, нашел бы их неуместными с эстетической стороны.

Был и еще один нюанс, на наш взгляд, весьма важный. Старший из братьев исходил из опыта прошлых лет и к репрессиям был внутренне готов, даже не видя за собой никакой серьезной вины. Младший, в чьем характере нередко проявлялись черты гедониста, мог об этом и не задумываться. Тем более что всего за несколько недель до мартовских событий у него родилась дочь и заботы были иными. И удар судьбы они могли психологически перенести по-разному.

Если в квартиру Петра чекисты звонили, то в случае с Николаем они избрали другой прием. Было известно, что Старостин имеет разрешение на хранение револьвера, и ну как при задержании откроет пальбу? Поэтому в операции была задействована домработница, бывшая монашка. В нужный час она сняла цепочку и оставила дверь незакрытой. И получилось, как в стихах Владимира Высоцкого, написанных, правда, совсем по другому поводу: «Чтоб не испытывал судьбу, взять утром тепленьким с постели»…

Хотя задержанный не оказывал сопротивления и просил оперативников не шуметь, чтобы не разбудить детей, мимо Елены страшная ситуация не прошла: «Все было, как в фильмах о тех временах. В памяти, например, запечатлелось, как ночью к нам в трехкомнатную квартиру на Спиридоньевке со стуком ворвались незнакомые дяди, в темноте фонариком осветили все уголки, затем увели папу, опечатали две комнаты, а нам с мамой и старшей сестрой Евгенией разрешили жить в девятиметровой комнате. Обыск, кстати, продолжался еще двое суток. Из квартиры были вывезены мебель, картины, другие ценные вещи».

Уместно сопоставить со сценой ареста Петра: еще не состоялся не то что суд, а даже и следствие, ничья вина не доказана, однако опись имущества — в самом разгаре.

Андрей, повторимся, на бумаге подробностей розового утра не оставил. Но друзьям о них рассказывал, и поэт Константин

Ваншенкин потом написал с его слов:

«У Андрея на стуле висел пиджак с орденом „Знак Почета“. Тогда эти ордена еще крепились не на колодке с булавкой, а на винте. Один из пришедших вырвал его, не развинчивая, с мясом. Грудная Наташа спала в соседней комнате. Андрей сказал, что должен попрощаться с ней. Они не разрешили. Но он отмахнулся и шагнул в дверь. Они вдвоем завели ему за спину руки и держали так, пока он, нагнувшись, целовал ребенка».

От дворника Петр узнал, что пришли и к Николаю, позже на допросе услышал в соседнем кабинете голос Андрея. Старший, в свою очередь, получил недозволенную информацию из-за оговорки конвоира на Лубянке: «Старостин Андрей, выходи!» Андрей же был в полном неведении о том, что происходило с семьей, с братьями.

Впрочем, испытание неизвестностью вообще входило в тактику следствия. Арестованных Старостиных, помещенных в одиночные камеры, не торопились вызывать на допросы. Да и потом, когда сопровождали по коридорам Лубянки, выбирали время и маршруты так, чтобы они не пересекались с другими заключенными, а уж тем паче друг с другом. Если же два конвоя все-таки пересекались, то следовала команда: «Лицом к стене!»

Наверное, профессиональные рецидивисты в застенках сумели бы наладить обмен «малявами». Однако откуда было знать тонкости тюремной переписки спортсменам?

Следователи — и Еломанов с Петром, и Рассыпнинский с Николаем, и Коган с Андреем — поначалу вели себя одинаково. Не предъявляя никаких конкретных обвинений, предлагали сознаться в содеянном. И это тоже было запланированной частью игры: а вдруг кто-то из братьев решит облегчить свое положение какими-то — пусть и незначительными — показаниями? И тогда, отталкиваясь от этого, можно будет раскалывать и остальных.

Пытку бессонницей к Старостиным также применяли системно, в том числе и к арестованному позже Александру. Но она могла продолжаться только до определенного предела, потому как вкупе с недостаточным питанием истощала человека до такой степени, что он был уже не способен на диалог со следствием. Андрей какое-то время не мог самостоятельно передвигаться, полтора месяца провел в больнице Бутырской тюрьмы, а потом заново учился ходить, из-за чего отодвинулись сроки суда. Николаю начал отказывать вестибулярный аппарат, он страдал головокружениями.

А вот избиениям подвергался только самый младший. Наивно думать, что таким образом чекисты отдавали невольную дань уважения более заслуженным Николаю, Александру и Андрею,

оставившим на футбольном поле более заметный след. Просто — по расчетам мучителей — Петр должен был представлять «слабое звено».

Метод «подсадных уток» тоже был испробован, но на более поздней стадии. Да и у самого Николая не было полной уверенности, что его новый сосед по камере, представившийся бывшим прокурором Новосибирской области Александром Александровичем Ягодкиным, работает на следствие. Другое дело, что сокамерник уверял: целесообразно признаться в какой-нибудь мелочи, дабы быстрее довести дело до суда и отправиться куда-нибудь вглубь Союза, а не оставаться в Москве, от которой линия фронта проходила все еще относительно близко. Конечно, к тому времени немецкие войска уже были отброшены от стен столицы, да и допросы не прерывались воздушной тревогой, как это было весной 1942-го. Однако доводы Ягодкина во многом выглядели логичными и не подвергались бы сомнению, если бы схожие мысли Николай не услышал однажды от следователя.

Имелись и другие детали, заставлявшие быть с экс-прокурором поосторожнее. Например, он рассказал Николаю, что слышал, как немецкое радио объявило об аресте братьев Старостиных, якобы ожидавших прихода немцев в столицу и потому не уехавших в эвакуацию. Но где это в тылу, интересно, Ягодкин мог слушать передачи вражеского радио? Соседа тоже уводили на ночные допросы, однако если он был агентом, то как раз в это время ему предоставляли отдых. Наконец, собеседник Николая ухитрялся спать и днем в обход тюремных правил. Он носил очки и прилеплял к стеклам изнутри хлебный мякиш, из-за чего создавалось впечатление, будто арестант сидит с открытыми глазами. Вот только внимательный надзиратель, периодически осматривая камеру в глазок, наверняка бы насторожился: отчего это человек постоянно находится на одном и том же месте в одной и той же позе?

Впрочем, обо всем этом Старостин-старший мог размышлять уже задним числом, особенно после того, как представилась возможность переговорить с братьями. И тогда Петр поведал, что в его камере был похожий по описанию субъект, хотя и под другой фамилией.

Ягодкин предлагал в чем-нибудь сознаться. Но в чем?

Первое обвинение, предъявленное Николаю капитаном Рассыпнинским по приказанию полковника Эсаулова, все-таки касалось Косарева. По его заданию-де Старостины должны были совершить террористический акт против членов политбюро и лично Сталина во время парада спортсменов на Красной площади в 1937 году. В качестве улики фигурировала изъятая при обыске

фотография: спартаковцы на автомобиле, стилизованном под футбольную бутсу, проезжают мимо мавзолея.

…Можно представить, что через много лет во время просмотра сериала «Семнадцать мгновений весны» Николай Петрович вновь и вновь примерял на себя ситуацию со Штирлицем. Только тому в одиночке было отведено куда больше времени, чтобы вспомнить, при каких обстоятельствах он мог оставить отпечатки пальцев на чемодане разведчицы-радистки. А Старостину требовалось мгновенно отыскать правильный ответ, да еще и под давлением следователя.

И он отыскал: «В бутсе сидели два ваших сотрудника. Я думаю, можно легко установить их фамилии».

После такого железного аргумента версия о терроризме быстро сошла на нет. И следователь попытался разыграть экономический козырь: хищение вагона мануфактуры, который был отправлен в начале войны из Иванова в адрес «Спартака». Однако через пару недель выяснилось, что тут нет не только состава, но и факта преступления: вагон отыскался.

В ходе расследования на Лубянке также пытались доказать, что начиная с весны 1940 года Николай Старостин брал деньги на расходы не из кассы спортивного общества, а в магазине «Спартак». В общей сложности от директора магазина Кожина он получил около 20 тысяч рублей. Излишки образовывались за счет продажи товаров низших сортов по ценам высших или с помощью другого приема, когда из материала на изготовление ста простыней реально вырабатывалось на десяток больше.

Раскручивалась тема взяток военному комиссару, в результате чего избежали отправки на фронт руководители «Мосплодоовощторга», магазинов «Молококомбината». За содействие они якобы снабжали Николая Старостина продуктами — например, от директора магазина Звездкина он получил 60 килограммов сливочного масла и 50 килограммов колбасных изделий.

Наконец, приоритетным стало третье направление: пропаганда буржуазного образа жизни и спорта в частности. Поскольку изначально следствие к нему было не слишком подготовлено, потребовалось время, чтобы собрать хоть какие-то улики — преимущественно из разговоров с сотрудниками МГС «Спартак». А потом и Ягодкин рекомендовал Николаю взять на себя вину именно за антисоветскую агитацию.

Тем не менее и здесь следствие двигалось вяло, пока вышестоящий руководитель — начальник второго управления НКГБ генерал-лейтенант Федотов — не поставил ультиматум: или полноценные признания, или репрессии в отношении семьи.

Здесь выбирать уже не приходилось.

После того как старший из братьев выторговал право на свидание с женой, он письменно признался в антисоветских высказываниях, которые допускали все Старостины. На очных ставках убеждал братьев их подтвердить.

Поскольку следствие подошло к логическому концу, условия содержания несколько улучшились. Про передачи уже было сказано, а Николаю даже разрешили читать книги из тюремной библиотеки. Судя по экслибрисам, они прежде принадлежали наркому юстиции СССР Николаю Крыленко, казненному еще в 1938 году…

Где трое, там и четвертый

В одной из публикаций воспоминаний Андрея Старостина-младшего есть фраза о дяде: «Александр Петрович в это время находился на фронте, и его арестовали через несколько дней». Здесь сразу две неточности. Одна из них стилистическая — отрезок в семь с лишним месяцев не слишком уместно измерять несколькими днями. А другая заключается в том, что майор Старостин ушел в Красную армию в апреле 1942-го, то есть уже после того, как его братья оказались на Лубянке. Интервьюируемый в описываемое время был еще ребенком и спустя много лет невольно мог ошибиться. Но и интервьюер не проявил должной внимательности, расшифровывая запись беседы. А подобные нестыковки продолжают вносить вклад в создание мифов.

Более того, второй из братьев попал не на фронт, а в Горький, на высшие курсы «Выстрел» № 95. Их филиал в городе на Волге был организован по приказу наркома обороны Сталина № 0427 от 17 ноября 1941 года для подготовки командиров пехотных рот. Согласно документу, на курсы должны были «отбирать грамотных, имеющих боевой опыт, смелых, волевых, достойно показавших себя в боях и на работе командиров», а срок обучения составлял два месяца. Однако Старостин, который в отдельных документах проходил как слушатель, накануне ареста значился командиром взвода роты обеспечения. Таким образом, становится понятно, почему по истечении двухмесячного срока он не пополнил боевую часть.

В книге Николая Петровича «Футбол сквозь годы» хронология событий приближена к действительности: «Чуть позже взяли мужей наших сестер — Петра Попова и Павла Тикстона, близких друзей нашей семьи — спартаковцев Евгения Архангельского и Станислава Леуту. А вскоре один из конвоиров, нарушая все инструкции, шепнул мне: „Александра привезли“. Брат в чине майора служил в действующей армии, и, видимо, на его доставку и прочие формальности ушло какое-то время». Если учесть, что Леута был заключен под стражу 21 августа, а пытки бессонницей, применяемые к Старостиным, не позволяли ориентироваться во времени, слово «вскоре» не несет в себе никаких противоречий.

На берегах Волги Александр Старостин снова соприкоснулся с любимым футболом. Летом того года газета «Красный спорт» сообщала:

«ГОРЬКИЙ. Более 2000 зрителей смотрело на стадионе „Динамо“ финал городского Кубка. Играли „Торпедо“ и команда

Н-ской воинской части, в составе которой играл засл. мастер спорта Ал. Старостин. Матч закончился со счетом 2:1 в пользу „Торпедо“».

Обстоятельства ареста Александра Петровича были описаны в исследовании Андрея Влискова на страницах газеты «Молодежь Севера», выходящей в Республике Коми. Публикация была приурочена к столетию со дня рождения Старостина-второго и называла поименно всех, кто приложил руку к его непосредственному задержанию. 28 октября старший следователь особого отдела НКВД Московского военного округа лейтенант Шиловский составил текст постановления об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей. Помощник военного прокурора округа полковник Сухарев дал санкцию, указав даже точное время — 20 часов 27 минут. Резолюцию «утверждаю» поставил заместитель начальника особого отдела, капитан госбезопасности Кузнецов, а пометку «согласен» оставил начальник следственной части отдела старший лейтенант Виноградов. По наблюдению автора, не стоило удивляться тому, что должностные лица не утруждали себя указанием имен или даже инициалов. Это было приметой времени, порой сотрудники НКВД и вовсе ограничивались неразборчивыми подписями.

Как следовало из постановления, лейтенант Шиловский, рассмотрев поступившие в особый отдел НКВД МВО материалы, пришел к выводу о том, что Старостин, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда. Разумеется, это не было самостоятельной инициативой данного офицера: он исполнял конкретный приказ сверху.

Любопытный нюанс: адрес Старостина в постановлении был указан так: «Москва, ул. Спиридоновская, д. 15, кв. 30». Но, во-первых, еще в 1941 году улица была переименована и стала именоваться улицей Алексея Толстого, а во-вторых, Александр, по словам родственников, жил не в том доме, что остальные братья: его квартира находилась на Никитском бульваре.

29 октября майору был предъявлен ордер за номером 4147. А 6 ноября в Лефортовской тюрьме Москвы некий сержант госбезопасности, чья фамилия никак не явствовала из подписи, заполнил со слов арестованного анкету. Опрошенный сообщил, что ему ничего не известно о нахождении матери и сестер. Отвечая на вопрос о семейном положении, он указал: «Женат, две дочери». Его единственным кровным ребенком являлась Алла; получается, что Александр Петрович записал на себя дочь своей второй жены Зинаиды от предыдущего брака. Алла же во время войны находилась в Ленинграде, где перенесла блокаду.

Следственные действия в отношении второго из братьев

велись не так активно. Здесь совпало несколько факторов. Напомним, в записке Берии на имя Сталина Александр не фигурировал вообще. Остальные Старостины были «в обработке» уже полгода, а тут надо было начинать с нуля. Наконец, и следователь не рвался в передовики пыточного производства и опирался в основном на показания «подельников». Сперва арестованному, как и другим спартаковцам, инкриминировалась политика: они якобы решили, как только немцы войдут в Москву, создать новую команду под названием «Россия». Затем было предъявлено обвинение в расхищении социалистической собственности за пропавшие четыре вагона, отправленные из Москвы на Урал и не прибывшие к месту назначения в город Чусовой. В общем, пробовались те же ходы, что и с остальными братьями.

От восьми до десяти

Антонина при встрече не могла рассказать мужу, что она с дочерьми ютится на Спиридоновке в восьмиметровой комнате, а остальные две отчуждены. К фразе «дочки учатся» тоже нельзя было добавить никаких подробностей. Но все удивлялись, что Евгения, несмотря на арест отца, продолжала ходить в ту же 175-ю правительственную школу. Впрочем, со стороны одноклассников никаких перемен не наблюдалось, как и со стороны соседей по дому: репрессированные были в то время во многих семьях.

У Елены про тот период остались такие воспоминания: «Когда папу арестовали, мама стала брать работу на дом, красила платки и другие изделия по трафарету — в несколько красок, щеточкой. Мы ей помогали, трафареты накладывали. Из трех комнат оставили одну — детскую. В две большие — столовую и спальню — поселили сначала управделами Совмина Петухова, потом депутата Градусова».

Ее кузен Андрей добавлял:

«Когда братьев посадили, нас на Спиридоновке не тронули. У семьи Николая Петровича отобрали две комнаты, а у нас было нечего отбирать… А вот в квартиру Андрея Петровича переехал знаменитый бегун Серафим Знаменский. Он потом застрелился, мы с другими детьми бегали смотреть.

Жену третьего из братьев Ольгу тоже посадили, еще когда шло следствие. Чтобы добиться свидания с мужем, она предложила охраннику часы. Но номер не прошел — последовали обвинение в подкупе охранника и отправка в лагеря. Маленькую Наташу взяли под опеку тетки — Клавдия и Вера. Сняли комнату в Гранатном переулке, наняли няню по имени Ульяша».

Первым родным человеком, увиденным Андреем после многомесячного пребывания в застенках, была его свояченица Александра Кононова, пришедшая, как и другие родственницы, к зданию суда. Когда Старостина вывели из «воронка», Шура успела окликнуть его по имени; он махнул в ответ рукой, но сопровождающие тут же втолкнули его в подъезд.

А далее предоставляем вниманию читателей очередную главку из мемуаров Петра:

Суд и приговор

Конец ноября 1943 года, «черный ворон» подвозит к зданию близ площади Дзержинского. Выводят из машины. Вокруг толпа. Переход до входной двери очень

короткий, но все же успеваю заметить лица жены, сестер, жен братьев и других родственников. Откуда же стало известно, что сегодня состоится наш суд? Странно.

Большая комната с входом в судебный зал. Нас, подсудимых, держат на расстоянии друг от друга, вместе стоять не разрешают. Издали разглядываю всех присутствующих. Помимо братьев, вижу Леуту, Архангельского, Ратнера.

Судит Военная коллегия Верховного суда СССР. Суд закрытый, без обвинителя и защитников. На скамье подсудимых разговаривать между собой запрещено. Волнительно. Что-то будет?

Идет опрос подсудимых. Выясняют, имеются ли претензии или просьбы. Все говорят: нет. Наверно, каждый знает, что это пустая проформа. Я знаю также,

что каждому из нас уже имеется готовый приговор и ничто его не сможет изменить. Но вот какой? Этот вопрос волнует и пугает всех. Поэтому нет претензий, протестов и жалоб.

И вот кульминационный момент наступил: зачитывается приговор. С затаенным дыханием каждый ждет своей фамилии. Всем по десять лет концентрационно-трудовых лагерей, статья 58, пункты 10 и 11 — групповая антисоветская агитация. Жизнь! Хоть и за колючей проволокой…

Разумеется, в официальных документах лагеря были названы исправительно-трудовыми. И это не единственная неточность. Николай воспроизводил ситуацию несколько по-другому: «Нам дали по десять лет, Станиславу Леуте и Евгению Архангельскому — по восемь». Но и его формулировка не совсем верна.

По рассказам Андрея, во время суда произошел комический эпизод. Архангельский, тоже футболист давних времен, носил прозвище Железное сердце и был по натуре страстным игроком. Заключать пари готов был на что угодно и когда угодно. Во время оглашения приговора одному из подсудимых, чье имя не называлось, но по косвенным признакам без труда вычисляется (Ратнер), стало плохо. Потеряв сознание, он упал через барьер. Чтение приговора было прервано, и во внезапной тишине прозвучал голос Архангельского: «Пять очков!» Подсудимые прекрасно разбирались в бильярде, где ситуация, в которой шар перелетает через борт, штрафуется пятью очками. И не могли удержаться от смеха, невзирая на окрик: «Прекратить!» Пришлось объявить вынужденный перерыв, после которого Старостиным

уже разрешили находиться рядом друг с другом. И каждый мог если не обнять брата, то хотя бы похлопать по плечу.

Приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного суда Союза ССР, датирован 18–20 октября 1943 года, а не ноябрем, как это запомнилось братьям. Дело в закрытом судебном заседании рассматривали председательствующий, генерал-майор юстиции Орлов, а также полковники юстиции Сюльдин и Климин — при секретаре лейтенанте Белоусове. В протоколе судебного заседания осталось упоминание о том, что в ходе процедуры установления личности подсудимого Николай Старостин, отвечая на вопросы председательствующего, сообщил, будто «в 1930 году арестовывался органами НКВД за хищения».

В тексте, уместившемся на двух листах, говорилось: «Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые Старостины Николай, Андрей, Петр и Александр, Денисов Анатолий, Ратнер Исаак, Сысоев Александр, Леута Станислав и Архангельский Евгений, будучи антисоветски настроены и связаны между собою многолетней дружбой, являлись участниками антисоветской группы, возглавляемой Старостиным Николаем… На протяжении последних лет… обвиняемые в личных общениях допускали антисоветские высказывания, направленные против мероприятий партии и советского правительства, причем эти антисоветские высказывания особенно участились после начала Отечественной войны, когда они, проявляя неверие в победу Советского Союза над фашистской Германией, высказывали и антисоветские суждения пораженческого характера. В беседах между собою они проявляли свое враждебное отношение к политике партии, восхваляли порядки капиталистических стран Западной Европы, где большинству из них приходилось бывать на спортивных состязаниях, и свои высказывания сопровождали клеветническими выпадами по вопросам внешней и внутренней политики советского правительства».

В то же время «антисоветской группе» инкриминировались и чисто хозяйственные преступления: «На протяжении ряда лет подсудимые Старостины, а также Денисов, Ратнер и Сысоев, используя свое должностное положение… систематически занимались расхищением спортивных товаров из предприятий системы промкооперации. Похищенные товары в большинстве случаев сбывались через магазин общества „Спартак“… деньги, вырученные от продажи, делили в разных долях между соучастниками хищений». Ущерб государству был оценен в 160 тысяч рублей. По подсчетам правоохранителей, в результате «хищений и мошеннических операций» Николаю перепало 28

тысяч рублей, Александру — 12 тысяч, Андрею и Петру — по шесть тысяч.

Также в обвинительной части приговора утверждалось: «Руководствуясь корыстными соображениями, Старостин Николай во время Отечественной войны вошел в преступную связь с военным комиссаром Бауманского района Москвы Кутаржевским (осужден) и за взятки, даваемые последнему в виде спиртных напитков и продуктов питания, добивался получения от райвоенкомата отсрочки от мобилизации не только в отношении работников спортивного общества „Спартак“, но и лиц, не имевших никакого отношения к этому обществу». А вот попытка повесить на подсудимых пункт «Измена родине» не прошла: «данными судебного следствия не установлено каких-либо конкретных приготовительных действий, направленных к измене родине».

Братья Старостины и бывший заместитель председателя общества «Спартак» Денисов получили по десять лет лагерей, а также поражение в политических правах на пять лет и конфискацию «всего лично им принадлежащего имущества». Остальным был определен срок заключения в восемь лет содержания в исправительно-трудовых лагерях с аналогичными дополнениями. Кроме того, Военная коллегия постановила возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР «о лишении Старостина Николая ордена Ленина, Старостина Андрея — ордена „Знак Почета“, Старостина Александра — ордена Трудового Красного Знамени». И действительно, через месяц с небольшим секретарь Президиума Верховного Совета СССР Александр Горкин обратился в прокуратуру: «Прошу дать Ваше заключение о лишении орденов СССР Старостиных Николая Петровича, Андрея Петровича, Александра Петровича и Леута Станислава Викентьевича, осужденных 20 октября 1943 г. Военной коллегией Верховного суда СССР».

Еще одна мера наказания не была отражена в приговоре, но состоялась фактически. Во всех футбольных справочниках фамилии братьев Старостиных попросту замазывались, а в новых изданиях они не упоминались вовсе. Например, гол, забитый Андреем в одном из финалов Кубка СССР, переписали на Виктора Семенова.

На заседании суда вину признали все, кроме Архангельского, который отказался от показаний, данных на предварительном следствии в результате незаконных методов воздействия. Но это уже ничего не меняло…

…Драматург Леонид Зорин написал много лет спустя,

мысленно обращаясь к Андрею Старостину: «Но что за странное, роковое время! Вас оно ударило тем больнее, чем ярче вы его озаряли. Слишком яркое было обречено. Жестокая нелепость свершилась, и вот на четырнадцать длинных лет вы были отторгнуты от вашей семьи, отдела, от привычной среды, вместе с братьями, вместе с другими достойными, самоотверженными людьми, творившими силу и славу народа. Но ваше легендарное имя устояло».

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ, НЕ ОПУСКАЯ РУК

После суда всех «членов группировки» в одной машине увезли в Бутырскую тюрьму, где братья провели ночь в одной камере. Наутро их развели по разным. Но каждому запомнился ответ Андрея на стандартный вопрос тюремного врача: «Есть ли жалобы?» Чувство юмора ему не изменило: «Есть — на приговор. Много дали!»

Хотя сами Старостины прекрасно понимали, что «десятка» — далеко не самый плохой вариант. Да еще и спортивная привычка вести борьбу до последнего не позволяла им опустить руки.

Братьям инкриминировались экономические преступления. Но если бы они в действительности оказались «барыгами», разве пользовались бы они в неволе немалым уважением, как и на свободе? Причем со стороны и заключенных, и стражей.

На вечной мерзлоте

Андрей был единственным из четверых, кто все годы провел в одном месте. Место это называлось Норильск.

Отправляясь из Москвы, он не знал о том, что его жена тоже получила срок еще в 1942-м. Попытался навести справки у Антонины — супруги Николая:

«Тоня! Пишу к вам, чтобы получить ответ на все свои письма и телеграммы, которые я писал в Москву на свой домашний адрес. И которые до сих пор остаются безответными.

Тоня! Я страшно беспокоюсь: что случилось с Ольгой? Я не имею от нее ничего.

Я очень прошу вас, Тоня, не счесть за труд и написать мне по адресу г. Красноярск, ст. Злобино, Норильлаг, обо всех домашних и родных, кстати: если будете знать к тому времени адрес Николая или кого-либо из братьев, также мне очень интересно знать, как они устроились.

Я чувствую себя неплохо физически, а морально и нравственно был бы еще лучше, если бы не постоянная тревога и сомнения по поводу Ольги, да и вообще всех вас.

Питаю большие надежды попасть на фронт; уж больно хочется принять участие в отечественной войне, такие радости, такие победы у Советского народа, что дух захватывает.

С Николаем виделся трое суток, он выглядит и настроен прекрасно, так же просится на фронт. Настроение у всех бодрое и боевое и если не на фронт, то истинно стахановским трудом ускорим свидание.

Напишите же мне, Тоня! Я буду ждать вашего письма. До свидания. С разрешения Николая — целую вас».

Впоследствии это письмо включил в сценарий своей пьесы Олег Хабалов — коллега Ольги по театру «Ромэн». Как водится в художественном произведении, документальные факты перемежались с авторской фантазией.

Но то, что уместно в пьесе, неуместно в публикации. Упоминавшаяся уже Алла Боссарт писала об Ольге в «Новой газете»:

«…Но так сильно, по-цыгански любила она мужа, что умудрялась экономить на всем, ходила в каких-то обносках, голодала — и копила, каждый год копила на билет до Норильска. Дочку оставляла с золовкой и долгими сутками пробиралась на север, под обстрелами, в нетопленых поездах — повидаться с мужем.

И вот однажды, в 44-м, Ольга в Москву не вернулась. То ли

слишком несговорчивой оказалась с лагерным начальством, то ли еще что… Дали ей восемь лет, почему-то по уголовной статье. Срок отбывала в Казахстане, где работала водовозом и танцевала. Вышла через шесть — одновременно с Андреем Петровичем».

В этих двух абзацах все переставлено с ног на голову. Срок артистка отбывала с 1942-го по 1946-й, вернулась в Москву в результате амнистии. Так что про «одновременно» не может быть и речи. Уместны и другие вопросы. Зачем журналистка отправляла ее в Норильск до 1944 года, если муж практически до конца 1943-го находился в Москве? Или под какими это обстрелами пробиралась Ольга на север после окончания войны?

Что правда, то правда — маленькая Наташа была под опекой тетушек. Помогала и Ляля Черная, которая вместе с коллегами то собирала посылки в Норильск, то навещала ребенка.

До Заполярья Андрей добирался по этапу долго. В одном из пересыльных лагерей произошла забавная история. Хотя сбежать отсюда, казалось бы, невозможно, к нему был приставлен отдельный конвоир. Правда, нельзя сказать, что он прямо-таки не спускал глаз со своего подопечного, а присутствовал рядом просто для проформы. И стоило охраннику ненадолго отвлечься, как знаменитого спортсмена зазвали в складскую землянку, где неизвестный ему старшина быстро приготовил закуску из хлеба и мясных консервов и разлил по кружкам водку. Только успели выпить, как в дверь забарабанили. Разумеется, улики убрать успели, но встревоженный охранник потянул носом воздух и произнес фразу, которую Андрей Петрович не раз вспоминал потом: «Заключенный Старостин, кто вам разрешил опьяниться?»

А путь из Москвы вел по железной дороге сначала до Красноярска, потом на судне «Серго Орджоникидзе» от причала Норильскстроя по Енисею до Дудинки, а уже оттуда опять поездом по стокилометровой узкоколейке — в Норильск. Первый лагерь в этих краях появился в 1935-м, именно тогда прибыла первая партия репрессированных.

О судьбе жены информацию Андрей получил, о чем свидетельствует его письмо двоюродной сестре Тамаре Малиновцевой. Маме Тамары Николаевны, Наталье Ивановне, Петр Иванович Старостин приходился родным братом. Приводим письмо с сохранением орфографии и пунктуации оригинала:

> 14 марта 1944 года
>
> Здравствуй, дорогая Тома!
>
> Получил твою открытку и спешу на нее ответить. По адресу твоему вижу, что ты находишься в частях нашей доблестной Красной Армии. Страшно рад за тебя, что ты

принимаешь непосредственное участие в великом деле окончательного разгрома врага и освобождения нашей дорогой Родины от нашествия фашистского зверья. Желаю тебе всяческих успехов: твердо убежден, что твои глубокие патриотические чувства и личное мужество помогают тебе высоко нести звание советского воина, с честью защищающего свою страну, на каком бы участке фронта ему не пришлось бы сражаться и работать.

Тома! Я, в силу понятных причин, не имею возможности с оружием в руках драться на фронте, но мои патриотические настроения — поверь мне, даю тебе в этом честное слово — настолько честны и искренни, что позволяют мне надеяться, что может быть и мне окажут доверие посылкой меня на фронт.

Я написал заявление с такой просьбой Президиуму Верховного Совета и с волнением жду ответа и решения.

Работаю я сейчас ст. экспедитором, будучи вначале использован на общих физических работах; стараюсь из всех сил, что бы чувствовать необходимое удовлетворение, что хоть чем-нибудь помогаешь великому общему делу.

Дал себе слово — работать, как зверь и ты можешь быть уверена, что я его сдержу. Трудом и дисциплиной, на работе и в быту я в какой-то степени восстановлю потерянное доверие, хотя бы перед командованием нашего об'екта, а это уже много, потому, что главное это все таки в том что бы убедить людей фактическим делом, что тебе можно верить.

Я, Тома, сейчас, после двухлетнего перевоспитания себя, на столько верю в свою политико-моральную устойчивость, что у меня нет сомнений в том, что я встану на ноги и буду полноценным гражданином.

Таких примеров при Советской власти было много.

Тома! Я получил письма от Николая и Шуры, а также от домашних из Москвы. Ребята тоже настроены по-боевому и пишут оба очень бодрые письма.

Дома все в порядке, да ты наверное об этом знаешь. Я исключаю несчастье с Ольгой из этого порядка. Это было так легкомысленно!

И никто из окружающих не мог удержать ее от такого необдуманного поступка! И вот такой обидный до слез финал.

Дочька моя, по письмам, растет хорошим и здоровым ребенком, я очень по ней скучаю.

Тома! Как живет тетя Наташа и Лида, я все хотел им написать, да такой лентяй на письма, что и братьям еще не ответил.

Домашним написал несколько писем с дороги, Клавдя мне написала что получила два моих письма; мама тоже. Завтра засяду им писать. Ты знаешь, Тома, очень трудно выбрать время для писания: очень занят, но вот тебе собрался быстро. Буду ждать от тебя ответа.

До свидания крепко жму твою руку и целую. Твой брат Андрей.

Судя по этим строкам, Андрей не был ограничен в переписке, да и формулировал он предложения очень аккуратно, не допуская никаких намеков на то, что отбывает срок. Поэтому придраться цензорам было не к чему…

Футбол любили и здесь. На вечной мерзлоте, в суровом климате он оставался отдушиной и для заключенных, и для вольнонаемных. Мяч гоняли и шахтеры, и железнодорожники, и геологи, причем коллективы носили порой самобытные названия вроде «Медвежий ручей». Нормальный стадион с трибунами в городе был только один, а б**о**льшая часть матчей проходила на площадках с воротами из необструганных жердей.

Слух о том, что в Норильске будет отбывать заключение один из знаменитых братьев Старостиных, намного опередил его приезд. И по воле местного лагерного руководства Андрея Петровича определили в старшие тренеры «Динамо», а заодно за консультацией к нему обращались и из других команд. Поскольку сезон на севере не мог длиться долго, Старостина привлекали к физкультурно-массовой работе в целом. А она была обширной, но, чтобы обеспечить условия, требовалось то заливать каток, то возводить помещения для спортивного зала.

Не стоит думать, будто этим его обязанности и ограничивались. Вот как описывал те времена Анатолий Львов в газете «Красноярский рабочий» в 1992 году:

«Старостин работал не только в КВО по организации спортивной жизни комбината (А. А. Панюков и В. С. Зверев хорошо представляли, как можно использовать заслуженного мастера спорта), но и начальником планового отдела КиБЗа, кирпично-блочного завода, выполнявшего функции будущего управления предприятий стройматериалов, выпуская железобетонные и деревоизделия, стекло (и электролампы!), минвату и цемент…

Могу назвать коллег Старостина по стройиндустрии, товарищей по несчастью. Среди них доктор исторических наук А.

Т. Егизарян (ОТиЗ) и А. Я. Вебер (главбух, бывший нарком Республики немцев Поволжья). У них было чему учиться бывшему рабочему и директору фабрики спортинвентаря Старостину. Как и у бывшего питерского рабочего В. А. Никитина, знатока своего котельного дела, бывшего военного инженера В. Н. Коляды, обладателя двух инженерных дипломов Н. Д. Настаса, опытного керамика А. А. Сысоенко (впоследствии реабилитированы все)».

Надо пояснить, что Александр Панюков был начальником комбината, а Владимир Зверев — главным инженером.

Владимир Кизель вспоминал: «Лагерь познакомил меня со знаменитым футболистом Андреем Петровичем Старостиным, расконвоированным зэком. Фактически он был и тренером в спортзале. Умный и остроумный, многое почерпнувший в годы своей славы от окружавших его болельщиков — актеров уровня Яншина и писателей типа Олеши, Андрей Петрович много читал, был интереснейшим рассказчиком».

Так или иначе, поначалу московский тренер, даже пребывая в статусе осужденного, пользовался определенной свободой. По крайней мере, постоянно выезжал вместе с «Динамо» на соревнования Красноярского края. Под его руководством норильчане выиграли в Красноярске краевой кубок, и до самого конца своих дней Андрей Петрович считал этот спортивный успех одним из самых дорогих для себя. Хотя в прошлом оставались победы со «Спартаком» на всесоюзном уровне, а в будущем его в должности начальника сборной СССР ждали триумфы на международной арене.

Для игроков своей команды он был не просто спортивным тренером, а еще и воспитателем. Глядя на него, молодые люди стремились не пользоваться вульгарными словами: «Андрей не любил». Или вот какой эпизод произошел во время поездки на поезде в Минусинск на очередной матч. Компания картежников сражалась в подкидного дурака, и по уговору проигравший должен был крикнуть на весь вагон: «Я дурак!» И как только кто-то выполнил требование, Старостин моментально отреагировал из своего купе: «Да уж, действительно!»

Говорили, молодым он советовал: «Ребятки, приспичило выпить — лучше стопку водки, чем кружку пива!» Но это больше похоже на байку, потому как Андрей Петрович, столкнувшись однажды с нарушением режима накануне товарищеского матча, попросту отменил его. И с тех пор любители мяча старались не злоупотреблять алкоголем.

А люди занимались футболом под его началом самые разные. Находились и те, кто был знаком со спортом не понаслышке: например, Валерий Буре, в прошлом вратарь сборной СССР по

водному поло. Были отмотавшие срок, как Александр Забавляев по прозвищу Забава или запомнившийся Старостину паренек по имени Виктор, который пообещал тренеру, что завяжет с кражами. Были дети ссыльных, как сын заместителя директора Эрмитажа Юрий Куранов, будущий писатель. А один из игроков по фамилии Филипченко впоследствии по рекомендации Андрея Петровича даже пробовался в московском «Спартаке».

Нельзя не упомянуть, что в Норильске оказался и арестованный по одному делу со Старостиными Павел Тикстон — известный футболист «Красной Пресни» двадцатых годов и бывший муж их сестры Клавдии. Но осужден он был раньше, получил наказание по формуле «десять плюс три» и в Заполярье прибыл еще в октябре 1943-го. Освобожден был в марте 1951-го благодаря применению зачетов и остался в Норильске. У Клавдии к тому времени давно была другая семья.

Довелось Андрею Петровичу пересечься в Заполярье и с одним из бывших руководителей Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР Еленой Кноповой, которая в тридцатые годы была гонительницей братьев. Однако для машины репрессий всякие симпатии и антипатии не имели большого значения — вот и Кнопова отправилась в места, не столь отдаленные.

В книге «Мой футбол» в главе «Футбол за полярным кругом» Андрей Старостин писал: «Не могу не отметить ту помощь, которую в организации футбольного дела нам оказывал мой друг Леон Айвазов». Если точнее, то звали его Левоном, но в Норильске прижилась именно такая форма обращения. Его сын Рубен Айвазов вспоминал:

«Отца арестовали в 1937-м и осудили на семь лет. В то время он учился в Ростовском педагогическом институте на историческом факультете. Возглавлял комсомольскую организацию вуза, был лидером ростовского комсомола. В Норильск отец попал по этапу в 1939-м, где в то время строился металлургический комбинат. Сначала ему пришлось стать счетоводом. Затем он достаточно быстро пошел по служебной лестнице, вел многоплановую деятельность, в которую входила и организация футбольного хозяйства.

Судя по некоторым его фразам и по книге „Мой футбол“, с Андреем Старостиным и Станиславом Леутой, также отбывавшими заключение, он подружился во время динамовского турне в Англию, когда им вместе приходилось в мороз идти несколько километров, чтобы послушать радиорепортажи Вадима Синявского о матчах.

В первый послевоенный год отец, уже освободившийся,

занимал достаточно высокий пост — бухгалтера обогатительной фабрики Норильского комбината. Именно ему поручили обеспечивать финансирование команды.

Отец рассказывал: ему зачастую приходилось, не нарушая законов, изыскивать самые различные варианты. Был, например, случай, когда после игры в Красноярске по дороге назад исчезла вся форма. Ее потом так и не нашли. А через три дня — ответная игра. Я не помню, как именно отец тогда разрешил ситуацию, но на поле игроки вышли в новой форме. Кроме того, все футболисты, естественно, числились работниками комбината, им надо было платить зарплату. Да такую, чтобы они могли нормально питаться…

Отец вспоминал, что Станислав Леута точно выходил на поле как играющий тренер. Видимо, в сороковые годы и Андрей Петрович тоже какое-то время играл, ему ведь было чуть больше сорока. „Милейшие, интеллигентные люди, с хорошим чувством юмора“, — всегда говорил отец о спартаковцах. Ответственность за футболистов лежала на нем до самой их реабилитации».

Динамовское турне, о котором упоминал Рубен Айвазов, состоялось в ноябре 1945 года. В Норильске в это время была настоящая зима. Энтузиастам приходилось пробиваться сквозь пургу со стадиона в спортзал, где находился радиоприемник, короткими отрезками, прижимаясь к домам.

Но у каждой медали есть оборотная сторона, и полулегальное служение любимой игре несло в себе определенный риск. Валерий Деревцов в статье «Воспоминания норильского спортсмена» отмечал:

«Трудно сказать, каким бы стал уровень игры футболистов Заполярья, не встань у тренерского руля такие известные довоенные футболисты, как спартаковцы Андрей Петрович Старостин и Станислав Викентьевич Леута. Это их умелому наставничеству обязана футбольная сборная Норильска выигрышем краевых кубков 1947 и 1948 годов.

И Леута, и Старостин были заключенными. И насколько двусмысленным и зыбким было положение тренеров сборной команды на выезде, видно из случая, происшедшего на красноярском стадионе „Динамо“. Когда в финальном матче начальник краевого УВД, крайне раздосадованный проигрышем своей команды, ткнул пальцем в Старостина и спросил у присутствующих:

— А не тот ли это Старостин, которому положено срок отбывать, а не в футбол играть?

И тут же Андрея Петровича под конвоем препроводили на теплоход».

Футболисты вспоминали потом, что как раз тогда, по дороге обратно в Норильск, удалось устроить свидание их тренера с женой. На пристани «Таежное» он сошел на берег, сел, уткнувшись ей головой в колени. Ольга, взъерошивая волосы мужа, только спрашивала: «Когда же?» А он отвечал, не поднимая головы: «В пятьдесят четвертом». Если визуально эта картина могла быть именно такой, то в точности переданного разговора есть сомнения. Откуда Андрей Петрович, получивший «десятку» плюс пять лет поражения в правах, мог знать заранее, что освобождение наступит в 1954 году? Скорее всего, очевидцы через много лет домыслили дату задним числом, подогнав ее по факту.

Его дочь Наталья Андреевна рассказывала:

«Мне было тогда пять лет, и к папе я ездила вместе с мамой. Потом она навещала его в Норильске без меня, а в 1952-м мы снова посетили его вдвоем: до Красноярска добирались на поезде и до Норильска шесть часов летели на самолете. Именно в тот приезд они официально оформили отношения».

А тогда, после выигрыша кубка, он попал в более строгие условия содержания. Надо сказать, что как раз в те годы в поселке Норильск был создан особорежимный лагерь № 2 — Горлаг, который давал рабочую силу для строительства новых подразделений горно-металлургического комбината и собственно города. Конечно, Старостина не направили на общие работы, он оставался на привилегированном положении, был, как принято говорить на лагерном жаргоне, «придурком». Но — за колючей проволокой.

Не забывали о нем не только жена с дочерью. В 1946-м приезжала навестить сестра Клавдия, которую он попросил дать местным спортсменкам несколько уроков русского хоккея. И позднее описал это так: «Я был горд, видя сестру фаворитом на ледяном поле, но в душе болел за команду, игравшую против нее… Клавдия забила достаточное число голов для выигрыша матча». Зато Андрей обыграл сестру в теннис, хотя та в принципе владела ракеткой лучше. Правда, как он сам признавался, добиться победы ему помогла «недобросовестная тактика ведения игры»: он направлял мяч в угол зала, где сестре не хватало места, чтобы как следует размахнуться ракеткой. Что любопытно, в Норильске Клавдия (не успевшая еще поменять фамилию Тикстон на Дубинину) сфотографировалась и с братом, и с бывшим мужем, с которым, видимо, у нее сохранились ровные отношения.

Близкий друг Михаил Яншин поздравил Андрея в письме с тренерскими успехами да еще прислал костюм с модным клетчатым длиннополым пиджаком, пояснив в шутку: «острые

плечи времен нашего знакомства теперь не носят». Посетил Старостина однажды артист и заядлый болельщик Евгений Кравинский, который рассказал ему о новой футбольной звезде — Всеволоде Боброве.

Правда, не все деятели культуры были столь смелы в проявлении симпатий к репрессированному мастеру. Например, Александр Фадеев словно забыл о существовании Андрея Старостина на все 12 лет. Однако Андрей Петрович не держал зла на старого товарища и говорил впоследствии: «Об Александре Александровиче Фадееве — разговор особый. Он перед многими был виноват, и несравнимо больше, чем передо мной. Но и многим помогал. В общем, не мне его судить. Прежде всего, потому, что он сам себя судил, приговорил к высшей мере и сам исполнил приговор…»

С другой стороны, в Норильске его ждали новые знакомства. На волне репрессий прибыл в Заполярье Георгий Жженов, который в интервью Игорю Фейну рассказывал:

«Мне сразу несказанно повезло. В Норильске уже давно функционировал потрясающий театр. Ведь там играли зэки Вацлав Дворжецкий, Валентина Токарская из Театра сатиры, Лев Оболенский, мой земляк Иван Русинов. Среди вольнонаемных — Кеша Смоктуновский. Режиссером был Леонид Викторович Варпаховский из Малого. Параллельно с театром я участвовал в спортивной жизни этого города-зоны. Закоперщиком был Андрей Петрович Старостин, привлекший Пал Палыча Тикстона. Затем подтянулись Коля Ковтун, выдающийся легкоатлет, Валя Буре, основатель спортивной династии. Сыновья его, будущие замечательные пловцы Алешка и Володька, на моих глазах, можно сказать, на свет появлялись. Еще был Станислав Леута, тоже спартач, знатный футболист… Сами поле от снега очищали, скамейки в несколько рядов сколотили — типа трибун получилось, ворота сделали и установили, сами сетки сшили, разметку наносили. Тренировались днем: зэки и вольные, которые на том проклятом горно-металлургическом комбинате вместе вкалывали. Играли по вечерам, под светом прожекторов. Андрей Петрович и Валя Буре старались матчи на такие дни назначать, когда я в театре не занят был: уважали, выходит, признавали во мне и футболиста тоже».

Начинающему артисту Иннокентию Смоктуновскому театрального жалованья на жизнь не хватало, и тогда Старостин помог ему устроиться на работу в бухгалтерию заводоуправления. Это лишний раз свидетельствовало о том, каким авторитетом Андрей Петрович пользовался в Норильске.

Уже после освобождения в книге «Встречи на футбольной

орбите» Старостин писал:

«Норильск стал для меня, как и для моих товарищей, большой жизненной школой. На этой суровой, вечно мерзлой земле за полярным кругом волей судеб собралось много самых разных замечательных, умных и доброжелательных людей всех национальностей от комсомольских работников до видных ученых, от известных журналистов до опытных инженеров. И в том, что сегодня широкой огненной рекой льется норильский металл, немалая заслуга всех их.

Прошли годы. Сменилось поколение норильчан. Наших однокашников там практически не осталось. Иных уж нет, многие на пенсии, а кое-кто еще и трудится в разных городах страны… Независимо от должностей и рангов, все они всегда с некоторой гордостью за себя и своих товарищей вспоминают о тех героических буднях, когда и их руками строился этот знаменательный комбинат и город».

Помимо производства и спорта была у заполярной жизни Андрея Старостина еще одна сторона, о которой он никому не рассказывал. Узнать о ней можно было только от его соратников по несчастью.

Судьбе было угодно, чтобы в Норильске отбывал наказание Лев Нетто — родной брат знаменитого спартаковца Игоря Нетто. Фронтовик, он побывал в плену у немцев, а освобождали их лагерь американцы, и двух этих обстоятельств вполне хватило для устроителей репрессивной машины. Американцы предлагали Льву, как и многим другим, не возвращаться на родину, а уехать куда-нибудь в Канаду или Новую Зеландию: «Вас ждет Сибирь». Увы, они оказались правы, но ясность эта наступила для старшего из братьев Нетто, безоговорочно верившего советской власти, уже в 1948-м.

В Норильске к тому времени был создан особорежимный лагерь только для заключенных, имевших 58-ю статью. С одной стороны, в таких лагерях не было беспредела, разборок между ворами и так называемыми «суками», притеснений одних заключенных другими. С другой же — условия жизни были очень тяжелыми. Льву довелось вручную закладывать шурфы на вечной мерзлоте, на глубине до 12 метров, когда в голову лезли мысли: «Фронтовые друзья погибли, а я остался жить, чтобы мучиться в колодце?»

Особенно трудно было, когда запускали металлургический завод в 1949-м: ко дню рождения вождя, 21 декабря, должна быть первая плавка. Работа шла в две смены. Люди на 50-градусном морозе прокладывали коллекторы, обмораживались, заболевали. Некоторые специально кололи керосин в руки, чтобы попасть в

медсанчасть.

Льву Нетто повезло вот в чем. Специалистов в лагере было мало: в основном военные или крестьяне, рабочие — наперечет. А Нетто окончил школу фабрично-заводского обучения, работал в Москве токарем на заводе. Вскоре он попал в центральные ремонтно-механические мастерские, там была гарантированная пайка, пусть и очень часто в виде тюленьего мяса и жира желтого цвета со специфическим запахом. По его словам, на общих работах было так: выдолбил 15–20 сантиметров породы — получил 700 граммов хлеба, котлеты из крупы, шрапнель-перловку. Не выполнил норму — баланда.

В мастерских он изготавливал запасные детали на токарных станках для камнедробилок. На технику безопасности на производстве никто из начальства особого внимания не обращал; скажем, в литейных цехах за уровнем загазованности не следили вовсе. «Придурки» же были избавлены от физического труда, находились в тепле, да и морально их поддерживало то, что профессия — как на воле. Казалось бы, откуда у работяг взяться симпатии к бухгалтеру, плановику, инженеру? Но к Андрею Старостину такая симпатия была, и не только потому, что вновь прибывшие в Норильск знали о его славном футбольном прошлом.

Лев Александрович дал добро на использование в книге его статьи «Гражданин России Андрей Старостин», которая прежде не печаталась, хотя и была выложена в Интернете, причем без согласования с автором.

Приведем бóльшую часть этой статьи, в которой Андрей Петрович Старостин раскрывается с совершенно неожиданной стороны:

> Андрей Петрович Старостин в Горлаге был интеллектуальным работником, т. е. среди тех, кто установленную продолжительность рабочего дня в 12 часов находились в конструкторских бюро, планово-производственных отделах, в бухгалтерии и на подобных «теплых» местах. Среди тех, кто не должен был отрабатывать норму выработки, чтобы получить основной дневной паек. Это привилегированное положение давало возможность располагать большим свободным временем, а следовательно, и чаще встречаться со своими друзьями.
>
> Андрей Петрович все подобные тонкости лагерной жизни понимал, освоил и соблюдал. Его коммуникабельность и имя открывали ему вход в любой

лагерный коллектив. Но пользовался он этим очень обдуманно. Даже самые обычные доверительные разговоры только по знакомой «цепочке».

Непосредственно с Андреем Петровичем я познакомился в начале норильского лета 1950 года, когда после сдачи первой очереди Медеплавильного завода был переброшен этапом в 5-е лаг/отделение. Основным показателем этого успешного трудового достижения была выдача первой плавки меди из местной норильской руды, как подарок к 70-летию «вождя всех времен и народов».

Меня зачислили как имеющего специальность токаря в бригаду, которая обеспечивала функционирование центральной ремонтно-механической мастерской. Бригада, что называется, была расквартирована в двухэтажном деревянном здании на 2-м этаже, где не было общих барачных нар, а двойные нары на 4-х человек. Бригадир, Иван Иванович Бакланов, в прошлом 1-й секретарь Омского обкома партии, и старший мастер

Василий Петрович Бархонов, боевой комбриг 1-й Конной армии, находились в нашей общей комнате, имея определенные удобства (одинарные нары, небольшой столик, тумбочку и стул). Надо отметить, что эти старички-ветераны имели уже 14-летний лагерный стаж. В один из первых дней пребывания в таких шикарных условиях нарядчик Гриша, посещая уважаемых наших старичков, поинтересовался: «Прибывший в вашу бригаду Нетто не родственник ли спартаковцу Игорю Нетто?» Василий Петрович, поглаживая свою большую окладистую бороду, басистым голосом ответил: «Ты, Гриша, не ошибся. Это его старший брат». Гриша как-то встрепенулся и радостно заявил: «Будет сюрприз».

Я это воспринял спокойно, прикинув в уме, какие еще могут быть сюрпризы. На следующий день после нашей ночной смены нарядчик пришел и обычным своим повелительным голосом приказывает — пойдем. По привычке, без лишних вопросов, если надо значит так и надо, идем молча вместе к небольшой площадке между бараков, где в окружении любознательных зэков забавляется с футбольным мячом вроде бы знакомая личность. Видя мое безразличие, Гриша с какой-то растерянностью обращается ко мне: «Да это же Андрей

Старостин!» В считаные доли секунды я мысленно оказался в Москве — стадион «Динамо», играет «Спартак»…

И вот предо мной самый настоящий Старостин. Мы подошли, Гриша как-то представил меня, а Андрей Петрович протянул руку: «Значит, мы дважды земляки!» Это сочетание слов всегда имеет магическое воздействие, когда встречаются москвичи, да еще и норильчане. А тут еще московский «Спартак», торжество футбольных побед любимой команды, братья Старостины..

Но почему Андрей Петрович здесь, зачем?!

Пройдет немало времени, когда станет понятно — чтобы дать урок жизни тем, кто с ним рядом, с кем у него духовное единство.

Легендарный Андрей Петрович был желанным гостем в нашей бригаде. По-отцовски к нему относился Бархонов. У него был свой комплект журналов «Огонек». Основной темой разговоров был, конечно, футбол, наши победы на зеленых полях и европейских, и своих. Большое впечатление было всегда от воспоминаний Василия Петровича о походах Первой конной

армии на полях Гражданской войны, а также рассказы со слезами на глазах о трагической гибели верных его сподвижников в Дудинском речном порту, которые бросались при разгрузке барж в пучину Енисея. Такие встречи повторялись, и как-то раз Андрей Петрович с грустью в голосе тихо, но проникновенно произнес: «Да, заблуждались наши старички».

Эти вещие слова врезались мне в память.

Их глубокий смысл — это трагедия людей, поверивших в свои молодые годы в возможность построения народного счастья, отдавших всю свою жизненную энергию ради этой цели, увидевших как бы торжество победы справедливости на родной земле.

И вот она — «награда» героям за веру в земного кумира!

Взаимные беседы лагерников, уединенные встречи 3—4-х человек не ограничивались обычно обыденными лагерными новостями. Случаи кары, которую заслуживали особо ретивые прислужники администрации, или довольно частые случаи издевательства над заключенными со стороны лагерной охраны, и даже явные беспричинные убийства

заключенных в том или ином лагпункте Горлага, обычно становились темой для обсуждения. Все это ободряло или же наполняло сердце злобой.

В норильском Горлаге, практически одновременно с его созданием для содержания заключенных с 58-й статьей, среди которых было много офицеров и солдат, прошедших дорогами войны, была создана конспиративная политическая организация — Демократическая партия России. Связь, по живым цепочкам, надежно обеспечивала взаимодействие членов нашей партии. Но общность людей не ограничивалась в пределах своей цепочки. Дружба, взаимопомощь, готовность в любой момент быть рядом объединяли заключенных. Каждый член партии должен был окружать себя верными друзьями. При знакомстве и сближении людей, безусловно, действовали и интуиция и перекрестные заверения в порядочности того или иного человека. В масштабе сменных бригад, производственных объектов, даже целого лаготделения это вполне достигалось. На моей памяти с 1949 года по 1955 год не было ни одного случая провала, предательства.

В этой сети конспиративной организации и проходила прежде всего сплоченность тех заключенных, кто

смотрел на жизнь открытыми глазами, кто не мог примириться с насилием над своей личностью, кто ставил перед собой вопрос — что делать?

Работая в планово-экономическом отделе Кирпичного завода, Старостин мог выходить, когда это ему было необходимо, в том числе и в ночную смену. Один из таких дней, когда я увидел в зоне Андрея Петровича вместе с Федором Каратовским, который принимал меня в партию, стал для меня знаковым. Многое стало очевидным.

В ночные часы в производственной зоне в основном и проходили встречи с друзьями. Мне было крайне интересно, полезно принимать участие в беседах Андрея Петровича со старшими нашими друзьями Алексеем Мелентьевым, Александром Мамонтовым, Петром Писаренко. То есть людьми, которые в годы войны тоже увидели другой мир. В лагерной библиотеке можно было взять любые книги классиков марксизма-ленинизма. Давались нам, молодым, конкретные задания на

ознакомление с той или иной работой. А потом обсуждение, разъяснения. У каждого свои личные взгляды, выводы подкреплялись жизненным опытом старших друзей — наших наставников.

Андрей Петрович даже в этом узком кругу никогда не выступал с какой-то конкретной программой, не призывал к каким-либо действиям, то есть не навязывал своего «я». Он был не лидер-бунтарь, обладающий способностью вести за собой людей, воздействуя метким словом, возбуждающим душевные эмоции. Андрей Петрович владел таинственной силой притягивать к себе родственные души людей. А это единство, прежде всего, говорило — мы люди, мы единое целое, мы любим друг друга.

Такой сплав человеческих душ дано было создавать и коренному псковичу по имени Андрей. Не удивительно, что мирный отказ заключенных от выполнения рабского труда был обозначен как восстание человеческого духа.

Встречаясь с Андреем, я впервые столкнулся с таким глубинным лично человеческим переживанием о судьбе России, о том авантюризме, который поверг страну в хаос, привел к духовному падению! Побывав еще до войны в Западной Европе, Андрей Петрович составил себе представление — что же должно перенести на родную землю. А Отечеством для него всегда

была только Россия. Даже слово «Россия» он произносил с особой интонацией. Особенностью его бесед было то, что он говорил на понятном русском языке, не используя иностранных слов. Будучи приверженцем демократического общественного строя на российской земле, он старался, как я это представлял, говорить о власти народа, и тогда все становилось на свое место даже для условий лагерной жизни.

Демократию надо понимать по-русски — так звучало в его устах. Это, прежде всего, Справедливость в отношениях между людьми, к людям. Свобода вторична. Свободу определяет сам народ, а Справедливость по отношению к Человеку прописана Всевышним. Мерилом Справедливости прежде всего является Земля. Великие жертвы принес народ для создания и сохранения русского государства, много крови пролил, чтобы владеть землей, но сам остался безвластным на своей кровной, но ставшей чужой земле…

Именно Андрей Петрович Старостин вкладывал в нас свою жизненную позицию — в народе, в каждом человеке должна укрепляться сознательность чести, человеческой честности и достоинства. Только в таком обществе возможно достижение Справедливости, как одной из основных ценностей народовластия.

Связывая это с нашей лагерной действительностью, когда находишься в жестких тисках режима — должно развивать в себе чувство ответственности и выражать эту ответственность через свою активность.

В такие минуты я с чувством удивления переносился в прошлое Андрея. Ведь к смутному семнадцатому году ему было только 11 лет. Но как он впитал в себя любовь к своему отечеству! Такой патриотизм утверждается только разве «с молоком матери». А в начале сороковых после Лубянки, когда он передавал свой спортивный талант молодым футболистам Норильска, к ним наверняка переходили и его духовные силы? Безусловно! Поэтому таким непокорным строителям «светлого будущего» место было определено за надежной колючей проволокой.

Встречаясь в кругу друзей, под бдительной охраной власти, мы не только вели разговоры о своей доле, о наших политических взглядах, о надеждах на будущее. В нашей мастерской работали, вернее числились, и вольнонаемные слесари, токари, которые приходили на свое рабочее место строго по графику получения

заработной платы. В комнате у мастера смены это всегда отмечалось «чаепитием». Один из таких часов отдыха я запомнил на всю жизнь. Наш мастер Алексей та — инственно, полушепотом, пригласил меня на такую встречу и с бахвальством добавил: «Сегодня я угощу тебя свежей бараниной!» Что ж, отлично. А в мозгах закрутилось — что-то не совсем так. И вспомнились слова моего сменщика — токаря Петра Маджуго: «Алексей, собачки??» Решил — надо пойти, это же просто интересно отведать. Собралось нас человек пять, в том числе три москвича. Сам Алексей тоже был москвич, но фамилия затерялась в памяти. Андрей Петрович на своем обычном месте. «Баранина» действительно оказалась отменной. Веселое настроение. Анекдоты, шутки, приключения на грани фантастики! Во мне прояснилась картинка двух- или трехдневной давности, как по нашему цеху бегала черненькая

упитанная собачка, приятная, ласковая. И вот ее судьба. В центре внимания был Алексей, но и Петрович от него не отставал. Это, пожалуй, единственный случай, когда мне пришлось видеть Андрея таким раскованным, свободным. Так и напрашивалось выражение — «свой в доску». Алексей же не преминул поиздеваться надо мной и здесь. Дело в том, что всегда в разговоре о будущем я это связывал с Москвой. А Алексей злорадствовал — да брось ты думать о Москве. Не видать тебе ее как своих ушей! Это злило, порой даже бесило.

Андрей молчал, видимо, тоже думал о Москве. Ему оставалось совсем немного. Но надежды на то, что режим изменит свой почерк, не было.

Андрею не свойственно было чувство страха думать, быть самим собой. У него, естественно, было много друзей. Всегда, и тогда, когда была возможность быть наставником норильской спортивной молодежи и когда пришлось ходить с горлаговским номером на спине, на брюках… Но значение владения таким багажом дружбы было уникальным.

По строжайшим законам режимных служб, каждый горлаговец имел законное право посылать из лагеря два письма в год. Но мне самому приходилось порой размножать, переписывая целые серии писем-обращений по разным адресам страны. Так что выходили письма из лагерной зоны пачками и в нужное время, и без досмотра. Как? По каналам Дружбы! Я не владел схемой прохождения живых связных цепочек. Меня это

уже не касалось. Подобным образом решались и другие вопросы в деятельности нашей конспиративной организации.

Одно стало совершенно понятно — прочная связь с «волей» уже существует. Разговоры о подготовке к побегу из лагеря и определенные практические действия были как до Норильска, так и уже в Норильске.

Первоначально это представлялось обычным методом выхода за зону в зимнее время, в метель или даже в пургу. Готовили запас продуктов, одежды и, главная, конечно, проблема — лыжи. Вся эта практическая деятельность была примитивной, но ободряющей в своей целенаправленности.

Но вот Каратовский многозначительно дал понять, что уже появилась возможность осуществить побег небольшой группы в 3–4 человека с официальным

вылетом из Норильска на рейсовом самолете. Нужны серьезная подготовка и решительность в осуществлении.

Поделился Федор со мной и такой тайной — у нас уже есть за зоной свой радиопередатчик.

Все эти новости, крайне захватывающие и одновременно говорящие, что с «волей» существует серьезное взаимодействие, будоражили мысль. Все это я «мотал на ус» и гордился своим старшим наставником. Вопрос — как Федор смог выйти на такой уровень организационной деятельности нашей партии — не возникал.

То, что я видел Каратовского один на один с Андреем, меня радовало, но не убеждало как весомый источник достигнутой связи.

Но пришел момент, когда это стало очевидным. В Горлаге начались интенсивные переброски заключенных между четырьмя лаготделениями, исключая зону каторжан. Чтобы не оборвать уже установленные внешние связи, Федор решил передать мне связной пароль. Его должен был назвать тот, кто выйдет со мной на связь. Понимая эту ответственность, я сразу спросил — а если инициатива будет с моей стороны, с кем устанавливать контакт? «Ты его знаешь», — ответил Федор. Я почти автоматически сказал: «Андрей?» Он молча кивнул головой и подтвердил взглядом. Каратовского вскоре действительно отправили этапом в 4-е лаготделение. А это означало, что моего участия в сохранении внешней связной цепочки не потребовалось. Заключенные из пятой и четвертой зоны работали на общей производственной площадке — на Горстрое.

Во мне же еще больше укрепилась уверенность в действенности нашей конспиративной организации. А являлся ли Андрей Петрович членом ДПР или нет, меня не беспокоило, это не имело значения, как и в целом ряде других взаимно-дружеских отношений. Главное, мы все были единое целое.

Живые же цепочки внешней связи сохранялись и во время Норильских событий 1953 года. Андрей уже был на «воле», рядом с «вольным» зэком Георгием Жженовым, которому после 10 лет Колымы было предписано вечное поселение в Норильске. Но в 1954 году Горлаг прекратил свое существование. Открылась трасса Норильск — Москва. Первая встреча в Москве с Андреем Петровичем у меня была в январе 1960 года на свадьбе моего брата

Игоря. О Норильске уже ни слова. В 1999 году, после смерти Игоря, в его записной книжке я увидел знакомые слова: «Делай, что должно, и пускай будет, что будет!» Так еще в 1951 году я записал у себя наказ своего наставника Андрея. Я понял — Андрей Петрович Старостин делал что должно до самых своих последних дней.

К великому сожалению, Андрею Петровичу не суждено было продлить свою земную жизнь хотя бы еще на пять лет. Дух народного единства витал над Москвой в конце восьмидесятых. Но велика Матушка Россия и заповедь Всевышнего — единство народа — не охватила еще ее необъятные просторы.

В 2003 году, после 47-летнего перерыва я вновь посетил Норильск. Искал друзей и своих, и тех, кто знал Андрея. Как это обычно бывает, узнал, что два года тому назад умер хороший друг Андрея Петровича Старостина — радист. Возможно, это тот самый радист-норильчанин, который в мае 1953 года отстучал в эфир: «в Норильске восстали 30 тысяч заключенных»?!

Я привел эти свои воспоминания из далекого прошлого, которые связаны с именем моего наставника — принципиального, смелого старшего друга.

Вернувшись из заполярного Норильска с 69-й параллели, Андрей Петрович написал душевные воспоминания о своих «корнях», о династии Старостиных. Его замечательные спортивные повествования бесспорно неоценимы. Ведь его любимым изречением было — «Движение — это жизнь, а значит, футбол — это жизнь!».

С наслаждением читая описания Андреем Петровичем своей жизни, а это 1981 год, невольно приходится

констатировать, что это писал человек свободного полета мысли, но не обладающий свободой излагать свои мысли.

В этом трагедия его жизни, жизни великого гражданина своего Отечества.

Слушая и читая рассказы Льва Нетто, мы не могли не задаться вопросом: почему Андрей Петрович после освобождения восстановился в коммунистической партии, если действовал на благо созданной в Норильске конспиративной Демократической партии России? Лев Александрович пояснил:

«А он и должен был восстановиться. Наша партия ставила перед собой задачу изменения строя ненасильственным способом, для этого надо было легально занимать ключевые посты. В наших рядах были бывшие начальник главвоенторга РККА, первый секретарь Омского обкома РКП(б). Кто бы в 1960-м назначил Старостина начальником сборной, если бы стало известно о его членстве в ДПР? А я уверен, хоть и не знаю точно, что Андрей Петрович вступил в ДПР. Мы были вместе в течение двух лет, он нас воспитывал. Наставники называли происшедшее в 1917 году не революцией, а переворотом, рассказывали, как подавлялись восстания матросов, солдат, крестьян. В первые годы Великой Отечественной войны были восстания заключенных в Воркуте: люди выходили за зоны, объединялись вместе с охраной — в поселках была своя власть. Эти очаги сопротивления подавлялись самым жесточайшим образом, бомбили авиацией, потом шла пехота, раненых не оставляли, добивали. Андрей и другие обо всем этом знали».

Отдельный пункт — восстание норильских заключенных в мае 1953 года. К тому времени Старостин уже отбыл десятилетний срок, но продолжал оставаться на поселении, два раза к нему приезжала Ольга. Имел ли он отношение к восстанию, оставалось неясным, и Лев Нетто тоже не дал однозначного ответа:

«После смерти Сталина режим стал хуже. Бытовых амнистировали, а 58-ю отстреливали, как дичь, по дороге с работы, а то и в зоне. Видимо, солдаты за проявление верности рассчитывали на отпуск, льготы. Боялись, что хлеб потеряют.

Это было восстание духа — огнестрельное оружие в руки не брали, его и не было. Находились молодые ребята, которые говорили: „Лучше полезем на проволоку“. Задача подпольных организаций заключалась в том, чтобы не допустить вспышки, одергивать своих ребят, смотреть, чтоб не дурили.

Мы не пошли на работу, и основные объекты встали, ведь мы работали на совесть. Выдвинули ультиматум — или освобождайте, или расстреливайте. Комбинат встал — приехала комиссия. Первое требование — снять номера. Андрей Петрович, кстати, тоже в свое время ходил с номером на спине. Было право на два письма в год — добились, чтобы писать можно было, сколько хочешь. Насколько я знаю, Георгий Жженов в трилогии „Русский крест“, говоря о восстании в Норильлаге, не упоминает о Старостине, чтобы не впутывать его в это дело».

К слову, в своем интервью Жженов говорил, что вернуться в Москву Андрею Старостину разрешили не без помощи Василия Сталина. Но Андрей Петрович вернулся в 1954-м, когда сын

вождя сам находился под арестом. Так что подобная протекция явно отпадает. Но не потому ли родилась легенда, что из Норильска Андрей Петрович улетал самолетом?

А в Москву он приехал в сентябре на поезде, успев перед выходом на перрон Ярославского вокзала увидеть в окно родную базу в Тарасовке. У дверей вагона Андрея Петровича встречали многочисленные родственники и друзья во главе с верным Яншиным.

За отказ от работы — вплоть до расстрела

Теперь снова обратимся к запискам Петра, в которых он описывал свои лагерные странствия. Но прежде стоит сделать отступление. В публикациях, касающихся пребывания братьев в местах заключения, можно встретить такое утверждение: «Петру Старостину, младшему из братьев, было легче. Получив до войны инженерное образование, он и в заключении работал на инженерных должностях». Думается, автор процитированных строк просто не знал, что к моменту выхода Петра Петровича на волю туберкулез развился у него до кавернозного состояния, так что потребовалось делать срочную операцию на легких.

Итак, из записок Петра Старостина:

Этап и первое знакомство с уголовниками

Москва, декабрь месяц 1943 года. Еду в «столыпинском» вагоне в направлении севера. Купе набито до отказа — свыкаюсь с новой обстановкой. Через несколько дней прибываем в Свердловск. Пересыльная тюрьма. Большая комната заполнена лежащими и сидящими на полу заключенными. Нас трое — Архангельский, Леута и я. Пробиваемся и занимаем места. Мы, оказывается, ехали в одном поезде.

Ночью раздаются удары и крики, кого-то грабят. Это, очевидно, Гоша. Мы его заметили еще днем. Он сидел в группе среди своих помощников у противоположной стены и пристально разглядывал всех приходящих. Днем он командовал раздачей хлеба и разливом баланды, при этом многих заметно обделял, забирая себе оставшиеся излишки.

В следующую ночь грабеж и крики повторились. В душе накапливалось возмущение. С рассветом решили дать этой компании бой. К нам присоединились расположившиеся рядом коренастый блондин Гулько и чернобородый молчаливый Жунев. Первый осужден за восхваление вражеской техники, второй по доносу — за укрывательство в связи с врагами народа. Стычка была на удивление короткой. Гоша покорился предъявленному требованию, а сам оказался хилым парнем со слабыми тонкими руками и испитым морщинистым лицом.

Ко мне подошел интеллигентного вида пожилой худощавый человек в больших рваных опорках. Со

смущенной улыбкой он сказал, что ночью с него сняли ботинки. К счастью, их не успели реализовать. Через посыльного Гоша возвратил их хозяину. Им оказался бывший главный инженер Московского автомобильного завода имени Сталина Трухин. Раздачу хлеба и баланды исполнял Архангельский. Ночь прошла тихо, последующие тоже.

Через три дня в дальнейший этап ушли Леута и бородач, потом Гулько и Архангельский. Прибыла новая группа людей, среди них здоровый парень, которого Гоша радостно и угодливо повел в свой куток. Что-то рассказывая пришедшему, Гоша кивал в мою сторону. Я готовился к расправе, но старался вида не показывать.

Вскоре за спиной раздался голос: «Эй, спортсмен!» Я повернулся на другой бок. Приехавший парень ковырялся в моем рюкзаке. Вынув пачку туалетного мыла, он спросил: «Могу взять?» Я кивнул, он повернулся и ушел. «Наверно, помог футбол», — подумал я про себя. Он и в дальнейшем не раз был моей «палочкой-выручалочкой». Вскоре и я был вызван на дальнейший этап.

Лагерь. Нижний Тагил

Большой лагерь состоит из двух зон, мужской и женской, разделенных забором из колючей проволоки. Общая численность — около 5000 человек. Строится

Нижнетагильский металлургический комбинат. Зона оцепления находится в двух километрах от лагеря. Нахожусь на общих работах в бригаде усиленного режима.

Бригадир Ермилов, крупный мужик лет сорока, рецидивист. Пользуется дурной славой. Дисциплина палочная, с ней он и ходит, часто пускает в дело. Меня не трогает. В бригаде около 50 человек, все его боятся, боюсь и я. Указания выполняю, но стараюсь держаться с достоинством.

Работаем на открытом воздухе. Разгар зимы, 1944 год. Холодно и голодно. Копаем землю, подносим бетон, кирпич, пилим бревна. Обогреваемся у костра по разрешению Ермилова. Бригада считается ударной, даем хорошую выработку. Получаю 750 граммов хлеба, это выше среднебригадной. Максимальную — 900 граммов — получают только Ермилов и его подручные.

Очень устаю. Это самая тяжелая зима из всех, которые я пережил в лагерях. Вовсю действует приказ

Ста — лина — за отказ от работы применять жесткие меры вплоть до расстрела. Поэтому на развод выходили через «не могу». По дороге многие падали. Смертность доходила до 40 человек в день. По лагерю прошел слух — прошлой ночью трое доходяг проникли в морги вырезали мягкие места у трупов. Их срочно этапировали.

Весной заболел и попал в лазарет. Во время врачебного обхода больных начальник лазарета Дмитраев остановился рядом и, узнав мою фамилию, спросил, не один ли я из четырех братьев? Я ответил: «Да, младший». Далее, выяснив, что я работаю на общих работах и имею навыки по массажу, он сказал: «Поправляйтесь, вы нам понадобитесь».

Опять сработала «палочка-выручалочка». Он, оказывается, когда-то сам играл в футбол. Вскоре я, тоже облачась в белый халат, принимал участие во врачебном обходе и записывал, кому и что массировать. Кроме того, я должен был ежедневно проводить в мужском и женском корпусах оздоровительную гимнастику, или, сказать проще, физзарядку.

Хочу подробнее рассказать, как воспринималась больными эта оздоровительная процедура, особенно в женском корпусе. Прежде всего, она была принудительная, так как за отказ от нее больной выписывался из лазарета. Контроль за этим возлагался на дежурных по корпусам. Освобождались только тяжелобольные и

лежащие с высокой температурой. Еще на подходе к помещению я слышал нецензурную брань в мой адрес. Особенно едкой и колючей она звучала, когда ее произносили женщины. При входе на меня смотрели злые лица. Я делал вид, что этого не замечаю, и бодрым голосом приглашал приступить к занятиям. В ответ раздавалось кашляние, сморкание, потом сползание с коек и, наконец, медленное появление к месту занятий. Женщины были молодые и старые, лохматые и стриженые, но все очень худые. Большинство было одето в мужские рубашки и кальсоны. Если бы могли, они, наверно, меня избили. Я же, стараясь быть приветливым и доброжелательным, приступаю к занятиям. Вначале прошу вдохнуть и выдохнуть, потом поднять руки на уровень плеч. Возникает первый конфуз — у некоторых кальсоны спадают вниз, и они судорожно стараются удержать их на уровне хотя бы колен, а когда дело

доходит до приседания, большинство падают на пол и, кряхтя и ругаясь, едва поднимаются. В дальнейшем я это упражнение исключил и обходиться стал в основном ходьбой на месте, поворотами влево-вправо и сгибанием вперед-назад. Я сам понимал, что дополнительная физическая нагрузка больным полуголодным людям принесет вместо помощи вред. Намекал об этом Дмитраеву, но он не хотел отказаться от своего нововведения, одобренного высшим начальством. Поэтому в дальнейшем я эту «оздоровительную гимнастику» сократил до минимума. Примерно то же происходило и в мужском корпусе.

Вспоминаю из моей «медицинской практики» еще один курьезный случай, он относится уже к лечебному массажу. У нас в лазарете находился на излечении хронический больной. Говорили, что он сделал себе «мастырку», то есть умышленно нанес членовредительство, чтобы не выходить на работу. Лежал он более полугода, и никакое лечение ему не помогало. Ходил он на костылях, потому что опираться на одну ногу не мог. И вдруг Дмитраеву пришла в голову мысль — попробовать лечить его массажем. Это поручили мне, и я направился к больному. Это был полуграмотный мужчина из какой-то мордовской деревни с хитроватым лицом, возраста около 50 лет. Когда он показал мне свою ногу, я был поражен: ничего подобного в жизни не приходилось мне видеть. Вместо ступни была какая-то бесформенная шероховатая глыба, жесткая, как кора

дерева. От лодыжки к коленному суставу шла ровная глянцевитая палка с жестким кожным наслоением вместо икроножной мышцы. Такая же «палка», но более массивная, шла к тазобедренному суставу «Что же с этой „мостолыгой“ смогу сделать?» — подумалось мне. Больше месяца два раза в день мял, растирал и тискал я своего пациента. При этом он непрерывно продолжал охать, стонать и дергаться. И вдруг стали проявляться первые признаки восстановления. Ступня и коленный сустав слегка начали поддаваться сгибанию, появились эластичность и зачатки образования мышечной ткани. Дальше оживление пошло еще заметнее. Об этом заговорил медицинский персонал. Дмитраев с удивлением рассматривал больного и покровительственно улыбался мне. Как-то на очередном

сеансе, оглядываясь по сторонам, мой мордвин стал совать мне хлеб. Я отказался от проявленной ко мне благодарности за мои старания, но он шептал: «Бери, бери! Только перестань больше массировать, а то меня на работу выпишут». Я опешил. Дальнейшей судьбы его не знаю, так как внезапно наш лазарет был переведен в другое место.

Я вновь работаю в отделении строительства металлургического комбината. Освоился с бытом и нравами лагерной жизни. Образовалась своя компания, в нее входит бывший генерал-майор Чусов, образованный, симпатичный, уже пожилой человек. Работал с Тухачевским, за это и сидит. Хорошо знал Корка, Эйдемана, Гамарника. Много рассказал о них интересного. Коля Протопопов — совсем молодой красивый весельчак, любил женский пол, за что и пострадал. Осужден за связь с враждебно настроенным буржуазным элементом. Причиной этого, как он говорил, послужило его знакомство с одной иностранной журналисткой, которая, возвратившись домой, написала нелестную статью о СССР. Валентин Михайлович Шульман — острослов и любитель хорошо покушать, чего здесь был лишен начисто. Как-то он поведал мне о своем затаенном самом большом желании. Я ожидал, что он скажет — до отвала наесться чем-нибудь вкусненьким, но он прошептал: «Повесить Сталина». Были и другие, входившие в наш кружок.

Подходил к концу 1944 год. Я уже числился «производственным придурком» — так на лагерном жаргоне называли тех, кто не работал на общих работах.

Свидание

Я был «правой рукой», как меня называл мой тезка Петр Павлов, вольнонаемный инженер-электрик. Я комплектовал и доставлял электрооборудование на участки, где он командовал на его монтаже. Местом нашего пребывания было здание конторы, которое примыкало к огромному крытому складу, в котором хранились все виды оборудования и материалов. Здесь же под открытым небом стояли огромные катушки с различными марками проводов и кабелей. От жены получил письмо, она извещает, что добилась выезда ко мне. С волнением жду этого дня. В лагере свидание разрешается не более 20 минут. Слышал, что за попытку устройства его в рабочей зоне строго наказывают —

отправляют в штрафные лагеря или на длительный срок сажают в штрафной изолятор. У нас еще такого случая не было, боимся Кулеша. Кулеш — один из наших надзирателей. Имеет прозвище — Лютый. Я его знаю, он дежурит в нашей строительной зоне, а при входе в лагерь стоит как Цербер и вытаскивает из строя провинившихся.

Я рассказал Петру Павлову о приезде ко мне жены, и он сам предложил мне свои услуги в организации свидания здесь, хотя он тоже рисковал. Проведение в зону строительства людей без пропуска запрещалось. Я без колебания согласился, слишком велик был соблазн.

Наступил долгожданный день. Завтра до прихода охраны и нашего появления Зоя будет в нашей конторе. Мы сидели в маленькой комнатушке с завешенным окном и наперебой делились всем, что произошло с нами за эти годы. Павлов тактично оставлял нас наедине и изредка приходил узнать, нужно ли нам что-нибудь. И вот вместо очередного появления Петра перед нами стоял Кулеш, за его спиной виднелось испуганное лицо Павлова. Я встал. Не глядя на меня, спросил жену: «Вы кто?» И повернувшись ко мне, сказал: «А вы можете уйти». Я вышел.

Колонна подошла к лагерю, в распахнутых воротах стоял Кулеш. Я уже подготовился ко всему, но он на меня не смотрел. Я шел в барак и недоумевал. Через два часа меня вызвали на разрешенное двадцатиминутное свидание.

Когда в комнате свиданий мы сидели напротив друг друга, за длинным столом, в присутствии нескольких пар, Зоя шепнула:

— Завтра опять там, Кулеш разрешил.

На другой день я узнал, что Павлов пытался выдать жену за его девушку из Нижнего Тагила. Кулеш сразу это отверг, и тогда Зоя чистосердечно все рассказала. Он терпеливо все выслушал и, поднимаясь, сказал:

— Если у вас есть еще время, приходите завтра еще раз, с теми же предосторожностями. И никому ни слова.

Почему Кулеш поступил так, что он был за человек, для меня это осталось загадкой до сего времени.

Победа

Шла весна 1945 года. Чувствовалось приближение окончания войны. Радостные сообщения по радио о взятии новых городов. Возбужденные споры и

предположения, какая будет после победы амнистия, кого коснется и в какой мере. Многие говорили, что на политическую статью она не распространяется. Я тоже так думал, но все же на что-то рассчитывал.

В лагере несколько подутихли всякие ЧП — поножовщина, убийства, избиения и насилия, которые раньше возникали почти ежедневно. Я не люблю вспоминать эти кошмарные сцены, потому и не пишу о них, хотя они и сопровождали меня на всем лагерном пути. Но об одном происшествии все же расскажу оно не из мрачных. Это был случай, когда впервые заключенный, воспротивившись выполнить приказ начальства, вышел победителем.

Произошло все в выходной день, в ясную теплую погоду. Весь лагерь был в зоне. Одного заключенного по фамилии Пузин должны были этапировать, но перед приходом конвоя он куда-то исчез. Начались поиски. Всех вывели из бараков, построили для пересчета, как это бывает в дни побега. Обыскали все строения, результата нет.

Чем бы все кончилось, неизвестно, если бы кому-то из обслуги не понадобилось идти по нужде. «Он в уборной!» — раздался крик. Действительно, Пузин сидел в выгребной яме одной из уборных, расположенных в разных концах зоны. Весь надзирательский состав с внутренней охраной и комендантом лагеря во главе отправились туда.

— Пузин, выходи! — скомандовал комендант. Дверь в уборную распахнулась. Неожиданно оттуда

полетели комья мокрой грязи. Все бросились врас-

сыпную, некоторые брезгливо отряхивались и бежали отмываться. Вокруг раздавался громкий хохот. Опешивший комендант, находясь уже на безопасном расстоянии, вновь закричал:

— Пузин, выходи, хуже будет, все равно силой вытащим!

На попытку кого-то приблизиться вновь начался интенсивный обстрел. Потом из глубины уборной раздался глухой голос:

— Не выйду, пока не придет Тимонин.

Это начальник лагеря. Комендант был в нерешительности, не знал, что делать дальше, потом подозвал старшего надзирателя и дал ему какие-то указания. Тот направился в контору лагеря.

Подполковника Тимонина не было, он отдыхал. Никто по баракам не расходился. Все с интересом ожидали концовки.

Через час появился Тимонин. Это был жесткий, с большим самомнением человек, грубо обращавшийся с подчиненными, не говоря уже о заключенных. Он уже, очевидно, знал, что здесь происходит, потому что, ни с кем не разговаривая, издали крикнул:

— Пузин! Что ты валяешь дурака? Выходи сейчас же!

— Не выйду, пока не дашь честное слово, что отменишь этап.

— Вылезай! Потом поговорим.

— Нет, ты вперед дай честное слово, — настаивал Пузин.

— Ладно, даю, — досадливо махнув рукой, сказал Тимонин и, повернувшись, пошел к себе. Он был явно недоволен, что ему сорвали отдых.

Пузин появился из уборной, по плечи облепленный темно-бурой массой, в воздухе поднялся отвратительный запах. На расстоянии его сопровождала охрана. В лагере его все же оставили, надолго ли, не знаю. Сам он был вором средней руки, долго сидел в заключении. Говорят, от него долго еще шел неприличный запах. Причиной его «геройства» была подружка из соседнего оцепления. Как она оценила глубину его привязанности к ней, неизвестно.

Пришел долгожданный День Победы. Всеобщая радость, радовались, конечно, и мы, но все же она прошла мимо нас. Амнистия 58-й статьи не коснулась, за исключением тех, кто получил по ней срок до трех лет, но таких людей было ничтожно мало. В нашем лагере — всего один человек.

Через некоторое время начали прибывать к нам первые партии сражавшихся на фронте. Большинство из них — бывшие в плену. Из рассказов, за что осуждены, подтверждалось, что окончание войны и победа над врагом нисколько не смягчили политики подозрительности, репрессий и беззакония, проводившейся нашим «мудрым и любимым отцом».

ТЭЦ (теплоэнергоцентраль)

Идет 1946 год. Меня неожиданно переводят в другой, соседний лагерь. Вновь надо приспосабливаться, заводить дружную компанию. Без этого нельзя, в одиночку погибнешь. Закон природы — борьба за

существование — в лагере обнажен особенно остро и жестоко. Нужно помнить, что 58-ю статью, «контриков», как называют нас, и 59-ю статью — бандитов и разбойников, как в песне «две верных подруги — любовь и разлука», всегда умышленно соединяют вместе. Поэтому нужно быть готовым к возникающим стычкам с уголовниками.

Новая строительная зона, куда нас выводят, является огромной площадкой, на которой, кроме нескольких строений, разложены детали котла, поставленного США по ленд-лизу Советскому Союзу. Под открытым небом лежали большие барабаны, коллекторы, пучки длинных изогнутых труб, крупные блоки различных профилей и обилие разных ящиков с иностранными буквами. Некоторые стояли под навесами, более мелкие — в крытых складах. Во всем этом хозяйстве мне будет поручено разбираться. По чертежам определять, что еще не поступило, и комплектовать узлы для выдачи на монтаж.

Я узнал, что попал сюда по инициативе начальника этого строительного участка Сергея Николаевича Кожевникова. Опять помогла «палочка-выручалочка». Он был заядлым любителем футбола. Узнав, что я работаю по соседству на строительстве блюминга металлургического комбината, и выяснив по анкетным данным об окончании мной Московского энергетического института, он затребовал меня к себе на участок.

У Кожевникова я пробыл около полутора лет. Вернее, как говорят в лагере, «прокантовался». Котел поднимался уже к проектной сорокаметровой отметке, когда мне объявили о новом этапе.

В воспоминаниях о пребывании здесь сохранились два эпизода. Первый — печальный. С монтажной площадки сорвался вниз и разбился насмерть бригадир

монтажной бригады Коля Бурцев — молодой симпатичный парень, он сидел по какой-то бытовой статье и должен был через год освобождаться, мы с ним были дружны. Сорвался он, перебегая пролет между стоек по металлической балке, все делали это часто, делал и я. Сейчас, вспоминая об этом, содрогаюсь, тогда было не страшно. Кожевников очень ругался, обязал прораба следить, чтобы монтажники работали со страховками. Большой реакции это не вызвало. Смерть

заключенного от несчастного случая — явление было обыкновенное. Второе событие было связано со вскрытием ящиков. Оборудование в них упаковывалось в бумагу, материю и разные тряпки. При первом же вскрытии в тряпках стали попадаться носильные вещи — кофты, рубашки, шарфы, наволочки и прочее, не очень изношенное. Некоторые из них нам удалось сбывать вольнонаемным в обмен на хлеб. Вскоре об этом пронюхали надзиратели, и при очередном вскрытии кто-нибудь из них стоял рядом и, что попадалось получше, забирал себе. Мы установили за ними слежку и стали выбирать момент, когда из них никого не было. Но как только сбивали мы верхнюю крышку, так тут же показывалась фигура надзирателя. Оказывается, мы тоже находились под скрытым наблюдением кого-либо из них. Достаточно начать вскрывать очередной ящик, как он появлялся тут как тут. Мы решили приглашать на вскрытие ящиков знакомого вольнонаемного и удачную находку передавать ему, но надзиратель грубо объявлял: «Найденные неучтенные государственные ценности заключенный должен сдавать охранным органам». Было до слез обидно потерять эту маленькую возможность пополнить наш скудный лагерный рацион питания.

Криволучье

Покидаю Нижний Тагил. Кончался 1947 год. Этап по разнарядке ГУЛАГа, направления не знаю. Вновь пересылка. Народу мало, несколько человек едут в одно место. Позднее узнаю, это сифилитиков перевозят в инфекционную больницу. Становится не по себе. Пользовались одной кружкой, висевшей на цепи у бачка с водой, и мисками, почти не мытыми, стоявшими стопкой на столе.

Поезд медленно, с длинными остановками, идет в сторону Москвы. Опять «столыпинское» купе. У нас внизу теснотища, на верхней полке «хозяин» купе, напротив его «шестерка», здоровенный мужичища с ту нова-

тым лицом. Вторая «шестерка», тоже здоровяк, находится среди нас. Обе «шестерки» очень боятся своего шефа, подобострастно и беспрекословно выполняют все его распоряжения. Шеф, то есть хозяин, — худощавый молодой блондин с интеллигентным лицом. Интеллектуально явно выше своих прислужников. Я это понял из разговора, когда он выяснял, кто его спутники,

сидящие внизу.

Меня поражали его влияние на своих подчиненных, каждый из которых мог придавить его, как котенка, и особенно отношение к нему охранника. Он быстро появлялся при каждом его вызове и выполнял все его просьбы. Охранник позволял ему и его помощникам входить в другие купе вагона и даже в соседние вагоны по договоренности с другими охранниками.

Когда «хозяин» стал выяснять мою личность, я назвался бывшим футболистом. Он оживился и с интересом стал слушать мой рассказ о футболе, поездках за границу и курьезах в игре. Он выгнал своего «визави» с верхней полки и предложил занять ее мне. А когда я с благодарностью подарил ему случайно сохранившуюся у меня спартаковскую майку, он окончательно меня зауважал и взял под полное свое покровительство. Звали его Анатолий Ладонин. Он оказался выходцем из вполне благополучной семьи, но, связавшись с темными личностями, попал в тюрьму, где находится уже несколько лет. Сейчас он «вор в законе».

В дороге он меня подкармливал. Ему охранник часто приносил буханки хлеба и свертки, завернутые в газету. Я понимал, зачем были нужны отлучки и особое отношение охранника, но вида не подавал, смешно было думать о перевоспитании. Комфорт мой продолжался более трех суток. Под Ярославлем Анатолий Ладонин и его «шестерки» поезд покинули. Я хоть и сохранил свою полку, но удовольствовался своим суточным пайком — 500 граммов хлеба, ржавая селедка и кружка кипятка.

В Туле высадили и меня. В окрестностях Тулы, у поселка Криволучье, находилось оцепление для строительства цементного завода, а рядом небольшой лагерь, куда я и был доставлен. В лагере находилось не более 200 человек, в основном обслуга и руководящий состав стройки, целиком состоящий из заключенных, в который вскоре входил и я, будучи назначен старшим прорабом строительных работ. Этой специальностью я овладевал на протяжении всех лет пребывания в лагерях.

Начинался разворот земляных работ. Шла зима, потребовалась подрывная работа. Подрывников не было, пришлось заниматься этим делом мне. Из Тулы приехал специалист, привез аммонал и бикфордов шнур, сдал под расписку на хранение, провел двухчасовой инструктаж и уехал.

Я подобрал себе помощника — Васю Волкова, сообразительного паренька. Нелепо складывалась его судьба. Рос он в многодетной бедной семье. Учился в школе, ему не было еще пятнадцати лет, когда он написал письмо Молотову В письме он просил Вячеслава Михайловича не верить газетам, что у нас все хорошо живут, а наоборот, многие живут очень плохо, просил подумать об этом и принять меры к улучшению жизни. Письмо Вася не подписал и опустил его в другом районе. Более года шли розыски мифической вражеской организации, и, наконец, по почерку был обнаружен автор письма. Короткий суд — 58-я статья, пункт 10, антисоветская агитация, срок 8 лет. Так был наказан «преступник» за мальчишеское письмо, написанное еще до войны, в 1940 году. Сейчас Васе 21 год.

Гулкие взрывы, мерзлые комья земли долетают почти до лагеря, в окнах дребезжат стекла — это результат нашей с Васьком работы. Удовлетворенно улыбается майор Зыков — начальник нашего лагеря. Грузный, с большой, круглой и коротко подстриженной головой, горячий, но быстро отходчивый человек. Ему нравится, что взрывы производят впечатление большого размаха руководимого им строительства, которое осуществляется хозяйственным управлением МВД СССР. За эту работу Зыков стал проявлять ко мне особую благосклонность, она распространялась до расформирования лагеря.

Особенно она выразилась во время очередного приезда жены на свидание. Зыков разрешил мне поставить в зоне лагеря временную палатку и освободил надвое суток от работы. В этот раз Зоя приехала с сыном. Андрюшка из ребенка превратился в голенастого мальчишку. Я сжимал его на руках, а он крепко обнимал меня за шею.

С улыбкой вспоминаю одну из картинок, связанную с подрывной работой. Посчитав все шурфы и запалив бикфордовы шнуры, мы с Васьком взобрались на край котлована, чтобы бежать в укрытие. Вдруг увидели группу людей, приближающуюся к нам. Они находились

в десяти шагах. «Назад!» — испуганно заорал я. Нужно было видеть, как эти пузаны в развевающихся шинелях и сваливающихся шапках рванули к лагерю, среди них мчался и Зыков. Говорили, что с одним из них на вахте было плохо. Это оказались гости из Тульского

областного управления МВД.

Вагон дальнего следования

Вагон дальнего следования медленно ехал. Так мы называли узкую пристройку на 12 мест, с двухъярусными нарами, расположенными по стенам, и тесным проходом между ними. Здесь размещался основной состав ИТР, работающий на стройке. Среди них — главинж, как мы его называли, Александр Абрамович Гиршвельдт — бесконвойный, он днем у нас почти не бывал, где-то в хлопотах носился за зоной, а вечером донимал меня чтением своих стихов и рассказов. Он был убежден, что у него есть литературный талант. Но вирши его так и не нашли своего признания. Мы ели с ним, как говорится, «из одного котелка». Дружба наша сохранилась и до сего времени, мы звоним друг другу и встречаемся.

Сергей Иванович Леонов — архитектор-конструктор. В начале войны на фронте сделал себе самострел. Хитрец, будучи левшой, прострелил себе кисть правой руки, был разоблачен и получил 8 лет. Он научил меня строительному проектированию, что очень мне пригодилось, когда он освободился.

Кастусь Калиновский — такое прозвище получил Мироненко за внешнее сходство с героем одноименного фильма. Он был без обеих ног, ампутированных выше колен. Еще в молодости попал под поезд. По лагерю он передвигался на доске с колесиками, опираясь руками о землю. На стройку его возили на лошади по кличке Звездочка, у ней на лбу рыжей головы было белое пятно. Однажды — связанный с ней — произошел трагикомический случай. Конюхом у нее был бесконвойный, прыщавый и неопрятный заключенный Петрищев. Зыкову нравилась эта лошадка, и он иногда трепал ее за гриву, она признательно кивала ему головой. Как-то Зыков заглянул в конюшню, и ему показалось, что Петрищев собирается проявить к Звездочке свою нежную привязанность. На другой день Петрищев был этапирован, а когда при встрече с Зыковым Звездочка закивала головой, он на нее закричал: «Пошла

вон, проститутка!» У нас это вызвало бурный прилив веселости. С тех пор Звездочку переименовали — завидев ее, мы говорили: «Вон едет наша проститутка».

Шло время, быстро рос основной корпус завода, начался монтаж оборудования. Закончилось

строительство здания заводоуправления, электроподстанции, складских помещений и других строений. Чаще стало появляться начальство из Москвы, особенно Эйзенштадт — один из руководителей московского хозяйственного управления МВД. При встрече он останавливался и любезно разговаривал.

Чрезвычайное происшествие

Подошло время пробной работы основного агрегата — вращающегося барабана. В зоне, где идет образование цементного клинкера, температура поднимается свыше 1000 градусов. Неожиданно над этой зоной от нагрева обрушился свод из огнеупорного кирпича. Срочно из Москвы для выяснения причины аварии прибыла комиссия во главе с Эйзенштадтом. В состав комиссии входил также руководитель проектной организации, кем разрабатывался проект завода. В мой адрес из уст Эйзенштадта летели злобные слова: «Вредительство! Диверсия!» Былую любезность сдуло как ветром. Зыков отворачивался от моего взгляда.

Комиссия направилась к месту аварии. В качестве эксперта с Новотульского металлургического завода был приглашен специалист Михаил Иванович Елагин. Я плелся сзади, мрачно думая о новом сроке, а может, и еще худшем. Благин осматривал стены, на которые опирался свод, металлический бандаж, предохраняющий от распирания стен при их нагреве, качество сохранившейся кладки свода. На обращенные к нему вопросы не отвечал.

Через час все сидели в кабинете Зыкова. Несмотря на упорные возражения представителя проектной организации, Благин убедительно доказал, что работы выполнены точно по чертежам, а ошибка в проекте. Предусмотренный укрепляющий стены бандаж очень слаб — и здесь же выдал эскиз, каким он должен быть.

Через два года, встретив на Новотульском металлургическом комбинате Михаила Ивановича Благина, я благодарно сжал его руку; он, конечно, меня сразу узнал и, улыбаясь, сказал: «Уж очень вы тогда переживали, сидели белый как мел».

Как ни в чем не бывало, Эйзенштадт говорил Зыкову: «Организуйте двухсменную работу, и в самый кратчайший срок Старостин выправляет то, что натворил». При этом он, криво ухмыляясь, кивнул в мою сторону.

Через две недели, с новым бандажом, свод был восстановлен и при повторном испытании барабана держался прочно. Вскоре из Москвы прибыл директор завода — Дзюба Даниил Андреевич, представительный энергичный украинец. Он быстро завоевал наше уважение своим демократическим и доброжелательным отношением.

Появился и главный инженер — туляк Петр Васильевич Червяков, работник слабый, но Дзюба его держал так, что он ему не мешал и беспрекословно исполнял его приказания. Петр Васильевич — безвредный, облысевший пенсионного возраста мужчина. Во рту у него одиноко торчал большой желтоватый зуб. За что и получил от нас прозвище — Клык. При разговоре он часто употреблял фразу: «памятуя о том, что…» Копируя его при подъеме, мы часто говорили: «Памятуя о том, что на развод опаздывать нельзя, надо вставать». Или: «Памятуя о том, что наступает ночь, надо ложиться спать» и т. д.

В «вагоне дальнего следования» произошли значительные перемены. Ушел на этап Гиршвельдт, освободился Леонов, внезапно умер «Кастусь Калиновский». А вскоре наш маленький лагерь был ликвидирован. Всех перевели в большой, тоже в Криволучье, откуда поступала к нам основная часть рабочей силы.

Вновь комендатура, надзирательский состав, бригады усиленного режима и неразлучная подруга — статья 59. Но теперь, в начале 1950 года, кошмары страшных военных лет возникали не часто. Досаждали крысы, как-то ночью во время сна я почувствовал, что кто-то у меня шевелится. В испуге я вскочил, из кальсон вывалились два больших крысенка.

По просьбе Дзюбы меня расконвоировали, я получил право бывать в любом месте в пределах установленных мне границ и возвращаться в лагерь не позднее указанного срока. Завод готовился к выпуску продукции. Клык возложил на меня обязанности начальника ОКСа (отдела капитального строительства). Пригодились знания, накопленные при помощи Леонова. Завод расширялся — возводилась известковая печь, строилась установка для грануляции шлака, жилые дома для рабочих и служащих завода и другие объекты.

Прошел год, когда мне неожиданно объявили об

этапе. Я стоял с рюкзаком за плечами на выходе из лагеря, когда появился Дзюба. Он с трудом добился отмены этапа, но расконвоирование было снято. Позднее я выяснил причину случившегося, это был рецидив на события, происшедшие у брата Николая с Василием Сталиным.

Опять ранние подъемы, длительные построения и разводы под конвоем. Быстрее стал утомляться, появился кашель, который пытался заглушить едким махорочным дымом. Подкрадывалась коварная болезнь — туберкулез. «Укатали сивку крутые горки..» Но срок приближался к концу. И вот наступил этот желанный день — 21 марта 1952 года. От звонка до звонка. 10 лет.

Возврат в Москву

Куда забросит судьба? В 20 городах проживать запрещено, в том числе и в Туле. Опять напомнила о себе «палочка-выручалочка». По ходатайству дирекции и профкома Новотульского металлургического завода перед управлением МВД по Тульской области мне была разрешена временная прописка сроком на один год с пролонгацией на последующие годы, если ходатайства будут подтверждаться. На металлургическом заводе я работал в должности заместителя начальника ремонтно-строительного цеха и одновременно был тренером футбольной команды завода. Для лишенного в правах и судившегося по 58-й статье это было неплохо.

Здесь и застала меня радостная весть о смерти Сталина. Вспомнилось заветное желание Шульмана. Не медля, пишу очередное заявление о пересмотре дела, на предыдущие ответа не было.

Летом 1954 года нахожусь перед комиссией, состоящей из представителей ЦК партии, Военной коллегии Верховного суда СССР, прокуратуры СССР. Среди них находится Терехов. Спросив о здоровье, уточнив, за что сидел, и пожелав успеха, сказали: «Завтра начнется рассмотрение существа вашего дела».

Вновь Лубянка. Комната, в которой дожидаюсь, к кому был направлен. Через стенку слышу голос: «Опять появились Старостины». Как бы за делом, появляются люди и бегло бросают на меня взгляды. В комнате на столе знакомые три тома обвинительного заключения. Опрос ведет подполковник (фамилию забыл), рядом

лейтенант и стенографистка. Полная метаморфоза, не опрос, а дружеская беседа. Иногда подполковник,

переворачивая листы, сокрушенно мотал головой, произнося слова: «Мерзавцы, что делали…» Беседа длилась два полных дня. В заключение он обнадеживающе сказал: «Ждите извещения».

Я вернулся на завод, а вскоре держал в руках бумагу, где говорилось: за отсутствием состава преступления полностью реабилитировать. Спасибо Никите Сергеевичу Хрущеву.

Ночами неотвязно преследует один и тот же сон — я в лагере, окончился срок, а меня всё не отпускают. Просыпаясь, облегченно вздыхаю — хорошо, что это не явь.

В этих записках младший из братьев упомянул далеко не всё, что происходило в эти годы. Но в частных беседах потом он непременно выражал благодарность сестрам, Клавдии и Вере, за посылки, которые разрешили, пусть и не сразу. И говорил еще: «Я никогда не позволял уголовникам грабить в моем присутствии или издеваться над другими. Самое главное было — сохранить человеческое достоинство. Самое трудное, самое невозможное».

Не написал Петр Старостин и о том, как однажды, будучи уже расконвоированным, не удержался от соблазна тайно рвануть из Тулы в Москву, повидать своих, а если повезет, то сходить на футбол. На стадионе «Динамо» сел на западную трибуну, подальше от «севера» с центральными ложами. И вдруг услышал чей-то голос: «Петр! Ты?!» Это был спартаковский вратарь довоенных лет Анатолий Акимов, который, естественно, не знал, что его одноклубник попал на матч нелегально. Но приложенный к губам палец сразу все объяснил Акимову. А Старостин для надежности ушел за 15 минут до конца игры.

К воспоминаниям Петра Петровича добавим несколько слов и от его сына Андрея:

«Мать ездила в Нижний Тагил, а меня возили только под Тулу, в Криволучье. Провожал Петр Попов, муж Веры Петровны: довез нас до лагеря и уехал.

Был период — отец был законвоированным, и я видел, как ходит колонна заключенных: у каждого руки под мышками предыдущего. Но запомнилось другое свидание. За заслуги отца в работе комбината нам на две недели разрешили разбить палатку на территории лагеря. Меня выпускали купаться на речку Упу. Конечно, не сказать, что было совсем комфортно: вокруг крысы бегали, а отец старался провожать мать по территории. При нас случилась попытка побега. Однажды полуторка грузовая пробовала прорваться через ворота, застряла бортами, и охрана

ее расстреляла. Трупы несли, кого-то раненого… Рассказывали про другой случай — заключенный пытался спрятаться в отвалах шлака на узкоколейке между двумя чашками, которые заливали горячим — и сварился. Еще один на третий день освобождения находился в проходной, навстречу жена шла через поле. Он начал бежать к ней, охранник не разобрался и дал по ногам очередь, хорошо, что не насмерть.

У отца в 1952-м закончился срок, но он был поражен в правах на пять лет. В Туле тренировал „Металлург“, я к нему ездил 16-летним пацаном, играл лучше всех в команде. Я ведь занимался в „Спартаке“, начиная с третьей команды мальчиков».

Два брата встретились в неволе

Александру было назначено отправиться в Усольлаг, расположенный в Пермской области. Правда, пробыл он там недолго: судя по отметке на одной из справок, до 2 декабря 1943-го. Очередной переезд занял больше двух месяцев: на новом месте учетно-статистическая карточка на заключенного Старостина была заведена 5 февраля 1944-го. В графу «профессия» учетчик записал «адмхозраб.», уточнив специализацию — «счетная работа».

Андрей Влисков так написал об этом переезде: «И очутился в Коми АССР — в Печорлаге». Но здесь требуется пояснение. Термин «Печорлаг» возник уже позже, после структурных преобразований, а в описываемое время официальное название звучало «Северо-Печорский исправительно-трудовой лагерь». Позднее все материалы лагерного сектора были переданы в новообразование — Печорский ИТЛ. Именно оттуда они и дошли до исследователя, изучавшего историю пребывания Александра на земле Коми.

В отличие от братьев Александр Петрович пытался изменить свою судьбу, а потому написал письмо на имя Сталина:

> Генеральному секретарю Всесоюзной Коммунистической партии большевиков Иосифу Виссарионовичу Сталину
>
> От осужденного Старостина Александра Петровича, 1903 г. рождения, бывш. члена ВКП(б), депутата Совет-
>
> ского района г. Москвы, заслуженного мастера спорта СССР, майора Красной Армии, орденоносца, содержащегося Коми АССР, ст. Печора, п/я 274/1.
>
> Ходатайство о помиловании.
>
> Приговором Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от октября 1943 года я по ст. 58–10 ч. II УК РСФСР осужден к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года.
>
> Военной Коллегией я признан виновным в том, что в октябре 1941 года в г. Москве на квартире у своего брата Николая Петровича присутствовал при разговоре брата с товарищами, который носил пораженческий характер.
>
> Ввиду угрозы занятия г. Москвы немецко-фашистскими войсками, разговор шел об эвакуации. Были предложения не эвакуироваться. Я категорически против этого возражал и, не согласившись с этим, ушел

от брата. Однако со своей стороны не сделал достаточных попыток разубедить брата и товарищей и убедить их в необходимости немедленной эвакуации.

Спустя три месяца мой брат был арестован. В апреле месяце 1942 года я ушел в Красную Армию, а 29 октября 1942 года меня арестовали по этому же делу, что и брата.

Уже тот факт, что я был арестован на 9 месяцев позднее брата, указывает на то, что моя вина в этом деле была не главная. Я виноват в том, что, будучи партийцем и честным советским патриотом, умолчал об этом разговоре и не довел его до сведения соответствующих организаций.

Находясь в заключении около двух лет, я особенно остро чувствую несоразмерность и тяжесть наложенного на меня наказания. Вся моя прошлая трудовая жизнь исключает полностью всякую мысль об измене моей родной стране и партии. Сегодня, когда моя родина ведет ожесточенные бои против немецко-фашистских захватчиков, я, как командир Красной Армии, прошу Вас, Иосиф Виссарионович, предоставить мне величайшее счастье и честь искупить вину кровью, с оружием в руках на поле брани.

Прошу пересмотреть мое дело и направить меня в ряды Красной Армии.

Александр Старостин.

24 января 1944 г.

Сразу бросаются в глаза нестыковки в датах. Во-первых, между потенциальным «пораженческим» разговором и арестом Николая прошло не три месяца, а пять. Во-вторых, Александра заключили под стражу не на девять, а на семь месяцев позже брата. Однако суммирование этих нестыковок убеждает в том, что второй брат просто не помнил точно, когда взяли первого: по его расчетам получалось, что это произошло не в марте, а в январе.

Еще один нюанс: почему ходатайство датировано январем, если прибытие в лагерь оформлено только в феврале? Но это расхождение не выглядит невероятным: документ мог быть составлен тогда, когда подвернулась оказия его передать, на любом пересыльном пункте, да и карточку на заключенного могли завести не сразу после прибытия. Сам Александр пояснял, что отправил текст через одного вольнонаемного жене Зинаиде, а уж она должна была позаботиться, чтобы послание дошло до адресата. Известно, что аналогичным образом поступали и другие

заключенные. Текущий обратный адрес, к слову, вовсе не имел какой-либо практической ценности, ибо даже в самом благоприятном случае ходатайство не рассмотрели бы в одночасье, а массы репрессированных постоянно перемещались по стране.

А главное недоумение, которое может вызвать письмо у читателя: не противопоставлял ли себя Александр остальным, не пытался ли выйти за свободу, что называется, «за их счет»? Вот только нам не дано знать, о чем говорили братья, оказавшись вместе в камере в ночь после суда. Ведь практичный Николай вполне мог предложить Александру именно такую линию поведения: хуже все равно не стало бы никому.

Одновременно на воле за мужа хлопотала жена Зинаида. Родственники потом удивлялись: как ее саму не посадили? А мать, Александра Степановна, хлопотала за всех сыновей:

Москва, Кремль

Иосифу Виссарионовичу Сталину

От Старостиной Александры Степановны, прож. в г. Москве по Ново-Рязанской ул., д.7/31, кв.43, тел. Е-1-81-47

Дорогой Иосиф Виссарионович, мои четыре сына, бывшие орденоносцы и заслуженные мастера спорта, футболисты и спортсмены, братья Старостины: Николай, Александр, Андрей и Петр были арестованы органами НКВД 21 марта 1942 г., а 18/Х-42 г. приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР осуж-

дены по ст. 58–10 УК к 10-ти годам лишения свободы каждый.

Я, старая мать, слезно прошу Вас оказать милость моим сыновьям и разрешить им сражаться на фронте против проклятых фашистов. Знаю я, что они или геройскими поступками на фронте с немецкими захватчиками искупят свою вину или отдадут свою жизнь за отчизну, перед которой так провинились.

В течение 25-ти лет, т. е. с малого возраста до зрелых дней, они были ведущими спортсменами Советского Союза. Десятки раз защищали честь Советского спорта за границей, являясь поочередно капитанами сборной команды футболистов Советского Союза. Все они являются командирами запаса, а сын Александр окончил Высшие Артиллерийские курсы «Выстрел». Физически они вполне подготовлены для зачисления в ряды Красной Армии, а их полное

раскаивание и всемерное стремление искупить свою вину сделают из них бойцов, способных на героические подвиги на фронте.

Умоляю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, откликнуться на просьбу моих сыновей и их старой матери и дать мне спокойно умереть, зная, что родина доверила моим сыновьям право с оружием в руках бороться против ненавистных захватчиков под Вашим мудрым руководством.

12 марта 1944 г.

Старостина.

Не будем придираться к неточностям в словах пожилой женщины: конечно, и братья не были арестованы все в один день, и суд состоялся на год позже, и ведущими спортсменами Советского Союза Старостины никак не могли являться в течение четверти века. Решение все равно было бы отрицательным. Прошение было переправлено Берии, который не стал ничего изменять.

Между тем Александр все же не оставлял надежды на пересмотр дела. Сохранилась справка-характеристика на него, в которой утверждалось: «З/к Старостин А. П. со дня прибытия в Печорский ИТЛ НКВД работал на общих работах на жел. дор. транспорте. За хорошую работу впоследствии был поставлен бригадиром. Его бригада являлась фронтовой бригадой, ежемесячно перевыполняя норму. С июня месяца 1944 года был взят на работу мастером спорта „Динамо“ при Упр. Печорского ИТЛ НКВД, где передавал новым спортсменам свои знания. Адм. взысканий и нарушений лагрежима не имеет». Тем не менее на характеристике стояла резолюция «Б/у», что можно расшифровать, как «без удовлетворения».

Как и Андрей, Александр переписывался с двоюродной сестрой Тамарой Малиновцевой. Одно из этих посланий, написанное на тетрадном листке в линейку, у родных сохранилось:

Пос. Абезь, Заполярье, 26/5—1944 г.

Здравствуй, Тома!

Вчера получил твое письмо от 14/04 — с/г и спешу тебе ответить. Во первых очень тебя за него благодарю, а во вторых, надеюсь, что и в будущем среди своих важных дел ты найдешь время чирканyть мне пару-другую слов.

Меня очень интересует, как ты живешь? Чувствуешь себя? и т. д. Вообще все, все, что ты найдешь нужным написать, будет для меня очень интересно.

Я лично забрался очень далеко. За полярный круг, где зимой почти сплошная ночь, а летом ей и не пахнет. В 11 час. 30 м. солнышко заходит, а в 12 ночи оно уже опять появляется. Ночи нет. Но все же погода скверная. Вот сейчас у Вас уже лето в разгаре, тепло, зеленеют (цветут — зачеркнуто. — Прим. авт.) деревья, а у нас еще лежит снег, и вчера была отвратительная снежная метель. Но, ничего…

Чувствую себя вполне удовлетворительно. Здоров. Условия и жизни и работы приличные. Работаю в спорт о-ве «Динамо», организую на Крайнем Севере спортивную жизнь. Желающих заняться этим делом много, т. что думаю работку развернуть. На месте встретил много знакомых, среди которых большинство москвичей, так что есть с кем перекинуться словом.

С домом и с братьями переписку имею более или менее регулярную. Все они также как будто бы устроились неплохо. Все, в том числе и я, конечно не теряем надежду перевестись в Армию, чтобы принять участие в добивании гитлеровских гадов, правда, это конечно, трудно, т. к. наша практика работы не позволяет рассчитывать на перевод, но мы все принимаем к этому меры. Возможно, что все же будем гадов добивать. Ну вот, Томочка, как будто бы и все. Жду от тебя писем, подробных и скорых, а пока крепко жму тебе руку и не менее крепко по братски целую. Александр.

К футболу его действительно приобщили, и Николай Петрович даже писал в своих мемуарах, что стал свидетелем телефонного разговора начальника Ухтлага генерал-лейтенанта Бурдакова с его коллегой по Интлагу генералом Барабановым. Начальники спорили о том, у кого сильнее футбольная команда, и каждый уповал на то, что тренирует ее знаменитый Старостин. Старшему брату, конечно, приятно было узнать, что младший пребывает в здравии, но встретиться у кромки поля им так и не довелось. Правда, память рассказчика слегка подвела. Согласно справочнику «Система исправительно-трудовых лагерей в России», изданному в Москве в 1998-м, среди руководителей Интлага не было человека с такой фамилией, а вот в Северо-Печорском ИТЛ действительно командовал Барабанов, правда, в чине полковника. Вероятно, здесь сыграл роль тот фактор, что под Инту Александра действительно перевели, но позднее, и через много лет эти детали в памяти просто перемешались.

Но два героя нашего повествования действительно повидались в неволе! Произошло это в начале 1945-го, в молотовской пересылке с подачи тюремного врача, который из уважения к знаменитым спортсменам не только организовал им свидание, но и определил на несколько недель в лазарет, где они могли вдоволь пообщаться. Александр рассказал о своих попытках добиться пересмотра дела, на что Николай ответил: «Ты поторопился. Не время еще сейчас. Не та пока что обстановка».

Кстати, ни тот ни другой не знали, почему, согласно полученным распоряжениям, отправились по этапу. И старший предполагал, что брата выдернули как раз в отместку за ходатайства. Ведь Александру светила дорога под Соликамск, в лесоповальные лагеря.

Впрочем, пребывание там получилось сначала не очень долгим. Как вспоминал Герман Мельников, отбывавший наказание в молотовской промколонии № 1 НКВД, «неожиданно в промколонию прибыл по этапу Александр Петрович Старостин. Этапирован из Усольлага г. Соликамска по распоряжению начальника НКВД Молотовской области для тренировок пермской футбольной команды „Динамо“».

О том же свидетельствовал и другой узник, юный Израэль Зекцер: «Вскоре появились у нас два футболиста. Это самый старший (простим эту неточность. — *Б. Д., Г. М.*) из знаменитых братьев Старостиных, Александр, и молодой грузин, „Кацо“ — бывший игрок тбилисского „Динамо“.

Старостин, бухгалтер по профессии, так и числился, был расконвоирован и тренировал команду „Динамо“. Каждый день они вдвоем отправлялись на „работу“ и возвращались обратно на ночь. Мы познакомились, когда на плацу гоняли по выходным мяч. Как бесценную реликвию, я вынес из колонии подаренный мне учебник игры в футбол с дарственной надписью Александра Старостина: „Изе Зекцеру, будущему мастеру спорта, от бывшего“. Кто мог тогда предположить, что это пророчество не сбудется: я не стану мастером спорта, а к Старостину это заслуженное звание вернется со славой.

В нашей игре обычно участвовал и сам Старостин, и „Кацо“ (если они были свободны от большого футбола), и мой наставник, электрослесарь Саша Карташев».

Тренерская работа в «Динамо» продолжалась два сезона — в 1946-м и 1947-м. А затем произошли события, о которых поведал Герман Мельников: «В конце декабря 1947 года у нас в промколонии пронесся слух, что начальника управления НКВД по Молотовской области генерала Захарова сняли с работы за то, что он обменял 15 декабря 1947 года 80 тысяч старых денег на новые

— рубль за рубль — в Центральной областной сберегательной кассе, сделав это с разрешения управляющей сберкассой Хлопотовой. Законом о денежной реформе предусматривалось с 15 декабря 1947 года ввести новые деньги, причем при обмене применялось соотношение 1:10, то есть за 10 рублей старых денег граждане получали 1 рубль новых денег. Все это обсуждалось в камерах лагерных „придурков“ (ИТР и служащих). Большинство понимали, да и сам Старостин, протеже генерала Захарова, что едва ли он будет тренером пермской футбольной команды „Динамо“. Наши предположения оправдались. Хлопотова была арестована и предана суду. Генерала Захарова отозвали из Перми, А. П. Старостина больше на тренерскую работу в город не выводили».

Вплоть до июня 1950-го Александр отбывал срок в Свердловской области, в Ивдельлаге. Какое-то время — в качестве бухгалтера по производству, но приходилось и древесину разгружать. В характеристиках было отмечено «активное участие в проведениях физкультурно-спортивных мероприятий среди заключенных».

В Ивдельлаге он познакомился с Маргаритой Малиновской, входившей в культбригаду. И вот какое любопытное совпадение: с 14 июня 1950 года Старостин вновь находился в Коми АССР, в базировавшемся в Инте Минеральном лагере. А через год туда же этапировали и Маргариту. Начальство Минлага решило создать свой театр, в котором нашлось место не только Малиновской, но и знаменитой приме-балерине Киевского театра им. Тараса Шевченко Тамаре Вераксо, и солисту-тенору из Мариинки Николаю Печковскому. Вообще интеллигенция составляла немалую часть заключенных, причем пересечения судеб были самые причудливые. Скажем, в Инте ранее оказался кинодраматург Алексей Каплер, с которым вместе отбывал часть срока Николай Старостин. Или поэт Ярослав Смеляков, чья жена Евдокия впоследствии стала спутницей жизни Александра…

А он, как писал Андрей Влисков, «сидел в одном из лагерей в Абези, „приписан“ был к комбинату „Интауголь“. Тоже, понятно, передавал знания лагерным футболистам — как „вохровцам“, так и зэкам. При этом числясь санитаром, как утверждает председатель Абезского общества „Мемориал“ Виктор Ложкин. Во времена не столь давние рассказывал ему об этом один из военных, служивших в Абези в пору, когда знаменитый футболист отбывал там срок».

Косвенное упоминание о тренерстве Александра Петровича можно отыскать в воспоминаниях профессора медицины Игоря Григовича, который некоторое время жил в поселке Вычегодский

вместе с освобожденным из лагеря отцом:

«Как ни странно, в этом маленьком поселке существовала вполне приличная футбольная команда „Динамо“. В ней играли лагерные охранники (рядовые и несколько младших офицеров), а также бывшие заключенные. Я часто приходил к ним на тренировки, а затем стал вместе с ними участвовать в играх „местного значения“. Однажды они даже взяли меня с собой в столицу Республики Коми Сыктывкар, где проводилось зональное первенство ЦС „Динамо“. Съездить-то съездил, но на поле меня не выпустили, так как мне в это время только исполнилось 16 лет. Запомнил, что победила команда Воркуты или Инты, которую тренировал один из братьев Старостиных.

Когда мы вернулись домой, то говорили, что победившую команду дисквалифицировали, так как в ней половина игроков были профессиональными футболистами из известных команд и на момент соревнования они еще оставались заключенными».

Что любопытно, в команде Григовича играл легкоатлет Николай Ковтун, первым в СССР взявший высоту в два метра. Через несколько лет, судя по интервью Георгия Жженова, прыгун оказался в Норильске, где занимался футболом под началом Андрея Петровича.

Здесь, правда, есть одна хронологическая нестыковка. Если принять, что на турнир в Сыктывкар будущий профессор ездил шестнадцатилетним, стало быть, это произошло в 1948-м. А второй из братьев в то время обитал еще в Свердловской области. Других Старостиных в Коми АССР тогда тоже быть не могло. Но и здесь надо учитывать, что Игорь Николаевич обнародовал свои воспоминания в интернет-журнале «Лицей» всего за пару лет до восьмидесятилетия и события разных лет могли наложиться в памяти одно на другое.

Зато нет ничего удивительного в том, что в команду входили заключенные из числа бывших футболистов. Здесь все зависело от амбиций и благосклонности лагерного начальства, а как мы уже убедились, генералы и полковники любили мериться успехами на футбольных полях. Ради этого и предоставляли мастерам мяча некоторые поблажки.

4 сентября 1952 года, более чем за месяц до окончания срока наказания, Александр Старостин был переведен на спецпоселение в Кожвинский район Коми АССР. В ноябре того же года он отправил родным фотографию, сопроводив ее надписью: «Хорош гусь? Былой красавец превратился в печеное яблоко. Но ничего…»

Круг общения, естественно, составляли такие же освободившиеся люди, еще не получившие право вернуться в родные места. Подруга Малиновской по Минлагу Ирина

Угримова вспоминала о своих первых днях за пределами лагеря: «Адрес у меня, где остановиться, был: бывшая наша заключенная, которая отсидела десять лет и освободилась до меня (Галя Терещенко. — *Б. Д., Г. М.*), жила там на Школьной улице… Вечером мы были приглашены в гости — такой был замечательный грузин-врач у нас — Амиран Марчиладзе, которого все страшно любили, прекрасный терапевт, хотя был арестован еще студентом 4-го или 5-го курса… А пригласил нас Старостин, из известной семьи спортсмена Старостина — Александр. И там же еще был Толя Рабэн, который освободился, а к нему тоже только что приехала жена на первое свидание…»

Анатолий Рабен, чья фамилия воспроизведена не совсем точно, был врачом из Москвы. А еще здесь забавно то, что автор воспринимала Александра только как члена семьи известного спортсмена Николая Старостина. Но для нее это вполне извинительно. Уместно пояснить, что Ирина была замужем за Александром Угримовым, активистом французского Сопротивления. В Советский Союз они попали только по окончании войны и были репрессированы в 1948-м. Поэтому славное спортивное прошлое всех братьев Старостиных было ей неизвестно.

Фактически с этих посиделок Угримовы отправились в Москву. Можно предположить, что и для Александра Петровича это была одна из последних встреч на интинской земле. 28 июля 1954 года он был освобожден из ссылки на поселение по определению Военной коллегии Верховного суда СССР.

От крыс в морге до звонка Сталина

По словам дочери Николая Петровича, его супруга после вынесения приговора «вообще проявляла активность, куда-то ходила и писала, пыталась доказать ошибку чекистов». Для нее самой это, к счастью, не имело никаких печальных последствий, но и исправить положение оказалось невозможно. Антонине оставалось бороться только за конфискованное имущество, в связи с чем появилось заявление в суд (орфографию и пунктуацию сохраняем):

> В народный Суд Советского района. По 2-му участку.
>
> Старостиной Антонины Андреевны, проживающей Спиридоновка дом 15 кв. 36.
>
> По иску.
>
> К Московскому Горфинуправлению. Ильинка 12.
>
> Исковое заявление (об исключении из описи).
>
> При производстве по делу мужа моего Старостина Николая по обвинению его по 58–10 ст. УК — было описано все наше имущество, заключающееся в домашней обстановке, носильных вещах, пианино, отрезах, посуды и прочее.
>
> 23 октября сего года Военной Коллегией был внесен обвинительный приговор, с коим мой муж осужден к срочному лишению свободы с конфискацией личного принадлежащего ему имущества. Описанное имущество не является личной собственностью мужа, так как нажито нами совместно в течении 20 летней брачной жизни и на основании ст. 10 Кодекса Законов о браке, семье и опеке является личной собственностью мужа и моей.
>
> Следовательно, право собственности на половину описанного имущества принадлежит мне и оно не может быть полностью конфисковано, как личная собственность моего мужа.
>
> При этом прошу суд также принять во внимание, что у меня двое детей в возрасте 17 и 10 лет, которых я обязана воспитать идо их совершеннолетия материально содержать.
>
> После же осуждения моего мужа из всего описанного имущества мне была возвращена одна кровать на троих, 4 стула, немного посуды и ряд малоценных вещей (по прилагаемому списку), отнюдь не соответствующих

истине совместно нажитого нами имущества.

Помимо этого в числе описанной мебели имеются вещи, составляющие мое приданное, а именно: гардероб, трельяж и ковер, которые вообще описи не подлежат.

В числе описанных же ими имеется пианино, на котором в течении 6 лет обучалась музыке моя старшая дочь, изъятие коего лишает ее возможности закончить ее музыкальное образование.

Ввиду изложенного прошу

Выдать мне свидетельство на предмет получения из Горфинуправления копии описи, каковая не была оставлена вопреки требованиям нашим.

Вызвать в Судебное заседание в качестве свидетелей

1. Шемякину Ольгу Васильевну.

2. Анцишиеву Александру Федоровну.

3. Егорову Елизавету Ивановну

В подтверждении того, что грильяж, гардероб и ковер розовый составляет мое добрачное имущество.

Исключить из описи

Гардероб, трельяж, ковер розовый, как составляющее мое добрачное имущество.

Половину всего описанного имущества помимо гардероба, трельяжа и ковра — как имущество, нажитое во время брака.

Список с оценкой вещей, подлежащих исключению из описи в порядке настоящего иска будет предъявлен дополнительно — после получения копии описи от ответчика.

Судебную пошлину в размере 3 руб. прилагаю. Подпись. Старостина.

Как ни удивительно, но даже в эпоху беззакония можно было восстановить хотя бы частичку справедливости, о чем свидетельствует следующий документ:

Исполнительный лист по делу 468

10.03.1944 Народный суд 3 участка Советского района г. Москвы

Решил исключить из описи имущества у осужденного Старостина Николая Петровича как лично принадлежащее Старостиной Антонине Андреевне нижеследующие вещи:

Гардероб под № 97 2. Трельяж под № 98. Ковер под № 85 и кроме того определить из общего нажитого имущества на долю Старостиной нижеследующие вещи:

отрезы шерстяные под № 2, отрезы под № 3 и отрезы на платья под № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19,20, сервиз под № 95, тумбочку № 100, кресло под № 102, буфет под № 88, люстру под № 105, и пианино под № 87.

Истец пр. Спиридоньевская 15 кв. 36

На основании этого Народный Суд 3 участка Советского района г. Москвы предлагает всем учреждениям и лицам, к которым это относится, исполнить в точности решение суда.

Исполнительный лист выдан 25.03.1944

По дороге в дальние края у Николая не было возможности оповещать родных о своих передвижениях. Но популярность сказывалась: как свидетельствовала дочь Елена, «мы знали, куда его направили, причем об этом нам сообщали даже незнакомые люди, которые видели его по пути на Север».

Нашелся и другой канал для контактов, правда, не самый надежный и рискованный. Сестра Клавдия в новом браке стала женой Виктора Дубинина, старшего тренера «Динамо», который по своему статусу был вхож в высокие кабинеты. Открыто заступаться за родственников супруги, конечно, было не с руки, однако какие-то шаги Дубинин предпринять мог. Вот и на пересылке в Котласе, где Старостин познакомился с Алексеем Каплером, местные власти вопреки инструкциям дали ему свидание с сестрой.

Конечным пунктом маршрута была Ухта, небольшой городок в Коми АССР. Начальник Ухтлага генерал-лейтенант Бурдаков оказался страстным любителем футбола и не упустил возможность заполучить знаменитость всесоюзного масштаба в тренеры местного «Динамо», куда входили и вольнонаемные, и осужденные. Николаю выдали пропуск для перемещений по городу и разместили на стадионе — как и игроков со статьей за плечами. К такой категории относился, например, капитан команды Сергей Баловнев. При этом генерал-лейтенант мог и посодействовать в досрочном освобождении того или иного футболиста, но распространялось это только на уголовников. «Политическому» Старостину амнистия не светила.

Команда радовала Бурдакова результатами, особенно когда на его глазах разгромила соперников из Сыктывкара. Расставаться с тренером начальник Ухтлага не собирался, но пришлось. В конце 1944-го на заключенного Николая Старостина поступило предписание — отправить на Дальний Восток. Его покровитель попытался саботировать: дал ответ в центр о мнимой

болезни фигуранта, а сам отправил его на один из лагерных пунктов в 300 километрах от города.

Так что с лесоповалом в глухой тайге Николаю Петровичу довелось познакомиться не понаслышке. С шести утра заключенные уже были на ногах, по тридцатиградусному морозу проделывали в обуви из старых автопокрышек пятикилометровый путь к делянке, где в течение четырех часов, до обеда, пилили деревья. После приема пищи работа продолжалась, причем норму работягам нужно было выполнять и за себя, и за блатных, которые располагались на еловом лапнике вокруг костра с колодой карт. Промерзнув за день, люди не успевали отогреться вечером в бараках. Вкупе с недостаточным питанием (даже если бригадир выписывал пайку хлеба в 400 граммов) это открывало прямую дорогу туберкулезу. Неслучайно Старостин писал потом: «Каждый день умирало не меньше сорока человек. Покойников свозили в морг. Черт меня дернул пойти туда. Я увидел горы голых тел, на которых сидели сотни крыс и пожирали их…»

Относительно комфортно могли чувствовать себя только зэки, занимавшие административные посты. К примеру, повар — иранец Назым, или фельдшер по прозвищу Матя. Что характерно, оба в «прошлой жизни» были писателями — но вот легла масть, удалось подсуетиться и избавиться от общих работ. Ведь заполнить штат вольнонаемными не получалось, да и среди осужденных трудно было найти необходимое число профессиональных кулинаров или медиков.

Для старшего из братьев палочкой-выручалочкой стал главный врач Ухтлага Соколов. Он — и тоже из-за любви к футболу — пристроил москвича в санотдел массажистом. Хотя вряд ли массаж мог помочь большинству обитателей огромного барака.

Генерал-лейтенант Бурдаков так и не сумел удержать тренера в своем подчинении. По спецнаряду Николай отправился в дальний путь через всю страну. Первая пересылка была уже в знакомом Котласе, следующая — в Вологде, потом — в Кирове. Там, кстати, его ждал сюрприз: вызов в комнату свиданий и встреча с давней знакомой — конькобежкой Марией Исаковой, которая уже после войны трижды становилась чемпионкой мира. Она была местной уроженкой, пользовалась огромной популярностью среди динамовского руководства, а в Кирове в эти дни как раз проходили конькобежные сборы.

Но несмотря на статус городской знаменитости (а впоследствии Исаковой присвоили звание почетной гражданки Кирова и назвали ее именем стадион), Мария, идя на контакт с заключенным, рисковала и карьерой, и свободой. Более того, она

договорилась с начальником тюрьмы, чтобы Старостина не обыскивали, и передала ему 500 рублей и кисет с табаком. С Николаем Петровичем они представляли разные спортивные общества, но тогда жив был благородный принцип: «Враги на поле — друзья вне поля».

Совершить поход в тюрьму Исакову попросил ее тренер Иван Аниканов, позвонивший из Москвы. Но каким образом он узнал, когда и куда движется Старостин по этапу? Получить конфиденциальную информацию можно было только в том случае, если в правоохранительном ведомстве имелись люди, симпатизировавшие Старостиным. И одним только родственником Виктором Дубининым дело не ограничивалось. Позволим себе маленькое отступление. Примерно в этот же период известный динамовский футболист Николай Дементьев решил перейти в «Спартак», а генералы пообещали отправить его в наказание на китайскую границу. Но переход состоялся, и Николай Тимофеевич уверял нас: «Хотя Старостины отбывали заключение, в верхах власти встречались люди, у которых они пользовались авторитетом».

Пятьсот рублей, по словам Исаковой, собрали ребята-конькобежцы, находившиеся на сборах. Надежно спрятать их Николаю Петровичу помог сокамерник, который распорол ручку дорожного чемодана и вшил туда деньги. И уже на следующей пересылке, в Молотове, старший брат поделился частью средств с Александром.

Незримый «телетайп» существовал не только на воле. И в блатном мире Старостин, сам того не желая, получил своеобразную охранную грамоту, которая сопровождала его на протяжении всей поездки. Конечно, незначительные конфликты могли случаться, но не с паханами, а с мелкой сошкой, которая просто не знала, с кем имеет дело. Размышляя над этим феноменом позднее, Николай Петрович пришел к выводу, что причиной была популярность футбола. Когда в камере его просили рассказать что-нибудь из спортивной жизни, даже матерые уголовники откладывали в сторону карты и превращались во внимательных слушателей.

Да и в камеру на пересылках он попадал не всегда, потому что, как в Молотове, его не раз приглашали отлежаться в санчасти. А дальнейшие остановки были в Свердловске, Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Чите. Централ на берегах Ангары особенно запомнился: из-за воспаления надкостницы пришлось лишиться двух передних зубов, которые тюремный лекарь удалил без обезболивания.

К тому времени Николай уже знал, что маршрут ведет его в

Хабаровск. Прибыл он в дальневосточные края накануне Дня Победы — 8 мая 1945 года. А уже на следующее утро его навестили земляки — сыновья водопроводчика, обслуживавшего дом на Спиридоновке. Они и сами имели отношение к «Спартаку», а сейчас проходили службу в армии и играли за хабаровское «Динамо».

Постепенно стало ясно, что инициатором «трансфера» из Коми АССР стал генерал-полковник Серго Гоглидзе, который занимал пост уполномоченного МГБ СССР по Дальнему Востоку и патронировал «Динамо». Давняя дружба с Лаврентием Берией давала ему возможность направлять потоки заключенных в нужное русло. Старостин писал в своей книге «Футбол сквозь годы»: «Он вел футбольную схватку с маршалом Малиновским, который командовал Дальневосточной армией и опекал две армейские команды: хабаровского СКА и Военно-воздушных сил». Здесь несколько нарушена хронологическая последовательность: Родион Малиновский был назначен командующим войсками Забайкальско-Амурского военного округа уже после приезда Николая Петровича в Хабаровск — в сентябре 1945-го. А главнокомандующим войсками Дальнего Востока стал в 1947-м.

Несмотря на свою влиятельность, Гоглидзе был слишком опытным аппаратчиком, чтобы открыто пригревать человека, к которому Берия относился с откровенной антипатией. А потому передал заключенного в Комсомольск-на-Амуре. Как писал Николай Петрович, «направил меня в Амурлаг, которым управлял генерал-лейтенант Петренко». И здесь нужно сделать ремарку: правильное название исправительно-трудового лагеря на тот период — Нижне-Амурский, а Иван Петренко руководил им в звании генерал-майора.

Так или иначе, кураторство над вновь прибывшим взял Анатолий Иванов — капитан местного «Динамо», начальник лагерных гаражей и личный водитель Петренко. Он приглашал Николая Петровича к семейному столу, а поселил в комнатке при гараже, то есть вне лагерной территории.

Динамовцы из Комсомольска-на-Амуре под руководством нового тренера успешно соперничали с одноклубниками из Хабаровска и Благовещенска, армейцами из краевого центра, Воздвиженки и Читы, командой Тихоокеанского военного флота из Владивостока. В некоторых армейских командах находились футболисты, в довоенное время игравшие в группе «А» всесоюзного чемпионата. А в распоряжение Старостина поступали в основном заключенные — бывшие военнопленные, которые после мытарств по гитлеровским лагерям попали в сталинские.

В целом уровень конкуренции был выше, чем в Коми, да и

условия для занятий футболом выгодно отличались. Начальник местной железной дороги Василий Прядко выделил команде для поездок на матчи в другие города специально оборудованный спальный вагон, включавший несколько двухместных купе для руководителей команды, большой салон, кухню с холодильником, спальные места для футболистов, туалеты. При вагоне состоял повар-проводник, тоже из заключенных. По приезде в этом же вагоне, отведенном на запасные пути, и жили, как в гостинице. Легализовать поездки Старостина начальство решило следующим образом: он был вписан в командировочное удостоверение лагерного особиста, который и сопровождал Николая Петровича на матчи.

Но главное, что родные теперь могли навестить главу семьи! И уже в 1945-м в Комсомольск-на-Амуре прибыли Антонина и Ляля. Младшая дочь Николая Петровича рассказала нам:

«В первый раз мы с мамой приехали вдвоем, Женя не смогла. У папы была своя комната, в которой мы и остановились, он свободно перемещался по городу. В дальнейшем навещали уже втроем, даже на самолете как-то летали. Папа, находясь на Дальнем Востоке, ухитрялся нам помогать материально: каким образом, я не знаю, но помню, как мама продавала отрезы материи, другие вещи… Жалко, на свадьбе у Жени ему побывать не удалось. Она вышла замуж в 1948-м за Марка Соколова, с которым познакомилась в Москве, и папа не возражал против такой кандидатуры. Марк Николаевич происходил из интеллигентной профессорской семьи, сам работал по линии Внешторга, в том числе и в Швеции вместе с сыном Брежнева. Сестра переехала к ним, а в 1950-м у нее родился сын Коля. Я же закончила школу с медалью, правда, потом при поступлении в вуз возникли трудности из-за репрессированного отца. Мечтала попасть в Бауманское техническое училище, но у меня даже документы не приняли. Пришлось выбрать химико-технологический институт имени Менделеева — просто потому, что там на сведения о родителях не обращали особого внимания».

Как оказалось позже, поездки к отцу заложили камень в фундамент семейного счастья Елены Николаевны. Именно в Комсомольске-на-Амуре она познакомилась с находившимся на поселении футболистом Константином Ширияном, который впоследствии стал ее мужем.

Надо сказать, что разрешение на посещение дал сам генерал-полковник Гоглидзе. Он же выразил пожелание, чтобы Старостин давал консультации старшему тренеру хабаровского «Динамо», но при этом предупредил, чтобы семья не афишировала свои поездки на Дальний Восток.

Передали Николаю Петровичу домашние и фотографии сестер с надписью на обороте: «Старшему любимому брату от двух сестер. 28.6.45 г. Клавдия, Вера».

Но вниманием близких «приветы из Москвы» не исчерпывались. В 1948-м, как вспоминал Николай Петрович, за ним приехала ночью машина, чтобы срочно доставить в кабинет первого секретаря горкома партии. По телефону правительственной связи с заключенным желал поговорить Василий Сталин.

Сын вождя, боевой летчик, он был не чужд спорту. А в должности командующего ВВС Московского военного округа патронировал футбольную и хоккейные команды, куда методом кнута и пряника собирал лучших мастеров из других клубов. Недаром в народе аббревиатуру расшифровывали так: «Взяли всех спортсменов». К слову, из комсомольского «Динамо» туда забрали Константина Шириняна.

Однако футболисты ВВС никак не могли создать конкуренцию лидерам из ЦДКА и «Динамо». И тогда кто-то предложил Василию Иосифовичу кандидатуру Старостина на пост старшего тренера. Удивительно, что такая идея вообще возникла. Ведь в довоенные годы, так сказать, на профессиональном уровне Николай Петрович больше был спортивным организатором, нежели разработчиком тактических идей или методистом тренировочного процесса. А его работа с любителями в Ухте или Комсомольске-на-Амуре, естественно, не могла приниматься в расчет, если речь шла о чемпионате СССР. О том, что творится в большом футболе, Старостину удавалось узнавать только из радиорепортажей Вадима Синявского.

Возможно, сыграло роль вот что. Осенью 1948-го амурские динамовцы, выиграв свою зону, получили право сыграть в республиканских финальных соревнованиях, которые проходили в Ростове-на-Дону Заключенного Старостина туда, конечно, не пустили, он оставался в Комсомольске-на-Амуре. Одновременно на какой-то ведомственный турнир уехали в Одессу и хабаровские армейцы. И тут в краевой центр для проведения двух товарищеских матчей пожаловала команда ВВС. Местные спортивные деятели были в панике, потому как не знали, кого можно выставить против летчиков. Обратились за помощью к Николаю Петровичу, и он «слепил» из тех, кто остался, вполне боеспособную команду, которая начисто переиграла москвичей. Повторная встреча не состоялась из-за обильного снегопада. И Сталину вполне могли доложить, кто руководил командой-победительницей.

Не будем забывать о том, что патрон ВВС, на тот момент —

генерал-майор, а позднее генерал-лейтенант авиации, всегда отличался парадоксальными и импульсивными поступками. Выслушав неожиданный совет, он тут же приказал своему адъютанту, известному в футбольном мире нападающему Сергею Капелькину, соединить его со Старостиным. Однако пока что он смог лишь приободрить собеседника, но не изменить коренным образом его судьбу.

Если уж спортсменам покровительствовали лица с генеральскими звездами, то и начальники ниже рангом старались следовать в том же русле. В Комсомольске-на-Амуре они могли посодействовать в досрочном освобождении нужного игрока, особенно если тот проходил по уголовной статье, как, например, осужденный за спекуляцию Василий Куров. Но и бывших военнопленных эта льгота касалась. В частности, в том же домике при гараже, что и Старостин, жили Владимир Месхи и Илья Хачидзе. С подачи старшего тренера появился, можно сказать, и обслуживающий персонал в лице бывшего ленинградского футболиста и хоккеиста Павла Петрова. Числился он в пожарной команде, а в реальности готовил еду для игроков. А вся динамовская команда имела возможность проводить предсезонные сборы на станции Океанская под Владивостоком, в санатории МВД.

Сын Василия Курова Владимир, видный игрок в хоккей с мячом и на траве, в феврале 2011-го дал большое интервью обозревателю «Спорт-Экспресса» Игорю Рабинеру, где воспроизводил события тех лет. Но повествование это грешит откровенными неточностями.

Например, Владимир Васильевич рассказывал: «Мой отец — ленинградец, жил на Лиговке. Попался он на спекуляции. Пошел продавать отрез ткани, его „замели“ и отправили в печально знаменитый „Амурлаг“, где заключенные строили Комсомольск-на-Амуре. Там отец со Старостиным, находившимся в тех краях на поселении, и встретился. Николай Петрович потом даже жил у нас в коммуналке — я к тому времени только родился. Имя Старостина до войны гремело и в Ленинграде, так что папа отлично знал, с кем познакомился». Но Куров-младший родился в 1947-м, а Старостин в тот момент был в статусе не поселенца, а политического заключенного.

Другая цитата: «Их добрым гением стал полковник Олег Грибанов, страстный поклонник футбола, возглавлявший в Комсомольске местное управление МГБ. Он был одержим идеей создать хорошую футбольную команду, а узнав, что в его краях сидит такой великий человек, как Старостин, решил сделать это во что бы то ни стало. Так Старостин и стал тренером новой

команды „Динамо“ (Комсомольск-на-Амуре), а отец — ее игроком». На самом деле, как сказано выше, вытащил Николая Петровича на берега Амура начальник Грибанова — Гоглидзе. Любопытно, что через много лет, уже после увольнения из органов, Грибанов занялся литературной деятельностью и под псевдонимом Олег Шмелев стал соавтором повестей «Ошибка резидента» и «Возвращение резидента» и сценариев одноименных фильмов.

Впрочем, и сам Старостин на страницах своих книг не смог восстановить по памяти последовательность кадровых перестановок. По его словам, после отъезда генерал-полковника «шефствовать над динамовским футболом Хабаровского края стал полковник Олег Михайлович Грибанов, заместитель Гоглидзе, назначенный исполнять его обязанности». Вот только в реальности Гоглидзе был переведен в Москву на должность начальника Главного управления охраны на железнодорожном и водном транспорте МГБ СССР в январе 1951-го, а Грибанов еще в 1950-м получил пост начальника У МГБ по Ульяновской области.

Но довольно о чекистах — был и сугубо штатский руководитель, с помощью которого досрочное освобождение Старостина стало реальностью. Директор одного из местных заводов Рябов когда-то работал инженером в Москве, жил на Красной Пресне, болел за «Спартак». И он придумал хитрую комбинацию, пробив зачисление политического заключенного на предприятие и его допуск к работе на станке. За выполнение дневного плана со срока списывалось двое суток. А фактически на этом станке точил болванки осужденный из Иркутска Дмитрий Михалев, пока его напарник уходил на тренировки. В свою очередь, Николай Петрович, пользуясь свободой передвижения, оказывал благодетелю разные услуги.

Номер прошел: реальный срок истекал в 1952-м, а по системе Рябова подать документы на сокращение наказания удалось на два года раньше. Местный народный суд утвердил досрочное освобождение, однако поражение в правах оставалось в силе. И восстановить московскую прописку возможности не было, а перевозить семью в Хабаровск, где предлагали тренировать «Динамо», не хотелось. Но Старостину не пришлось делать самостоятельный выбор: последовал новый звонок от Василия Сталина, который пообещал уладить вопрос с переездом в столицу.

И вскоре после телефонного разговора за старшим из братьев прибыл военный самолет с Капелькиным на борту. В Моекву взяли с собой также и Василия Курова. К прилету на подмосковный аэродром была подана машина, и дальше путь

лежал на Гоголевский бульвар, где располагался особняк Сталина-младшего. Подчинившись желанию хозяина, непьющий Николай Петрович тоже вынужден был осушить рюмку. А Василий Иосифович сразу взял быка за рога: отправил порученца восстанавливать прописку Старостина. От немедленного назначения на должность главного тренера команды ВВС тому удалось откреститься под благовидным предлогом: мол, столько лет был вдалеке от большого футбола, надо постепенно изучить обстановку, пусть уж Гайоз Джеджелава, тогдашний тренер ВВС, продолжает руководить командой…

От Гоголевского бульвара до Спиридоновки — два шага. Кстати, в мемуарах Николай Петрович называл ее Спиридоньевской улицей, хотя такое название она носила до 1941 года. Ко времени же его возвращения с Дальнего Востока улица носила имя Алексея Толстого. Впрочем, какое это имело значение, если человеку почти через десять лет выпало вновь переступить порог своего дома? И хотя семья по-прежнему ютилась в маленькой комнатке, теснота не могла затмить счастья от встречи с женой и детьми.

Однако не всё было так просто. По сути, возвращенный в Москву оказался между Сциллой и Харибдой: с одной стороны — амбиции сына вождя, с другой — давление ведомства, не желавшего признать свое поражение. По воспоминаниям Николая Петровича об этом отрезке времени впору было снять приключенческий фильм. Офицеры МГБ аннулировали московскую прописку и предписали Старостину в 24 часа покинуть столицу: даже отобрали паспорт и отослали его в Майкоп. Тогда Сталин-младший укрыл опального тренера в своем особняке, причем даже делил с ним спальню и перевозил в личной машине, которую, естественно, никто не посмел бы остановить. По сути, узник оставался в клетке — только золотой.

По опубликованным воспоминаниям Старостина, его благодетель часто заводил один и тот же разговор: «Я получил звание генерала в 18 лет. А вы знаете, кто получил генерала в 19 лет? Испанец Франко». Тем самым командующий округом подчеркивал, что он — самый молодой генерал в мире. С цифрами здесь явная неувязка: сын Иосифа Виссарионовича родился в 1921-м, а на фронт ушел в звании капитана. Генерал-майором стал уже в 1946-м, генерал-лейтенантом — в 1950-м. Сходится лишь то, что он действительно побил рекорд Франко, который получил высокий чин в 33 года.

Вторая серия событий началась после самовольной отлучки домой. Перехитрить подвыпившего Василия и его охрану Старостин смог, а вот филеров — нет. Тогда последовала уже

реальная высылка. Николая Петровича доставили на Курский вокзал и посадили в поезд. Встретив на перроне случайного знакомого, Старостин попросил передать весточку жене. Естественно, информация дошла до покровителя, и в Орел тут же был отправлен самолет с начальником контрразведки округа. Во время стоянки поезда «спецбригада» появилась в вагоне и тайно увела подопечного.

В рассказе Владимира Курова, воспроизведенном в «Спорт-Экспрессе», сцена выглядела еще более динамичной. «Василий Сталин узнал о случившемся. Послал самолет со своими бойцами. Он где-то близко к пути следования поезда приземлился, бериевскую охрану на какой-то станции разоружили…» Вот только Старостин утверждал, что если к нему и были приставлены сопровождающие, то негласно, и никакой стычки не произошло.

Но сыну вождя этого показалось мало. Чтобы продемонстрировать свою победу, он в тот же день повез Старостина на стадион «Динамо», в правительственную ложу. А потом решил спрятать его на военной базе в Переславле-Залесском — недалеко от Погоста, где в то время жила Александра Степановна. Причем на базу Старостина вместе с женой, младшей дочерью и Куровым, ставшим его своеобразным адъютантом, доставили на самолете, чтобы офицеры Берии снова его не перехватили.

Еще одна любопытная деталь. В мемуарах Старостина фигурировал некий генерал-лейтенант Огурцов, дававший указания офицерам о депортации. Но его фамилию Николай Петрович услышал случайно в телефонном разговоре, поэтому вполне мог неправильно воспринять. Скорее всего, речь шла о генерал-лейтенанте Сергее Огольцове, заместителе министра госбезопасности СССР.

Впрочем, и для Василия Иосифовича стало ясно, что решить вопрос можно только с помощью отца. Попробовал он заручиться и поддержкой сестры Светланы. Та была бы рада помочь, но сам глава государства отдыхал в Пицунде. А Старостину, который и так несколько месяцев находился в неопределенном положении, ждать было уже невмоготу. И он принял решение — ехать в Майкоп, приведя Сталину-младшему логичные доводы. Тот согласился.

Южный городок, кстати, стал выбором самого Николая Петровича. Там проживал Степан Угроватов, игравший ранее в комсомольском «Динамо», он помог бы освоиться на первых порах. Василий Куров отправился за компанию. Но местная милиция получила приказ из Москвы: Старостина не

прописывать. Краснодар отказал тем более. Зато удалось связаться по телефону с полковником Грибановым, и тот обещал помочь с обустройством в Ульяновске.

И не подвел: формально Старостину поставили штамп о прописке вне городской черты, а в действительности он начал тренировать ульяновское «Динамо». Василий Куров и вовсе перевез с Дальнего Востока семью, то есть устроился в городе на Волге прочно и стал по сути играющим тренером. По традиции тех времен футболисты зимой играли в хоккей с мячом, а в этом виде спорта Василий Георгиевич как раз сделал себе имя. Николая же Петровича домочадцы навещали наездами, причем выбиралась даже Женя с маленьким сыном Колей.

Однако через год Берия снова напомнил о себе. В Ульяновск пришло решение коллегии МГБ: отправить Старостина на пожизненную ссылку в Казахстан.

Снова приходится процитировать рассказ Курова-младшего: «Хотели отправить, кажется, на вечное поселение в Казахстан. Николай Петрович был настолько подавлен, что пытался покончить жизнь самоубийством. Отец его практически из-под поезда вытащил, силой не дал прыгнуть на рельсы, хотя тот уже готов был, и никакая охрана помешать не могла. Старостин мне сам об этом потом рассказывал — причем даже о двух попытках самоубийства. Говорил, что нервы у него были ни к черту… Отец, кстати, мне об этой истории никогда не говорил».

Елена Николаевна прокомментировала публикацию:

«В первый раз об этом слышу. Папа вообще никогда не был пессимистом, наоборот, во всех ситуациях старался сохранять оптимизм».

В общем, в достоверности такого поворота событий есть большие сомнения. И не только потому, что тема суицида нигде и никогда более не возникала. Просто Владимир Куров уверял, будто отправка в Казахстан произошла после того, как оперативники МГБ «со второй попытки» схватили Николая Петровича за территорией дачи, на которой он находился под охраной «сталинских соколов». И именно тогда Василий Сталин послал-де самолет с бойцами на перехват. Более того, в «строго охраняемом поезде» Старостина якобы везли вместе с Куровым-старшим. Но ведь Николай Петрович пояснял, что отправили его из Москвы одного и в обычном пассажирском вагоне, а друг Василий появился в Орле вместе с начальником контрразведки ВВС округа. Подрывают доверие к тексту интервью и другие ошибки, бросающиеся в глаза. Например, рассказчик дважды назвал супругу Старостина Антониной Петровной, хотя она — Антонина Андреевна.

Или вот еще один пассаж из интервью:

«…На сталинской даче было озеро, и Старостин с отцом не раз там на лодках катались. Однажды за ними увязалась собачка, тоже обитавшая на даче. Когда-то ее подарил Иосифу Виссарионовичу какой-то восточный правитель — то ли шах, то ли султан. Как потом выяснилось, она умела нырять и под водой плавать. Но они-то этого не знали!

В лодке были Старостин, его жена и две дочки, мой отец и эта собачка. Она почему-то все время повизгивала, и папе это надоело. Девчонки тоже жаловались: „Что она все скулит?“ И отец, человек эмоциональный, в какой-то момент взял и пнул ее. Она ушла под воду как камень. А там глубоко.

Все подумали, что собачка утонула. Николай Петрович за голову схватился, его супруга Антонина Петровна (Андреевна. — *Б. Д., Г. М.*) тоже: „Вася, мы же приедем — нас расстреляют!“ А у этой собачки на даче была комната отдельная с кроватью, кормили ее особыми продуктами. В общем, свернули они тут же свой отдых, вернулись убитые. Бредут грустные к дому, заходят — а собачка на кровати своей лежит!»

Реакция дочери Николая Петровича однозначная:

«Здесь всё перепутано! На сталинской даче я никогда не была, случалось, что-то подвозила папе, но внутрь не заходила. А на лодке мы катались в охотничьем хозяйстве неподалеку от Переславля-Залесского. Только Жени с нами не было. Собачку помню, она так скулила в самолете, когда мы туда летели, и успокоилась лишь после приземления. Однако в воду ее никто не бросал».

Но вернемся в пятидесятые. Так или иначе, железная дорога привела Старостина в Акмолинск. На этот раз гонители подстраховались и довели до сведения местных эмгэбэшников, что в «Динамо» зачислять ссыльных запрещено. Но футболисты упросили начальство, и решение было найдено: Николая Петровича оформили заведующим отделом городского комитета физкультуры, хотя тренировал он динамовцев.

Да и акмолинская эпопея продолжалась сравнительно недолго. Из столицы республики за Николаем Петровичем прибыл гонец. Генерал-лейтенант Фитин, начальник МГБ Казахстана, приказал перевести Старостина в Алма-Ату: «Будем поднимать там футбол и хоккей». Старостин сделал ремарку: «Генерал-лейтенант Фитин, может быть, и был поклонником и ценителем спорта, но думаю, своим приглашением я обязан прежде всего прославленной конькобежке Римме Жуковой, которая имела на Фитина определенное влияние и настояла на моем переводе в Алма-Ату».

Сделаем ремарку и мы. Павел Фитин являлся министром внутренних дел Казахстана. Один из тех, кем внешняя разведка гордится и поныне, он в 1951-м по личному распоряжению Берии был уволен из органов госбезопасности. Так что у него имелись основания находиться в оппозиции Лаврентию Павловичу.

Поместили Николая Петровича в пригороде, но недалеко от трамвайного круга, а маршрут трамвая вел через весь город к стадиону. И у местных старожилов отложился образ пассажира в плаще, с бутылкой кефира в одном кармане и батоном в другом. Один из футболистов «Динамо», Борис Каретников, рассказывал: «Николая Петровича поселили там, где сейчас район „Тастак“. Тогда это был не город, а уже Алма-Атинская область. Так вот, Николаю Петровичу разрешили жить только в области. Ему там определили домик».

Другой одноклубник, Иван Гилев, отмечал, что их тренер всегда выглядел свежо и молодо: «Старостин упражнения вместе с нами выполнял. Если мы бежали отрезки, он с нами рядом был, рядом все время. Подтянутый, сухощавый, здорово за собой следил, не опускался».

К слову, в заявку старшим тренером был вписан Аркадий Хофман, но два футбольных медведя прекрасно уживались в одной берлоге — в первую очередь благодаря коммуникабельности коллеги, который к игрокам обращался исключительно на «вы». Да и вообще приятных знакомств оказалось много. В Алма-Ате Старостину нравилось, да и родные приезжали погостить. Но ощущение сосланного пожизненно никуда не девалось…

Все изменилось только после смерти Сталина и ареста Берии. Позвонила из Москвы жена, передала наказ компетентного товарища: немедленно написать на имя Хрущева заявление с просьбой о пересмотре дела. Инициатором этого процесса стал помощник первого секретаря ЦК КПСС Владимир Лебедев, чьи детские годы прошли рядом со спартаковской базой в Тарасовке. Он и сам играл за клубную команду мальчиков. Его высокое положение во властных структурах вкупе с уважением к братьям Старостиным и привели к тому, что лед тронулся. Уместно сказать также, что Владимир Сергеевич помог Евгению Евтушенко опубликовать в «Правде» стихотворение «Наследники Сталина», а Александру Солженицыну — напечатать в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича».

Отдельные материалы переписки на тему реабилитации сохранились у родственников Николая Петровича, и нам видится уместным привести их целиком, опять же с сохранением пунктуации и орфографии оригиналов.

Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик.

Главная Военная Прокуратура

9 февраля 1954 года.

№ 2/5-30411-42

Москва ул. Кирова 41.

Гр. Старостину Николаю Петровичу.

Казахская ССР, Алма-Атинская обл., село Тастак, ул. Сталина д. 86

Сообщаю, что Ваша жалоба на имя Секретаря ЦК КПСС т. Хрущева Н. С. передана на рассмотрение военной прокуратуры.

Ваше дело истребовано и материалы его с учетом доводов, изложенных в жалобе, будут проверены.

О результатах проверки Вам будет сообщено дополнительно.

Военный прокурор отдела ГВП майор юстиции Образцов.

Главная Военная Прокуратура.

Военному Прокурору отдела ГВП Майору юстиции т. Образцову.

На № 2/5 -30411-42 от 9-го февраля 1954 г.

От Старостина Николая Петровича, проживающего Алма-Атинская область село Тастак д. 106 (бывший 86).

Заявление.

Вернувшись из спортивной командировки в г. Нижний Тагил, где в качестве ст. тренера руководил в розыгрыше Первенства СССР по рус. хоккею командой Алма-Атинского Динамо, я получил письмо Главной Военной Прокуратуры за Вашей подписью, в котором извещаюсь о том, что наше следственное дело истребовано и будет проверено с учетом доводов, изложенных в моей жалобе на имя Секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С.

Не зная системы таких проверок, я в своей жалобе убедительно прошу о передопросе каждого обвиняемого и свидетелей по нашему делу, так как при всяком другом методе проверки Главная Военная Прокуратура будет вынуждена изучать только те показания и допросы, которые были добыты следствием лишь под недопустимым давлением на свидетелей и преступным физическим воздействием на обвиняемых.

Будучи до конца терроризированными работниками

Берии, мы не смогли избавиться от этого чувства и

на судебном заседании, опасаясь того, что при передаче дела на доследование снова попадем в те же руки и под то же стражное воздействие.

Неожиданная форма ведения судебного заседания заставила меня лично тогда придти к выводу, что судебное следствие является простой формальностью и что Военная Коллегия меньше всего будет считаться с тем, что все мы будем говорить на суде, тем более что попытки сказать о недопустимых методах следствия Председателем Коллегии т. Орловым немедленно прерывались.

В результате всего этого, а также угроз, сказанных мне накануне суда Начальником Следственного Отдела генералом Эсауловым А. А., я, испуганный возведенными на меня в обвинительном заключении небылицами, поступил глубоко ошибочно, признав себя виновным в антисоветских высказываниях, оговорив тем самым не только себя, но и своих однодельцев так как фактически таких антисоветских разговоров у всех нас никогда не было.

Надеясь, что Главная Военная Прокуратура все же представит мне и другим осужденным по делу подробно высказаться по всем деталям следствия и суда, я прошу при проверке нашего дела обратить внимание на следующие факты:

1. Обвинение против всех нас совершенно не подтверждается свидетельскими показаниями т. к. ни одного свидетеля в суд вызвано не было. При ознакомлении с делом я также не видел свидетельских показаний о нашей антисоветской деятельности.

2. Наша «Антисоветская деятельность» практически никакими конкретными делами не подтверждается, наоборот все мы были на самом лучшем счету по месту своей работы и отлично справлялись с возложенными на нас обязанностями.

Допущенные мною финансовые злоупотребления не могут быть отнесены к разряду политических преступлений, тем более, что у меня имеются смягчающие эту вину обстоятельства, которые следствие умышленно не отражало на допросах.

Все обвинения в представлении военных отсрочек мастерам спорта общества Спартак так же отпали, ввиду того, что таковые отсрочки были узаконены

Правительством СССР.

3. Следствию не удалось привести ни одной причины в силу которой у всех осужденных по нашему делу могли бы сложиться антисоветские настроения. Напротив было установлено, что все мы выходцы из пролетарских семей, всем своим благополучием обязанные только советской власти и потому, естественно люди, обязанные быть глубоко благодарными этой власти. Попытки следствием объяснить наши антисоветские высказывания влиянием на меня бывшего Секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева А. В. не оправдались, так как этот вымысел был отклонен Военной Коллегией, так же как и наше якобы желание ждать прихода немцев в Москву.

4. Таким образом против нас остаются только наши личные ложные «признания» и оговоры, добытые следствием при помощи таких методов, которые вероятно достаточно известны Военной Прокуратуре и при помощи которых арестованные Берией люди признавали себя виновными в тягчайших преступлениях, никогда ими не совершенных. Другие обвиняемые по нашему делу сами расскажут как их принуждали к ложным показаниям, в отношении же меня лично была произведена в действие следующая система.

А) В течении очень длительного периода меня допрашивали ежедневно с 10 часов вечера до 6 часов утра, не давая при этом сидеть и тем более спать, сопровождая побоями всякие попытки в этом направлении. Затем каждое утро меня возвращали в камеру внутренней тюрьмы, где с 6 часов утра до 10 часов вечера спать по уставу не разрешается. В результате этой «несложной» практики я по 8—10 суток оставался совершенно без сна т. к. в камере находился на особо строгом режиме и под тщательным надзором специальных смотрителей. Затем «руководство» вызывало меня в виде особой «милости» давало мне возможность проспать три-четыре часа с тем, чтобы пытка отсутствием сна затем началась снова и так было до тех пор пока я, находясь на грани сумасшествия, не оказался и физически и морально сломленным, лишенным возможности сопротивляться и здраво мыслить.

Б) В камеру со мной был посажен провокатор, который назвался прокурором Новосибирской области Ягодкиным Александром Александровичем, арестовали

якобы за то, что он скрыл свое немецкое происхождение. Этот человек, под влияние которого я в ви-

ду своего болезненного состояния попал, прикрываясь своим юридическим опытом и знаниями отредактировал все мои «политические признания», склонив меня к этому утверждениями, что другого выхода у ме — ня нет.

Его логика сводилась кратко к тому, что в военное время когда немцы под Москвой, лиц заподозренных в политических преступлениях или расстреливают или в случае их «чистосердечного признания» раскаяния, посылают на фронт.

Он, как прокурор, утверждал, что:

«я и мои братья, раз удалось оформить ордера на наш арест, как люди известные общественности не можем рассчитывать на освобождение, так как тогда за наш арест будут отвечать те, кто нас посадил»;

«что нас осудят безразлично от того, сознаемся мы или нет, вся разница только в том, что при отсутствии сознания нас будут судить особое совещание, решения которого не могут быть обжалованы. Лучше поэтому ложно сознаться, попасть в суд, а затем через год два после окончания войны обжаловать решение суда. Хотя этого делать не придется, так как суд обязательно направит всех вас на фронт, в том случае если следствие приложит к делу благоприятную на каждого из вас характеристику

Зарабатывайте в первую очередь такую характеристику от следствия так как от него зависит буквально все, а суд простая формальность…»

«знайте, что статья 58 пункт 10 самая легкая во всех отношениях, обвиненные по ней всего лишь „болтуны“, и поэтому просто не разумно бороться со следствием, так вы уже признали себя виновными в финансовых злоупотреблениях, за что вам грозит наказание значительно большее».

В) Все это, а также угрозы генерала Эсаулова арестовать мою жену в случае если я не сознаюсь в политических преступлениях вынудили меня дать ложные показания на себя и других лиц, арестованных по делу

Мною руководила при этом вера в обещание отправить нас на фронт данное по словам Эсаулова Берией в том случае если «мы выкинем камень из-за

пазухи и сознаемся в наших антисоветских преступлениях».

Г) Должен при этом добавить, что я в это время от всех издевательств был тяжело болен расстройством

вестибулярного аппарата и фурункулезом, почти потерял возможность ходить и со слов следователя знал, что братья мои находятся в таком же положении и что у Андрея от «нажима следствия» парализована нога и рука.

«не жалеете себя, пожалейте хотя бы их…» вот что ежедневно твердили мне руководители следствием.

Д) Прежде, чем я начал оговаривать себя и других, я долго пытался найти защиту от незаконных методов допросов, но все мои попытки потерпели полный крах.

Я писал заявление на имя Берии, Прокурора СССР и других лиц, но все эти заявления со смехом показывались мне следователем, утверждавшим, что Берия и Меркулов лично следят за моим поведением и считают его бл… и недостойным члена партии…

Меня водили по кабинетам высшего начальства якобы Кабулова, Федотова и других на показ, как правило скрывая от меня с кем я имел разговоры. Не знал я и того, что на моих допросах, как сказал мне следователь, в г. Ульяновске, якобы присутствовал прокурор Рогинский, хотя помню, что никогда неизвестные мне люди сидели в кабинете генерала Эсаулова при его разговорах со мной.

Но все это было уже в период, когда я был сломлен и послушно выполнял то, что хотелось следствию.

Е) Добившись от меня ложного признания в политических преступлениях («Старостиных вряд ли нужно было сажать за хозяйственные дела») генерал Эсаулов, прикрываясь желанием ускорить дело и нашу отправку на фронт, а так же «избавить моих братьев от ненужных страданий» стал требовать от меня таких переговоров с ним, и другими обвиняемыми, которые бы заставили и тех признать себя виновными.

В его кабинете и были проведены все, совершенно не оформлявшиеся записями, мои переговоры по очереди с каждым братом и другими обвиняемыми, при которых я склонил каждого из них к тому, чего никогда не было, т. е. в «средактированных» Яблочкиным для меня антисоветских разговорах.

Обычно на другой день все это оформлялось

официальными очными ставками. Вот таким образом в деле «сошлись подтверждения друг друга» все наши ложные показания.

Широко практиковалась не только переписка заново и в другой редакции протоколов допросов, но и

уничтожение целого ряда протоколов. Все это мотивировалось желанием уничтожить «ненужную шелуху».

5. На суде обвиняемые Леута, Архангельский, Сысоев и другие виновными себя не признали и пытались вскрыть некоторые, указанные выше обстоятельства предварительного следствия, обвиняя меня в оговорах, однако это не увенчалось успехом, так как во-первых у них не хватило смелости сказать все до конца, а во-вторых я, потеряв веру в возможность доказать истину и надеясь, что «раскаяние» даст возможность суду направить нас на фронт, не поддержал их попытки. Необходимо при этом иметь в виду то, что допрошенный первым и отдельно от других, я уже признал себя к этому времени виновным в антисоветских высказываниях и боялся отказаться от своих показаний.

6. После суда в течении многих лет многие из нас писали жалобы надеясь на то, что мы невинно осуждены по ст. 58 п. 10, но жалобы эти оставались без последствий, за исключением того, что жалобщик немедленно переводился в другой ИТЛ и на самые тяжкие физические работы. Особенно часто наказывался по этой причине Александр Старостин.

7. В августе месяце я досрочно, без поселения, освободившись вернулся в Москву, так как был вызван Командующим ВВС МВО на должность старшего тренера команды мастеров ВВС. Однако по распоряжению Берии меня вначале насильно выслали из Москвы, а затем, арестовав 04.11.1951 г. в г. Ульяновске, решением Особого Совещания от 12 мая 1951 г. приговорили к поселению в Казахстане. В Ульяновске при передопросе я заявил следователю о том, что ни в чем политическом не виноват и о том, как были добыты в 1942—43 гг. наши «признания» и потребовал занесения этого в протокол допроса. «Если у Вас хватит смелости это подписать, то я занесу» ответил мне следователь «но знайте, что это только отягчит Вашу участь», я подписал этот протокол. Я указываю об этом факте для того, что бы у Главной Военной Прокуратуры не сложилось мнения, что

разоблачение Берии толкнуло меня на желание просить пересмотра дела, мы все добивались этого раньше, но конечно не имели успеха ввиду силы этого подлейшего человека. В заключении мне кажется, что в нашем следственном деле или личных

делах осужденных (мне говорили об этом в ИТЛ) должны сохраниться документы, подтверждающие правоту моих заявлений это:

А) Вызовы меня на допросы, из которых можно установить ежедневность и часы допросов, а так же то, что накануне суда я вызывался Эсауловым.

Б) Наши заявления на имя Берии о посылке на фронт, которые были «организованы» следствием.

В) Мое заявление на имя руководящих лиц о недопустимых методах допросов.

Г) Сроки и даты, когда ко мне и моим братьям специально подсаживался провокатор называвший себя «прокурором Александром Александровичем Ягодкиным» (Он кстати имел один стеклянный глаз).

Д) Протоколы моих допросов в феврале — марте 1951 г. в г. Ульяновске…

9. Я твердо надеюсь на то, что в настоящее время когда перестал существовать враг народа и партии Берия и рассеялся страх, вызванный его действиями, все лица ранее работавшие с нами или хорошо знающие нас по совместным спортивным выступлениям в СССР и за границей подтвердят то, что мы пали жертвой Берии и дадут о всех нас объективные политические и производственные характеристики.

Прежде всего нас хорошо знали следующие работники общества Спартак 1935–1942 г. г.

1. При вис Семен Львович, бывший Заместитель Председателя Ц.С. общества Спартак, в настоящее время Член Президиума Ц.С. общества Буревестник.

2. Мещерский Георгий Гаврилович, бывший Заведующий Организационным отделом Ц.С. Спартака, ныне Начальник Отдела Кадров Всесоюзного Комитета физкультуры и спорта.

3. Людское Павел Николаевич — бывший старший тренер по лыжам, ныне заведующий отделом Лыжного спорта Всесоюзного Комитета физкультуры и спорта.

4. Семенов Михаил Иванович, бывший Заведующий Спортотделом общества Спартак.

5. Заслуженные мастера спорта СССР по футболу:

Соколов Василий Николаевич, Степанов Владимир Александрович, Глазков Георгий Федорович, Соколов Виктор Иванович, Акимов Анатолий Михайлович. По боксу: Королев Николай Федорович. По конькам: Аниканов Иван Яковлевич. По хоккею: Игумнов Александр Иванович, Горохов Владимир Иванович, все вместе

бывшие члены Совета Московского общества Спартак, выступавшие многие годы вместе с нами.

6. Все остальные руководящие работники общества Спартак, Московского и Всесоюзного Комитетов физкультуры и спорта, работающие в Москве с 1925 по 1942 гг. так же хорошо знают всех нас и могут дать каждому из нас справедливые оценки.

10. Не сомневаюсь, что только положительные характеристики поступят на всех нас, в случае запроса Главной Военной Прокуратуры, от партийных и общественных организаций, с наших теперешних мест жительств и работы. В частности обо мне и моей работе можно запросить Ц.К. ЛКСМ Казахстана, Казахский Республиканский и Алма-Атинский Городской Комитет физкультуры и спорта и наконец место моей постоянной работы Алма-Атинской Областной Совет общества Динамо.

11. Не будучи виноватыми в политических преступлениях все мы незаслуженно находимся в ссылке и я в частности еще раз прошу Главную Военную Прокуратуру передопросить меня, так как я более других в курсе того, как создавался наш «политический процесс» и кроме того более всех других осужденных являюсь невольным и главным виновником фабрикации «нашего политического дела».

Я согласен, в случае получения разрешения, за свой счет выехать по вызову Главной Военной Прокуратуры в любой пункт Советского Союза и на любой срок для того, чтобы более подробно и ясно рассказать о всех тех фактах, и событиях, которые предопределили нашу судьбу, вызвав в начале наш арест, а затем несправедливое осуждение всех нас по ст. 58 п. 10.

Все мы имели в прошлом некоторые заслуги в советском спортивном движении, были награждены Правительственными орденами, являлись членами ВКП(б) и потому, я надеюсь, что Главная Военная Прокуратура представит нам возможность доказать свою

невиновность в политических преступлениях, которых мы не только никогда не совершали, но и не могли, как советские люди совершить.

Имея возможность своей работой принести пользу советскому спорту, я буду с нетерпением ждать извещения по нашему делу по адресу: Алма-Атинская область, село Тастак, улица Сталина дом 106 (бывший № 86).

…марта 1954 года. Н. П. Старостин.

Главная Военная Прокуратура СССР.
Прокурору ГВП т. Образцову
На № от 9/11-1954 г.

От Старостина Николая Петровича, проживающего Алма-Атинская обл. село Тастак ул. Сталина д. 106 (бывший 86).

Заявление.

В своем заявлении на имя Главной Военной Прокуратуры я в основном касался только вопросов нашего несправедливого осуждения по ст. 58 п. 10.

Сейчас я считаю необходимым кратко изложить те факты, которые привели к обвинению меня в хозяйственных преступлениях.

Для этого нужно вначале познакомить Главную Военную Прокуратуру с положением дел и порядков, существовавших в 1939—41 г. г. в спортивных обществах Москвы.

В те годы узловые финансовые вопросы, связанные с повышением спортивных результатов, не были еще, как сейчас, ясно решены Правительством СССР.

Выдачи премий за выигрыши первенств и оплата ежемесячных дотаций выдающимся спортсменам производились спортобществами в размерах очень небольших, каждый раз отдельно согласованных с Всесоюзным Комитетом физической культуры и спорта.

Председатель этого комитета в те годы т. Снегов В. В. меньше всего считал нужным помогать обществу Спартак т. к. знал о недружелюбном отношении Берии к этому обществу и его руководителям.

В силу этого лучшие спартаковские мастера спорта были [в] значительно худших материальных и жилищных условиях, чем мастера общества Динамо, т. к. Берия естественно не нуждался в разрешениях Всесоюзного Комитета и имел неограниченные

возможности для улучшения материальных и жилищных нужд лучших спортсменов-динамовцев.

И все таки, несмотря на это ожесточенная спортивная борьба между Динамо и Спартаком за звание чемпионов Советского Союза по ведущим видам спорта в те годы заканчивалась в большинстве случаев в пользу общества Спартак т. к. нам удавалось быстрей растить и выдвигать талантливую спортивную молодежь, работая широкими демократическими способами и пользуясь симпатиями московских зрителей.

Наши победы задевали самолюбие Председателя общества Динамо Берии и его негодование росло с каждым днем, пока не стало настолько явным, все близкие мне люди стали усиленно советовать мне «уступить» и предсказывать большие беды в том случае, если я не научусь удовлетворяться вторыми ролями в борьбе за спортивные первенства нашей страны.

Однако я не считал возможным ослаблять свою работу в Спартаке, так как это общество, над созданием которого я работал день и ночь в течении многих лет, было мне бесконечно дорого.

Вот в этих то довольно сложных условиях, захваченный и как непосредственный участник соревнований и как руководитель общества спортивным азартом я и вынужден был встать на путь незаконных финансовых поощрений мастеров спорта — спартаковцев за их победы по тем или другим видам спорта.

Я знал, что спортсмены-динамовцы награждались в своем обществе и получали единовременные пособия, тогда как мастера — спартаковцы при аналогичных условиях ничего не могли получить из-за отказа Комитета Физкультуры разрешить таковые выдачи.

Не имея возможности производить эти выдачи официально через кассу общества, я стал давать отдельным спортсменам деньги из тех сумм, которыми, как указанно в обвинительном заключении, меня снабжал директор магазина общества Спартак футболист А. В. Кожин.

Я конечно понимал, что творю беззакония, но верил что сумею оправдаться, так как был убежден, что действую в интересах дела развития советского спорта.

С началом войны мое положение еще более усложнилось, так как лучшие спортсмены стали терпеть большие материальные трудности по причине

недостатков продуктов и значительного вздорожания их на рынке.

Прекратить спортивную работу и проведение соревнований, как делали некоторые общества, я считал недопустимым, так как нормальная спортивная жизнь поддерживала у всех уверенность в могуществе советской и бесспорной победе над гитлеровскими захватчиками.

В результате я продолжал всеми законными и незаконными способами помогать лучшим спортсменам общества, которые в свою очередь много работали на

базах общества по физической подготовке бойцов Советской Армии.

Осенью 1941 года при массовой эвакуации из Москвы многих семей советских мастеров спорта я с ведома Бауманского Райкома ВКП(Б) оказывал отъезжающим безвозмездную материальную помощь, снабдив их деньгами и одеждой.

В тот напряженный военный период в Москве временно возникла такая обстановка, при которой многие руководящие работники, основываясь на указаниях районных организаций, произвели бесплатную раздачу имущества работникам своих учреждений.

Вскоре положение резко изменилось, и я должен был принимать какие-то меры к покрытию розданных мною ценностей, так как последовало разъяснение о строгом запрещении всяких бесплатных выдач.

Пытаясь найти выход [из] создавшегося положения, директор магазина произвел ту самую незаконную операцию с товарными излишками артели «Спартакиада», которая отражена в обвинительном заключении.

Деньги, полученные мною от этого директора, в действительности полностью пошли на погашение того, что было роздано эвакуированным.

Вот почему тщательная ревизия в обществе Спартак, произведенная следствием, не обнаружила никаких недостач или незаконных выдач.

Не снимая с себя вины за эти злоупотребления я хочу сослаться на следующие смягчающие вину обстоятельства:

1. Яне преследовал при совершении этих незаконных операций никаких личных и корыстных целей.

2. Военная обстановка внесла такую путаницу в

вопросы материальных и денежных выдач, что я лично в то время думал, что действую исходя из военных обстоятельств верно.

3. Деньги в конце 1941 года настолько потеряли свою цену, что инкриминируемая мне сумма составляет не более 10 % от ее стоимости в настоящее время.

4. Я лично не имел никакого отношения к излишкам товаров в артели Спартакиада. Узнал о проведении через магазин этой операции через большой срок после того, как она была закончена и виновен фактически только в том, что принял от Кожина А. В. деньги для погашения тех, что были розданы эвакуированным.

5. Магазин общества Спартак никаких убытков или растрат никогда не имел.

6. Я не сомневаюсь, что у следствия по нашему делу была полная возможность детально разобраться в том, куда пошли деньги, полученные мною от Кожина А. В., так как я тогда точно помнил и называл тех мастеров спорта которым эти деньги были розданы в качестве единовременного пособия и просил о вызове этих лиц для подтверждения моих слов. Однако следствие было заинтересованно придать всему этому совсем другое толкование. Для того, чтоб исполнить волю Берии нужно было обязательно сделать из всех нас жуликов и потому вся эта операция получила в обвинительном заключении одну только личную и корыстную окраску. В таком же плане было истолковано как «взятка» и то, что я послал военкому Бауманоского района полковнику Кутаржевскому по его просьбе кое-какие продукты, так как был с ним в дружеских отношениях. Давать взятку полковнику Кутаржевскому мне было незачто, так как те отсрочки от военной службы, которые оформлял военкомат, были утверждены Правительством и выдавал их военкомат по приказу Военкома г. Москвы полковника Черныха. Я не помню точно, что еще указано в приговоре, но твердо знаю то, что я и мои братья и все другие лица, осужденные по этому делу, совершенно не виноваты в политических преступлениях, а так же то, что я и мои братья никогда не присваивали общественных денег.

Сотни людей могут подтвердить, что я, в частности, всегда вел самый скромный образ жизни, совершенно не пил и не пью никакого вина, не курю и никаких других удовольствий кроме театра, кино и книг, себе никогда не

разрешал и не разрешаю, а для всего этого мне всегда хватало того, что я зарабатывал честным трудом.

Для того, чтобы доказать правильность моих утверждений, и добавить к ним все необходимые факты и цифры, мне нужно ознакомиться с моим следственным делом, обвинительным заключением и приговором, которые я мельком читал и слыхал один раз одиннадцать лет тому назад.

Поэтому я еще раз прошу Главную Военную Прокуратуру предоставить мне возможность лично разъяснить все те подробности, которые необходимы для внесения полной ясности во все детали нашего осуж-

дения, в результате которого мы лишились звания членов партии, правительственных наград, честного имени, потеряли все наше имущество, разбили жизнь нашим семьям и, просидев по 10 лет в заключении, находимся сейчас в пожизненных ссылках.

Я имею возможность для явки в Главную Военную Прокуратуру, выезжать в Москву за свой личный счет, получив служебный отпуск, но для этого нужно разрешение Министерства Внутренних Дел СССР на мой въезд в Москву, так как местные органы этого Министерства якобы имеют право самостоятельно давать такие разрешения (и давали таковые мне) в области и города кроме Москвы.

Для поездки с таким разрешением мне требуется сопровождающего конвоя и я на срок действия разрешения могу временно проживать в Москве.

В ожидании Ваших решений.

Н. П. Старостин.

Алма-Атинская область. Село Тастак 3-го апреля 1954 г.

Вызов в Москву и встреча с Лебедевым стали прологом к следствию по пересмотру «дела Старостиных». Правда, братья продолжали оставаться на поселении, но старший брат призывал их в письмах не падать духом. Ведь если освобождение от ссылки получал «главарь», то и на «подельников» автоматически распространялась бы та же мера.

Курировал процедуру заместитель главного военного прокурора Дмитрий Терехов, о котором упоминал в своих записках и Петр. В течение месяца следователи вызывали людей, чьи показания были подшиты в папках. Как писал Николай Петрович, «никто, конечно, их не подтвердил. Неопровергнутыми

остались только два „пункта обвинений“: что я в работе склонен к диктаторству и что имел любимчиков».

Старостин жил дома, уже не опасаясь, что однажды опять за ним придут офицеры из органов. В назначенные часы ходил на Лубянку — по причудливому совпадению, в тот же самый кабинет, где его когда-то допрашивал следователь Рассыпнинский. И, конечно, не мог не побывать на футболе, на стадионе в Петровском парке, где его радостно встретили старые друзья-соперники — Владимир Демин, Григорий Федотов… А Всеволод Бобров сам пришел к Старостину домой — познакомиться с человеком, о котором много слышал.

И еще три документа из семейного архива:

Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик.

17 июня 1954 года.

№ 2/5-30411-42

Москва ул. Кирова 41.

Гр-ну Старостину Николаю Петровичу.

Казахская ССР Алма-Атинская обл., село Тастак, ул. Сталина д. 86

Сообщаю, что определением Военной Коллегии Верховного суда от 16 июня 1954 года исключено из приговора обвинение Вас по ст. 58–10 ч.2 и 58–11 УК РСФСР и отменено постановление Особого Совещания при МГБ СССР о направлении Вас в ссылку.

Военный Прокурор отдела ГВП подполковник Юстиции Васильев.

Казахская ССР

Управление МВД по Алма-Атинской области

27 июля 1954 года.

№ 03/2-4783

Справка.

Выдана гр-ну Старостину Николаю Петровичу, 1898 г. р. в том, что он находился в ссылке на поселении в Алма-Атинской обл., и по определению Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 июня 1954 года из спецпоселения освобожден.

Со стороны УМВД Алма-Атинской обл., против выезда гражданина Старостина Н. П. в г. Москву к месту жительства его семьи возражений не имеется.

Начальник УВД Алма-Атинской обл Малиновский.

Прокуратура Союза Советских Социалистических

Республик.

Главная Военная Прокуратура.

17 июня 1954 года.

№ 2/5-30411-42

Гражданке Старостиной Александре Степановне

Москва, ул. Новорязанская, дом 7/31

Сообщаю, что определением Военной Коллегии Верховного Суда от 16 июня 1954 года, обвинение Старостиных Николая, Александра, Андрея и Петра по ст. ст. 58–10 ч. И и 58–10 УК РСФСР прекращено.

В отношении Старостина Андрея прекращено и обвинение по Закону от 7 августа 1932 года.

Старостины Николай, Александр и Андрей подлежат освобождению из ссылки.

Военный Прокурор отдела ГВП подполковник Юстиции Васильев.

Определение Военной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 16. 06. 1954 за №СП 0026-43.

Борис Каретников вспоминал, что когда в 1954-м Николай Петрович получил право вернуться в Москву, то купил шампанского, чтобы угостить команду, и даже сам выпил полстакана. А его окончательный отъезд домой совпал с турниром в Джамбуле, где играли динамовцы Алма-Аты: «Мы узнали, когда шел поезд „Алма-Ата — Москва“, в котором ехал Николай Петрович. Остановили этот поезд, организовали митинг и на полтора часа задержали состав…»

Но после двенадцати лет несвободы эти полтора часа уж как-нибудь можно было перетерпеть.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ЖИЗНИ — ДАЛЕКО НЕ ЗАКАТ

В исследовании Стивена Коэна «Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина» содержится такая мысль: «В течение трех лет после смерти Сталина, пока его преемники вели между собой борьбу за власть и политическое руководство, они, опираясь на бюрократические процедуры, изучали статус политических заключенных, большинство из которых были осуждены по печально известной 58-й статье как „контрреволюционеры“, и рассматривали растущий поток апелляций. Но больше всего шансов освободиться первыми, в 1953–1954 годах, было у тех, кто имел личные связи или был известен в партийно-советских верхах. В числе счастливчиков оказались как родственники самих партийных лидеров, чудом уцелевшие большевики и последние жертвы тирана — участники „дела врачей“, так и знаменитые деятели культуры и спорта, такие как актриса Зоя Федорова, руководители футбольной команды „Спартак“ братья Старостины, джазмен Эдди Рознер и кинодраматург Алексей Каплер».

В любом случае можно порадоваться, что выигрышный билет лотереи выпал им тогда, когда еще жива была мать. Дождавшись реабилитации сыновей, Александра Степановна переехала в знакомый дом на улице Алексея Толстого, на жилплощадь, которую прежде занимала семья Петра. На футбол, правда, уже не ходила, смотрела матчи по телевизору, но в обсуждении спортивных тем вместе с детьми и внуками участие принимала. Скончалась она 30 ноября 1956 года, в 76 лет, что для сахаровской ветви, в общем-то, не возраст…

Предвосхитив понятие «топ-менеджер»

Николай Старостин писал в одной из своих книг: «Тогда многие семьи распадались: ждать друг друга годами хватало сил не у всех жен и мужей. Наши, к счастью, уцелели».

Применительно к нему самому, Андрею и Петру это утверждение было справедливо на 100 процентов. А вот у Александра всё вышло не так. Из ссылки вернулся к Зинаиде, однако вместе они пробыли недолго. Почему — сейчас уже никто не даст однозначного ответа. «Увлекся», — предположила племянница Наталья Андреевна.

Появилась новая спутница жизни, Евдокия — бывшая супруга поэта Ярослава Смелякова, который тоже отбывал наказание в Инте. Дуся туда к нему приезжала. Киносценарист Валерий Фрид, товарищ Смелякова по несчастью, в «Записках лагерного придурка» рассказывал о том, что получивший 25-летний срок Ярослав понимал: жена его не дождется. И говорил то ли всерьез, то ли в шутку: «Валерик, вам через год освобождаться. Женитесь на Дуське! Она немного старше вас — но очень хорошая».

Евдокия работала экскурсоводом, растила ребенка, родившегося еще до ее знакомства с поэтом. Денег не хватало, а дочь Лена уже заканчивала школу. Поэтому, как выяснилось позже, Дуся принимала помощь от состоятельного наездника Александра Бондаревского. И приехавший в столицу после неожиданно быстрого освобождения Смеляков этого самого Бондаревского в квартире застал. Он не стал выяснять отношения, а просто развернулся и ушел — навсегда. В писательской среде, конечно, Ярославу Васильевичу сочувствовали, друзья попытались помирить его с любимой женщиной, но тот был непреклонен.

Поговорку «мир тесен» лишний раз проиллюстрировал тот факт, что в Бондаревском легко узнавался ас конного спорта, с которым приятельствовал еще в довоенные годы Андрей Старостин.

Александр с Евдокией поселились неподалеку от станции метро «Сокол», в доме, где располагался «Детский мир» (в те времена напротив был трамвайный круг). Держали собаку — словно в напоминание о егерских корнях Старостина.

Его возвращение в футбол было не столь полным, как у Николая или Андрея. Вспоминая финал Кубка СССР 1954 года, киевский динамовец Михаил Коман утверждал: «Встретились в решающем поединке с ереванским „Спартаком“. Наших соперников усиленно готовили братья Старостины, которые

только что вышли из заключения». Теоретически это могло быть, ибо матч состоялся 20 октября, то есть когда все четверо уже были в Москве. Однако вряд ли за столь короткий срок они могли разобраться в реальной силе тогдашних команд, изучить особенности абсолютно новых для них игроков — тем более из столиц Украины и Армении. У Александра в Инте уж точно не было возможности отслеживать важнейшие футбольные события.

Применительно к любимой игре он занимал только общественные должности: с 1956-го по 1958-й — председатель секции футбола Спорткомитета РСФСР, с 1959-го по 1967-й — председатель Федерации футбола РСФСР, с 1968-го по 1976-й — заместитель председателя этой федерации. При этом на заседаниях прибегал к властным решениям лишь тогда, когда требовалось охладить разбушевавшиеся страсти. А в целом, по свидетельству Александра Соскина, не влезал в скандалы, склоки, никогда не выступал с проспартаковских позиций, говорил всегда взвешенно.

Алексей Леонтьев, известный вратарь, а затем спортивный журналист, писал на страницах «Советского спорта»: «Почти четверть века мне довелось работать вместе с Александром Петровичем во Всероссийской федерации футбола, которую он долгое время возглавлял. Для всех нас, членов президиума, людей разных возрастов и профессий, каждое заседание превращалось в своеобразную школу, где мы не только углубляли свои знания о футболе, но и как бы заново учились правильному пониманию характеров людей — футболистов и тренеров, принципиальному и справедливому отношению к их поступкам и нарушениям».

Привел Леонтьев и конкретный случай, когда разбиралось дело игрока, кулаками давшего сдачи сопернику, который сыграл против него грубо. Спортивно-техническая комиссия федерации вынесла вердикт: полгода дисквалификации. Утвердить решение должен был вышестоящий орган. Но Старостин обратил внимание собравшихся, что такой проступок футболист совершил в первый раз, рассказал и о собственной горячности во время международных матчей за сборную страны. В общем, убедил ограничиться более мягким наказанием, а жесткое применить уже в случае рецидива. Виновник, отлученный от мяча только на три игры, пообещал, что подобное больше не повторится. И слово сдержал.

В 1958-м Александр ездил в качестве наблюдателя на чемпионат мира в Швецию, где впервые выступала сборная СССР. Писал аналитические статьи, которые можно было прочитать как в специализированных изданиях, так и в популярных журналах,

например в «Юности». Не скрывал: «Отдельные статьи, обзоры делаю с удовольствием». Заходил в редакцию еженедельника «Футбол», позднее реорганизованного в «Футбол — хоккей», даже без рабочего повода, а просто пообщаться, поговорить о любимой игре с неравнодушными людьми. Точнотакже, как делали это его брат Андрей, Сергей Сальников, Виктор Маслов.

Но всё это, повторимся, «в свободное от работы» время. А главное место приложения сил в системе Министерства торговли РСФСР было весьма и весьма ответственным. О том, что значило в те годы руководить центральной оптовой базой спорттоваров, рассказал нам Евгений Богатырев:

«Это считалось даже престижнее, чем быть директором Елисеевского гастронома. Во-первых, в стране был дефицит спорттоваров. Во-вторых, именно через эту организацию проходила продажа автомашин и запчастей к ним, что тоже было огромным дефицитом. Не сомневаюсь, что деятельность организации осуществлялась под постоянным контролем ОБХСС и КГБ, но к Старостину не выявила претензий ни одна проверка.

В те времена купить легковой автомобиль просто так было невозможно, их распределяли через профкомы. Сотрудникам небольших организаций добиться желанной цели было практически нереально, ажиотаж стоял страшный. Чтобы ослабить социальное напряжение, Александр Петрович придумал интересное решение: продавать без очереди машины тем, кто покупает их в первый раз. То есть тем, в отношении кого было ясно, что он прежде никогда не занимался перепродажей автомобилей. Нужно было просто прийти в ГАИ и взять справку, что человек ранее не был владельцем. Я сам так поступил в 1974-м, когда покупал „Москвич-408“. По этому поводу было принято официальное решение, оно публиковалось в „Вечерке“».

Вместе со Старостиным трудилось много людей спорта. Его правая рука Борис Леонов — известный волейбольный судья, обладавший таким же авторитетом, как Николай Латышев в футболе. Он был первым советским арбитром на чемпионате мира, в те годы ездил на иномарке, что являлось редкостью. Леонов руководил отделом торговли спортивным инвентарем. Был еще культмассовый отдел. Размещалась организация в районе Лубянки, там были и офис, и склады.

«Мой отец, — продолжал Богатырев, — очень высоко ценил профессиональные способности Александра Петровича. Одно время он работал начальником планово-экономического управления Госкомспорта России. Из представителей этого органа и Министерства торговли был создан совместный совет, во главе которого стоял замминистра торговли Большаков. Входили туда

Константин Васильевич Крупин и Валентин Дмитриевич Алехин, а отец был ответственным секретарем. Старостин был одним из самых деятельных участников этого совета, постоянно вносил дельные предложения. Ведь он четко представлял, каких товаров в стране не хватает, чего и сколько нужно производить. Кстати, отец написал шесть-семь книг о производстве.

Еще одним направлением, к которому приложил руку Александр Петрович Старостин, была разработка ГОСТов. В те времена шла борьба с космополитизмом, импорт находился под запретом, и нужно было создавать собственные аналоги. На лидирующих позициях в спортивной промышленности были динамовские предприятия.

Однажды мне довелось побывать у Александра Петровича в кабинете. Постоянно заходили какие-то люди, и он тут же отдавал необходимые распоряжения или посетителям, или по селектору. Создавалось впечатление, что Старостин, решая вопросы, демонстрирует феноменальную память, держит в уме тысячи цифр. Николая Петровича принято называть организатором всесоюзного масштаба, но и Александра Петровича я бы назвал, говоря современным языком, топ-менеджером советской торговли. Его отличали честность и порядочность, безупречное знание дела. Мне аналогичных людей в торговой сети встречать не приходилось. Не уступая старшему брату в качестве организатора, он всегда умел находиться над схваткой в этой непростой сфере».

«Автомобильное ноу-хау» Старостиных подтвердил и Евгений Ловчев:

«В начале семидесятых все в „Спартаке“ знали, что можно было быстро оформить покупку машины, практически за три-четыре дня. Имя Александра Петровича при этом не называлось, а вот у Николая Петровича, как начальника команды, надо было подписать бумагу».

В характеристиках, данных другими людьми, многое сходится. Наталья Петухова, уже в новом тысячелетии вспоминая о братьях, сказала про Александра: «Это человек для нашего времени. Сегодня стал бы олигархом. Организовал бы производство, точно вам говорю».

Или вот какое впечатление осталось от посещения Александра Петровича у Константина Есенина: «Старостин-второй, когда я пришел к нему, разговаривал по селектору с каким-то оплошавшим начальником одного из отделов Роскультторга Министерства торговли, в котором Александр Петрович работает уже много лет. Говорит он, как когда-то на поле, решительно, безапелляционно, но негрубо».

Конечно, заглядывали к нему и родственники. Племянник Андрей Старостин-младший поведал:

«Его офис находился рядом с метро „Дзержинская“, и я часто бывал у него на работе. Помню, в кабинете находились только большая пальма, стол и маленький шкаф, в котором, между прочим, всегда стояли бутылки сухого вина, привезенные из Грузии. Всегда предлагал: „Ну что, племяш, сухенького?“ Но вообще-то дядя Шура охотно угощал всех, кто к нему заходил. Из четырех братьев только Николай Петрович был аскетом. Остальные относились к спиртному нормально, при встрече могли выпить не одну бутылку вина, но ни разу никто не видел их пьяными».

Прервем на мгновение Старостина-младшего. Быть может, из-за этой хлебосольности у посторонних людей складывалось впечатление об Александре Петровиче как о любителе зеленого змия. Один из футболистов, описавший появление второго брата в раздевалке после какого-то важного матча «Спартака», позволил себе ремарку: «Грамм семьсот водки в нем, наверное, было». Или Александр Нилин привел на страницах газеты «Твой футбол» мини-зарисовку: «…И вспомнилась какая-то из торжественных дат в обществе братьев Старостиных, когда Андрей вдруг спросил Александра: „Ты что, Шура, на красное перешел?“ А семидесятилетний Шура засмущался: „Да, знаешь, погода…“». Это конечно же преувеличение. Просто на фоне худощавых Николая и Андрея невысокий, крупноватый, коренастый Александр порой казался менее спортивным. Со временем у него стал расти живот, и Александр Петрович подшучивал над собой: «Этому животу уже ничем не поможешь!»

Став фигурой не столь публичной, как родственники, Александр Петрович не уступал им в желании и умении помогать ближним. Племянник Андрей пояснил, чем был вызван «уход в тень»:

«Это объяснялось в первую очередь скромностью дяди Шуры. Я знаю, что он сделал добро многим людям, но никогда об этом не рассказывал. Одной фразой можно сказать так: мужик, которого уважали. Он мало кому выказывал расположение открыто, в отличие от братьев, мог и послать по известному адресу или просто оборвать собеседника — мол, глупость несешь… По сути, единственным человеком, кто для него являлся непререкаемым авторитетом, был дядя Коля, хотя у них всего-то год разницы».

Логично дополнить это наблюдение цитатой из Аркадия Ратнера: «В прочно сбитой братской коалиции он был носителем непримиримости, упрямства, несклонности к компромиссам». В

то же время Николай Соколов, партнер Александра по сборной СССР довоенных времен, отзывался о нем, как о «милом человеке».

О своих внутренних ощущениях Александр Петрович не слишком откровенничал, но все же вырвалось как-то «для прессы»: «Цепляюсь за последние „шестидесятые“. Так не хочется быть „семи…“». В этом возрасте на матчи приходил нечасто, больше из родственной солидарности: «Теперь, когда я бываю на стадионе, все больше на брата Николая смотрю. Он ведь начальник команды. Боюсь, не хватит ли его инфаркт». В то же время чувство объективности у него превалировало над клубным патриотизмом, и в начале семидесятых он не стеснялся сказать в интервью Константину Есенину, что «Спартак» последних лет оставлял впечатление недоукомплектованной команды, а у «Динамо» подбор игроков интересный.

Вообще-то второй из братьев больше опекал по жизни другого племянника — своего полного тезку Александра Петровича Попова, сына Веры. Наверное, было в этом что-то от несбывшейся мечты воспитать сына, да и единственная дочь Алла прожила не самую длинную жизнь. Как и ее мать, она скончалась от рака.

Андрей-младший говорил о своей кузине:

«Приезжая в Ленинград, я останавливался у Аллы, жили они на Литейном. Поскольку я тогда был холостым, всё старалась познакомить с кем-то из подруг. У меня воспоминания о тех временах ассоциируются с песней „Долго будет Карелия сниться“ в исполнении Лидии Клемент, которая тоже умерла от саркомы совсем молодой…»

С Александром Поповым одному из нас довелось неоднократно встречаться, а за три года до его ухода из жизни и предметно побеседовать. Естественно, шел разговор и о знаменитых родственниках, в том числе — о втором по старшинству брате:

«Родители назвали меня Александром в его честь, и я тоже стал Александром Петровичем. Он очень внимательно следил за моей футбольной карьерой. Как и моему папе, Петру Герасимовичу Попову, дядюшке очень хотелось, чтобы я играл в основе „Спартака“. Но по блату в „Спартаке“ не играют, а выше игрока дубля я так и не поднялся. Во время моих выступлений был первым болельщиком и очень внимательно следил за результатами. Дядя Шура ко мне очень тепло относился. Чем это объяснить? Может быть, тем, что у него было четыре племянницы и только два племянника.

Любил делать подарки. Будучи директором базы, он имел право на покупку одного комплекта футбольной формы в год. И

конечно, бутсы, гетры, майка и трусы презентовались мне. Александр Петрович излучал доброту, располагал к себе людей и взглядом, внешностью. Работая затем директором Роскультторга, он помогал всем, кто обращался к нему. Его кончина осенью 1981 года стала тяжелой утратой для близких…»

Вместе с братом Андреем, а то и в компании Михаила Яншина и Михаила Царева Александр Петрович тоже захаживал на бега. Был он на ипподроме и в день кончины, 23 сентября 1981 года. После состязаний Андрей Петрович поехал в «Лужники», а брат зашел к сестре Вере, которая жила на Беговой улице, как раз напротив ипподрома. Был там и племянник Андрей, родственники сели к телевизору смотреть трансляцию матча, и вдруг старику стало плохо. Вызвали «скорую помощь», благо Боткинская больница находилась в двух шагах. Но помочь врачи были уже бессильны. Тело доставили в старый боткинский морг. Как и сестра Клавдия двумя годами ранее, он умер практически в одночасье.

Церемония прощания состоялась в спартаковском зале на улице Воровского. Здесь на протяжении многих лет тренировались мастера из разных видов спорта, и футболисту Александру Старостину, конечно, доводилось бывать тоже. И отсюда соратники проводили его в последний путь — на 7-й участок Ваганькова.

Во время одного из посещений кладбища мы обратили внимание на то, что имя второй жены Александра Зинаиды, скончавшейся в 1973 году, было увековечено на той же самой плите, что и имена его дяди Дмитрия и тети Агафьи. Получалось, будучи уже ничем не связанным с прежней супругой, он позаботился о ее похоронах?

Андрей Лавров предположил, что могила дяди Мити и тети Гаши находилась даже не рядом с могилой Зинаиды, просто по прошествии времени памятник им поставили общий. Однако Елена Старостина подтвердила, что бывшую жену Александра Петровича похоронили именно здесь.

В прежнюю жизнь вошел без раскачки

Михаил Яншин, встретив Андрея Старостина на перроне Ярославского вокзала сентябрьским днем 1954-го, первым же делом спросил, пойдет ли тот на футбол, на матч СССР — Венгрия.

Для молодого поколения спортсменов, выросшего в те годы, когда братья находились вдали от Москвы, первая встреча с ними всегда становилась запоминающимся событием. Анатолий Коршунов, ставший впоследствии игроком «Спартака», вспоминал: «О братьях Старостиных я впервые услышал от своего брата Сергея, игравшего тогда еще в ВВС. Однажды он пришел с тренировки и сообщил, что из мест заключения возвращаются легендарные братья Старостины, хотя тогда я не знал, почему он назвал их легендарными. А впервые увидел Андрея Петровича случайно во время очередного матча на стадионе „Динамо“, когда многие зрители нашей самой дешевой восточной трибуны неожиданно встали, обратив взоры в сторону соседней северной трибуны, и я услышал: „Пришел один из братьев Старостиных, правда, не знаем, кто“. А это был Андрей Петрович — высокий, статный, отлично сложенный мужчина».

Слово «пришел» можно было понимать буквально: Андрей, будучи реабилитированным, получил квартиру у станции метро «Аэропорт», в четверти часа ходьбы от Петровского парка. В том же доме, только в другом подъезде, дали ордер и Николаю. Даже телефонные номера у братьев были практически одинаковыми, только в конце у одного «54», а у другого «34».

В том, что в первые же минуты пребывания Андрея Петровича на московской земле прозвучало слово «футбол», была глубокая символика. Директор фабрики в довоенное время, Андрей в принципе мог погрузиться и в экономику. Ведь и в Норильске он тренировал любителей, трудясь начальником планово-финансового отдела в одном из управлений. Однако душа не желала расставаться с мячом.

Семейный совет состоялся в Сухуми, где супруга Ольга была на гастролях с театром. Любопытно, что на юг Андрей отправился на машине в компании Яншина и художника Дмитрия Иттина, который, собственно, и был владельцем авто. Дочь Наташа пыталась склонить отца к чему-то более серьезному, чем спорт: «Папа, тебе скоро пятьдесят, а ты все о мячиках да трусиках…» Ольга не была столь категоричной, а решение главы семьи стало однозначным.

Тем и велик футбол, что служить ему можно в разных

ипостасях. В данном случае направлений было два. Об одном из них Андрей Старостин написал в своей книге так: «Я стал спортивным журналистом. Случилось так, что мою первую послевоенную, довольно объемистую статью — „опус“, как шутливо ее назвали мои друзья, — опубликовал журнал „Юность“. Дальше — больше, и, наконец, я осилил книгу о футболе. Не сожалею о том, что имею отношение к футболу в новом качестве. Более того, рад, что принят в Союз журналистов СССР и являюсь членом секции спортивных журналистов. На ее заседаниях я встречаю старых знакомых. Юрий Ваньят, Герман Колодный, Ефим Рубин, Александр Вит, Илья Бару — спортивные журналисты, писавшие обо мне в свое время с прилагательным: „молодой Старостин III“. Мне работа спортивного журналиста (да и не только спортивного) всегда представлялась схожей с работой судьи, для которого первая заповедь — объективность».

Это качество отмечал в нем и Александр Соскин: «К Андрею Старостину, этому ироничному интеллектуалу, баловню писательской и актерской любви, чей широкий взгляд исключал однобокость „Николая Петрова“, как он величал старшего брата, моя душа тянулась больше». И привел в пример матч между «Спартаком» и «Динамо». Тогда в ворота бело-голубых был назначен пенальти, и Сергей Сальников предупредил судью, что Лев Яшин имеет обыкновение двигаться до удара, нарушая правила. Когда вратарь отбил удар, судья заставил перебить. «Вся футбольная Москва спорила, имел ли Сальников право на обработку рефери. Андрей Старостин, вопреки родовой спартаковской принадлежности, публично заявил о нарушении спортивной этики».

Соскину довелось потрудиться вместе с Андреем Петровичем при создании футбольных календарей-справочников. И на фоне многих авторов Старостин отличался обязательностью, править его практически не было нужды, так что заказчик даже разрешал сдавать тексты, написанные от руки.

Второе направление, отнюдь не мешавшее первому, касалось управления футболом. И продолжалось оно до последних дней жизни Андрея Петровича, о чем свидетельствуют сухие строки биографической справки: «Начальник сборной СССР (1959–1964, 1968–1970). Ответственный секретарь Федерации футбола СССР (1959–1961). Заместитель председателя Федерации футбола СССР (1961–1964). Заведующий отделом футбола Всесоюзного совета ДСО профсоюзов (1964–1967). Заведующий отделом спортигр ЦС „Спартак“ (1969–1987). Председатель тренерского совета Федерации футбола СССР (1967–1987). Председатель Федерации футбола Москвы (1971–1987)».

Сосватал Старостина на всесоюзный уровень Николай Романов, крупный спортивный функционер с довоенных времен. Они были давно знакомы, например, во время поездки в Болгарию в 1940-м один был руководителем делегации, а другой — капитаном сборной. И вот теперь Андрея Петровича определили в помощь Валентину Гранаткину, возглавлявшему национальную федерацию.

В первый же год его работы в качестве начальника сборной, в 1960-м, советские футболисты выиграли Кубок Европы. В финале, проходившем в Париже, они пропустили мяч от югославов, но в дополнительное время вырвали победу — 2:1.

Вот что вспоминал о поездке во Францию Владимир Кесарев: «По окончании первой тренировки в Марселе игроки попросили Качалина провести хотя бы 20-минутную двусторонку. А он в ответ: „У нас одного игрока не хватает для двойного комплекта“. Тогда руководитель делегации Андрей Петрович Старостин решил нас поддержать: „Если вы не возражаете, то я могу сыграть центрального защитника“. И обращаясь к центрфорварду Виктору Понедельнику, добавил: „Только уж прошу не пищать“. И что вы думаете? Старостин в свои 53 года полностью закрыл, начисто выключил Витю из игры. Конечно, 20 минут — не 90, но мы любовались тем, как спокойно и ловко Старостин играл в отборе, в прыжках, отдавал пас в одно касание».

Автор решающего гола в финале Виктор Понедельник отдавал должное руководящему штабу: «Со сборной работали настоящие футбольные титаны — главный тренер Гавриил Дмитриевич Качалин и начальник команды Андрей Петрович Старостин. Они умели создавать и поддерживать такой психологический климат, в котором каждый чувствовал себя комфортно. Надеть майку сборной действительно считалось высшей честью». Особенно запомнился форварду перерыв финального матча: «Некоторая подавленность, конечно, ощущалась. Но — никаких истерик, взаимных упреков, обвинений. Каждый занимался своим делом. Доктор хлопотал над ушибами и ссадинами, Качалин, по-моему, вообще никогда не повышавший голоса, подходил к каждому игроку и объяснял, что персонально тот должен предпринять, чтобы переломить ход матча. Ну а самые точные слова, обращенные ко всем, нашел, пожалуй, Андрей Петрович Старостин. Я не смогу воспроизвести их дословно, но смысл передаю точно. Старостин сказал, что в первом тайме мы ничего не показали и потому наши истинные возможности по-прежнему остаются загадкой для соперника. Сказал, что нужно всего ничего: встряхнуться, сбросить оцепенение и заиграть в свою силу. Сказал, что мы —

счастливчики, которым выпала возможность вписать свои имена в историю футбола золотыми буквами. Напомнил, что идет прямой репортаж с „Парк де Пренс“, и в ожидании исхода матча не спит вся страна. Словом, для продолжения матча из нашей раздевалки, на беду югославов, вышла совсем не та команда, с которой они имели дело в первом тайме». Известный исследователь истории отечественного футбола Аксель Вартанян подтверждал, что речь Старостина имела место и была весьма бурной.

В других ситуациях находился иной педагогический прием. Скажем, приехала сборная в 1961-м в Аргентину на товарищескую встречу. У высоких начальников уверенности в положительном результате не было, и даже посол намекнул, что поражение с минимальным счетом приемлемо, не говоря уже про ничью. И что сделал Старостин? Привел в раздевалку переводчика с кипой газет, где местные журналисты соревновались в прогнозах: выиграет Аргентина с разницей в три мяча или в пять? А после ознакомления с дайджестом сказал: «Все ясно, молодые люди? Идите и покажите свою игру!» Тот матч наши выиграли.

А вот мнение Виктора Шустикова, пришедшего в сборную в 1963-м: «Андрей Петрович, несмотря на большую разницу в возрасте, с нами легко находил общий язык. Он умел вселять в нас уверенность. Он нам часто говорил, что футбол — игра коллективная и в одиночку успеха добиться очень трудно, а вот испортить дело может и один футболист, поэтому постоянно внушал нам, что в каждом матче мы должны играть по принципу: один за всех и все за одного».

С Шустиковым в составе сборная могла стать сильнейшей на континенте еще раз, но в 1964-м уступила в мадридском финале испанцам — 1:2. Поскольку с диктатором Франко у советского руководства были напряженные отношения, поражение имело далекоидущие последствия. Старший тренер команды Константин Бесков был снят со своего поста. Через много лет Александр Нилин отмечал: «Я никогда не расспрашивал Бескова о поведении в те горькие дни начальника сборной Андрея Петровича. Но нет сомнений, что оно было в высшей степени достойным… Старостин вообще был человек чести. И при всех своих дипломатических дарованиях и почти всеми признанном нейтралитете, присущем его весьма редкой в большом футболе позиции, не счел возможным сделать и полшага для удержания должности. И все же самое интересное здесь, что подозрительный и даже мнительный Бесков никаких претензий, как всегда в таких случаях бывает, к товарищу по несчастью не имел. Они вышли из неприятностей неразобщенными. Что крайне важным оказалось для дальнейшей биографии отечественного футбола — и

спартаковской судьбы в частности…»

Однако здесь есть один нюанс. Бесков руководил только первой сборной, и его отправили в отставку именно за поражение в Мадриде, а Старостин нес ответственность еще и за дела олимпийской сборной. А она под началом Вячеслава Соловьева через неделю после финала Кубка Европы проводила решающий матч за путевку на Олимпиаду. И оказалась битой командой ГДР — 1:4. В своей книге «Встречи на футбольной орбите» Андрей Петрович не прошел мимо этого эпизода:

«А после повторного матча, с четырьмя уже пропущенными мячами, сдуло и мечты о золотых медалях, наш преждевременный кураж оказался олимпийским миражем. И вот когда мираж рассеялся, я не на олимпийском стадионе в Риме, и никакого круга почета с командой не совершаю, а понуро бреду в Скатертный переулок к своему начальнику… Мой непосредственный начальник лишил меня необходимости заниматься исследованием закономерностей и случайностей результатов в олимпийских видах спорта. Глубоко угнездившись в своем кожаном кресле, словно опасаясь, что в создавшейся обстановке его могут выдернуть из привычного местопребывания, он, сардонически улыбаясь, задал мне всего один и очень лаконичный вопрос:

— Ну, сам напишешь или?..

Разумеется, я воздержался от „или“ и предпочел написать „по собственному желанию“».

Автор книги допустил неточность: разыгрывалась путевка не в олимпийский Рим, а в олимпийский Токио. Однако суть от этого не меняется: покинул свой пост Старостин отнюдь не из-за одной только солидарности с Бесковым.

В ту пору и Николай в силу внутриведомственных трений был снят с должности начальника команды «Спартак». Возникла идея: а нельзя ли поставить туда Андрея? Вратарь Владимир Маслаченко, предлагавший старшему из братьев такую комбинацию, услышал в ответ резкую отповедь: «Андрей? Он играет на бегах, дружит с цыганами, не чужд женского пола. Как такому человеку можно доверить „Спартак“?» Разговор происходил в автомобиле Маслаченко, и возбужденный Николай Петрович, по словам голкипера, «вышел и так хлопнул дверцей машины, что я сам чуть не вылетел в другую». Этот диалог голкипер впоследствии пересказывал на съемках документального фильма Евгению Богатыреву (в ленту сюжет не вошел), а позднее — Игорю Рабинеру. Но здесь надо понимать, что спартаковский патриарх ничего не имел против младшего брата, а просто мерил по себе: согласно его шкале ценностей,

красно-белым цветам нужно было посвятить всю жизнь без оглядки.

По свидетельству Анатолия Львова, еще в шестидесятые годы Андрей Петрович пытался убедить чиновников разного уровня в том, что должна быть узаконена профессия «спортсмен»: «Почему он лишен прав, предоставленных, к примеру, артистам? Не надо лгать себе и другим, выдавая футболистов за станочников. На лжи ничего хорошего еще не выросло…» Тем не менее до самого конца советских времен наш футбол, как и весь спорт, будучи на деле профессиональным, формально оставался любительским.

В сборную Старостин вернулся после четырехлетнего отсутствия, прошел с ней еще один отборочный цикл, съездил на чемпионат мира-1970 в Мексику. В Мехико жил в одном номере со вторым тренером Алексеем Парамоновым, в вечерних разговорах они постоянно обменивались мнениями по поводу тенденций развития футбола. Но на начальнике команды лежало и много обязанностей, выходивших далеко за границы зеленого поля. Например, требовалось уладить конфликтную ситуацию между старшим тренером Гавриилом Качалиным и ведущим нападающим Анатолием Бышовцем. Виктор Папаев, так и не сыгравший на мундиале из-за травмы, рассказывал нам:

«Я ездил с командой на все сборы, врачи рассчитывали, что к старту чемпионата мира кость срастется полностью. Но не учли, а может, просто не знали, что в тех климатических условиях, на достаточной высоте над уровнем моря, этот процесс замедляется. В общем, мне стало ясно, что команде я не помощник. И хотя нас никто не гнал, мы с вратарем Евгением Рудаковым, оказавшимся в схожем положении, подошли к Андрею Петровичу и попросили отправить нас домой. Сейчас в таких случаях все просто: спортсмену покупают билет и сажают на самолет. Но тогда из Мехико в Москву надо было добираться через США. Не в составе делегации и без знания английского языка — целая проблема, да и провокаций, как водится в те времена, опасались. С помощью Старостина всё устроилось, в Нью-Йорке нас встречали сотрудники советского посольства, помогли с пересадкой».

В Мексике произошла запоминающаяся встреча: в отель, где квартировала сборная, пожаловали баски, против которых Андрей Старостин играл в далеком 1937-м. «Врагам на поле — друзьям вне поля» было о чем вспомнить. А по возвращении домой начальник команды рассказывал поэту Михаилу Светлову, как звучала в исполнении иностранцев его песня «Каховка».

Начало семидесятых было сложным периодом в жизни Старостина. Неудача на чемпионате мира сопровождалась уходом с поста начальника сборной, его не очень корректно вывели из

президиума всесоюзной федерации. По рассказам друзей и знакомых, мрачное настроение нет-нет да и посещало. Летом 1972-го Андрей Петрович признался Константину Ваншенкину, что не ощущает уже прежней уверенности, смелости, самоуважения, и дело было явно не в том, что накануне «Спартак» потерпел поражение от «Торпедо» в финале Кубка СССР. Олег Хабалов слышал от него: «Иногда в лагере больше свободы, чем на свободе». А тут еще и со здоровьем оказалось не все ладно, даже попал на хирургический стол к профессору Александру Вишневскому, с которым незадолго до того познакомился.

Но и обострения радикулита не могли отлучить его от дела. О годах, проведенных Старостиным на службе любимой игре в столице, поведал в журнале «Футбольный городок» один из его сотрудников, Владимир Бурд: «Когда он возглавил в 1971 году Федерацию футбола Москвы, работа оживилась, стала более интенсивной и интересной. Активизировалась массовая работа. На играх мужских команд московские стадионы были заполнены порой до отказа, особенно когда играли Эдуард Стрельцов, Вячеслав Старшинов, братья Майоровы (знаменитые хоккеисты охотно выходили и на зеленое поле. — *Б. Д., Г. М.*) и многие другие. Нужно было прилагать колоссальные усилия для того, чтобы все это организовать и контролировать. И с приходом Андрея Петровича работать действительно стало в радость, он нас всех сумел объединить и заинтересовать, поскольку был фигурой, конечно, очень яркой… Заботливо, по-дружески относился к каждому члену федерации, если в работе допускались какие-то недочеты, ошибки, он помогал советом, давал рекомендации, как себя вести в тех или иных ситуациях. Андрей Петрович, нужно отметить, очень не любил лодырей, с которыми разговаривал всегда жестко».

В те времена городская федерация футбола не концентрировалась только на массовом спорте, а имела еще и определенное влияние на команды мастеров. Когда в 1976-м «Спартак» покинул высшую лигу, именно Андрей Старостин придумал и реализовал план с назначением на должность старшего тренера человека из динамовского лагеря — Константина Бескова. Здесь главным было даже не уговорить Константина Ивановича, а решить вопрос в партийных верхах. Поскольку Бесков был офицером МВД, его официально откомандировали на помощь профсоюзной дружине.

Андрей Петрович был еще и заведующим отделом спорт-игр ЦС «Спартак». Поэтому он постоянно находился рядом с командой на законном основании. А исторически его миссия заключалась в том, чтобы сглаживать острые углы в отношениях

между старшим братом и Бесковым: у начальника команды и главного тренера было много расхождений по части того, как должна строиться работа в команде. Николай Петрович, как хранитель демократических спартаковских принципов, не собирался уступать авторитарному Константину Ивановичу всю полноту власти. И неслучайно их дороги разошлись в 1988-м — сразу после кончины Андрея Петровича.

Трудно ли было руководителю столичной федерации сохранять объективность, не перетягивая одеяло на сторону родного общества? В целом третьему из братьев это удавалось, хотя вот Евгений Ловчев вспомнил и такой эпизод:

«Сыграв в начале 1978 года несколько матчей за „Спартак“, я из-за трений с Бесковым собрался уходить в „Динамо“. По тогдашнему регламенту переход необходимо было утвердить на заседании московской федерации. И Андрей Петрович настоял на том, что до конца года я не имею права выступать за бело-голубых. Формально правота была на его стороне, однако на практике сплошь и рядом этот пункт не соблюдался, прецедентов было много. Тем не менее в 1978-м за „Динамо“ в официальных матчах я так и не выступал. Быть может, это был единственный случай, когда он в чем-то использовал служебное положение в федерации на благо красно-белых».

Работа в центральном совете «Спартака» априори требовала решать проблемы команды через ВЦСПС, горком партии, Моссовет. К нуждам одноклубников Андрей Петрович подходил неформально. Анатолий Коршунов отметил: «Когда у меня родился сын, „Спартак“ выдал мне ордер на квартиру у Белорусского вокзала. Узнав об этом, Андрей Петрович посоветовал мне не торопиться с переездом и порекомендовал поговорить на эту тему с его другом Михаилом Яншиным, проживавшим в том же доме. Я последовал совету Андрея Петровича, съездил к Яншину и убедился в том, что Старостин был прав — из-за шума жить в новой квартире было просто невозможно».

Неординарность Андрея Старостина состояла еще и в том, что, служа любимой игре со всей искренностью, на ней одной он не замыкался.

Защитник московского «Торпедо» и сборной Александр Медакин вспоминал характерный случай: «Возвращались мы из Варшавы, где сборная проводила товарищеский матч. В купе ехали вместе с Андреем Петровичем Старостиным. Вижу, читает он журнал „Юность“ и грозно так поругивается: „Врет автор. Никогда Амараст не проигрывал. Врет. Так и скажу Вальке“. Интересуюсь: „Какому?“ — „Катаеву, редактору журнала. Этот

конь на скачках никогда не проигрывал“. Тут я увидел, что в проеме дверей стоит Валера (Воронин. — *Б. Д., Г. М.)* и спрашивает: „А вы что, Андрей Петрович, на скачках бывали?“ У Старостина аж очки сползли на нос, и он весьма выразительно посмотрел на Воронина: „Послушай, Валерьян. Ты видел, у входа на ипподром колонны стоят?“ — „Ну, видел“. — „Так вот, они поставлены на мои деньги, которые я там оставил“».

Фразу «Это всё на мои деньги построено» Старостин часто произносил, приезжая на Беговую улицу. Контролеры ипподрома всегда пропускали его со товарищи без билетов. Случалось, приезжал с ним и поэт Константин Ваншенкин. Однажды он со слов друга записал историю, которая в коротком пересказе выглядела так. Зимой, в метель, Андрей с братом Александром и несколькими приятелями на подхвате сделал несколько неудачных ставок, а после заключительного заезда выбросил билеты тотализатора в снег. Но вдруг до него дошло, что он поторопился: на самом деле одна из ставок принесла неплохой выигрыш.

Как известно, любой солидный, уважающий себя игрок никогда не ходил в кассу сам: этим занимались подручные. Вот и теперь, узнав о казусе, они без всякой команды со стороны мэтра начали рыться под скамейками, чиркая спичками. Нашли, понеслись к кассам, которые уже были закрыты, уговорили кассиршу за небольшую мзду выплатить выигрыш — восемь тысяч рублей старыми. Андрей и Александр, разумеется, в этой суете никакого участия не принимали.

А вот зарисовка представителя иного поколения — Юрия Архипова, однокурсника дочери Старостина Наташи:

«Однажды он на краткий вежливый миг принял участие в нашем гулянье у них на квартире.

Вошел, отвесив компании картинный поклон, присел к столу, слегка чего-то пригубил. Спрошенный дочерью, поведал, как прошли сегодня бега на ипподроме.

— Андрей Петрович, а правда ли, — спросил его мой друг Харитонов, — что новички там всегда выигрывают? Может, и нам с Юрочкой в таком случае повезет? И жены будут довольны!

— Пижонов там тоже довольно, — гласил уклончивый каламбурный ответ основателя „Спартака“. Вполне в духе Булгакова и Олеши, с коими до войны великий футболист резался по ночам в карты».

А вот что писал Виктор Понедельник: «У Яншина со Старостиным была своя ложа на ипподроме на Беговой. Разочек и меня пригласили: „Виктор, ты же донской казак…“ Там тоже интересный круг людей собирался. Рада Волшанинова, да всех не

перечислишь…»

Привозил ли Андрей Петрович актрису Раду Волшанинову (которая, кстати, пела на его пятидесятилетии) на творческие встречи с футболистами сборной, свидетельств не сохранилось. А вот Булат Окуджава, Рубен Симонов, Михаил Царев на сборы приезжали точно.

Михаил Яншин, старый поклонник «Спартака», после игр приходил вместе с Андреем Петровичем в раздевалку. Никита Симонян писал: «Если мы выиграли, Михаил Михайлович поздравлял нас с победой, проиграли — вставал в сторонке и молча, внимательно за всеми наблюдал. Не исключаю, что ему как актеру было небезынтересно состояние людей, победивших или потерпевших поражение».

Старостин соединял мастеров своего дела, порой даже не присутствуя при этом лично. Однажды Булат Окуджава и Эдуард Стрельцов пересеклись где-то в Таджикистане, разговорились, и выяснилось: оба знают два значения слова «бейт». То есть футболисту было известно, что это еще и восточное двустишие, а поэт представлял фирменный прием Стрельцова — «когда достаешь мяч у себя из-за спины и подбиваешь пяткой». Можно было даже не спрашивать, кто выступал в роли «просветителя», — разумеется, Андрей Петрович.

После возвращения из Норильска третий Старостин вошел в футбольную жизнь без раскачки. Да и в театральную, литературную — тоже. Окончание его ссылки друзья из артистических кругов отмечали несколько дней. Племяннику Андрею запомнилось:

«Однажды устроили сабантуй в доме на улице Горького, около Елисеевского. Я там же и заночевал, пришлось спать на одном диване с Яншиным — он меня придавил, такой тяжелый… Дядя водил меня в Дом актера, причем представлял собравшимся сыном, а не племянником. Водил и в „Националь“, там Олеша сидел каждый вечер. Он тогда находился в опале, и ему было безразлично, сын я или не сын…»

Поездка на машине Иттина на юг обернулась посещением в Ялте Марии Чеховой: сестре великого писателя исполнялось 90 лет, и на Яншина выпала миссия поздравить Марию Павловну с юбилеем от имени Ольги Книппер-Чеховой. Приехал Иван Козловский, который спел виновнице торжества романс. В общем, по отзыву Старостина, визитеры «уехали с просветленной душой».

Да и в Москве оставалось немало старых друзей. На даче свояка — драматурга Исидора Штока, второго мужа Александры Кононовой, — он еще успел встретиться с Александром Фадеевым, связь с которым была потеряна на весь период

заключения и ссылки. Безо всяких обид сидели на траве, вспоминали былое. Писатель в шутку жаловался, что побаливают ноги, что врачи запретили употребление алкоголя, но отнюдь не выглядел человеком, который вскоре покончит жизнь самоубийством. Но всё произошло именно так, и их разговор оказался последним. А через четыре года после Фадеева ушел из жизни и Юрий Олеша.

С особым пиететом Старостин относился к Анне Ахматовой, с которой он познакомился опять-таки благодаря Штоку. Стихи ее любил с молодых лет, но вот встретиться лично довелось уже в зрелом возрасте. Его самого за глаза называли Лордом, но каким же грациозным величием обладала поэтесса, если у Андрея Петровича она вызвала ассоциации с королевой!

Сама Ахматова со смехом вспоминала эпизод с участием Ильи — сына писателя Евгения Петрова (эту историю можно найти и у Александра Нилина, и у Михаила Ардова). Молодой музыкант, куда больше интересовавшийся футболом, нежели литературой, не обращал на поэтессу особого внимания, пока… Вот цитата из Ахматовой: «Сегодня здесь был Илюша Петров. Я сидела на диване, а он в этом кресле. Ко мне он вообще никак не относится… Ну, сидит себе какая-то старуха и сидит… И вдруг я при нем сказала кому-то, что вчера у меня в гостях был Шток с Андреем Старостиным… Тут он переменился в лице, взглянул на меня с изумлением и сказал: „Вы — знакомы со Старостиным?!!“».

Нилин подметил: «Мне приходилось бывать в ресторанах Дома актера, Дома писателей и прочих творческих клубов вместе со знаменитыми футболистами, по традиции дорожившими возможностью общения с деятелями искусства. Футболистов в этих ресторанах любили, привечали, они привыкали чувствовать себя в центре внимания. Но никто из них, в отличие от Андрея Петровича, не считался в них своим. Андрей же Старостин любил мир искусства не менее футбольного и ощущал с ним свое душевное родство».

Третий из братьев действительно был в этой среде настолько своим, что швейцар дядя Митя в ресторане ВТО, если за столиком сидел Андрей Петрович, объявлял результаты состоявшихся матчей. Во многом симпатия окружающих объяснялась тем, что Старостин обладал невероятной культурой речи. Никто не мог вспомнить, чтобы из уст уважаемого человека прозвучали нецензурные выражения, самым крутым ругательством у него было «полный осел». Речь его отличалась не только богатой, образной лексикой, но и особой манерой. Например, давая комментарий на радио по случаю пятидесятилетия общества

«Спартак», он произнес слово «отведено» с ударением на втором слоге. И это не казалось ошибкой, скорее — архаизмом, приветом из середины тридцатых годов, о которых Старостин рассказывал.

Владимир Артамонов описывал магию обаяния, исходившего от собеседника:

«Он обладал шармом — слегка улыбчив, то ли от стеснения, то ли еще от чего, голос ровный, баритонально-хриповатый, речь правильная, слова весомые, дикция привлекающая, предложения законченные, хоть ставь точку. Он приходил к нам в редакцию, садился в кресло, стоявшее напротив моего стола, вынимал пачку „Беломора“ и начинал курить, причем очень красиво. Я хотя и неоднократно бросал это занятие, поддавался иной раз соблазну закурить вновь и нередко закуривал тоже, „стреляя“ у Андрея Петровича „беломорину“. В это время он рассказывал о футбольных и нефутбольных делах, и мы, редакторы, с интересом его слушали».

Евгений Евтушенко писал в своих мемуарах:

«Колоссальное впечатление производили Старостины, особенно Андрей Петрович. Прекрасно знал литературу. Это был человек, полный достоинства. Необычайно красивый».

Известный грузинский писатель Чабуа Амирэджиби, который тоже был выслан в Норильск, однажды подарил Николаю Петровичу фотографию, на которой был запечатлен вместе с Андреем. И подписал: «Андрей — блистательная личность. Такие не забываются даже поколениями». Имелся в архиве старшего брата и другой снимок: Амирэджиби положил руку на плечо Андрею Петровичу, а рядом — Белла Ахмадулина и Борис Мессерер.

Зять Бескова и сын Григория Федотова Владимир, сам высококлассный игрок, близко сошелся со Старостиным, когда учился в Высшей школе тренеров. Он частенько подвозил его на своей машине: «С Андреем Петровичем общаться было безумно интересно. Обычно он звонил: „Вольдемар, принц датский, жду вас у подъезда к двум часам“. — „Почему к двум? Матч в семь!“ — „Мы заедем в Домжур, оттуда — на футбол“». В этой мимолетной сценке — весь Старостин: и торжественное с долей юмора обращение «Вольдемар», и традиционный маршрут между рестораном и стадионом.

Но застолье никогда не было для него самоцелью. Недаром Александр Нилин вспоминал, как после презентации книги Эдуарда Стрельцова, где он был соавтором, а Старостин — рецензентом, прозвучало предложение «пойти куда-нибудь, отметить». И Андрей Петрович отреагировал весьма элегантно: «Куда-нибудь, Эдик, я не хожу». А потом пояснил, что держит

путь в театр, на творческий вечер Евгения Весника.

А один из эпизодов стал основой для вопроса к участникам телепередачи «Что? Где? Когда?». Знатокам предлагалось взглянуть на портрет Старостина и ответить на такой вопрос: «Однажды Игорь Кио, случайно встретив Андрея Петровича, спонтанно пригласил его в гости. Старостин наотрез отказался — он не мог прийти в дом… Без чего?» Правильным ответом было — «без галстука», для чего и требовалось взглянуть на портрет. Насколько нам известно, вопрос этот был редакторами передачи отсеян, ибо не нес в себе изюминки и проверял не эрудированность, а лишь наблюдательность. Но черта характера Андрея Петровича была подмечена верно.

Если говорить о кино, то Старостин любил советскую классику пятидесятых — шестидесятых годов — «Летят журавли», «Тихий Дон», «Балладу о солдате», «Войну и мир». «С их помощью мир узнал душу нашего человека», — пояснял Андрей Петрович. Не забывал отслеживать и профильные ленты, причем подходил к ним критично, с позиций не только спортсмена, но и эстета. Например, на один из первых цветных фильмов «Спортивная честь» дал такую рецензию: «Достоверности в сочетании документальности с высокой кинопоэтикой в картине не получилось. В ней, на мой взгляд, реализм и вымысел не дополняли, а словно бы мешали друг другу».

Разумеется, он не был аскетом, ханжой, а богемный образ жизни предполагал самые разнообразные ситуации. И отголоски их тоже сохранились в воспоминаниях современников. Вот в ресторане ВТО актер Евгений Весник собрался подраться с каким-то журналистом из компании Андрея Петровича, и надо их утихомиривать. Вот на какое-то торжество артисты из театра «Ромэн» по традиции привели коня и попытались затащить его на пятый этаж…

Как-то раз Никита Богословский, писавший музыку для пьесы Исидора Штока, решил подшутить над автором и отправил ему письмо якобы от имени рядового зрителя: мол, уважаемый товарищ драматург, отрицательный персонаж в вашем произведении назван моим именем, отчеством и фамилией, на меня уже на работе смотрят косо, нельзя ли переделать? Пришел ответ с извинениями, в котором Шток торжественно обещал все поправить. Композитор уже рассказывал друзьям, какой знатный розыгрыш ему удался, но всё было не так просто: ответ был написан в форме акростиха, и первые буквы каждой строки образовывали фразу, весьма для Богословского обидную… А сорвался план композитора благодаря наблюдательности Андрея Петровича: Богословский опрометчиво указал на конверте свои

настоящие данные, а Старостин это заметил.

Андрей Петрович всегда был готов прийти на помощь, оказать поддержку другим. Очень бережно относился к писателю Юрию Трифонову, и не только потому, что тот был спартаковским болельщиком. Юрий Валентинович, кстати, первым ввел в обиход термин «интеллектуальный футбол». Как-то раз они с Константином Ваншенкиным и Инной Гофф приехали к Трифоновым в те дни, когда писатель выступил в защиту книги Валентина Катаева «Святой колодец». Вместе сидели за столом, обсуждали его статью.

Поэт Николай Доризо в честь семидесятилетия Андрея Петровича написал стихи, оканчивающиеся строчкой «…сын егеря, женатый на цыганке!». Тогда Старостина пришли поздравить Иван Козловский, Михаил Жаров, Виктор Коршунов, Евгений Симонов, Олег Ефремов, Вячеслав Невинный…

Но, увы, эти осенние торжества прошли уже без Яншина, чье сердце перестало биться летом того же года… Конечно же Старостин навещал друга в больнице, как и в 1979-м ездил поддержать Ваншенкина, лежавшего с инфарктом в ЦКБ на Открытом шоссе.

Андрею Петровичу и самому нередко случалось чествовать людей литературы и искусства. Например, на юбилее поэта Леонида Куксо он торжественно вручал от имени спартаковцев мяч с автографами футболистов. И произнес при этом: «Наши ворота для тебя всегда открыты». Нужно пояснить, что еще в пятидесятые годы на базе в Тарасовке существовала танцевальная веранда, и Куксо в сопровождении джаза пел песню собственного сочинения: «Если победы добиться, дело поправится так, что снова в турнирной таблице первым пойдет „Спартак“». Причем последнее слово хором кричала вся веранда.

Что показательно — ни в одном из рассказов современников о третьем брате нет и намека на его инакомыслие, столь ярко описанное Львом Нетто в воспоминаниях об их норильском знакомстве. Разве что за Гарри Каспарова Старостин болел, когда тот играл матч за звание чемпиона мира по шахматам против Анатолия Карпова. Но это, разумеется, не доказательство.

Спортсменам, да и спортивным деятелям тоже, не привыкать к кочевой жизни. Андрей Петрович не раз выезжал в командировки по линии и сборной, и «Спартака». Его супруга Ольга, артистка театра «Ромэн», тоже постоянно была на гастролях. Режиссеру Олегу Хабалову запомнилось:

«Обычная картина в провинциальном городе: очередь в гостинице к телефону, чтобы позвонить в Москву. Естественно, доводилось быть невольным свидетелем разговоров Ольги с

Андреем. Причем, похоже, в основном говорил муж, а жена только вставляла реплики: „А что? А ничего!“ Я решил ей дать в своем спектакле роль — танец городских цыган „Шутишь? Любишь?“. Она же танцовщица, без разговорного жанра, — если имела пять слов в спектакле, то получала удовольствие. Ольгу очень любили животные, на гастролях она постоянно подкармливала питомцев на улице. Помню, как за ней крался камышовый кот… В лагере Ольга возила воду, и к воде у нее была особенная тяга: купалась в Москве-реке с мая по декабрь. А Андрей любил баню».

Действительно, знаменитые Сандуны Старостин посещал едва ли не до последних дней, благо его рабочие кабинеты всегда располагались в центре Москвы. Например, когда трудился в центральном совете «Спартака» в Толмачевском переулке, частенько захаживал в Сандуны вместе с товарищем Евгением Кузнецовым, тренером по легкой атлетике. Естественно, после бани мог и выпить.

Кстати, с парилкой связана и такая история, рассказанная Владимиром Артамоновым:

«Однажды я пришел попариться в Сандуновские бани. Вдруг вижу, стоит одетый в пальто, изрядно подвыпивший, с начатой бутылкой в кармане, небольшого роста, коренастый мужчина лет тридцати пяти. Черные, смоляные волосы и весь его внешний вид выдавали в нем цыгана. Вскоре он запел: „Ми-ла-я, ты услышь меня, под окном стою я-а с гитарою“. Да так здорово, что я невольно подумал: многим нашим профессионалам можно поучиться у него петь! Это было настоящее очарование. Когда он закончил петь, я подошел к нему и стал выспрашивать, откуда он появился, почему не хочет себя попробовать на сцене и тому подобное. Сейчас я уже позабыл, что он отвечал, но я сразу же вспомнил Андрея Петровича и его жену-цыганку, артистку театра „Ромэн“, узнал у этого бедолаги его адрес и телефон и решил ему помочь в реализации его певческого таланта. Вечером того же дня я позвонил домой Андрею Петровичу Старостину и рассказал ему обо всем. Говорю: „Вы знаете, как он поет? Сличенко перед ним будет выглядеть бледно“. Я передал Андрею Петровичу координаты этого мужчины, а он в свою очередь сказал: „Хорошо, Володя, я обязательно передам жене эти сведения“.

В дальнейшем мне как-то пришлось встретиться со Старостиным и узнать о дальнейшей судьбе этого замечательного цыгана. Но мне показалось, что, скорее всего, цыган уже провел какую-то часть своей жизни на сцене (у него был очень высокий вокальный уровень) и, вероятнее всего, был известен даже и в самом театре „Ромэн“. Но его пагубное увлечение спиртным, как

нередко бывает в подобных случаях, вероятно, не позволило ему прочно на ней утвердиться. И если даже жена Андрея Петровича и попыталась что-то для него предпринять, у нее это, скорее всего, не получилось».

Для третьего из братьев спиртное никогда не становилось неразрешимой проблемой. Владимир Федотов рассказывал в одном из интервью: «Под конец жизни Андрей Петрович разбавлял водку пепси-колой. Учитывая солидный возраст, я старался наливать ему побольше колы. Махнет Старостин рюмку, вторую, потом смотрит с укором: „Вольдемар, что ты газировку льешь?! Плесни водочки!“ При этом никогда не видел Андрея Петровича пьяным. Или Бескова. Количество выпитого совершенно не отражалось ни на лицах, ни на речи, ни в жестах. Старая школа». Очевидцам запомнились и сцены их посиделок с Бесковым, когда под утро Старостин выходил на крыльцо базы со словами: «Костя! Всякая компания расходится для того, чтоб собраться вновь».

Восьмидесятилетие отмечали дома, но гостей ожидалось столько, что вместить квартира, естественно, всех не смогла бы. И тогда придумали такой ход: самые близкие родственники находились с юбиляром постоянно, а приглашенные прибывали, поздравляли виновника торжества, выпивали-закусывали, чем Бог послал, и уступали место следующим.

Через полгода справлял пятидесятилетний юбилей его племянник и тезка, и тоже в домашних условиях. Но тут была, по объяснению Андрея Старостина-младшего, другая причина. Весной 1987-го в разгаре была кампания по борьбе с алкоголизмом, а сам он занимал руководящую должность. И за гулянье в ресторане вполне можно было поплатиться партийным билетом. Впрочем, на квартире в Сокольниках было еще душевнее. Николай Петрович читал стихи. Андрей Петрович к племяннику тоже приехал, хотя здоровье понемногу начинало его подводить. Давал о себе знать радикулит, ухудшился слух (подвело правое ухо), тяжело шло восстановление после воспаления легких…

По словам Александра Нилина, «предсмертная тоска чувствовалась в нем. У него хватало гордости не скрывать ее, не маскировать». Отсюда и фраза в разговоре с Константином Бесковым в Детском городке «Лужников»: «Пальто, Костя, как раз последнее, но мне на оставшуюся жизнь хватит».

И от Льва Филатова печать судьбы, уже лежавшая на третьем из братьев, не могла скрыться: «Мне довелось быть рецензентом его последней рукописи „Флагман футбола“, посвященной нашей сборной. Он писал ее, будучи нездоровым… Я не мог отделаться

от ощущения, что Андрей Петрович торопится во что бы то ни стало закончить работу, что он не знает, есть ли у него в запасе время, отсюда и несвойственные ему прежде неточности, длинноты, повторения».

Рассказывали, что незадолго до кончины Андрея Петровича видели на Ваганькове — пришел проведать Александра и Клавдию. Цветы купил у ворот кладбища с рук и, похоже, украденные из чьей-то ограды — уж больно стебли были короткие. Шел тяжело, и когда случайный знакомый предложил ему навестить могилу артиста Андрея Миронова, отказался: преодолеть лишние 300 метров было слишком большой нагрузкой. А про свой внешний облик и манеру отозвался с юмором: «Что, не по-старостински?»

Но зато буквально за неделю до смерти в компании привычных друзей, собравшихся в доме Бесковых, выглядел прежним — элегантным и подтянутым. Как написал драматург Леонид Зорин, обращаясь к Андрею постфактум: «Вы были душой застолья, и я, и Бесков, и наши жены восхищенно на вас смотрели, дивясь не скудеющему очарованию…»

Андрей Петрович умер от инсульта 22 октября 1987 года: по свидетельству домочадцев, брился, упал — и в сознание уже не пришел. А через день «Спартаку» предстоял важный международный матч. К слову, играть с западногерманским «Вердером» красно-белые должны были не в субботу, а в среду, но из-за сильного тумана прилет немцев не состоялся вовремя. В команде не знали, будет ли на игре в связи с внезапными печальными событиями Николай Петрович. Но начальник команды в «Лужники» приехал, и спартаковцы одержали одну из самых красивых своих еврокубковых побед — 4:1.

Прощание проходило в Сокольниках, в спартаковском манеже. Путь на Ваганьковское кладбище у траурной процессии лежал по Беговой улице, мимо ипподрома. Поминки состоялись в ресторане ЦДЛ. Вот так напоследок сошлись три символа его жизни: футбол, бега, литература. А лежать выпало в земле рядом с братом Шурой.

Три очка на «Коровьих тропах»

Вторая половина жизни Петра Старостина — по сути, обычная частная жизнь непубличного человека. Он никак не был связан с футбольной деятельностью, сосредоточившись на профессии. На игры «Спартака» ходил, со многими мастерами пятидесятых годов был знаком, мог им что-то посоветовать в приватной беседе. Равно как мог и предметно дискутировать с Николаем по поводу того или иного игрока. Однако на установках не присутствовал, порог раздевалки не переступал.

Домой из мест лишения свободы Петр, как выяснилось, вернулся с туберкулезом в открытой форме. Жена и сын, навещая его в Тульской области, случалось, ели с ним из одних тарелок, но обошлось. Операция для главы семьи стала неизбежной, в домашних разговорах зазвучали новые слова: «пневмоторакс», «торакопластика»… Оперировали в Боткинской больнице, и врачи, спасая легкие, не могли обойтись без удаления ребра. Доктор Перцовский, проводивший операцию, сказал потом: «Считайте, миллион выиграли в лотерею». Потребовался пятилетний курс лечения, чтобы Старостина сняли с учета туберкулезного больного.

В 1954-м сын Петра Петровича Андрей начал учиться в МЭИ — том самом вузе, где когда-то пробовал себя отец. Однажды нашел в институтском архиве зачетку, свидетельствовавшую о том, что Петр Старостин отучился здесь три семестра. Сын «врага народа», что удивительно, окончил школу с золотой медалью, и никаких препятствий этому не чинили. Только перед поступлением в Московский энергетический институт экзаменационная комиссия порекомендовала выбрать факультет, не имеющий отношения к секретной технике.

Как реабилитированный, младший из братьев получил двухкомнатную квартиру на Новопесчаной, но там семья прожила недолго: после смерти Александры Степановны освободилось жилье на улице Алексея Толстого, и в результате обмена Старостины в 1957-м переехали в трешку на Каляевскую, в дом, где находился «Разноэкспорт». Потолки в новой квартире были высокими — три с половиной метра!

Сын Андрей рассказывал:

«Как-то сложилось, что я обращался к родителям не „мама“ и „папа“, а по именам: Зоя и Петя. Всем это ужасно нравилось. Мои друзья очень любили у нас бывать, любили и моих родителей, которые всегда были готовы составить нам компанию. Мама, которая после возвращения папы опять стала домохозяйкой,

садилась за пианино „Дидерикс“ — то самое, довоенное, которое удалось отстоять во время конфискации имущества, подбирала какие-то песни… В общем, была душой компании».

Работать Петр Петрович пошел начальником отдела в «Инжтехпомощь» — организацию, находившуюся в Лиховом переулке, напротив кукольного театра. Потом перешел в систему Министерства химического и нефтяного машиностроения — в головной технологический институт, где возглавил отдел материально-технического снабжения. Сюда сходились заявки со всех заводов отрасли, на основании которых распределялись фонды. В октябре 1965-го министерство возглавил Константин Брехов, и Старостин был к министру вхож. После реабилитации он, как и братья, восстановился в партии, однако делать карьеру функционера не собирался.

Тем временем Андрей женился, в 1963-м у них с Ольгой родился сын Александр. Брак оказался недолгим, но Петр Петрович с удовольствием уделял внимание внуку. Гордился тем, что по его ветви продолжается мужская линия знаменитого рода.

В 1971-м состоялся еще один родственный обмен: квартиру на Каляевской отдали за две однокомнатные, а Николай Петрович помог устроить так, чтобы они оказались рядом, на одной лестничной площадке — дверь в дверь. «Настолько свыклись, что не мог без них жить», — прокомментировал это сын. Так что с некоторых пор все обитали на Верхней улице: и Петр Петрович с Зоей Алексеевной, и Андрей со своей второй женой Тамарой. В этом браке на свет появился еще один мальчик, Андрей, у которого с Александром было полтора десятка лет разницы. Пожалуй, для мальчишек дед значил даже больше, чем отец, вечно занятый по работе. Петр Петрович рассказывал им сказки, учил собирать грибы, когда летом выезжали за город, в Молоденово.

На этой деревне в Одинцовском районе Подмосковья стоит остановиться чуть подробнее. С некоторых пор в клане Старостиных вошло в привычку арендовать здесь дома на все лето. Постоянно обитали в этой вотчине Вера Петровна, у которой останавливалась приезжавшая из Ленинграда племянница Алла, да дочь Клавдии Петровны Ирина. Сама старшая сестра вместе с мужем отдыхала на Николиной Горе, но к родственникам заглядывала. Николай Петрович тоже мог подъехать с зятем Костей Ширинянном, привезти бутылочку для общего стола, хотя сам, естественно, к спиртному не притрагивался. Молодежь его немного побаивалась, но не стеснялась. Родственники — обычно в избе у Веры или Петра — устраивали семейные посиделки, играли в домино, лото.

Естественно, появилось у них немало знакомых среди деревенских жителей, да и семьям друзей тоже пришлось по душе Молоденово.

Главным заводилой в походах за грибами стал как раз Петр Петрович. Просто так собирать лесные дары ему было неинтересно, и он разбил всю округу на квадраты, присвоив каждому характерное название. И с тех пор в их компании могли сказать, что вот этот, например, подосиновик найден на «Коровьих тропах». Подшучивали над вторым мужем Веры Товмасом Геворкяном, который поначалу по неопытности положил в корзинку поганку, приняв ее за опенок. Младший из братьев изобрел и особую классификацию: за белый гриб насчитывалось три очка, за подберезовик — два, за подосиновик — одно, всё остальное шло вне зачета. А потом сам организатор подводил итоги.

Вообще отдыхать Петр Петрович любил в средней полосе, в том же Подмосковье. За границу не выбирался никогда, Зоя Алексеевна дважды отправлялась в турпоездки без него. К слову, их сын Андрей тоже долгое время не покидал пределы страны, но это было связано с режимом секретности на работе: первый зарубежный вояж совершил только в 1981 — м, уже будучи директором предприятия и председателем одной из комиссий по программе развития стран — членов СЭВ. Отец не завидовал, ему хватало «Клуба кинопутешествий».

Да и спектакли, в отличие от театралов Николая и Андрея, предпочитал смотреть по телевизору. С многочисленными друзьями общался, собирая их у себя дома, или у кого-то в гостях.

Петр среди всей четверки был единственным, не лишенным музыкального слуха, поэтому Андрей и Александр в шутку называли брата Моцартом, или сокращенно Мотей. А тот в ответ вспоминал детское прозвище Крот, обычно звучавшее во время партий в шахматы. Кстати, победителем из сражений за клетчатой доской, как и в других настольных играх, как правило, выходил младший.

Андрей Старостин-младший напомнил:

«Еще он считался среди родни гениальным преферансистом, другие карточные игры не признавал. Даже когда дядя Шура, дядя Андрей и их партнеры Арнольд Арнольд (цирковой псевдоним артиста Арнольда Барского) или Евгений Архангельский собирались без отца, то в спорных ситуациях могли позвонить ему, объяснить на словах расклад, и тот в уме безошибочно высчитывал выигрышную комбинацию. Играли по копейке за вист. А потом отец от карт отошел».

Семидесятилетие Петра Петровича отмечали в Минхиммаше,

в тот же год он ушел на пенсию. Было желание работать и дальше, но стала подводить правая нога. Сам он писал в воспоминаниях: «Все же лагерь не прошел даром, очевидно, неоднократное обмораживание ног вызвало новую болезнь — облитерирующий эндартериит, приведшую впоследствии к ампутации ноги». Слово «очевидно» — догадка Старостина, поскольку и в XXI веке медики затрудняются назвать причины возникновения этого заболевания. Что интересно, по статистике оно чаще встречается у мужчин тридцати пяти — сорока лет, а вот нашего героя болезнь настигла уже на закате жизни. В 1986-м, как он ни противился, пришлось перенести ампутацию правой ноги по колено. Оперировали в институте им. Вишневского на Большой Серпуховской. Если в первые годы после хирургического вмешательства Петр Петрович еще выбирался в гости с протезом и палочкой, то в конце жизни мог передвигаться только по дому. Зато к ним с Зоей Алексеевной частенько привозили правнука Петьку.

В начале 1989-го младший из братьев сделал запись: «Ночами неотвязно преследует один и тот же сон — я в лагере, окончился срок, а меня всё не отпускают. Просыпаясь, облегченно вздыхаю — хорошо, что это не явь… Летом, если буду жив, мне исполнится 80 лет».

Один из авторов этого повествования увлекался собиранием автографов людей, связанных со «Спартаком». Росписи Петра Петровича в коллекции не хватало: официальные мероприятия старик не посещал, а заявиться на Верхнюю улицу без приглашения было неловко. Помог Николай Петрович: узнав о сути дела, позвонил брату и попросил не отказать в аудиенции и росчерке. Искомый артефакт был получен.

После ухода Клавдии, Александра и Андрея оставшиеся Старостины относились друг к другу особенно бережно. Журналист Александр Вайнштейн, помогавший Николаю Петровичу в литературных трудах в качестве соавтора, не преминул зафиксировать: «Традиционные для семьи Старостиных акты гостеприимства — обязательные чаепития с разговорами о житье-бытье. Только однажды чаепитие не состоялось: Старостин торопился. В тот день Петру Петровичу исполнялось восемьдесят лет. Старший брат спешил его поздравить: в прихожей лежали загодя приготовленные аккуратно сложенные подарки: галстук, рубашка, шарф…»

Отойдя от спорта, младший брат тем не менее пристально следил за делами в родном «Спартаке». И в интервью Игорю Маринову в 1989-м делился своими наблюдениями: «Очень переживал я за Николая в последние год-два. Верно, будто

Константин Иванович Бесков и мой брат как бы уравновешивали друг друга. Но все это до определенного предела возможно было. До тех пор, пока Костя Бесков (как игрока и специалиста я его весьма уважаю) не почувствовал, помягче бы выразиться, вседозволенность. Мне вообще кажется, что диктаторские склонности таких тренеров, как Бесков или Лобановский, спартаковцам не ко двору. У этой команды иные традиции, они, несомненно, более демократичные, чем в других московских клубах. Так уж повелось. Конечно, наш Николай — не овечка. С характером человек. Однако вот этой претящей мне авторитарности, диктаторства в нем отроду и не было».

Как и старшие, Петр обладал фирменным старостинским говором и образной речью. Константину Ваншенкину запомнилась его фраза на поминках брата: «Но Андрюша особенно удался, особенно хорошо был выпечен…» А одного из бывших коллег-спортсменов, давшего показания против братьев во времена бериевских репрессий, он именовал Мазепой — без злости, без ненависти.

Сын Андрей говорил:

«Его трудно было не любить — человеком был бесконфликтным, врагов не имел, всех мирил».

Петр Петрович ушел из жизни на восемьдесят четвертом году 10 марта 1993 года. Отпевание происходило в часовне при новом морге Боткинской больницы, а поминки Николай Петрович организовал на базе в Тарасовке. Зоя Алексеевна пережила мужа на год и четыре месяца. Они похоронены вместе на 10-м участке Ваганьковского кладбища.

На островке частной собственности

Годы лишения свободы и ссылки не убавили в характере Николая Петровича прагматичности. Это только киногероя мог опьянить воздух свободы, а родоначальник «Спартака» понимал, что надо, по сути, отстраивать жизнь заново. Отсюда и родилось письмо, копия которого сохранилась в домашнем архиве:

Председателю Моссовета тов. Яснову.

От бывшего Председателя московского общества «Спартак» — заслуженного мастера спорта СССР гражданина Старостина Николая Петровича, проживающего Москва, ул. Алексея Толстого дом 15 кв. 36

Заявление.

С 1935 по 1942 г. г. я являлся председателем Московского общества «Спартак», в организации которого принимал самое непосредственное участие.

С 1922 по 1937 г.г. я был игроком сборных команд СССР, Москвы и команды московского «Спартака», которую я организовал и которая под моим руководством трижды была чемпионом СССР(1936, 1938 и 1939 гг.), дважды завоевала Кубок СССР (1938—39 гг.), побила басков и выиграла все международные игры в те годы.

Принципы, вложенные мною в школу спартаковского футбола, позволяют команде московского «Спартака» до сего времени быть одной из лучших команд Советского Союза.

В 1934 году я получил звание Заслуженного мастера спорта СССР, а в 1937 г., один из всех физкультурников Советского Союза был награжден орденом Ленина.

В 1937 году общество «Спартак», произведя надстройку, предоставило мне отдельную квартиру в доме № 15, по ул. Алексея Толстого, площадью около 60 кв. м., где я и жил вместе со своею семьей (жена и две дочери) до 21 марта 1942 года, когда меня внезапно и незаслуженно арестовали по распоряжению врага народа Берии.

С помощью преступных средств против меня, моих братьев и других работников общества «Спартак» было сфабриковано «политическое» дело и мы оказались осужденными по ст. 58 п. п. 10, 11 на десять лет каждый

с последующею ссылкой.

Только после того, как я обратился с заявлением на имя тов. Хрущева Н. С, Военная Коллегия Верховного Суда СССР признала нас совершенно не виновными в политических преступлениях и возвратила из ссылки в Москву.

Во время моего заключения органы МВД, конфисковав все мое имущество, заняли и мою квартиру, выселив мою семью в комнату при кухне (около 10 кв. м), так что я вернувшись 04.07. с. г. в Москву оказался без самой необходимой жилплощади.

В настоящее время, приступив к руководящей работе по футболу в обществе «Спартак», я лишен элементарных жилищных условий и прошу Вас о предоставлении мне жилплощади в прежних размерах, так как изъята она у меня была незаконно и незаслуженно.

Надеюсь своей работой в дальнейшем оправдать ту помощь и внимание, которые вы мне окажете, удовлетворив мою просьбу о предоставлении мне квартиры.

26 августа 1954 г. Н. П. Старостин. Подпись.

Квартиру, как уже упоминалось ранее, дали у станции метро «Аэропорт», в соседнем подъезде с братом Андреем.

Следом почти одновременно произошли два полярных события в жизни дочерей. Евгения рассталась с Марком Соколовым, а Елена вышла замуж за Константина Шириняна. Она вспоминала:

«Расписывались мы в загсе на улице Чаянова, рядом с Миусской площадью. В семье мужа было пять братьев, так что из Армении прибыло очень много родственников. Помнится, персики привозили… Конечно, у меня не было такой пышной свадьбы, как у сестры, но зато папа уже был дома!»

По закону реабилитированный мог вернуться на свою прежнюю должность. Но смещать таким образом кого-то из руководства общества «Спартак» Николаю Петровичу не хотелось. Оформившись сначала на какую-то административную должность, вскоре он занял пост начальника футбольной команды.

Алексей Парамонов, полузащитник звездного состава пятидесятых годов, поведал о своем первом впечатлении от знакомства:

«В пятидесятые годы, отправляясь на базу в Тарасовку, мы собирались у гостиницы „Метрополь“, а дальше ехали автобусом.

И вот однажды, когда уже расселись по местам, в салон вошел Николай Петрович. Он подходил к каждому и здоровался за руку, обращаясь к собеседнику по имени. И при этом ни разу не ошибся! А мы не могли понять, откуда он всех знает, ведь вроде бы только что вернулся из ссылки…»

Начальником команды Старостин трудился с 1955 по 1996 год с двумя перерывами. В обоих случаях отставки были вынужденными, объяснялись не столько интересами дела, сколько стечением неблагоприятных обстоятельств и внутренней борьбой функционеров — и в профсоюзах (а «Спартак» относился к профсоюзным командам), и внутри самого спортивного общества.

Игроки к нему тянулись. Когда спартаковцы возвращались на поезде из другого города, народ обычно набивался в купе к Старостину. Спрашивали про довоенные времена. Никита Симонян в своей книге «Футбол — только ли игра?» процитировал один рассказ Старостина: «Вам ведь незнакомы чувства болельщика, — говорил он игрокам. — Вы сыграли, приняли душ, сели в автобус, разъехались по домам, а нам приходится все выслушивать. Зритель бывает огорчен настолько, что чувств своих сдержать не может. И говорит — как режет. Вот выхожу я после матча со стадиона со своей супругой Антониной Андреевной. Подходит ко мне пожилой работяга с бутылкой: „Ну, что, Николай Петров?! Разбить о твою голову бутылку за проигрыш?“».

Нравились футболистам и выступления на установках, когда Николай Петрович великолепно дополнял монологи старшего тренера Николая Гуляева. Начинал он фразой: «А теперь послушайте, что я вам скажу». Есть версия, что именно из-за этого в спартаковской среде Николая Петровича нарекли Чапаем: звучало почти так, как в фильме «Чапаев». По другим сведениям, авторство прозвища принадлежит брату Андрею, но тогда время его появления установить трудно. А согласно третьему варианту виной всему стало появление на экранах популярного фильма «Орлята Чапая» в 1968-м. В любом случае, выражение прижилось. И хотя употреблялось оно за глаза, сам именуемый был в курсе и воспринимал его весьма доброжелательно.

Когда Николай Петрович приступал к работе, «Спартак» был на виду: подобрался ансамбль настолько талантливых мастеров, что даже роль тренера в успехах была не столь значима. Чемпионское звание в 1956-м, «золотой дубль» в 1958-м — это пришло как бы само собой. Но искусство управленца как раз и заключается в том, чтобы вовремя уловить момент, когда перемены становятся необходимы. И Старостин это искусство

продемонстрировал, когда неожиданно для многих рекомендовал на пост старшего тренера Никиту Симоняна — замечательного форварда, только-только повесившего бутсы на гвоздь. Отстаивал кандидатуру и в горкоме партии, и в других инстанциях. И его выдвиженец оправдал доверие, приведя команду к новой победе в чемпионате СССР в 1962 году.

Отличительной чертой деятельности Николая Петровича было то, что он всегда стремился к единению команды с болельщиками. Алексей Холчев описывал встречу, которая состоялась в начале 1963-го в кафе «Аэлита», в уже не существующем доме на Садовом кольце неподалеку от площади Маяковского: «Николай Петрович все просьбы организаторов выполнял охотно и с уважением. В своем выступлении он ярко и красочно рассказал о жизни команды. Согласился Старостин и с ролью председателя комиссии, подводившей итоги импровизированного конкурса о настоящем и будущем „Спартака“. На встречу были приглашены Михаил Яншин, Вячеслав Тихонов, Юрий Трифонов, пел под гитару Юрий Визбор».

Также охотно общался он и с простым народодом. На базу в Тарасовку ездил на электричках, всегда слушал, что говорят болельщики. И, по наблюдениям Холчева, здорово разбирался в собеседниках: «В общении с людьми, которые ему не нравились, Николай Петрович был подчеркнуто официален и холоден. Лучистая его доброта как бы смывалась с лица, оставалась терпимость и ничего более. Он не выносил наглости, хамства, презирал некомпетентность в футболе, особенно у людей, рвущихся к власти».

Незадолго до первой отставки, в 1964-м, при содействии председателя исполкома Моссовета Виктора Промыслова Старостины получили новую квартиру на улице Горького, в доме напротив зданий редакций газет «Труд» и «Известия». Елена Николаевна описывала ее так:

«В квартире было пять комнат. Большая столовая на тридцать метров, в ней висела люстра с желтой бахромой, сохранившаяся еще с довоенных времен. Здесь принимали гостей, отмечали семейные торжества. Папа и мама годовщину своей свадьбы почему-то не праздновали, а вот дни рождения — непременно. Естественно, спальня родителей, потом наша семнадцатиметровая комната, где обитали мы с мужем и наш первенец Миша. У Жени была комната в четырнадцать метров, а в самой маленькой, пятиметровой, но все-таки отдельной спал ее сын Коля».

Внуки собирали марки, даже обменивались ими по почте с

другими детьми. А Николай Петрович старался привозить им из заграничных поездок что-нибудь редкое. В 1966-м юному полку прибыло — родилась внучка Катя.

Первое отлучение с поста начальника команды датировалось сезонами 1965–1966 годов, и предшествовал ему несчастный случай с форвардом Юрием Севидовым. Футболист был за рулем машины, которая сбила пешехода, да не простого, а академика Дмитрия Рябчикова, Героя Социалистического Труда. В результате врачебной ошибки перелом ноги обернулся летальным исходом. Власти решили показательно наказать талантливого игрока: он получил реальный срок. А руководство команды было снято с работы, и никакие просьбы спартаковцев оставить Николая Петровича на своем посту успеха не имели. «Сверху» прозвучала резкая отповедь: «Прекратите хождения, это решение ЦК».

В этот период Старостин, говоря официальным языком, трудился «главным тренером по футболу Центрального Совета ДСО „Спартак“ Москва», и анкетным адресом его работы стал не Малый Гавриков переулок, а Верхняя Красносельская улица. Вне спорта он не оставался: например, вместе с братом Андреем съездил наблюдателем на чемпионат мира по футболу в Англию (забавно, что советскую группу в Сандерленде разместили в студенческом общежитии). Но пост его предусматривал скорее канцелярскую работу, функции этакого контролера. А ему хотелось быть в гуще событий, непосредственно на них влиять.

Пользуясь появившимся свободным временем, Николай Петрович участвовал в выпусках устных журналов на футбольную тему. Александр Соскин вспоминал, что рассказчик порой не укладывался в отведенное время: столько интересных наблюдений было у него в «загашнике». Но когда напоминали о регламенте, дисциплинированно завершал свое выступление.

По-прежнему писал аналитические статьи. Статистик Юрий Кошель однажды подсчитал, сколько материалов Николая Петровича появилось только в журнале «Наука и жизнь». Вышло немало: «Размышления о футболе» (1964, № 5), «Поиски истины» (1964, № 9), «Игрок № 1» (1964, № 10), «Центр нападения» (1965, № 5), «Форварды сборной» (1965, № 6), «Защитники» (1965, № 7), «Полузащитники» (1965, № 9), «Пеле, Гарринча и Футбол как таковой» (1965, № 10), «Иероглифы футбола» (1966, № 4), «Сборная полувека» (1967, № 6), «Звезды большого футбола» (1969, № 2–4), «Ничейная немощь» (1969, № 10), «Всегда молодой футбол» (1984, № 10–11). Как видим, пик сотрудничества пришелся на середину шестидесятых.

Восстановиться удалось, лишь задействовав «скрытые

механизмы». Ворота красно-белых тогда защищал Владимир Маслаченко, тесть которого, Леонид Губанов, был видным строителем и имел выходы на самого генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Появилось письмо от имени команды, подписанное ведущими футболистами. Референт Евгений Самотейкин лично передал послание вождю и услышал вердикт: «Просьбу коллектива надо уважить». Ну а мнение Леонида Ильича вряд ли кто-то мог проигнорировать. Правда, сам Маслаченко позднее не скрывал обиды на Старостина, который в 1969-м способствовал приходу в команду другого сильного голкипера, Анзора Кавазашвили: на него и была сделана ставка. Возможно, Николай Петрович и чувствовал себя обязанным Владимиру, но интересы «Спартака» для него стояли выше. А потому заявление Маслаченко об уходе из команды он подписал — по словам последнего, «на ступеньке Театра юного зрителя». Зато с Кавазашвили в основном составе команда тут же стала чемпионом СССР, а в 1971 году выиграла еще и Кубок страны.

Тот год был памятен не только драматичным кубковым финалом, когда в двухдневной борьбе «Спартак» одолел ростовский СКА. 14 октября ушла из жизни Антонина Андреевна. В свидетельстве о смерти значилось слово «катехсия». А за этим термином, обозначающим степень крайнего истощения, скрывалось неизлечимое онкологическое заболевание. Елена Николаевна разъяснила:

«Маме поздно поставили диагноз — рак желудка. Она и так-то всю жизнь была худая, а тут… Оперировать врачи даже не предлагали. Последние дни мама лежала в кремлевской больнице, недалеко от сталинской дачи».

Скончалась Антонина Андреевна на глазах у мужа, который в эти дни не покидал палату. Когда стало ясно, что печальный финал близок, туда приехали братья и зять — поддержать. Но внутрь их не пустили. Николай Петрович лишь бросил из окна записку: «Тоня при последних вздохах. Подождите меня».

Никита Симонян вспоминал, что в день похорон «Спартаку» предстояла календарная игра. И вдруг утром начальник команды приехал на базу — обсудить состав, решить еще какие-то дела. Наверное, так легче было перенести горе. Случилось так, что накануне к руководству красно-белых подкатили гонцы из стана соперников с предложением «скатать ничейку». Но миссия их успеха не имела, москвичи победили со счетом 2:0. Команду-соперницу, не названную Симоняном, легко вычислить, но в данном случае это не столь важно.

Елена Николаевна вспоминала:

«Папа очень сильно любил маму. Порой даже мы, привыкшие к его заботам, восхищались этим трогательным вниманием. Особенно по случаю каких-нибудь праздников. Помнится, в мамин день рождения он преподнес ей вместе с букетом цветов стихи собственного сочинения: „Твои глаза — как диадемы, и, в сердце нежность затая, я подношу вам хризантемы…“ И потом он не раз говорил, что был счастлив всякий раз, когда видел маму во сне».

Но жизнь шла своим чередом. Подрастали внуки. Евгения вышла замуж во второй раз — за скрипача Виктора Михайлова, который играл в эстрадно-симфоническом оркестре Центрального телевидения и Всесоюзного радио, как и второй муж ее тети Веры Петровны, саксофонист Товмас Геворкян. Любопытно, что в молодости Геворкян тоже занимался футболом и даже выступал за ереванское «Динамо», так что беседы, принятые в кругу братьев Старостиных, мог поддерживать на вполне профессиональном уровне.

Михайлов, опять-таки не без хлопот Николая Петровича, обменял квартиру так, что поселился в одном подъезде со Старостиными, только этажом выше. Женя жила с ним, а Коля оставался у дедушки. Через некоторое время состоялся еще один обмен, опять в пределах подъезда. Теперь старшая дочь с мужем и сыном имели жилплощадь большего метража этажом ниже. Правда, и этот брак Евгении длился недолго.

Когда «Спартак» выигрывал трофеи, команду приглашали в Моссовет. Перед визитом Старостин выслушивал просьбы футболистов, составлял тексты заявлений: кому-то нужна была квартира, кому-то машина… После завершения торжественной части он подходил к председателю Моссовета с этими бумагами и получал визу. Владимир Маслаченко изумлялся: «Каждый миг в суете, отправляет мелких служащих, „шестерок“ в общем-то, к власть предержащим — и все его просьбы выполняются. У него, по сути, ничего нет, а он руководит всем! Квартиру выбить, ребенка в образцовый детский сад устроить — всё это колоссальной проблемой было, а для него — раз плюнуть. И он обожал этими, казалось бы, мелочами заниматься». Любопытно, что сам Николай Петрович как-то обронил в разговоре со Львом Филатовым: «У нас есть болельщики в верхах, но от них одна морока, а толку никакого».

Постфактум Старостину ставили в вину то, что при его связях и влиянии он так и не пробил за несколько десятилетий строительство спартаковского стадиона. Однако среди его бумаг в рабочем столе долгое время хранилась копия докладной записки, которая позволяет утверждать: такие попытки были. На этой

копии нет ни адреса, ни подписи, но, принимая во внимание манеру изложения и отсутствие в некоторых местах запятых, характерных для рукописей Николая Петровича, можно с достаточной степенью вероятности говорить о его авторстве. Вот фрагменты из этой докладной записки с сохранением орфографии и пунктуации:

> Значительно хуже выглядят перспективы для возрождения былой славы у самой пожалуй популярной в стране и зарубежом футбольной команды мастеров Московского «Спартака».
>
> Этот наиболее богатый по завоеванным титулам, клуб не имеет до сего времени собственного стадиона ни в Москве, ни на юге.
>
> Его загородная база в Тарасовке обветшала и нуждается, как минимум, в капитальной реконструкции.
>
> Сопоставляя все вышеизложенное с заинтересованностью миллионов болельщиков в успехах команды «Спартак» (Москва)… сейчас представляется необходимым просить вышестоящие инстанции:
>
> 1. Разрешить организовать футбольный клуб «Спартак»… В уставе Клуба предусмотреть финансовую самостоятельность… Учредить при футбольном клубе «Спартак» Собз футбольных болельщиков-спартаковцев, объединив десятки тысяч таковых через коллективы общества в Министерствах, Госкомитетах и отраслевых советах…
>
> 2. Положительно решить вопрос о срочном завершении строительства стадиона общества «Спартак» Москва (Сокольники) т. к. отсутствие собственной базы в столице не дает возможности спартаковскому футболу по-настоящему конкурировать с более обеспеченными местами занятий противниками…

Поскольку документ относится к середине семидесятых годов, можно констатировать: в своем стремлении создать профессиональный футбольный клуб Старостин опередил время. Реальные предпосылки для этого возникнут намного позже.

Работа начальника команды заключалась не только в решении организационных, бытовых и хозяйственных вопросов, к которым относились оформление отсрочек от армии, контроль над учебой футболистов в институтах и многое другое. Эта должность в советское время предусматривала и функции замполита, комиссара. Проверяющие требовали, чтобы проводились политзанятия. И Николай Петрович, как

рассказывали игроки, никогда не замыкался на разъяснении политики партии и правительства, а старался больше говорить за жизнь, на чисто футбольные или исторические темы.

У Старостина была особая манера речи — неторопливая, но притягивающая собеседника, в ней чувствовалась сила. Старинные обороты вроде «будьте покойны» перемежали ее постоянно. А обращение к брату не Андрей и не Андрей Петрович, а Андрей Петров только добавляло величавости. Крепкое словцо старший из Старостиных способен был употребить, но исключительно к месту, да и то не грубее, чем «Ах ты, стерва!».

Не одно поколение игроков вспоминало, как Дед (так с годами стали называть Николая Петровича) часами мог наизусть читать в автобусной поездке «Евгения Онегина». Да что стихи — прозу Виктора Гюго тоже. Сам он пояснял, что во время следствия в 1943-м было время плотно познакомиться с тюремной библиотекой.

Зачем он это делал? Процитируем самого Старостина, выступившего в 1981 году на страницах методического издания «Футбол»:

«Многие молодые люди, в частности, футболисты, предпочитают знакомиться с сокровищницами мировой и отечественной литературы в основном через кино. И твердо убеждены в том, что читать сами произведения им в самом деле незачем. Вот почему круг их интересов зачастую ограничивается приобретением так называемой „системы“, а затем прослушиванием с помощью ее популярной нынче среди молодежи музыки. Я не против такой музыки, но ведь у широко известного спортсмена должны быть и другие интересы».

На сборах олимпийской сборной СССР, проходивших на базе в Новогорске в 1975-м, когда кто-то зарядил в музыкальном автомате песню Валерия Ободзинского «Эти глаза напротив» пять раз подряд, начальник команды безуспешно пытался ее выключить. А в Тарасовке, если в номере игрока мелодия из радиоточки звучала слишком громко, Старостин мог и вообще выдернуть шнур из розетки.

В глазах молодых ребят спартаковский патриарх был не небожителем, а вполне земным человеком. Евгений Ловчев, вспомнивший приведенные выше моменты, однажды сделал общим достоянием и следующую, весьма пикантную историю, которую сам Старостин рассказывал игрокам с наставлением: не бойтесь в сложных ситуациях на поле принимать неожиданные решения! А речь шла о том, как он однажды нарушил правила этикета в троллейбусе и тут же начал отчитывать стоявшего

рядом курсанта военного училища, будто тот был виноват.

Анатолий Коршунов также подтверждал, что к Николаю Петровичу вполне применим знаменитый афоризм: «Ничто человеческое мне не чуждо». Как-то команда находилась на сборах на Кипре, футболистов повезли на экскурсию, показывать находки археологов, а внимание Старостина привлекли красавицы-манекенщицы из соседней группы. И из уст его прозвучало: «Какие раскопки, когда тут такие попки…»

К игрокам он относился по-отечески. Считал, что ни в коем случае нельзя их наказывать рублем. Разрешал брать жен на предсезонные сборы, понимая, что для молодых людей длительное воздержание отнюдь не способствует концентрации на футболе.

Вопрос, насколько глубоко Николай Петрович понимал сам футбол, неоднократно вызывал дискуссии. Аркадий Галинский ставил его по этой части в один ряд с Андреем Петровичем и обосновывал это так: «Действительно, будучи по профессии спортивными работниками, то есть не занимаясь изо дня в день журналистикой как таковой, они, тем не менее, квалификационно вряд ли в чем-либо уступают многим опытным журналистам. Но при всем том теоретиками футбола не являются. Такими, скажем, как в шахматах Михаил Ботвинник или Тигран Петросян».

Между тем в своих книгах старший из братьев предлагал подробный разбор профессиональных качеств и лучших довоенных мастеров, и звезд второй половины века. Например, его наблюдения об игре Льва Яшина давали ключ к пониманию того, почему наш знаменитый голкипер отличался таким спортивным долголетием.

В памяти Владимира Артамонова сохранились подробности их общения на футбольную тему:

«Про одного известного футболиста, о котором я упомянул, он сказал, что тот — примитивный, почти бездарный игрок, единственное, что у него есть, — это быстрый бег, что для футболиста явно недостаточно. Так сказал специалист своего дела. Мне же казалось, что названный мною игрок — классный. Поэтому, отметил я про себя, всегда нужно прислушиваться к мнению опытных специалистов. Они более объективны и более точны.

Или такой случай. Мы выпускали переводную книгу о Пеле, я был ее редактором. Решив сделать ее более интересной для читателя, я наметил включить в нее еще ряд фотографий с изображением Пеле и других бразильцев из той знаменитой сборной. Я позвонил и Алексею Хомичу, знаменитому в прошлом вратарю, впоследствии переквалифицировавшемуся в фотокора, и

старейшему фотомастеру Виктору Тюккелю, и опытному спортивному фоторепортеру Виктору Шандрину. Все они принесли мне свои снимки, в том числе и Хомич. На двух фотографиях были изображены игроки сборной Бразилии. На одной из них — сборная перед решающей встречей на чемпионате мира 1970 года в Мексике, на другой — сборная перед товарищеским матчем с нашей командой в 1965 году в Москве. Но фотографы не могли определить всех игроков, изображенных на этих снимках. Ясно было: вот — Пеле, вот Сантос… А дальше уже путались. Кого позвать, чтобы сделать точные подписи под фотографиями и не ошибиться? Позвонил разным знатокам футбольного дела, кто-то из них пришел, но картина до конца не прояснилась. Даже обращался к Андрею Петровичу Старостину, он и то не всех игроков, изображенных на фотографии, точно определил. Тогда мне посоветовали обратиться к Николаю Петровичу. Объяснил ему суть дела, он согласился помочь. Не считаясь со временем, запросто приехал к нам. Мы сразу сели за стол, и он последовательно назвал фамилии бразильцев на обоих снимках. Николай Петрович был очень серьезным и деловым человеком, но в то же время доступным, без всякого рисунка. По тому, как он откликнулся на мою просьбу, можно было понять, что для него самым святым делом был футбол, которому он и отдал всю свою долгую жизнь».

Так что в игроках Старостин разбирался досконально, но вот построение командной игры требовало, если так можно выразиться, объемности взгляда, а это качество присуще далеко не всем, кто играл в футбол профессионально. Видимо, Николай Петрович и сам понимал это. Он не испытывал тяги к практической тренерской работе. В то же время в 1954–1959 годах являлся членом Всесоюзного тренерского совета. Одновременно, а также в 1972–1976 годах входил в Московский тренерский совет.

Вторая отставка с поста начальника команды пришлась на 1976 год. Новая запись в трудовой книжке оказалась чуть иной, чем в шестидесятые: «Старший инструктор по футболу МГС ДСО „Спартак“». Была мысль даже уйти в хоккейную дружину, помогать тренеру Николаю Карпову. И тут постановлением президиума МГС ДСО «Спартак» от 12 января Старостин был утвержден председателем оргбюро по созданию клуба болельщиков. К этому поручению Николай Петрович относился добросовестно, составлял списки активистов, написал устав. Сохранился экземпляр этого документа с подколотой запиской автора: «„Выхолощенный“ только что составленный „Устав клуба болельщиков“ при содействии т. Колычева В. А. Сделано это по

указанию сектора ЦК КПСС (т. Середа)».

Уход из команды не был вызван чисто спортивными результатами — в конце концов, за них в первую очередь отвечал старший тренер. Зато другие вещи находились непосредственно в зоне ответственности начальника команды. А в конце 1975-го произошло вот что. Красно-белые играли в Кубке УЕФА против итальянского «Милана», и по возвращении в СССР у группы футболистов таможенники обнаружили большую партию мохера. Естественно, к уголовной ответственности никого не привлекли, нитки это не валюта. Но инцидент сопровождался административными санкциями.

Юным читателям, вероятно, нужно объяснить, что права советских граждан при выездах за рубеж были весьма ограниченными. При командировках в капиталистические страны спортсменам требовалось проходить собеседования в различных инстанциях, а в обязанности Николая Петровича как начальника команды входило составление на них характеристик. Таким образом, за молодых людей он, безусловно, нес ответственность.

Однако надо понимать, что о торговых операциях, проводимых игроками, Старостин знал и им не препятствовал. «Спартак» был не самым богатым клубом в советском футболе и не производил доплаты подобно тем, которые практиковались, например, в донецком «Шахтере»: там члены команды приписывались к определенным горняцким предприятиям и получали намного больше, чем по основной ставке. Зато москвичи чаще выезжали за рубеж; тем самым им предоставлялась полулегальная возможность сделать «бизнес» на дефиците.

И в этот период, и в будущем Николай Петрович нередко при жеребьевке еврокубков специально соглашался на то, чтобы красно-белые проводили первый матч дома, а второй — в гостях. Со спортивной точки зрения это считалось не очень выгодно, но зато — в силу какого-то параграфа — можно было выдавать ребятам суммы не в рублях, а в валюте.

Сам Старостин тоже возвращался из командировок не с пустым чемоданом, но ни о какой фарцовке не могло быть и речи: просто хотелось порадовать многочисленных родственников подарками. Александр Бубнов так и говорил: «Ни разу Дед не купил ничего для себя — всё для детей, внуков, племянников». При этом сумма расходов у него так же зависела от премиальных, как и у футболистов. Рассказывали, что, когда «Спартак» на каком-то турнире что-то недозаработал, начальник команды решительно прошелся ручкой по длинному списку: «Так, кожаная куртка — минус…»

Подтвердила слова Бубнова и Елена Николаевна:

«Детей он всегда любил, по крайней мере, внукам старался дать то, что не смог дать нам, когда мы были маленькими. Особенно это проявлялось во время зарубежных поездок, откуда обязательно он всем привозил подарки».

Возвращаясь к делам футбольным, скажем о том, что команда пыталась отстоять Старостина. Евгений Ловчев поведал:

«Перед началом сезона, когда его убрали, я водил команду на прием к секретарю ВЦСПС Владимиру Богатикову, чтобы Николая Петровича оставили. Нам ответили: „Вы в конце года сами нас благодарить будете, что дали дорогу молодым тренерам…“ В знак протеста я предложил команде написать заявления об уходе. Все вроде согласились, а реально в горсовет „Спартака“ поступило только два заявления — мое и Миши Булгакова».

Но в конце 1976 года произошло невероятное: «Спартак» опустился из высшей в первую лигу. У болельщиков существовала надежда, что именитую команду оставят в «вышке», ведь поступили же так спортивные власти с ленинградским «Зенитом», приурочив «амнистию» к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Однако братья Старостины воспротивились подачке, считая, что реабилитироваться надо на поле, а не в кабинетных играх. Тем удивительнее через много лет после этого события прозвучали в «Известиях» слова «очевидца» о том, будто в студии программы «Время» представители славного клана просили пересмотреть спортивные результаты чемпионата «за былые заслуги». По свидетельству проводившего мини-расследование Льва Филатова, в футбольном мире не нашлось никого, кто подтвердил бы подобную сцену.

В межсезонье Николай Петрович вернулся в команду, хотя на сотрудничество с новым главным тренером ему согласиться было весьма не просто…

Здесь надо сделать отступление. Что отличало спартаковского идеолога, так это специфическое отношение к бело-голубым цветам. Классикой жанра стал случай на предматчевой установке, когда начальник команды прихлопнул газетой муху со словами: «У-у, „Динамо“ проклятое!»

Алексею Холчеву Старостин рассказывал: «У нас с „Динамо“ принципиально разные жизненные позиции. Вы, конечно, понимаете, что такой вывод не относится к спортсменам, они ни при чем. Виноваты люди, которые про себя решили: „Динамо“ и власть едины. Мы всегда руководствовались девизом — честь превыше всего! А против нас часто применялись незаконные методы, ставившие нас в заведомо неравные уеловия». Оценив это признание, лучше понимаешь тонкую иронию Старостина в

беседе на трибуне лужниковского стадиона с ответственными лицами в 1958-м, когда «Спартак» по надуманной причине лишили победы и заставили заново проводить матч с киевским «Динамо». Заинтересованной стороной здесь было «Динамо» московское, которое при ничейном счете получало право на «перебой» с земляками. На табло горели две «двойки», и глава отечественного футбола Валентин Гранаткин уже начал было обсуждать с Николаем Петровичем день дополнительной встречи за звание чемпиона страны. Функционер настаивал на 12 ноября, его собеседник просил хотя бы день отсрочки. Разговор шел уже на повышенных тонах, но тут Сергей Сальников провел решающий мяч, и начальник команды не отказал себе в удовольствии заметить с издевкой: «Вот теперь можете назначать переигровку на двенадцатое».

Уже после кончины Николая Петровича легенда московского «Динамо» Михаил Якушин обнародовал факт их разговора в тридцатые годы. Форварду предлагали перейти в «Спартак»; отказ же, мотивированный патриотическими клубными соображениями, Старостин принял как должное, попросив только не предавать их разговор огласке. После возвращения из ссылки в переговоры с бело-голубыми он вступал уже с оглядкой. Так, в 1961-м попытался было склонить к переходу Эдуарда Мудрика, но в итоге махнул рукой: «Нет смысла, ты же из клана динамовцев…» С другой стороны, если какого-то мастера динамовская система отторгала и не позволяла ему раскрыться, Старостин, как писал Холчев, принимал его в «Спартаке» «с особой симпатией и очень радовался, когда они надежно и органично входили в основной состав, как бы заново расцветая». В качестве примера можно привести Юрия Гаврилова и Александра Бубнова.

В то же время на страницах книги «Футбол сквозь годы» можно найти такие, например, строки, посвященные годам заключения и ссылки: «Думаю, что наша семья должна быть благодарна обществу „Динамо“. В те тяжелые годы оно явилось островом, на котором мы устояли, сохранили свои семьи и в конце концов вернулись назад в столицу».

Конечно, Николаю Петровичу всегда хотелось видеть на тренерском мостике «Спартака» людей с «красно-белой кровью», какими, собственно, и являлись Никита Симонян или Николай Гуляев. Когда-то Владимир Маслаченко брался организовать обсуждение варианта с приглашением в «Спартак» Валерия Лобановского, однако патриарх, взяв время на раздумье, ответил отказом: «Нас не поймут». Переговоры через посредников были свернуты.

И вот реальной в качестве тренера «Спартака» стала фигура

Константина Ивановича Бескова — исторически человека из другого лагеря. Да, его лоббировал брат Андрей, но поступиться былым принципом нужно было не поэтому. Житейская мудрость подсказала: когда кто-то опасно болен, важнее квалификация врача, а не его происхождение или клубная принадлежность. Тем более когда болен любимый ребенок — а именно таковым являлся «Спартак».

Здесь нужно было учитывать еще один нюанс. Задолго до того, как сотрудничество двух значимых в отечественном спорте фигур стало реальностью, Старостин в книге «Звезды большого футбола» выстроил своеобразный рейтинг тренеров, в котором отвел Бескову только двадцатое место. При этом Николай Петрович прекрасно сознавал, с какой обидой может воспринять Константин Иванович подобную градацию. Не случайно отрывок, посвященный Бескову, начат со слов: «Когда В. Гюго спросили, кто первый писатель мира, он ответил: „Я“. Допускаю, что Константин Иванович Бесков может повторить такое утверждение о своем тренерстве и, по-моему, не особенно преувеличит».

Тут же прилагался и развернутый список как достоинств, так и сложных моментов в характере динамовского тренера. К первой группе относились громадная работоспособность, любовь к делу, отменное знание футбола, авторитет, завоеванный еще с игроцких времен. Ко второй — некоторая самоуверенность, нелюбовь к компромиссам, нетерпение к опеке над собой.

Старостин называл Бескова «бархатным диктатором», оговаривая при этом, что с игроками он действует методом убеждения, а вот с начальством — методом ультиматума. А в самом конце повествования выражал уверенность, что Константин Иванович сможет перебраться к вершине условного рейтинга.

Даже если новый старший тренер «Спартака» и не читал эту книгу, о мнении начальника команды он явно был наслышан. Но опровергнуть ступеньку на лестнице, отведенную ему Старостиным, можно было только завоеванием титулов. На момент выхода в свет первого издания книги у Бескова в активе был только один трофей — Кубок СССР в 1967 году, завоеванный со столичным «Динамо». До перехода в «Спартак» тренер выиграл еще одну хрустальную чашу — с тем же «Динамо» в 1970-м. А в 1972-м стал первым советским специалистом, дошедшим с командой до финала Кубка кубков. Однако международный приз в руки не дался.

Две харизматичные фигуры не могли не относиться друг к другу с профессиональным уважением. Но требовалась еще и человеческая совместимость. Работа в футбольном клубе — это не присутствие в офисе, например, с девяти утра до шести вечера.

Общими делами требовалось заниматься каждодневно. Да взять хотя бы такую деталь: на выездные матчи в города, куда можно было добираться железнодорожным транспортом, Старостин и Бесков ездили в одном купе.

Забегая вперед можно сказать, что и в дни побед два руководителя не демонстрировали полного единства. В фильме «Невозможный Бесков», снятом в золотом для «Спартака»

1987 году, есть такой эпизод. Решающий матч сыгран, цель достигнута, в раздевалке красно-белых царит радостная суета. И Николай Петрович обращается к Константину Ивановичу: мол, Владимир Перетурин хочет взять интервью для «Футбольного обозрения». А в ответ звучит резкая отповедь: вот и давайте — де интервью сами, тем более Перетурину…

Тандем Старостин — Бесков просуществовал с 1977 по

1988 год. Девять комплектов наград, в том числе золотые в 1979-м и 1987-м, вроде бы свидетельствуют об успешности сотрудничества. Но отношения у двух руководителей были отнюдь не простыми. Рассказывали, будто однажды Константин Иванович, любитель модно и со вкусом одеться, укорил Николая Петровича состоянием его костюма и нарвался на резкую отповедь: «Ты, Костя, — сын извозчика, а я — царского егеря. Поэтому не смей мне указывать!» На наш взгляд, не очень-то похоже на старшего из братьев, на визитках которого долгое время значилось лапидарное: «Старостин Николай Петрович. Заслуженный мастер спорта». И только к концу восьмидесятых добавилось: «Старший тренер — начальник футбольной команды мастеров „Спартак“ (Москва)». Но само появление этой легенды (впоследствии опровергнутой) показательно.

Работал Старостин и начальником сборной СССР, тоже помогая Бескову. И здесь он старался отстаивать интересы игроков, причем невзирая на их клубную принадлежность. По рассказам Евгения Ловчева, однажды заместитель председателя Спорткомитета СССР Валентин Сыч, приехав на базу в Новогорске, обвинил Олега Блохина в зазнайстве и объявил о его отчислении. Ни старший тренер, ни недавно ставший начальником управления футбола Вячеслав Колосков за лучшего бомбардира в истории сборной не заступились. И только Николай Петрович не побоялся высказать собственную точку зрения: «Я оцениваю зазнайство по поведению игрока не с руководством, а с товарищами в коллективе».

Разница в характерах между Бесковым и Старостиным не могла не бросаться в глаза. Бесков подчеркнуто дистанцировался от широкой публики, Старостин всегда шел ей навстречу. Все громче начали заявлять о себе фанаты, и хотя Николаю

Петровичу были не по душе их манеры, он не отказывался от попытки если не перевоспитать их, то хотя бы направить энергию в нужное русло. Когда группа поддержки прибывала в другие города и у нее возникали проблемы с местными горячими головами, мог посадить кого-то в командный автобус, чтобы вывезти со стадиона. Алексей Холчев стал свидетелем, как на матче дубля юнцы в самодельных шарфиках закидали поле серпантином (от себя добавим: скорее всего — лентами от кассового аппарата, именно они были в ходу в то время), а начальник команды лично стал убирать газон со словами: «Прекратите нас позорить».

Анатолию Круглаковскому, которого Николаю Петровичу представил когда-то еще Сергей Сальников, запомнился другой случай:

«В начале сезона „Спартак“ играл принципиальный матч в крохотном ЛФК ЦСКА. Приобретение билетов было делом сложным. Друзья-болельщики, зная о моих знакомствах, одолевали телефонными звонками. Одному из друзей я просто не мог отказать из-за его многолетней и бескорыстной любви к команде, а потому пришлось обращаться к Николаю Петровичу. Тот, как всегда, был лаконичен: „Пусть приезжает завтра к двенадцати в Сокольники“. Счастливый приятель явился к дверям кабинета задолго до назначенного срока. Рядом с ним на скамейке сидели несколько ребят из юношеской команды. И вот в коридоре появился Старостин. „Богатыри, перед вами стоит человек, значительно старше вас. Или вы этого не заметили?“ — произнес он, не повышая голоса. Ребята вскочили и почтительно выстроились у стены».

Возможно, начальник команды не мог отказать протеже Круглаковского вот по какой причине. Анатолий Николаевич рассказывал нам:

«Я работал в Университете дружбы народов. Как-то раз, выйдя из актового зала с очередного совещания, неожиданно увидел у выхода Николая Петровича. На мой вопрос, какими судьбами, Старостин смущенно поведал о своей внучке Кате, которая рвется поступать в наш университет, несмотря на мое предупреждение о трудностях со сдачей экзаменов. Ведь в то время набор советских студентов был ничтожно мал, и ни пятерки в аттестате, ни знания на экзаменах зачастую не играли решающей роли… Трудности возникли и на этот раз. Как мне удалось выяснить, фамилия Кати была внесена в так называемый „черный список“. И не в последнюю очередь потому, что члены приемной комиссии были принципиальными противниками „Спартака“.

Специальность Катя сдала на чистую пятерку, но через три дня раздался звонок Николая Петровича — по математике тройка. Но еще не всё потеряно, испытание по физике выдержано на „отлично“. Осталось сочинение, за которое тоже необходимо получить высший балл. И „черный список“ оказался поверженным, я обрел возможность обрадовать Старостина, что Катя справилась с заданием и команда „Спартак“ может продолжать спокойно тренироваться».

Сама внучка Старостина не припомнила, какие оценки она получила на вступительных экзаменах, но ведь шла-то она учиться на химика! А в сюжете Анатолия Николаевича о профильном предмете ничего не сказано. Екатерина подтвердила, что в библиотеке вуза действительно работал спартаковский болельщик, только о его роли в ситуации с поступлением не ведала. Заметим, что с Анатолием Круглаковским, создателем и первым директором научной библиотеки университета, мы общались тогда, когда ему уже было за семьдесят. А почтенный возраст всегда предполагает некоторые неточности в воспоминаниях.

В любом случае, эта история никого не должна вводить в заблуждение: Николай Петрович оставался корректен и внимателен и к тем болельщикам, которым ничем не был обязан. Даже если видел их первый раз в жизни. И даже если не видел вообще, а только разговаривал по телефону. Марк Лейдерман с друзьями, например, дозвонился ему из Винницы и получил ответы на все заданные вопросы. А о знакомых в лицо и говорить не приходилось. Один такой одержимый болельщик, Борис Дубровин, жил неподалеку от Старостина и каждое утро караулил его у подъезда, чтобы быстрее узнать новости из жизни команды. И тот, насколько мог, удовлетворял любопытство.

В 1987 году общество «Спартак» не по своей воле временно прекратило деятельность. Флагманом красно-белого движения стал футбольно-хоккейный клуб, располагавшийся возле станции метро «Красносельская». И в Сокольники на тренировочные поля ехать было недалеко, и на базу в Тарасовку добираться тоже удобно. Обстановка была самой демократичной, к Николаю Петровичу всегда могли зайти болельщики прямо с улицы. Год спустя, когда активно развивался клуб болельщиков «Спартака», шли собеседования по привлечению освобожденных работников. И Чапай по вечерам легко предоставлял свой кабинет для этих нужд.

Один из членов клуба Михаил Васьков взял у Старостина интервью, которое по горячим следам не было опубликовано: не удалось выпустить буклет, для которого оно предназначалось. Но

экземпляр с карандашной правкой собеседника сохранился. Спустя годы разглядывать его особенно интересно. Мелкий и очень аккуратный разборчивый почерк с наклоном вправо. Буква «д» в двух вариантах: то завитушкой вверх, то завитушкой вниз. И «т» в одном слове могло быть разным: то как бы машинописное, то рукописное.

Беседа была посвящена текущему моменту, но в фокус внимания попали слова Старостина о Бескове. За годы совместной работы накопилась уже масса противоречий, однако начальник команды словно защищал тренера — например, когда в вину тому поставили нежелание общаться со средствами массовой информации. Вот что говорил о Бескове Старостин:

«Таковы принципы его работы. Одна из причин тому — весьма невысокий профессиональный уровень некоторых пишущих о футболе журналистов, которые сами себя считают, однако, „опытнейшими специалистами“ да „футбольными обозревателями“. Когда мы, практики, к примеру, берем газету, то прежде всего смотрим на подпись под статьей, а после этого думаем — стоит ее читать или нет… Мы очень любим, например, Л. И. Филатова. Хотя он и не играл профессионально сам, но у него богатейший опыт, великолепный слог… Непрофессиональные же расспросы у Бескова вызывают, естественно, чувство досады. Когда он чувствует, что имеет дело с дилетантом, может и отказаться отвечать».

Подробно растолковал Старостин и нюансы тренерской работы: «Система Бескова основана на принципе: порядок бьет класс. Он очень требователен к игрокам, может быть, в некоторой степени и чрезмерно, но в конечном счете это приносит свои плоды… Он упорно может говорить об одном и том же до тех пор, пока не убедится, что игрок его до/конца понял. С одной стороны, футболистам трудно выдерживать такой ритм, с другой — именно, вероятно, поэтому, на мой взгляд, „Спартак“ сейчас на уровне техники, особенно в передачах мяча, близок к лучшим мировым образцам».

Как видим, всё очень лояльно. Более того, не самые корректные, может быть, обороты, употребленные в реальном разговоре, на бумаге смягчены: вместо «с упорством маньяка» — «упорно может говорить». Но сотрудничество двух мэтров неумолимо двигалось к концу. В конце 1988-го разногласия стали столь принципиальными, что чей-то уход оказался неизбежен…

На следующий год в беседе с корреспондентами украинской газеты «Комсомольское знамя» начальник команды объяснял: «Дело не только в том, что Бесков невероятно труден в общении, что признавал лишь авторитарное, волевое руководство людьми,

а любой совет даже сведущего человека воспринимал как личную обиду. В последнее время главный тренер стал просто невыносим. Незаурядный в прошлом игрок, он и как тренер многое сделал для своего, динамовского, клуба. Но там совсем другая специфика — суровая, даже жесткая дисциплина, беспрекословное подчинение. У каждого футболиста — воинское звание — он попросту обязан повиноваться. Но что хорошо в „Динамо“ — в „Спартаке“ неприемлемо. Ему присущи демократизм, раскованность. У „Спартака“ свои традиции, свой статус игрока, основанный на уважении к личности. Потому-то Бесков и старался избавляться от исконных спартаковцев. Почти всех разогнал».

Надо полагать, конфликт был неизбежен не только в силу личностных характеристик или разных футбольных родословных. В профессиональном спорте, как это и было на Западе, тренер — наемный работник, чьи полномочия ограничены чисто спортивными делами. Но в Советском Союзе эта категория специалистов вольно или невольно брала на себя более широкие функции. И Старостин, ощущавший себя хозяином положения, получалось, опять-таки опережал время, пытаясь узаконить отношения в московском клубе по мировым образцам. Естественно, это наталкивалось на сопротивление Бескова, из окружения которого в адрес оппонента доносились характеристики вроде «интриган».

К слову, мысль о необходимости перехода футбола на профессиональные рельсы Николай Петрович пытался отстаивать последовательно и на разных уровнях — вплоть до ЦК КПСС. Как писал Лев Филатов, «самим фактом своего существования в должности начальника Старостин напоминал, взывал, убеждал, втолковывал, что неладно, глупо, неуклюже, лживо устроены отношения как в клубах, так и в масштабе федерации. Его с удовольствием слушали на разных совещаниях (красно говорит!), читывали его статьи и книги, но никто и не подумал прислушаться к глубокоуважаемому чудаку, куда как удобно было отмахнуться».

После того как Константин Иванович все-таки написал заявление об уходе, Старостин организовал немыслимую для нашего футбола вещь: тендер на должность главного тренера «Спартака». Правда, его итоги были предопределены заранее: преемником Бескова стал 35-летний Олег Романцев. Вот как выглядела ситуация в интерпретации Евгения Ловчева:

«В 1988-м Старостин, если называть вещи своими именами, уволил Бескова из „Спартака“, а выборы нового тренера провели голосованием игроков. Я тогда работал в майкопской „Дружбе“ и

с Чапаем случайно встретился у метро. И он предложил мне поучаствовать в выборах вместе с Олегом Романцевым и Игорем Нетто. Я согласился, а буквально накануне события позвонил Александр Бубнов и предупредил, что уже все решено в пользу Романцева, а остальные — лишь для того, чтобы присутствовала альтернатива».

Позднее Ловчев признавал: встань у руля команды он, «Спартак» вряд ли бы достиг таких высот, как с Романцевым. Креатура Старостина оправдала себя в первый же год: красно-белые стали чемпионами СССР.

В 1989-м клубный офис перебрался в 1-й Коптельский переулок, что неподалеку от станции метро «Сухаревская». Может, кабинет у Николая Петровича и стал чуть просторнее, но даже если визуальное впечатление обманывало посетителей, общался он с ними с традиционной любезностью. Разве что просил сесть с определенной стороны, поскольку на одно ухо слышал хуже.

Один из авторов этой книги внес посильную лепту в общее дело, когда был поднят вопрос о присвоении Николаю Старостину звания Героя Социалистического Труда. А именно — поставил свою подпись от имени Клуба болельщиков «Спартака» под обращением к академику Станиславу Шаталину с просьбой оказать содействие при ходатайстве в Верховный Совет Союза ССР. Под письмом также стояло много фамилий действующих мастеров и ветеранов футбола.

Толчком к этой инициативе стало награждение аналогичным званием Льва Яшина. Вот только власть предержащие решились отметить заслуги великого вратаря лишь тогда, когда жить ему оставалось считаные дни. Поэтому всем хотелось, чтобы звание стало для Николая Петровича не запоздалым призванием его заслуг.

В частности, в письме говорилось: «„Спартак“ — это философия общественной нравственности, а Николай Петрович является ее творцом и хранителем. И если не все это понимают сегодня, то спустя годы мы будем остро ощущать значимость этого человека в многогранной жизни „Спартака“. Считаем, что в сегодняшней обостренной политической ситуации и экономической нестабильности, когда принципы нравственности подчас искажены и искривлены, мы имеем неподражаемый пример жизнеутверждающей честности и благородства, порядочности и бескорыстия…»

22 апреля 1990 года (что интересно — в воскресенье) был подписан указ президента СССР «О присвоении звания Героя Социалистического Труда тов. Старостину Н. П.». Награждение

состоялось через несколько дней во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца, а вот с датой в источниках возникли разночтения. «Правда» указала 29 апреля, «Вечерняя Москва» — 27-е, причем оба издания — в номере за 30-е число, публикуя материалы ТАСС. Другой из авторов этой книги в тот год трудился как раз в Телеграфном агентстве Советского Союза, и знакомство с кухней выпуска на ленту официальной информации заставляет предположить, что более «легкомысленная» «Вечерка» могла допустить опечатку. Ведь если бы глава страны провел церемонию 27-го, в пятницу, то отчеты должны были появиться уже на следующий день, 28-го, в субботних номерах.

Елена Николаевна свидетельствовала, что отец очень гордился высокой наградой:

«При случае охотно прикалывал золотую звезду на лацкан пиджака и, на мой взгляд, присвоение высокого звания расценивал как признание государством его заслуг, а не как извинение. Ведь государство, по его мнению, извинилось перед ним еще в пятидесятые годы, когда реабилитировало его, вернуло награды, восстановило в звании заслуженного мастера спорта».

А Евгений Ловчев даже рассказал байку, связанную с вручением звезды героя, хотя иных подтверждений ее достоверности нет:

«Торжественную церемонию вел, как принято, глава государства Михаил Горбачев. Каждый из награжденных, выслушав напутствие генсека, почему-то говорил, уходя: „Я постараюсь“. Подошла очередь Николая Петровича Старостина, который получил звезду и сам стал что-то говорить Михаилу Сергеевичу. А тот ответил: „Я постараюсь“».

В каком-то смысле это был разговор людей одного уровня. Ведь неслучайно и братья, и их свояк Петр Попов говорили о старшем из Старостиных: «У Николая государственный ум». То же утверждал и Никита Симонян: «Николай Петрович нашел бы себя на любом поприще, вплоть до управления государством. Но он больше всего любил футбол и отдал ему все свои знания и силы».

Впрочем, сам Старостин признавался в интервью Петру Спектору: «Я никудышный политик». Вероятно, он имел в виду пристрастие к определенным ценностям, ради которых невозможно идти на уступки. В спортивном плане, по мнению Александра Соскина, это проявлялось в ортодоксальности позиции: хорошо только то, что хорошо для «Спартака». Если же касаться политических взглядов, то о своей принадлежности к КПСС старший из братьев говорил так: «Я разделяю идеалы, записанные в уставе. Вопрос в том, что люди, которые десятки лет руководили партией, осуществляли их лишь на словах…»

Сам он идеалистом не был однозначно, и недаром Владимир Маслаченко вспоминал эпизод во Франции, когда задал прямой вопрос: «Николай Петрович, мы достигнем когда-нибудь в материальном плане того уровня, что я вижу здесь, в Париже?» И собеседник, убедившись, что рядом никого нет, ответил: «Боюсь, что и твои внуки до этого не доживут».

Осторожность, кстати, проявилась и после крушения ГКЧП в августе 1991-го. Тогда рядовые члены КПСС в массовом порядке отказывались от билетов, а начальник спартаковской команды поначалу всего лишь предложил ячейке приостановить деятельность на пару недель: «Надо осмотреться».

Можно только изумляться, как человек на пороге девяностолетия принимал столь сложные стратегические решения, тонко учитывая психологические факторы. А память на цифры не подводила его и в почтенном возрасте. Рассказывали такой случай. В начале девяностых у «Спартака» были контакты с японцами, команда даже съездила в Страну восходящего солнца на выставочные матчи. И партнеры привезли москвичам компьютеры, которые в Советском Союзе не имели массового распространения. Для каких-то финансовых согласований гостей проводили в кабинет Старостина, где они увидели человека преклонных лет в черных нарукавниках по локоть и со старинными деревянными счетами. Каково же было изумление японцев, когда хозяин кабинета, ловко оперируя костяшками, назвал им абсолютно точные данные!

Окружающих восхищало и его умение моментально переводить в уме одну валюту в другую. Сам Николай Петрович ничего удивительного в этом не видел — мол, он же финансист и по образованию, и по призванию. Но комплимент, что мог бы стать директором банка, отвергал, «соглашаясь» только на руководство отделением. Александр Нилин даже создал образ: «Я не думаю, чтобы памятник Николаю Петровичу со счетами в руках выглядел бы оскорбительным. Напротив. Вслушайтесь: стук костяшек этого бухгалтерского атрибута аккомпанировал „Спартаку“, пока работал в нем старший из Старостиных. Прожив без малого до ста лет, он тем не менее до лучших для менеджерского его дара времен немножко не дотянул».

Лев Филатов справедливо отмечал: «На протяжении десятилетий на Николая Старостина смотрели, как на уникум, хотя бы потому, что некого было поставить рядом с ним из начальников команд — по-нашему, а по-западному — менеджеров. Их не искали, им не придавали значения, сменялись случайные, безликие фигуры, а всю власть отдавали тренерам, что было удобнее для начальства, которое управляло, балуясь, ни

за что не отвечая и не рискуя собственным карманом».

Но родоначальник «Спартака» был не просто менеджером. Более того, его вообще нельзя рассматривать как наемного работника. Проницательные люди (как, например, Евгений Богатырев в разговорах с нами или Владимир Маслаченко в интервью Игорю Рабинеру) подводили к мысли: гениальность этого человека заключалась в том, что он через всю жизнь советских времен протащил категорически запрещенную тогда частную собственность — московский «Спартак». И именно поэтому не стремился становиться чиновником ранга министра — пусть важным, пусть престижным, но все-таки винтиком в государственной машине. Скромная вроде бы должность ничуть не мешала влиятельности Старостина, а для него это было важнее.

Но в рамках красно-белого движения его основатель не замыкался только на футбольном клубе. В 1991-м, после четырехлетнего перерыва, удалось возродить международное спортивное общество «Спартак». И Старостин вместе с Николаем Озеровым, Борисом Ивановым, Петром Болотниковым, Петром Мазором, Владимиром Васиным, Борисом Лагутиным и другими соратниками сделал многое, чтобы 28 октября в Колонном зале в Москве прошел учредительный съезд.

В общем, работы хватало. Ясность мозга сохранялась, но в гармонии ли с ней было тело? И на этот вопрос нельзя не ответить утвердительно.

Александр Шибаев, игрок восьмидесятых — девяностых годов, с улыбкой вспоминал такой эпизод:

«Возвращаемся откуда-то, Дед с большим багажом. Мы спрашиваем: „Николай Петрович, помочь?“ А он в ответ: „Своя ноша не тянет!“».

Этот случай характерен тем, что ни при каких обстоятельствах старший из братьев не хотел выглядеть беспомощным стариком. Да ведь и не был таковым! После работы личный водитель Анатолий Ильин, тезка и однофамилец олимпийского чемпиона, высаживал его не у самого подъезда, чтобы можно было пройтись пешком. Иногда Старостин вообще возвращался на метро, но выходил не на «Пушкинской» или «Тверской», которые располагались практически напротив дома, а на «Маяковской» или «Охотном Ряду».

28 мая 1991 года, как раз на профессиональный праздник пограничников, руководство «Спартака» организовало журналистский десант на базу в Тарасовку. Тогда такие дни открытых дверей еще не слишком практиковались, и потому поездка стала событием. Текст приглашения составлял лично

Николай Петрович, и наш коллега Сергей Шмитько просто восторгался стилем, как он выразился, в духе екатерининских времен: «Еели соблаговолите… Почтем за честь…» Каемся, персональных писем мы не получили, но в автобус, следовавший привычным маршрутом от станции метро «Сокольники», вписались. И самым сильным впечатлением для многих гостей стало посещение парилки. Нет, в помещении не было ничего необычного, но только компанию репортерам пожелал составить Старостин. И это почти в 90 лет! Причем заход отнюдь не был показухой. Ринат Дасаев, много лет отыгравший в «Спартаке», рассказывал: «Дед привык париться так, что и молодым не угнаться».

«Никогда не брал в рот спиртного и не курил, давным-давно приучил себя вставать из-за стола полуголодным», — делился с репортерами секретами режима Николай Петрович. А также пояснял, что фактически не пользуется лекарствами, ибо и болезни-то к нему не цепляются. Если же все-таки нагрянет простуда, то против нее есть чай с малиновым вареньем. И недаром даже в ворохе проблем мог так ответить Льву Филатову в телефонном разговоре: «Всё плохо, разве что здоровье не беспокоит».

К выражению «никогда не брал в рот спиртного» можно было бы добавить слово «сознательно», ибо исключения всё же случались. О некоторых мы говорили раньше. А Леонид Трахтенберг, клубный пресс-атташе, рассказывал, как однажды за границей Старостин выпил две чашки кофе по-ирландски, не догадываясь, что напиток готовят с добавлением виски. А потом удивлялся, с чего бы его потянуло петь русские песни.

Но если к дегустации кофе с виски можно относиться как к редкому казусу, то в рабочем тонусе спартаковский патриарх старался держать себя постоянно. Елена Николаевна его рецепты воспроизводила так:

«Папа не брал отпуск, и лет до восьмидесяти пяти мы и дома-то видели его редко: все время в каких-то поездках, на сборах. В последние годы стал приходить домой пораньше, чтобы совершить прогулку от Пушкинской площади до Никитских Ворот. После ужина уходил в свой кабинет читать газеты, а в девять вечера непременно появлялся в гостиной у телевизора — смотреть программу „Время“. За чашкой чая рассказывал нам все последние новости о „Спартаке“».

Любовь Николая Петровича к чистоте и порядку иной раз вызывала улыбки:

«Перед его приходом мы лишний раз протирали тряпочками мебель, раскладывали вещи по местам. Папа не мог терпеть

грязной обуви, и дело нередко доходило до того, что он брал сапожную щетку и начинал наводить блеск на ботинках, сапогах, туфлях. Однажды к нам приехал сапожник „Спартака“.

Пока мы беседовали с ним в гостиной, папа вышел в прихожую, взял грязные ботинки сапожника и стал их приводить в порядок. Когда сапожник увидел в руках начальника команды свою обувь, то чуть в обморок не упал. Зато потом он всегда приходил к нам в начищенных ботинках».

Если уж в обращении с обувью Николай Петрович был педантичен, то что говорить о работе с документами! В нашем распоряжении оказалось немало бумаг, хранившихся в офисном столе начальника команды. Вот списки, датируемые самым началом 1992 года. Весь состав разбит на четкие столбики: кого заявляют в высшую лигу, кого во вторую, в дубль «Спартака», за кого надо расплатиться с другими клубами, кто болен или травмирован, кто из принадлежащих красно-белым игроков находится за рубежом… Такая же ясность и с другими листками более раннего периода — характеристики футболистов для выезда за границу, распоряжения по поводу новичков, вызванных на просмотр, и т. д.

Девяностолетие было отмечено небольшим приемом и фуршетом в клубном офисе, разумеется, состоялись и домашние торжества. Но пришлись они на непростую для футбола пору: распался всесоюзный чемпионат, а ведущие московские клубы, включая «Спартак», высказались за то, чтобы разыгрывать первенство России. Требовалось решить многие организационные вопросы, а в этом компоненте опыт Старостина был бесценен. Кстати, Николай Петрович был в числе тех, кто подписывал предложения проводить самостоятельный чемпионат.

В 1992-м произошли структурные изменения и в самом «Спартаке». В духе демократии вопрос об уходе Юрия Шляпина с поста президента клуба решался на открытом собрании команды, даже журналисты присутствовали. В итоге совмещать две должности стал Олег Романцев.

Три первых чемпионата России «Спартак» уверенно выиграл, однако можно говорить о том, что влияние Николая Петровича в руководстве клубом постепенно стало ослабевать. И дело здесь не в том, что в какой-то момент его пересадили из более престижного «БМВ» на простые отечественные «жигули». Уж по части автомобилей начальник команды никогда не был привередлив. Хотя, по рассказам окружения, водитель Ильин утверждал: «Дед сам во всем виноват! Что он, не видел — к чему это ведет? Ему бы стукнуть кулаком по столу…» Вот только решающее слово на внутренней кухне постепенно стали

произносить другие.

И здесь нет противоречия с тем фактом, что в 1993-м во время референдума именно Старостин вместе с Эльдаром Рязановым, Константином Кинчевым и Николаем Караченцовым публично выступил в поддержку президента России Бориса Ельцина, призвав подтвердить доверие ему вариантом ответов: «Да — да — нет — да». К слову, это вовсе не было попыткой «прогибаться под изменчивый мир», просто уж очень не хотелось возвращаться к прежней модели. Только для данной акции больше требовались представительские функции, которых, разумеется, Николая Петровича никто не лишал. Но «Спартак» переставал быть тем, чем был, и это не могло не тяготить.

Племяннику Андрею запомнилось, как однажды он навестил дядю в кабинете на Коптельском. Было холодно, Николай Петрович сидел один, не снимая пальто. Тогда он еще переживал за внучку Катю, у которой был непростой период в семейной жизни.

Осенью 1995-го, когда «Спартак» лишился чемпионского трона и среди болельщиков пошли разговоры о каких-то неладах в клубе, Алексей Холчев по поручению газеты «Деловой мир» попытался взять у Старостина интервью. Но неожиданно для себя столкнулся с резким отказом: «Разговора у нас не получится. Я не хочу в конце жизни наживать себе врагов».

Незадолго до кончины Николая Петровича положили в больницу, но последние дни он провел дома. Смерть встретил в окружении домочадцев, в сознании и полном понимании того, что происходит. И 15 февраля 1996-го, в субботу, без всяких средств массовой информации разнеслась по футбольному миру весть: «Старостина не стало». Мы узнали об этом утром, в спартаковском манеже, где проходил очередной тренировочный матч.

А через два дня в этом же манеже был установлен гроб, окруженный венками. Сколько раз за свою жизнь Николай Петрович провожал родных и близких в последний путь! Наталье Петуховой запомнилось, что на траурных церемониях он всегда говорил не «прощай», а — «до свидания». И вот теперь эти слова обращались к нему.

Многих удивило, что в Сокольниках не было футбольной команды. У «Спартака» были запланированы зарубежные сборы, и дату вылета переносить не стали: то ли чтобы не ломать график подготовки, то ли из-за желания избежать лишних организационных проблем и финансовых потерь. В любом случае, выглядело это как-то неправильно. Ведь даже Бесков, невзирая на прошлые разногласия и обиды, приехал на край Москвы, чтобы

положить у гроба розы.

Место на Ваганьковском кладбище Николаю Петровичу подобрали соответствующее — на центральной аллее.

Хранители семейного очага

Позже всех среди братьев и сестер Старостиных покинула этот мир Вера Петровна — в 2002-м, в возрасте восьмидесяти восьми лет. Похоронили ее в ограду к Александру и Андрею, а еще через четыре года там же нашел последний приют ее сын — Александр Попов.

Между рождением старшего брата и кончиной младшей сестры уместился ровно век.

Много всего было на этом веку, а потому в сюжет органично вписывались картины, до крайности не похожие одна на другую. Легко, например, представить и Андрея, в голодные годы носившего отцовские сапоги и френч не по размеру, и Николая, преуспевающего функционера, в роскошной меховой шубе. Они передвигались по Москве и прицепившись к трамваю, и на комфортабельных иномарках. Их собеседниками были и обитатели тюремных камер, и первые лица государства.

Героев этой книги нельзя назвать умельцами на все руки. Более того, для подготовки праздничного стола специально приглашались поварихи, а на даче никто не занимался выращиванием даже самой заурядной зелени, все овощи покупались у соседей. Братья не водили машину, музыкальные способности большинства, как говорилось ранее, тоже оставляли желать лучшего. Однако им от природы дан был больший дар: очаровывать окружающих неповторимым обаянием, надежностью. Это позволяло им настраиваться с собеседниками на волну, необходимую для того, чтобы дело спорилось.

Если искать ключевое слово для постижения феномена Старостиных, то оно будет простым и понятным: семья. Вполне вероятно, что те же Николай и Андрей заслуживали бы в серии «Жизнь замечательных людей» отдельного тома каждый. Но отрывать их друг от друга, а также от остальных братьев, Александра и Петра, было бы неправильно.

Конечно, с уходом старшего поколения исчезала и сложившаяся иерархия, о которой Елена Николаевна говорила:

«Моего папу главой семейства признавали не только мы с мамой и сестрой, но и его братья и сестры. Ведь когда умер Петр Иванович, папе было всего восемнадцать лет. На его попечении оказались три брата и две сестры. И он стал для них, по сути, вторым отцом. Все мои дяди и тети, даже будучи взрослыми, всегда ценили заботу старшего брата, считались с его мнением, признавали его главным в семье и при решении серьезных вопросов побаивались лишний раз возразить ему.

В роду Старостиных любили застольные встречи. Чаще всего собирались у нас, и тамадой всегда был папа. Даже если он говорил долго, перебивать было не принято».

О своеобразной «табели о рангах» свидетельствовал и Андрей Старостин-младший:

«В семье существовало неписаное преклонение перед старшими. Николай Петрович, например, родился на год раньше Александра, и, казалось бы, такая мизерная разница, особенно в почтенном возрасте, не должна была сказываться. Но в роду Старостиных Николай Петрович в любой ситуации оставался старшим, а за ним шли остальные. Особенно четко это прослеживалось во время семейных торжеств: всегда начинал говорить Николай Петрович, а уж потом другие по старшинству. И дядя Андрей не мог произнести тост раньше дяди Шуры. Рассаживались тоже в определенном порядке: по правую руку от Николая — Александр, по левую — Клавдия и так далее».

Определенный пиетет проявлялся и в том, что в присутствии старшего, трезвенника и аскета, братья не позволяли себе лишнюю рюмку. Лишь когда хозяин уходил из-за стола в свою комнату, Андрей Петрович откупоривал новую бутылку. Но случалось и так, что в этот момент открывалась дверь и появлялся уже переодевшийся ко сну Николай Петрович со словами: «Какого черта!» Братья тут же вставали: «Всё, мы пошли». Однако после «отбоя тревоги» компания возвращалась в гостиную, и Андрей Петрович командовал: «Еще не всё выпито, давайте по последней».

Разумеется, сплоченность клана проявлялась не только за праздничным столом на так называемых «брандмейстерских» сборах. Можно вспомнить еще раз, как в последние дни Антонины Андреевны, когда муж не уходил из палаты, его братья и зять отправились в больницу — просто, чтобы быть рядом.

В старостинском кругу всегда с заботой относились к родственникам — независимо от степени родства. Андрей Лавров привел примеры из личного опыта:

«Братья бывали в гостях на Ленинском проспекте у моей бабушки Клавдии Алексеевны Сахаровой, которая приходилась им двоюродной сестрой. К сожалению, я лично с Александром Петровичем, Петром Петровичем и Верой Петровной никогда не встречался. А вот с Клавдией Петровной и ее дочкой Ириной — часто. Бывала у нас в гостях и Ольга Николаевна — жена Андрея Петровича.

С Николаем Петровичем общался несколько раз, он выдавал мне настоящую спартаковскую форму. Мой отец постоянно общался с ним по телефону, приглашал в гости. Увы, Николай

Петрович был слишком занятой человек.

Андрей Петрович снабжал меня кроссовками из магазина „Олимп“, давал спартаковские медали. В 1979-м при встрече подарил книгу с подписью: „Дорогому внучатому племяннику Андрею Лаврову на добрую память о старшем Погостовском поколении“. В 1983-м, когда мы виделись в последний раз и заговорили о родственниках, он сказал: „Их столько, что сам разобраться уже не могу. Но ты, как курсант училища Главного разведывательного управления, разберешься. А история покажет, кто есть кто, и будет у вас семейный альбом“.

Я по молодости был наивен и, честно говоря, немного обижался: как же так, про мою бабушку в книгах не написали. Теперь же понимаю, что если бы написали обо всех, то не осталось бы места для рассказа о футболе, которым братья Старостины жили всю жизнь. И восхищаюсь ими уже потому, что при такой загруженности по работе всегда находили время для встреч со всеми родственниками».

Можно вспомнить также о том, что в 1936–1948 годах бухгалтером в ДСО «Спартак» работала другая двоюродная сестра Старостиных, Лидия Николаевна Малиновцева. Она была дочерью Натальи Ивановны Старостиной, сестры Петра Ивановича. И конечно же в ее домашней библиотеке тоже бережно хранились книги братьев с теплыми дарственными надписями.

Были контакты и с Татьяной Владимировной Старостиной, уроженкой Пскова, проживавшей в Петрозаводске. Ее прадед приходился деду героев нашего повествования родным братом. В 1974-м они вместе уточняли родословную. Владимир Старостин вместе с тремя дочерьми жил в Ленинграде, с начала войны служил в войсках ПВО, Татьяна же вынуждена была оставить учебу в аспирантуре истфака ЛГУ и стала инструктором военного отдела Ленинградского горкома ВЛКСМ. Да, Николаю, Александру, Андрею и Петру не довелось сражаться против врага с оружием в руках, но к победе над захватчиками род Старостиных все равно оказался причастен.

Слушая рассказы тех, кто был знаком с братьями еще с пятидесятых годов, мы заметили одну деталь: многие воспринимали их как нечто неделимое. Борис Майоров, замечательный хоккеист, описывая свое первое впечатление от Старостиных, полученное на Ширяевом поле после их возвращения в Москву, не помнил, кто именно из братьев оказался тогда в центре всеобщего внимания. Но сохранил ощущение от появления спокойных, знающих себе цену людей.

Александр Соскин, который не пересекался из братьев только с Петром, про остальных говорил:

«У троих братьев было много схожего. Не столько во внешности (Николай Петрович был худощав, а двое других — коренастые), сколько в манере говорить — старомосковской, купеческой, с ударением на определенные слова и слоги. Даже обороты речи употребляли одинаковые».

Если на домашних празднествах глава рода говорил первым, то на работе он стремился, чтобы за ним оставалось последнее слово. Евгению Ловчеву запомнилась такая ситуация:

«В 1977 году „Спартак“ выиграл турнир в первой лиге и возвратился в высшую. Чествовать команду собирались уже после новогодних праздников, когда мы приступили к подготовке к новому сезону. И надо же такому было случиться, что накануне церемонии проиграли на турнире „Локомотиву“. На разбор игры пришел и Андрей Петрович как представитель центрального совета „Спартака“. И привел такое сравнение: мол, „Локомотив“ сейчас — это пианино „Красный Октябрь“, но настроенное. А мы — „Блютнер“, но не настроенный. И видно было, что Чапай готов закипеть: „У тебя все? Какой 'Блютнер'! У нас вручение малых золотых медалей, а мы проигрываем!“ И тут мне стало очевидно: это для нас Андрей Петрович — авторитет, великий футболист, а для Николая Петровича — мальчишка».

В то же время Лев Филатов, помогавший старшему в работе над книгой «Мои футбольные годы», засвидетельствовал: автор пожелал непременно показать готовую рукопись Андрею. И после замечаний младшего брата внес некоторые изменения. Правленый текст, может быть, в меньшей степени соответствовал исторической правде, но зато не был обиден для участников описываемых событий. «Насколько могу судить, — писал Филатов, — Андрей и его старший брат Николай относились друг к другу с едва ли не идеальным уважением и доверием и, вероятнее всего, именно поэтому, спокойно, твердо, во всеуслышание умели признаться в своих расхождениях, зная, что их родство незыблемо».

Льву Ивановичу было дано разглядеть и главное: «Семья Старостиных — это „Спартак“… Если бы „Спартак“ был частным предприятием, Старостины владели бы контрольным пакетом акций. Но четверым заправлять „Спартаком“ несподручно. И словно по старинному купеческому завещанию, „дело“ получил старший, Николай. Остальные, нося спартаковскую фамилию, исповедуя одну веру, отступили в сторону, уважая права старшего брата, сохранив за собой совещательный голос».

И благодаря этому посылу само спортивное общество с красно-белым флагом казалось построенным на семейных отношениях. Разумеется, внутри «Спартака» было не все гладко, и

можно вспомнить еще раз, как в тридцатые годы даже далеко не рядовые члены спортивного общества писали на Старостиных компрометирующие письма. Но где в те времена было по-иному? В конце концов, Павлик Морозов тоже доносил не на кого-нибудь, а на своего отца.

Принадлежность к огромной семье постепенно распространялась не только на спортсменов, но и на болельщиков. Слово из семи букв легко объединяло даже незнакомых. И это было куда важнее, чем выигранные медали и кубки.

Но самое поразительное, что абсолютную непохожесть детища Старостиных на другие продукты советской эпохи уловили иностранные исследователи уже в XXI веке! Перу американца Роберта Эдельмана, в прошлом студента МГУ, принадлежит труд «Московский „Спартак“. История народной команды в стране рабочих», увидевший свет в 2009-м. Текст не лишен фактических погрешностей, однако основная линия очерчена отчетливо: «Спартак» был не только самой популярной командой в Советском Союзе, но и, возможно, самой популярной полуавтономной организацией в государстве. Для многих, полагал Эдельман, поддерживать этот клуб — значило в каком-то смысле высказывать свое «нет» официальному курсу. Старостины были героями, но не из тех, что создало государство.

И пусть сейчас акценты смещены, не случайно же на трибунах, мечтающих о честности и справедливости футбольного действа, время от времени появляется портрет Николая Петровича с предостережением: *«Он всё видит».*

СЛЕД НА СТРАНИЦАХ И ЭКРАНАХ

Русская речь начала века

Еще раз напомним слова Льва Филатова о притягательности «Спартака»: «Тем, кто затеет складывать пирамидку из доводов, объясняющих его популярность, настойчиво рекомендую не забыть о литературной деятельности Андрея и Николая Старостиных. Ни один наш чемпионского значения футбольный клуб, включая динамовские Москвы, Киева и Тбилиси, столичные армейский и автозаводский, не выдвинул из своих рядов сразу двух оригинальных литераторов…» Между тем литературные опыты Старостиных начинались не с Николая и не с Андрея, хотя не все болельщики даже из числа продвинутых об этом знают.

Как-то раз спартаковским поклонникам была предложена викторина, включавшая вопрос: «У кого из братьев раньше всех вышла книга?» На выбор предлагалось три варианта, а правильным ответом являлся такой: у Александра. Запутаться было немудрено: ведь в спартаковской энциклопедии, изданной в 2002 году, в списке литературы против самой первой книги ошибочно стоит: «Ан. Старостин».

…Однажды у Александра Петровича с Константином Сергеевичем Есениным состоялся такой диалог:

— Любители футбола знают книги ваших братьев — Николая и Андрея — «Звезды большого футбола», «Большой футбол», но вы ведь из всех Старостиных первым взялись за перо?

— Да. Была книжка «Рассказ капитана». О поездке в Чехословакию, о памятном матче с «Жиденице» в 1935 году. Ее выпустило издательство «Молодая гвардия». Потом оно предложило мне сделать книгу «Моя жизнь в футболе». Но книгу я такую не написал. Не было времени. Не получилось.

«Рассказ капитана» представлял собой книжечку карманного формата, отпечатанную тиражом 20 тысяч экземпляров. Необходимо помочь читателям в правильном толковании даты: это произведение увидело свет в 1935-м, а поездка в Чехословакию состоялась годом ранее.

Исходя из стиля, можно говорить скорее о журналистике, путевых заметках, чем о литературе. В духе времени пропагандистская составляющая вышла на первый план, да и фигура автора, надо полагать, была выбрана потому, что он был капитаном сборной Москвы. Спустя много лет как-то наивно смотрятся то и дело возникающие на страницах прилагательные: «буржуазные газеты», «буржуазные команды»… Или вот фраза словно с первой полосы газеты «Правда»: «Попрощаться с нами приехали на вокзал секретарь ЦК комсомола А. В. Косарев,

секретарь ЦК и МК ВЛКСМ — председатель МГСФК Д. Д. Лукьянов, ответственные работники ВСФК и МГСФК, представители спортивных организаций Москвы…»

Но эта лексика наглядно отражала эпоху. И архаичность тогдашней футбольной терминологии — тоже памятник старины: «нападение Чехословакии, быстро обыграв наших передовых, стремительно бросается на наши ворота», «не успели они замолкнуть после одного забитого мяча, как уже вбивался следующий». Сейчас слова «передовые» или «вбивался» давно выведены из оборота.

Замечательно было то, что текст сопровождался рядом иллюстраций, и каким же элегантным выглядел капитан во время проводов на московском вокзале! При шляпе и галстуке, с букетом осенних цветов, он и впрямь казался писателем, а не футболистом.

Его братья взялись за перо в более зрелом возрасте, когда осталась позади немалая часть жизни, и воспоминания чередовались с философскими размышлениями. Андрей Петрович также дебютировал в «Молодой гвардии» — в 1957-м вышла в свет книга «Большой футбол». В 1959 году она была переиздана во второй раз, в 1964-м — в третий. Причем объем от раза к разу увеличивался, а общий тираж составил 200 тысяч экземпляров!

В дальнейшем третий из братьев сотрудничал с издательством «Советская Россия», и в результате этого альянса появились книги «Повесть о футболе» (1973, 100 тысяч экземпляров), два издания «Встреч на футбольной орбите» (1978, 1979, в сумме 100 тысяч экземпляров), «Флагман футбола» (1988-й, 50 тысяч экземпляров). Последняя книга увидела свет уже после кончины автора.

С «Советской Россией» работал и Николай Петрович. «Звезды большого футбола» выдержали два издания в 1967-м и 1969-м общим тиражом 150 тысяч экземпляров. Третье издание в том же 1969-м осуществилось в издательстве «Физкультура и спорт». В 1986-м в серии «Библиотечка „Огонька“» вышла книжка карманного формата «Мои футбольные годы» —

80 тысяч экземпляров. Наконец, в 1992-м в КПТО «Экран» под одной обложкой поместились «Футбол сквозь годы» и «Звезды большого футбола», тираж составил 50 тысяч.

По нынешним временам цифры особенно впечатляют. В реальности охват аудитории был еще больше: отрывки из произведений публиковались в периодике. Правда, спортивный журналист Аркадий Галинский, практически на каждое событие имевший свою точку зрения, недоумевал: «Можно ли теперь представить себе массовую газету или массовый журнал, в

которых не было бы спортивного отдела, постоянной спортивной рубрики? Лед тронулся даже в толстых общественно-политических и литературно-художественных журналах, не говоря уже о журналах типа „Знание — сила“ и „Наука и жизнь“. В последнем, например, из номера в номер публиковалась в конце шестидесятых годов книга Николая Старостина „Звезды большого футбола“ — произведение, безусловно, занимательное и полезное с точки зрения узнавания футбола, однако ни к науке как таковой, ни к ее связи с жизнью никакого отношения не имевшее».

Надо полагать, непременное слово «футбол» или его производные в названиях — не прихоть авторов, а требования некого стандарта, которого издательства не могли избежать. Ибо сами братья наверняка подобрали бы более емкие и образные заглавия. Тот же Лев Филатов как «решающее обстоятельство» литературного успеха братьев отмечал прежде всего то, что свою литературную деятельность они «вели самостоятельно, за них не сочиняли прикомандированные „литзаписчики“», пользующиеся обычно в таких случаях набором стандартных мыслей, оборотов, слов.

Лев Иванович прекрасно знал ситуацию изнутри. Ведь сам он, например, помогал Николаю Петровичу в рамках «огоньковской» серии. Принимали участие в судьбе книг старшего из братьев такие профессионалы, как Борис Левин или Александр Вайнштейн. Но эта помощь была скорее организационного, чем редакторского плана, мысли и выражения «причесывать» не требовалось. И Лев Иванович не скрывал: «Я имел несколько обстоятельных рабочих встреч со Старостиным, когда предстояло или написать что-либо о нем, либо помочь ему, вечно закрученному, записать воспоминания и мысли. И каждый раз я испытывал неловкость: я был уверен, что все, им наговоренное, он мог бы прекрасно и без моего участия изложить, да еще сохранив драгоценную русскую речь начала века, ныне почти утраченную, которой он владеет сызмала».

Коллега Филатова по журналистскому цеху Валерий Винокуров вспоминал такой эпизод. В еженедельнике «Футболхоккей» был напечатан его очерк о Николае Гуляеве — партнере Старостиных по довоенному «Спартаку», а впоследствии — если исходить из титулов — успешном тренере. А при встрече с Николаем Петровичем первым делом услышал от него:

— Вот уж никогда не думал, что у Кольки Гуляева есть талант.

На самом деле это была всего лишь шутливая реакция на заголовок «Талант преданности делу». И Старостин тут же

пояснил:

— Есть у меня такая слабость: ради красного словца не пожалею родного отца. Но больше, обещаю, грех на душу не возьму. А очерк-то ваш мне очень понравился. Взахлеб прочитал…

Цену этому самому «красному словцу» знали многие. По словам Евгения Ловчева, его партнер Сергей Ольшанский пришел в «Спартак» нападающим, но конкуренция в этой линии была высока, а вот центральных защитников не хватало. И Николай Петрович процитировал фразу из кинофильма: «Будем воспитывать бабу-ягу в своем коллективе». После чего к Ольшанскому, которого действительно перевели в оборону, прочно приклеилось прозвище Бабуля…

Или вот сценка, описанная Анатолием Круглаковским. Однажды во время матча вместе со Старостиным они сидели на трибуне стадиона ЦСКА в окружении офицеров, которые рассуждали о грядущем призыве — в том числе и футболистов из других клубов. Круглаковский не выдержал и вмешался в их разговор — мол, чего уж только футболистов, давайте всех подряд…

Один из офицеров охотно принял тон:

— Вот с Николая Петровича и начнем!

А спартаковский патриарх, которого за глаза называли Чапаем, ответил, не отрывая взгляда от поля:

— Хорошо, завтра надену буденовку.

Между тем переиздание книг «Футбол сквозь годы» и «Звезды большого футбола» в одном томе могло и не состояться. И не цензура тому причиной — в эпоху гласности и перестройки она все меньше давала о себе знать. Проблемы были чисто экономического характера — тотальный дефицит, охвативший страну на стыке десятилетий. Сам Николай Петрович рассказывал нам, что бумагу удалось достать лишь благодаря родственным связям с Михаилом Бусыгиным — бывшим министром лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Другие каналы уже не срабатывали.

Особо следует сказать о литературном даре третьего из братьев, Андрея. Свои впечатления от его опубликованных воспоминаний Александр Нилин суммировал так: «Они местами поживее, чем у некоторых писателей — современников Андрея Петровича. Старостин… вообще был человеком читающим. Я видел его домашнюю библиотеку — и, судя по разбухшим страницам под переплетами, все книги — читаные». Но Андрей Петрович и сам состоял в Союзе писателей, так что даже делать предположения о каких-то «литературных неграх» неуместно.

Аналогичные впечатления остались и у Евгения Богатырева:

«Бывал я дома у Андрея Петровича: с 1974 по 1980 год работал в „Неделе“, мы заказывали Старостину большие материалы. Он готовил их сам, без помощи литзаписчиков. Что поразило — богатая библиотека, какую я не видел ни у кого из своих знакомых, даже у профессиональных литераторов уровня Даниила Гранина. К примеру, там была энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Карандашные заметки на полях свидетельствовали о том, что книги — „не для мебели“».

Образность речи Андрея Петровича проявлялась не только на книжных страницах. Алексей Холчев рассказывал:

«Однажды я осмелился и обратился к нему с вопросом: „А каким был Михаил Булгаков?“ И услышал в ответ: „Он был человек застегнутый“».

Сценарист Яков Костюковский не поленился на протяжении многих лет заносить оригинальные фразы Андрея Петровича в записные книжки и просто на отдельные листки. Несколько опубликованных примеров показывают, насколько тонко знаменитый футболист чувствовал слово:

«Не „тотальный“, а „топтальный“ футбол».

Про игрока Василия Раца: «Учитывая мое цыганское окружение, я мысленно спел ему соответствующий романс с пожеланием: „Эх, Рац, еще Рац, еще много, много Рац…“ Аон, увы, Рац — обчелся…»

«Когда Константин Иванович Бесков отчисляет футболиста из „Спартака“ и тот переходит, например, в „Кубань“, это повышает средний интеллектуальный уровень обеих команд».

«Пусть на трибунах курят. Когда рот занят сигаретой, меньше вылетает из него мата».

«Настоящий футболист — это человек, который носит в кармане детство».

«Раньше надо было стать знаменитым футболистом, чтобы позволить себе устроить дебош в ресторане. А теперь достаточно устроить дебош в ресторане, чтобы стать знаменитым футболистом».

Тем не менее известно, что в работе над самой первой книгой Андрею Петровичу помогал его свояк, драматург Исидор Шток. Но в целом третий из братьев прекрасно справлялся с литературной работой сам. Вот свидетельство Владимира Артамонова, сотрудника издательства «Физкультура и спорт»:

«Андрей Петрович Старостин был частым гостем нашей редакции. Он часто писал предисловия к книгам, которые мы выпускали, или снабжал комментариями какие-то материалы, или рецензировал рукописи. Словом, был своим человеком в

редакции и, может, в силу этого наше с ним общение было простое и естественное. А может быть, и потому, что он был истинным интеллигентом, воспитанным человеком. Он дружил с писателем Юрием Олешей, автором „Трехтолстяков“, да и сам писал очень здорово».

О том же свидетельствовал и Константин Ваншенкин:

«Я не только убедил написать его новую книгу, но и, предварительно условившись, привел Андрея в журнал „Москва“, где его сердечно приняли и заключили финансовый договор… Когда он принес в редакцию первый большой кусок, все там пришли в восторг, а опытнейшая сотрудница спросила меня по секрету:

— Кто ему пишет?..

Увы, порой пишут, и не только государственным деятелям, но и самим писателям. Правда, писать так, как Андрей Старостин, они не умеют».

Костюковский говорил Старостину: «По-моему, вы зря подвергли себя самоцензуре. Вы не позволили себе ни одного критического слова о Сталине, хотя невинно страдали от его режима. Да и саму ссылку в Норильск вы изящно называете „взрывная волна“, „норильские каникулы“… Вот вы при мне возмущались произволом Хрущева в деле Стрельцова, а в книге об этом ни слова: не только о Хрущеве, но и о самом сфабрикованном деле… Возмущались травлей талантливейшего спортивного журналиста Галинского — и опять ни слова». Андрей Петрович ответил: «Насчет этого, может быть, вы правы».

Жаль, что передача опоздала

На книжной полке нет томика с авторством Петра Петровича, а вот произведение о нем вполне могло бы увидеть свет. Однако судьба распорядилась иначе.

На стыке 1989 и 1990 годов журнал «Спортивные игры» поместил в четырех номерах, как явствовало из подзаголовка, «страницы документальной повести о жизни П. П. Старостина». Они вышли под названием «Младший в квартете старейшин». Автором был Игорь Маринов, когда-то занимавшийся футболом в спартаковской школе вместе с сыном Петра Петровича Андреем. В мире журналистики Игорь Абрамович снискал известность еще в «Советском спорте», где специализировался на делах международных. К слову относился весьма бережно. Например, советовал молодым авторам избегать скопления причастий с неблагозвучным сочетанием «-вши».

То ли воспоминания об игре вместе с Андреем на Ширяевом поле, то ли осознание несправедливости того, что отец партнера по юношеской команде оказался как бы в тени старших братьев, подтолкнули Маринова на мысль заняться, как ныне говорится, еще никем не раскрученной темой. Впервые он побывал дома у своего героя еще в 1989-м и впечатления от встречи описывал так: «От стола ко мне резко поднялся человек пожилой, но не старик, никак не старик, а в тот год ему исполнилось 80 лет. Выраженные родословные черты Старостиных — чеканные линии рта, разлет бровей, порода. Лицо красивое, живое. Теперь встречаемся уже не первый раз, сидим за столом, разбираем вырезки газетные, фотографии. „Неужели все Косте Есенину отдал? Где теперь искать…“ — сетует Петр Петрович».

После распада Советского Союза появилось немало новых спортивных изданий, многие из которых достаточно быстро исчезали. То ли потому, что создавались для отмывки средств, то ли экономическая нестабильность и инфляция делали свое черное дело. Так вот, в 1992–1995 годах с неустойчивой периодичностью выходила газета «Футбол-Экспресс». Ее фактический владелец, иракский бизнесмен Хуссам Аль-Халиди, одновременно был хозяином московского клуба «Асмарал», игравшего в высшем дивизионе чемпионата России. А еще он по любопытному совпадению арендовал у 7-го таксомоторного парка стадион «Красная Пресня» — тот самый, с деревянных трибун которого не раз наблюдали за игрой спартаковских дублеров братья Старостины.

Начиная с первого номера за 1993 год в «Футбол-Экспрессе»

вышло несколько материалов Игоря Маринова под названием «Петр Петрович — четвертый Старостин». Напечатанное можно было смело считать фундаментом отдельной книги, но… Именно в тот год герой заметок ушел из жизни, и вовсе не факт, что успел прочитать хоть одну публикацию — по крайней мере, сыну о них не было известно. А вскоре скоропостижно скончался и автор.

В 2000-м в издательстве «Книжный клуб» появился, по сути, альбом, посвященный всем четырем братьям, — «Старостины (биографический очерк)». Слово «альбом» просится не только из-за формата; просто в пропорциональном отношении иллюстрации занимали едва ли не больше места, чем текст. Впрочем, серия «Спорт как спорт» подобное оформление как раз подразумевала.

Нельзя не попенять издательству за то, что оно поместило материал под рубрику «Династия». Вот какие толкования этому слову дает, например, словарь Ефремовой: «1. Ряд монархов одного рода, последовательно сменявших друг друга по праву наследования; 2. перен. Ряд поколений, передающий из рода в род профессиональное мастерство, традиции». То есть применимо к книге «Федотовы» об отце Григории Ивановиче и сыне Владимире Григорьевиче рубрика уместна, а по отношению к братьям — нет.

Автор книги Аркадий Ратнер — тоже из мира спортивной журналистики, он и повествование начал, отталкиваясь от своей передачи, сделанной по заказу Гостелерадио в 1986 году. И не мог обойтись без резонной оговорки: «Все, кто знал о готовящейся передаче, а потом смотрел ее в эфире, жалели, что она опоздала на несколько лет и не удалось показать всех братьев вместе». Действительно, Александр Петрович уже покинул этот мир, а без него, как писал Ратнер, «из прочно притертого семейного блока выпало какое-то звено, что привело не к ослаблению, а к некоторой несбалансированности. Александр доводил старостинское содружество до абсолютного совершенства».

Автор не стал скрывать также, что в передаче целый период жизни ее героев пришлось обойти — и касался он, разумеется, их ареста и ссылки. В 1986-м говорить об этом с экрана просто не разрешили, да и сами братья не горели желанием рассказывать о тех временах. Поэтому подробностей пребывания в тюремных камерах и лагерях нет даже в той части отснятого материала, который не вошел в окончательную версию. И нам Аркадий Фалькович подтвердил совсем недавно: «Все, чем располагал, вошло в передачу и книгу, больше добавить ничего не могу».

В общем, получился действительно очерк, то есть жанр, в котором невозможно охватить все события, но главные вехи расставлены правильно.

Книга «Старостины» была на виду, как и другие образцы документальной литературы или мемуаров, где речь шла о представителях замечательной семьи. Но авторам этих строк всегда казалось, что братья обязательно должны были оставить след и в литературе художественной. Подтверждения нашлись, хотя и не сразу.

Общеизвестно, что Лев Кассиль был в дружеских отношениях с Александром Петровичем и не стеснялся; делать ему публичные комплименты: «Он наиболее культурный, самый начитанный из наших известных футболистов. В нем нет спортивной узости, от которой у нас не избавились многие». Или другое признание, о третьем брате: «Я пишу об Андрее Петровиче Старостине с любовью, как о человеке большого сердца». Но можно ли отыскать в произведениях Льва Абрамовича фигуру, в которой угадывался бы близкий друг или кто-то из его родственников?

Вот рассказ «Пекины бутсы», где полунебыль-полубыль строится вокруг Петра Дементьева, а под именем Михей легко узнаваем Михаил Якушин.

Вот повесть «Вратарь республики», где прототипом главного героя стал Анатолий Акимов. Литератор даже подарил стражу ворот экземпляр с надписью: «Одному из славнейших спортсменов страны, Анатолию Михайловичу Акимову, который на долгие годы стал воплощением лучших черт моего вратаря республики Антона Кандидова».

А еще голкиперу от писателя пришла телеграмма, доставленная по любопытному адресу (орфография и пунктуация, точнее, отсутствие оной, сохранены):

«Москва Советская площадь ресторан „Арагви“ кабинет 6 Акимову Анатолию Михайловичу =

Подленному вратарю республики от имени Антона Кандидова и от всего сердца физкульт ура = Лев Кассиль».

Николай Петрович считал, что Кассиль и в дальнейшем писал образы со спартаковцев, в частности, с Василия Соколова: «Посмотрев последний фильм по сценарию Льва Кассиля „Удар, еще удар…“, я, грешным делом, подумал, что, вероятно, Лев Абрамович взял для своего героя прототипом Василия Николаевича, которого отлично знал и высоко ценил». Предположение дополнялось и некоторым портретным сходством артиста Малого театра Виктора Коршунова, игравшего роль старшего тренера, с молодым Василием Соколовым.

И Владимир Маслаченко признавался в одном из интервью: «Обо мне написал Лев Кассиль, включив этот рассказ в свой сборник».

Петр Дементьев, Анатолий Акимов, Василий Соколов,

Владимир Маслаченко — а где же Старостины? Или писателю было достаточно очерка «Мяч идет от брата к брату», где все названы своими именами? Или случившаяся в жизни и описанная Кассилем история о том, как иностранец, присутствовавший на футбольном матче и поинтересовавшийся фамилиями наиболее заметных на поле игроков, решил, будто слово «Старостин» по-русски означает «футболист», затмила все возможные придумки?

Правда, не будем забывать, что имена репрессированных братьев долгие годы находились под запретом и даже забитые ими голы в справочниках приписывались другим. И в эту конкретную дюжину лет обращаться к опальным прообразам было бы смертельно опасно.

Зато интересное наблюдение о влиянии Андрея Петровича на творчество Юрия Олеши можно отыскать у Александра Нилина в его «Линии Модильяни»:

«Про то, что прототипом одного из героев „Зависти“ — футболиста Володи — послужил Андрей Старостин, навестивший уже почти при нас Ахматову вместе с драматургом Исидором Штоком, я узнал позднее…

Футболист Володя — с него скалькирован герой сценария Олеши „Строгий юноша“ — самый невыразительный из персонажей „Зависти“. Такое впечатление, что все остальные действующие лица смело сочинены, а этот как-то робко и неумело срисован с Андрея Старостина…

Володя у Олеши был фигурой заданной, умозрительной, необходимой для парадоксальной концепции, мешавшей автору — и опровергнутой подлинностью душевной автобиографичности Кавалерова.

Любил же повторять Юрий Карлович, что писатели выдумывают мир, но действуют в нем реально.

Для придуманного из головы футболиста Олеша взял внешность Старостина, внутрь не заглядывая, что повредило бы концепции.

Футболист не мог быть героем Олеши, сочинявшим роман от имени Кавалерова.

Андрей Петрович Старостин — другое дело».

И вдогонку этому высказыванию — свидетельство Константина Ваншенкина: «Когда на студии „Мультфильм“ возникла идея экранизации романа „Три толстяка“ и речь зашла о том, как внешне будет выглядеть Тибул, Олеша назвал постановщикам вполне „земное“ имя знаменитого футболиста Андрея Старостина, в нем видел идеал мужской красоты и своего рода прообраз героя будущего фильма». Но об экранизациях речь пойдет чуть позже.

А пока — интересная деталь: ссылку на строки Андрея Петровича делали литературоведы, исследовавшие произведение Валентина Катаева «Алмазный мой венец». Там автор придумал для каждого из своих друзей даже не псевдоним, а образ, и Олеша проходил у него как «ключик» — именно так, с маленькой буквы. Препарируя характеристику Юрия Карловича: «При маленьком росте — в юности», аналитики текста Катаева предлагали сравнить ее с наблюдениями Старостина: «Меня удивило, что для того, чтобы поцеловать женщину, мужчине пришлось приподняться на носках. Помнится, что я ощутил какую-то обиженность. Такая породистая голова требовала более крупного постамента». Заодно привели в доказательство и словесный автопортрет Олеши: «Я росту маленького; туловище, впрочем, годилось бы для человека большого, но коротки ноги, — потому я нескладен, смешон; у меня широкие плечи, низкая шея, я толст».

В 1980-м Андрей Сергеев, воздавший немалую дань коротким абсурдистским рассказам, написал миниатюру «Картина». Начиналась она так: «В кабинете футболиста Старостина висит картина: Старостин, Горький и Молотов играют втроем в преферанс. За игрой с интересом следят их товарищи, ударники первой, второй и третьей сталинских пятилеток…» Далее следовал длинный список фамилий, а венчала данную конструкцию фраза: «Когда в глубине картины проходит Сталин, Старостин, Горький и Молотов встают, а ударники поворачиваются спиной к зрителю». В этой сюрреалистической зарисовке использован собирательный образ, но можно смело сказать, что писан он не с Николая Петровича: как известно, в отличие от остальных братьев, старший к картам не тяготел.

«Костюм заморский для Андрея…»

Реальных людей часто «шифруют» и в прозе, и в кинематографе. В поэзии их скрывать сложнее.

Евгений Евтушенко всегда позиционировал себя как ярого болельщика. Правда, симпатизировал московскому «Динамо», и, возможно, поэтому имена основателей «Спартака» проходили у него одной строкой. Например, в стихотворении «Играйте в гол», датированном 1974 годом:

Зови, полей футбольных зелень,
Мальчишек шумных со дворов!
За нами Старостин и Селин,
За нами Карцев и Бобров.

Имена мастеров в размер не ложились, хотя и так Федора Селина, Василия Карцева или Всеволода Боброва не спутать ни с кем. А Старостин в единственном числе виделся как бы собирательным образом.

В другом произведении Евтушенко поднята фанатская тема («Фанатиков я с детства опасался, как лунатиков»). На страницах «Литературной газеты» за 4 июля 1984 года поэт рассуждал о проблеме вообще и иллюстрировал свои взгляды недавно написанным стихотворением. Есть там и такой риторический вопрос:

Что вы мрачнеете, братья Старостины?
Вам страшновато от этой стадности?

Сами фанаты, между прочим, невысоко отзывались о степени погружения поэта в тему. В частности, по отношению к обитателям стадионов он употребил выражение «дети диско», хотя этот музыкальный стиль данная среда абсолютно не воспринимала, предпочитая рок. И насчет стадности тоже можно поспорить — фанатское движение не было абсолютно однородным, там всегда существовали свои течения и группировки.

Но в контексте темы Старостиных это не столь принципиально. Слово «мрачнеете» Евтушенко употребил верно. Правда, Николай Петрович, будучи начальником команды, не раз заботился о мальчишках, добиравшихся вслед за командой куда-

нибудь в Минск или Донецк. Мог и в клубный автобус посадить, чтобы москвичей не подкараулили на выходе со стадиона местные оппоненты. Однако в целом ни ему, ни остальным братьям явление близким не стало. Неслучайно в книге «Невозможный Бесков» Александр Нилин сделал акцент на том, как на матче дублеров Николай и Андрей Старостины пытаются пересесть подальше от скандирующих и хлопающих ребят. Еще более показательно, что при съемках телепередачи о братьях герои (еще раз напомним, уже после кончины Александра) никак не могут выбрать подходящие кадры с трибун, где был бы запечатлен тот зритель, для которого, в их понимании, и существовал футбол.

Как и Евтушенко, поэт Олег Григорьев употребил фамилию «Старостин» в единственном числе. В его поэме «Футбол» звезды разных времен и народов были представлены в юмористическом стиле. Публикация в газете «День литературы» (№ 108 за 2005 год) предварялась словами: «Эта спортивная поэма замечательного детского поэта Олега Григорьева так, по сути, никогда и не была опубликована в широкой печати». А в свете нашего исследования обращают на себя внимание следующие строки:

— А Дементьев! Ну и сила!
Как давно все это было…
— А Воронин, Сабо, Нетто
(Игроков таких уж нету)…
Месхи, Старостин, Федотов
(От футбола Дон Кихотов)…

Последнюю фразу автора можно толковать двояко. Если увидеть инверсию, то трое названы Дон Кихотами от футбола. В другом случае можно говорить о некоем «футболе Дон Кихотов», делегатами от которого выступают указанные мастера. Так или иначе, любопытно было примерить: кто из братьев нагляднее всего ассоциировался бы с героем Сервантеса? Наверное, Андрей.

Константин Яковлевич Ваншенкин никогда не скрывал, что он — армейский поклонник. Но с Андреем Петровичем его связывала искренняя дружба, и в своей книге «Воспоминания о спорте», датируемой 1977 годом, третьему из братьев Старостиных посвящено немало прозаических строк. А любимая присказка «Всё погибло, кроме чести» вдохновила и на строки поэтические. В них нет имени или фамилии, но есть прямое обращение:

Да, мне нравится, как Вы живете,
Широко — как цыган, как игрок…

Здесь уместно сделать пояснение. Андрею Старостину зачастую приписывают авторство этого афоризма: «Всё погибло, кроме чести». Но сам он говорил Якову Костюковскому: «Эту замечательную фразу сказал однажды не я, а Юрий Карлович Олеша. А я ее только повторял и, к сожалению, не однажды…»

В десятом номере журнала «Знамя» за 2004 год была опубликована «Баллада о костюме»:

Не знаю, был ли в этом риск,
Но факт остался, душу грея.
Ведь Яншин переслал в Норильск
Костюм заморский для Андрея
Петровича, что срок мотал
В морозом скованной пустыне…

А через пару строк — обобщение, ради которого, надо полагать, и затевалось стихотворение:

И братья Старостины все —
Да и они одни лишь разве! —
Не в той же самой полосе,
Но в запредельном были братстве.

На пятилетие со дня смерти Андрея Петровича Константин Яковлевич откликнулся миниатюрой, начинавшейся словами:

— Послушай, он умер? —
Спросил чуть смущенно Булат.
Хорошенький юмор —
Такое забыть невпопад!

Окуджава был оправдан фразой: «Булат же в отъезде случился в тот день похорон». Остается сожалеть, что в творчестве самого барда фигура Старостина не нашла отражения.

Касаясь футбола, Ваншенкин исповедовал не только высокий стиль. Например, есть у него стихотворение «Клички»:

В спорте прозвища, как в деревне,
И традиции эти древни.

Каждый ловко и прочно зван:
Слон, Михей, Косопузый, Жбан.

Напомним, что Жбан — это Александр, а Косопузый — Андрей Старостины.

Эдуард Асадов свое произведение «Ее любовь» посвятил супруге Андрея Петровича — артистке Ольге Кононовой. Как видим, и здесь расшифровать название можно по-разному: и как чувство Ольги, и как объект этого чувства. В поэтических строках нет имени мужа, но он легко узнаваем:

Только знать бы им, что сейчас
Смех не брызжет из черных глаз
И что дома совсем не ждет
Тот, кто милой ее зовет…
Он бы ждал, непременно ждал!
Он рванулся б ее обнять,
Если б крыльями обладал,
Если ветром сумел бы стать!
Что с ним? Будет ли встреча снова?
Где мерцает его звезда?
Все так сложно, все так сурово,
Люди просто порой за слово
Исчезали Бог весть куда.

Но стихи всё же получились со счастливым концом:

Сколько было злых январей…
Сколько было календарей…
В двадцать три — распростилась с мужем,
В сорок — муж возвратился к ней.
Снова вспыхнуло счастьем сердце,
Не хитрившее никогда.
А сединки, коль приглядеться,
Так ведь это же ерунда!

Можно простить Эдуарду Асадову небольшую арифметическую нестыковку: Андрей и Ольга были в разлуке не 17 лет, а 12, да еще при этом она ездила к нему на свидания в Норильск. К тому же родилась она в 1911 году, стало быть, на момент ареста мужа в 1942-м ей было отнюдь не 23 года. Но для поэтического восприятия цифры не столь важны, да и «сорок»

здесь — понятие округленное.

На кончину Николая Петровича в восьмом номере еженедельника «Футбол» за 1996 год откликнулся стихами Валентин Покровский:

Беда пришла, и он покинул поле.
Бессмертных нет, есть сильные душой.
Но даже он, с его могучей волей,
Ушел из жизни, добрый и большой…

И здесь тот случай, когда об авторе нужно рассказать отдельно. Сам он пояснял, что его отец отбывал вместе со старшим из братьев ссылку на Дальнем Востоке. А впоследствии завещал Валентину Ивановичу: «Держись Николая Петровича».

О давних и хороших отношениях Покровского-младшего со спартаковским патриархом свидетельствовал хотя бы такой факт. Уже после кончины начальника команды в руки авторов этой книги попали любопытные записи, хранившиеся в его столе. Еще в советские времена Старостин задумывался о создании клуба болельщиков, и в списке предполагаемых активистов значился инженер из Химок Валентин Покровский. О любимой команде он написал много стихов, охотно дарил их игрокам, и казалось, будто никакая другая тема его не интересовала вовсе.

Позднее инженер-поэт трудился в футбольном клубе селекционером, а с некоторых пор стал прямо-таки «ординарцем при Чапае». И звоня по делам, представлялся не по фамилии и не по имени-отчеству, а говорил в трубку: «Это от Николая Петровича Старостина».

Сам Чапай в последние годы жизни шутил:

— А что, Валентин, вот умру я, и тебя на следующий же день выгонят из клуба. Да что там на следующий — в тот же!

Но с этим пророчеством Николай Петрович ошибся. Покровский еще несколько лет оставался в спартаковской структуре, и когда ему было уже за семьдесят, выполнял функции диктора на матче дублеров. Однако постепенно годы брали свое, стало сдавать зрение, да и оговорки у микрофона случались.

В третьем номере журнала «СпАЛТак» за 2006 год было опубликовано стихотворение Покровского «Футбол, который мы потеряли». Был у него и подзаголовок: «10 лет без Николая Петровича Старостина»:

Засилье денег — алчное чудовище,
Футбол в России может погубить.
Мы потеряли Николай Петровича,

А он учил нас Родину любить!

Сам Валентин Иванович ушел из жизни в январе 2011-го. В неопубликованных рукописях, переданных нам родственниками, есть и посвящение братьям. По всей вероятности, оно датируется семидесятыми годами:

Ты помнишь тот пустырь, товарищ Старостин,
Где был открыт характер «Спартака»?
Где «дикие» мячи гоняли с яростью
И Старостины были в вожаках?
Четыре брата, коренные пресненцы,
Пронесшие сквозь век любовь к мячу,
Тяжелые ступеньки жизни-лестницы
Не каждому в футболе по плечу…
А было всё — и сборные, и спорные,
И радость битв, и горечь передряг,
Но Старостины были непокорные,
Как непокорен нынешний «Спартак»!
Судьба дарила им отнюдь не пряники,
Но братья знали линию свою
И только усмехались — хватит паники!
Небитых двух за битого дают!..

Старостинская тема существовала не только на бумаге, но и на виниле. На одной из пластинок записана бодрая песенка «Игру ведет „Спартак“» на стихи Александра Янковского в исполнении Иосифа Кобзона, в которой звучало:

Его по мере сил
Создал и окрестил
Из легендарных братьев старший Старостин.

Полагаем, в единственном числе употреблять глагол «создал» было неуместно. «Окрестил» — еще куда ни шло, находка действительно принадлежала Николаю Петровичу. А вот создавали спортивное общество братья вместе.

Утраченные кадры и непоставленные сцены

О телепередаче, подготовленной Аркадием Ратнером и Инной Бубновой в 1986 году, уже говорилось. Она оказалась не единственной, посвященной братьям. Так, еще в советское время, в 1990-м, та же главная редакция спортивных программ Центрального телевидения запустила проект по книге Николая Петровича «Футбол сквозь годы». Беседу с ним вел Александр Вайнштейн.

В 2002-м, в год столетия со дня рождения спартаковского патриарха, футбольный клуб заказал ленту «Николай Старостин. Отец „Спартака“», которую сняла компания «Свой почерк». Евгений Богатырев пояснял:

«С Николаем Петровичем мы были знакомы, он приходил как почетный гость на мою свадьбу в 1971 году. Поэтому с радостью взялся за работу о нем в качестве режиссера вместе с автором сценария Александром Нилиным. Работа получила диплом на XX Международном фестивале спортивных фильмов в Милане».

Аналогичную дату, связанную с Андреем Петровичем, отметил программой «Братья Старостины» канал «НТВ+» в 2006-м.

В тот же год телекомпания BBC выпустила документальный фильм «Коммунизм и футбол», рассказывающий об отношении власти к футболу в странах Восточной Европы — СССР, Венгрии, ГДР. Часть фильма касалась непосредственно «Спартака» и его основателей.

Чуть раньше, в 2005-м, началась работа над циклом «Исторические хроники с Николаем Сванидзе». По замыслу автора, каждый год XX века связывался с какой-то заметной личностью, и героем одной из серий стал Николай Петрович. Правда, не совсем понятно, почему выбран именно 1948-й: судьбоносным для старшего из братьев этот год назвать нельзя. Да и в целом данная серия не добавила о нем ничего по сравнению с тем, что было сказано раньше.

Куда ценнее для исследователей темы Старостиных находки не в документальном, а в художественном кино. Например, такие как у Константина Ваншенкина: «Есть известный фильм „Подкидыш“, где по ходу действия несколько раз теряется маленькая девочка. И там есть сцена встречи футболистов на вокзале. Так вот, раньше на подножке подходящего к перрону поезда стояли Андрей Старостин и его одноклубник Станислав

Леута — не актеры, а самые настоящие, для достоверности, на волне своей славы. Потом эти кадры выпали и затерялись. А тогда я, мальчишкой, несколько раз ходил на эту картину, чтобы только увидеть их. И до сих пор, когда она иногда демонстрируется по телевидению, я смотрю во все глаза, боясь пропустить — вдруг они появятся?!»

В интервью для журнала «Советский экран» (1985, № 3) Андрею Петровичу напомнили о данном факте: «Было ли это чем-то значительным для вас?» И тот ответил: «Конечно! Прежде всего, тем, что довелось познакомиться и много лет дружить с Ольгой Жизневой, с Риной Зеленой, с Фаиной Раневской… Надеюсь, что этот небольшой эпизод был разыгран в мхатовских традициях. Даже мои друзья и постоянные критики Юрий Карлович Олеша и Александр Александрович Фадеев не нашли оснований для осуждения моих киноталантов. Сужу об этом потому, что Саша Фадеев не кричал возмущенно в телефонную трубку, как это обычно бывало после проигрыша „Спартака“: „Совесть у вас есть, бесстыжие ваши ноги?!“».

В «Подкидыше» речь шла об эпизоде, а обстоятельные беседы с Николаем Петровичем способствовали идее фильма «Гарпастум» — исторической драмы, участвовавшей в конкурсной программе Венецианского кинофестиваля 2005 года. Продюсером и одним из авторов сценария являлся Александр Вайнштейн, чье имя уже звучало в этой главе. Режиссером картины стал Алексей Герман-младший.

Герои фильма — два молодых брата-футболиста, Николай и Андрей, но их образы явно писались не со Старостиных. И сюжетная линия отталкивается не от старого егерского рода, а от интеллигентной семьи. В картине — два брата, а не четыре, как в жизни. Обитают они не в Москве, а в Петербурге. Отец главных действующих лиц «Гарпастума» поставил все деньги на российскую олимпийскую команду, а после ее поражения от немцев в Стокгольме в 1912 году со счетом 0:16 разорился и сошел с ума, в то время как Петр Старостин-старший не то что вообще не интересовался мячом, а еще и мог проучить сыновей арапником за непотребное увлечение. Занятие футболом у киношных Николая и Андрея преследует весьма прагматичную цель — заработать деньги на строительство стадиона. В реальности братья Старостины тоже сталкивались с необходимостью сбора средств на возведение арены, но решали проблему другими способами — через благотворительные концерты, а не через «коммерческие» матчи.

Связь со Старостиными в фильме прослеживается в ином. «Гарпастум» — слово латинского происхождения, так называлась

античная игра в мяч. И для Вайнштейна и Германа куда важнее было прикосновение к истории, ведь начало XX века — время огромных потрясений. Будучи гостем одной из радиопрограмм, Александр Львович ссылался как раз на это: «Мама Алексея, Светлана Кармалита, когда прочла сценарий, сказала, что это фильм о том, как мир рушится, а футбол остается. Футбол как философия жизни, как мир вещей, абсолютно вселенская забава, которая действительно, если посмотреть назад, может быть, единственное, что осталось натурального, что происходит здесь и сейчас и на что нельзя влиять извне… Я могу сказать, почему возник 1914 год. Мне посчастливилось делать литературную запись книги Старостина, он мне очень много рассказывал про футбол, в том числе про дореволюционный, мне показалось, почему эти два явления — футбол и 1914 год — не могут совпасть. То есть 1914 год, на мой взгляд, был последним годом естественного течения жизни, судеб современной цивилизации, после этого начались насилие, ломка через колено, объективизм, субъективизм, неважно. Последнее естественное течение нормальной человеческой жизни. И футбол настолько же естествен, как и то, что происходит в нашем фильме».

В другом интервью Вайнштейн раскрыл и некоторые профессиональные моменты: «Показать футбол на экране, по-моему, в принципе очень трудно, если не невозможно. В большинстве случаев на роли футболистов приглашали актеров, не подготовленных в футбольном отношении: у них другая фактура мышц, другая повадка. Даже если они когда-то гоняли мяч на любительском уровне, настоящий болельщик всегда почувствует фальшь. Футбол нельзя сыграть — в него можно только играть. Так что кастинг проводили три месяца, просмотрев три — четыре тысячи фотографий. А на роли главных героев нашли симпатичных фактурных актеров Евгения Пронина и Данилу Козловского, которые, к моему удивлению, очень прилично играли в футбол. Мы ведь кастинг проводили с мячом — это был один из главных критериев отбора. Ребята должны были бить, передавать и чеканить как надо».

У Алексея Германа был свой взгляд на проект: «В отличие от Вайнштейна я отношусь к футболу… никак. Скажу страшную вещь: я ни разу не был на футбольном матче. Снимая футбольные сцены, мы старались избавить их от упрощенной драматургии игры, пытались решить футбол как эстетику, показать старые спортивные формы, ну и, конечно, эмоциональные пики состязания. Думаю, будь герои не футболистами, а теннисистами, было бы примерно то же самое».

Вот только большой вопрос: нашлись бы в российском

теннисе столетней давности фигуры, сопоставимые с братьями Старостиными в футболе?!

«Гарпастум» воплотился в жизнь. А вот у другого ценного для нас произведения судьба получилась не столь благополучной. Его автор Олег Хабалов, писатель и режиссер, назвал свой спектакль «Футбол на троих» «спартаковской кричалкой в одном действии». Сценарию предпослано примечание: «По книге Андрея Старостина „Встречи на футбольной орбите“». На самом же деле — это история любви Андрея и его супруги Ольги, с которой Олег Тимофеевич вместе работал в театре «Ромэн».

Хабалов рассказывал:

«С Андреем Петровичем я был знаком, но не слишком близко — как говорится, водку вместе не пили, хотя в бане бывали. Идея спектакля возникла уже после его кончины, а толчком послужило вот что. Из малого зала театра видно Ваганьковское кладбище, где похоронены Старостины. Еще лучше из нашего здания виден стадион „Динамо“, на котором играл довоенный „Спартак“. И я представил, что в дни центральных матчей гул трибун вполне мог доноситься до Ваганькова… Вокруг этого начало выстраиваться все остальное. Какие-то вещи в сценарии подлинные. Есть и придуманные ходы — например, когда в лагере уголовники проиграли Ольгу в карты. Но ведь и такое могло быть в действительности, не так ли?»

В «Футболе на троих» — четыре действующих лица: Танцовщица, Футболист, Поэт, Маэстро. В слепом поэте легко угадывался Эдуард Асадов, да вдобавок ко всему со сцены должны были звучать его стихи, о которых мы уже говорили в этой главе. На момент написания пьесы Ольга Николаевна, несмотря на преклонный возраст, оставалась действующей артисткой, ее выход под коронный номер «Шутишь? Любишь?» предусматривался сценарием.

Спектакль, увы, не был поставлен. В поисках поддержки Хабалов обращался в футбольный клуб «Спартак», но там в двухтысячные так часто менялись функционеры, что даже при желании кого-то из них трудно было бы довести дело до конца…

В 2010 году на телеэкраны вышел сериал «Цыганки». Прототипами героинь стали сестры Ольга и Александра Кононовы, однако фигура мужа Ольги Андрея Старостина была выведена из сценария полностью. Согласно сценарию ленты, муж Ольги Коновой — боксер Алексей. Продюсер фильма Юрий Глоцер в интервью журналу «Телесемь» объяснил метаморфозу: «В этой истории многие события происходят именно потому, что Алексей — боксер. Он привык отвечать за все сам, ни на кого не надеясь. Боксер — это определенный характер. Неизменным

остался факт: муж Ольги — известный советский спортсмен». Ему вторил и режиссер Алексей Пиманов: «Биографию сестер Кононовых мы взяли только как основу, и отклонения от нее в фильме существенные. Александра и Ольга — скорее собирательные образы. Мы снимали кино про замечательных девчонок и хороших людей. И конечно же про любовь». Так что у придуманного боксера Алексея с Андреем Старостиным априори не могло быть много общего.

НЕ ПАМЯТНИКАМИ ЕДИНЫМИ

В советские времена предпринимались лишь робкие попытки увековечить память знаменитых братьев. Зимой спартаковские команды из разных регионов регулярно участвовали в турнире, проходившем в манеже в Сокольниках, и в 1983-м этим соревнованиям было присвоено имя Александра Старостина. Однако в 1987-м общество «Спартак» на некоторое время прекратило существование и традиция была прервана.

Уход Андрея пришелся на эпоху, когда политические события стали выходить на авансцену столь стремительно, что спорт неминуемо оставался в тени. Правда, в публикациях начала девяностых в красноярской прессе заходила речь о том, чтобы присвоить его имя стадиону «Заполярник» в Норильске, но всерьез идею никто не пробивал.

Смерть Петра и вовсе прошла мимо большинства — и сам он не был публичной фигурой, и населению в тот период элементарно приходилось думать о хлебе насущном. Так что посмертные почести достались, по сути, только старшему брату.

5 марта 1996 года за подписью Николая Озерова появилось постановление бюро Центрального и президиума Российского советов международного спортивного общества «Спартак» «Об увековечении памяти основателя спортивного общества „Спартак“, заслуженного мастера спорта, Героя Социалистического Труда, кавалера ордена „За заслуги перед Отечеством“ Николая Петровича Старостина». Вот его текст:

> В связи с многочисленными обращениями и просьбами, поступающими в Центральный, Российский и Московский городской советы международного спортивного общества «Спартак» от спортсменов, тренеров, специалистов физической культуры и спорта, ветеранов-спартаковцев, коллективных членов «Спартака», различных общественных и других организаций о уве-
>
> ковечении памяти основателя спортивного общества «Спартак», заслуженного мастера спорта, Героя Социалистического Труда, кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством» Николая Петровича Старостина, учитывая его выдающийся вклад в развитие физкультуры и спорта в «Спартаке» и стране, Бюро Центрального и Президиум Российского советов международного спортивного общества «Спартак» постановляют:

1. Присвоить имя Николая Петровича Старостина международному обществу «Спартак».

Вынести это решение для утверждения на съездах международного и Российского обществ «Спартак» 19 апреля 1996 года.

2. Ходатайствовать перед Правительством Москвы о:

— присвоении имени Николая Петровича Старостина одной из улиц г. Москвы (в районе Сокольников),

— об установлении мемориальной доски на здании на улице Тверской, где жил Николай Петрович Старостин,

— об установлении памятника Николаю Петровичу Старостину на его могиле на Ваганьковском кладбище.

3. Установить три ежегодных стипендии имени Старостина (премии) международного спортивного общества «Спартак»:

— лучшему спортсмену общества «Спартак»,

— лучшему тренеру общества «Спартак»,

— лучшему работнику совета (клуба) общества «Спартак».

4. Предусмотреть ежегодное проведение открытого кубка международного спортивного общества «Спартак» по футболу памяти Николая Петровича Старостина среди коллективов физкультуры и спортивных клубов.

5. Поддержать предложение организаций и рекомендовать советам (клубам) общества «Спартак» включать в ежегодные календарные планы спортивно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий соревнования, фестивали по различным видам спорта памяти Николая Петровича Старостина.

Подробно рассказывать обо всех внутренних акциях необязательно: имя Старостина обществу оперативно присвоили, различные турниры его памяти проводили. Скорее уместно вспомнить казус, возникший вследствие того, что общество, пытаясь зарабатывать, давало добро на использование слова «Спартак» в различных коммерческих проектах. Не прошло и года со времени кончины патриарха, как саранские пивовары выпустили одноименную продукцию со слоганом: «В России нет еще пока команды круче „Спартака“». На этикетке был помещен портрет с подписью «Николай Старостин». Мало того что старший Старостин не брал в рот хмельного. Изображен на этикетке был Андрей! Так что бестактность производителей пенного напитка

даже удвоилась, если не утроилась…

А вот о реализации пункта 2 приведенного выше постановления упомянуть стоит. Все три инициативы были поддержаны, хотя и с некоторыми нюансами.

Уже в июле 1996-го памятник старшему из братьев действительно появился. Только не на Ваганькове, а в «Лужниках». Руководство спорткомплекса решило организовать Аллею Славы, и началась она с бронзового бюста Николая Петровича на Лужнецкой набережной. Изготовлен он был в мастерской народного художника России скульптора Александра Рукавишникова по проекту архитектора Александра Кочековского. На церемонию открытия приехали мэр Москвы Юрий Лужков и председатель Государственного комитета по физкультуре и спорту Шамиль Тарпищев.

На Аллее Славы планировалось установить скульптуры спортсменов, в разное время блиставших на лужниковских аренах. Примечательно, что Николай Петрович формально под эту категорию не подпадал: когда он был действующим футболистом, стадиона на берегу Москвы-реки еще не существовало. Тем не менее автор изобразил Старостина игроком, переодевающимся на скамейке после матча.

Досадно, однако, что сама идея мемориального комплекса не получила четкого продолжения. По соседству с первооткрывателем постепенно выросли фигуры Льва Яшина и Эдуарда Стрельцова — а ведь первоначально предполагалось, что тех же почестей удостоятся Валерий Харламов, Анатолий Тарасов, Людмила Пахомова… Да и памятники оказались как бы на отшибе, между основными объектами и набережной, куда болельщики могут забрести или случайно, или только при конкретных поисках. Более того, желающие сфотографировать скульптуры почему-то вызывали подозрение у лужниковской охраны, которая требовала разрешение на съемку.

Открытие памятника на Ваганьковском кладбище состоялось в августе 1997-го, а создателем его стал зять Николая Петровича — заслуженный скульптор России Константин Ширинян. Основные средства вложила семья, но не остались в стороне общество «Спартак», Российский футбольный союз и компания «Совинтерспорт». Жаль только, что торжественный день был выбран без учета графика команды, ведь отсутствие игроков и тренеров как-то не вписывалось в представления о спартаковских традициях.

В промежутке между двумя этими событиями на карте Восточного административного округа Москвы появилась улица Николая Старостина. Только не в Сокольниках, как

ходатайствовали его одноклубники, а в Новокосине. Наверное, не стоит упрекать городские власти за такое решение, ведь в старом районе столицы пришлось бы переименовывать что-то историческое, а за пределами МКАД для этой цели вполне подошел Проектируемый проезд № 330. Можно только порадоваться, что улица Николая Старостина оказалась по-настоящему спортивной: на ней расположены ледовый дворец и бассейн.

Что касается мемориальной доски на доме 19-А по Тверской, то ее пришлось ждать до августа 2002-го. Еще в феврале этого года дочь Николая Петровича Елена говорила в интервью газете «Советский спорт»: «Памятный бронзовый барельеф давно готов и ждет своего часа в мастерской скульптора, футбольный клуб „Спартак“ заплатил за него восемь тысяч долларов. Но все, оказывается, упирается в какое-то разрешение, которое опять же вроде бы уже подписано мэром Лужковым, но было утеряно одним из многочисленных чиновников…»

Символично, что творение скульптора Анатолия Бичукова установили в год столетия со дня рождения Николая Петровича. Спартаковцы обратились к президенту России Владимиру Путину с просьбой придать юбилею официальный государственный статус, а Госкомспорт и ОКР эту просьбу поддержали. На церемонии открытия ленточку перерезал градоначальник, добрым словом помянули основателя «Спартака» его именитые одноклубники. В тот же день в Олимпийской деревне был организован праздничный вечер при участии тогдашнего спикера Государственной думы Геннадия Селезнева.

Примечательно, что к организации торжеств приложил руку Межрегиональный фонд имени братьев Старостиных, который возглавляли Евгений Ловчев и Борис Коломыйцев. Название свидетельствовало о стремлении увековечить память всей четверки, а не только ее вожака. Одно время имя братьев Старостиных носила и футбольная школа красно-белых, однако в результате реорганизации СДЮШОР превратилась в клубную академию им. Федора Черенкова. Спору нет, один из самых популярных игроков своего времени, сам получивший образование в Сокольниках, заслужил подобные почести еще при жизни. Но почему понадобилось убирать имя Старостиных? Вряд ли налицо злой умысел, скорее имела место внутри-клубная неразбериха.

Непосредственно в сотый день рождения Николая Петровича авторы этой книги вместе с функционерами, ветеранами и действующими спортсменами собрались на Ваганькове, где состоялось возложение венков к памятнику. Нельзя сказать, что

событие носило протокольный характер. Родственники предлагали всем желающим выпить чарку в память о спартаковском патриархе под домашние пирожки, и Елена Николаевна сказала нам: «Знал бы папа, как его помнят, порадовался бы». А делегация футбольного клуба «Спартак», отдав почести, отправилась с такой же миссией в Лужники, к другому памятнику.

Столетие со дня рождения Александра Петровича годом позже прошло незаметно. «Комсомольская правда» откликнулась заметкой, но лучше бы она этого не делала. Во-первых, проиллюстрировала материал фотографией Николая Петровича. Во-вторых, газета вышла 30 августа со словами «сегодня исполнилось бы…», опоздав больше чем на неделю. В-третьих, автор отправил второго из братьев Старостиных в Воркуту, где «долгое время ему пришлось играть при свете Полярной звезды». Напомним, что наказание Александр в Воркуте не отбывал и в футбол в это время не играл. В-четвертых, в биографической справке указано, будто он «двадцать лет руководил Федерацией футбола СССР», но перепутаны и стаж, и место работы… Есть еще и «в-пятых», и «в-шестых», и т. д., однако достаточно и приведенных примеров.

Памяти Андрея Петровича 24 октября 2006-го был посвящен прекрасный вечер в Центральном доме актера. Идею вместе с «хозяевами поля» осуществили Российский футбольный союз, ФК «Спартак» и Федерация футбола Москвы.

Уже на первом этаже посетителей встречала фотовыставка, посвященная герою дня. Столик ведущего, популярного артиста Бориса Клюева, украшали книги Старостина и пишущая машинка, с помощью которой эти произведения были созданы. Кадры кинохроники органично переплетались с выступлениями друзей и знакомых и музыкальными номерами. Теплые слова произносили и люди спорта — Алексей Парамонов, Анна Алешина, Вячеслав Колосков, Анатолий Бышовец, и люди искусства — Маргарита Эскина, Владимир Михайлов, Галина Борисова, Ирэна Морозова. Один из руководителей мини-футбольного клуба «Норильский никель» Герман Хрусталев, когда-то игравший в дубле «Спартака», вручил дочери юбиляра Наталье Андреевне сверток с рудой, доставленный из тех мест, где Андрей Петрович отбывал ссылку.

Столетие со дня рождения Петра Петровича осталось событием частным, семейным.

Как поведал коллекционер-фалерист Дмитрий Полунин, память братьев неоднократно увековечивалась на значках. Всех четверых можно увидеть на одном из них, выпущенном в

Великобритании тиражом 50 экземпляров. Изображение Николая Петровича встречалось неоднократно, в частности, на значках к 70- и 75-летию общества «Спартак». Кроме того, Старостину-старшему посвящена работа из серии «Легенды „Спартака“» — коллекционного изделия английских умельцев при тираже от 50 до 200 штук. Но есть и российский образец в его честь, выпущенный массовым тиражом.

На момент написания этой книги Федерация футбола Москвы заказала в Великобритании значок, посвященный Андрею Петровичу. Предполагалось, что увидят свет как минимум 50 экземпляров, а может быть, и больше.

В год столетия со дня рождения Николая Старостина по заказу общества «Спартак» компания «Петроглиф» методом лазерной гравировки изготовила медаль. Изделие из позолоченной латуни весит 53 грамма и имеет 50 миллиметров в диаметре. Также к юбилею почта России выпустила конверт со спецгашением. На конверте коллаж из двух фотографий Николая Петровича: крупным планом — в костюме, уже в почтенном возрасте, а сзади — кадр матча с его участием.

Нельзя не обойти вниманием еще одну любопытную деталь. В 2010-м Российский футбольный союз возглавил Сергей Фурсенко. По его инициативе был разработан и принят «Кодекс чести российского футбола», а эпиграфом к этому документу стала цитата из Андрея Старостина: «Я научился понимать и ценить игру, на каком бы уровне она ни проводилась, — прежде всего по духу честной борьбы и спортивного благородства». Поскольку «Кодекс чести» печатается на всей полиграфической продукции, выпускаемой РФС, то и имя мастера тиражируется на ней постоянно.

Многие сходятся на том, что главным памятником братьям стал бы стадион «Спартак» имени Старостиных. Каждой из четырех трибун можно было бы присвоить не стандартные индексы «A», «B», «C», «D» и не традиционные — «север», «юг», «запад», «восток», а вполне конкретные обозначения — «Николай», «Александр», «Андрей» и «Петр». Однако в наше время реализовать этот замысел едва ли реально. Арена действительно возводится в Тушине, да только ее хозяевам наверняка захочется заработать за счет титульного спонсора. Например, как в Лондоне, где «Арсенал» играет на стадионе «Эмирейтс» и за это платит одноименная авиакомпания…

НАСЛЕДНИКИ ПО ПРЯМОЙ

И в этой главе не обойтись без легенды. А она гласит, будто знаменитый футболист Сергей Сальников был внебрачным сыном Николая Старостина.

В основу легенды легло некоторое портретное сходство, хотя далеко не все его признавали. Например, артист Игорь Кваша, обсуждая эту тему с журналистами Юрием Голышаком и Александром Кружковым, возразил. «Ну что вы! Сальников красавец, а у Николая Петровича совсем другой тип лица». Однако на фотографиях всё выглядело немного по-другому.

Говорили, будто в двадцатые годы команда, за которую выступал старший из братьев, проводила матчи в Краснодаре и как раз спустя положенный срок у местной жительницы родился мальчик Сережа. Но это не более чем легенда. Достаточно взглянуть на дату рождения Сальникова — 13 сентября 1925 года. Получается, будто московская команда приезжала на Кубань в разгар зимы. Время явно не футбольное, а русский хоккей в южных регионах страны не культивировался.

Другим аргументом служило то, что еще мальчишкой Сальников часто бывал на спартаковской базе в Тарасовке, подавал мячи мастерам. А когда Николай Петрович вернулся из ссылки и стал начальником команды, к нападающему Сальникову он питал особую слабость.

Никита Симонян любил вспоминать историю, произошедшую однажды во время тренировки. Прозвучала она как-то и в нашем присутствии:

«Мы играли в квадрат, Сальников как раз водил, и у него долго не получалось перехватить мяч. Наблюдавший за этим Николай Петрович стал его подначивать. И тот сгоряча послал на три буквы. Мы обомлели: начальнику команды сказать такое! А Николай Петрович просто упал на траву от смеха. Никаких последствий для Сергея этот случай не имел».

Со своей стороны, Сергей подчеркивал, что считает Николая Петровича лучшим попечителем футбольной команды среди всех, с кем ему доводилось работать. Однако взаимные симпатии вовсе не обязательно строятся на родственных связях.

В книгах Андрея Петровича можно найти ссылки на то, что в гостях у семьи Сальниковых бывал и он, и сестра Клавдия Петровна со своим мужем Виктором Дубининым. Но данный факт, собственно, тоже ничего не доказывает: собирались люди из футбольного круга, а под началом тренера Дубинина Сальников и вовсе когда-то играл в «Динамо».

Сам Сергей легенду всерьез не опровергал, а в шутку даже поддерживал. Андрей Старостин-младший рассказывал:

«Когда я занимался в спартаковской школе, мы проводили сборы в Тарасовке и играли тренировочные матчи с командой мастеров. По расстановке на поле я как раз противостоял Сальникову. Старался действовать против него жестко, естественно, попадал по ногам, а он только в шутку возмущался: „Ты что это брата бьешь?“».

Журналист Александр Соскин провел собственное расследование, о котором рассказывал и нам, и в печати:

«В „Спартаке“ Сергея прозвали Сынок, однако на прямые вопросы он или не отвечал, или отшучивался. Его первая жена Нина Васильевна говорить про бывшего мужа вообще отказалась. Их дочь, тоже Нина, в телефонном разговоре отмела все сомнения в отцовстве Старостина. А вот вторая жена Валентина Викторовна показала мне фотографию „официального“ отца футболиста Сергея Дмитриевича, и я убедился, что они просто одно лицо. Племянник Николая Петровича Андрей сказал мне: „Не думаю, что дядя Коля мог иметь к этому отношение“. А Андрей Старостин-старший только хитро улыбнулся: „Вам лучше спросить самого Николая“».

В общем, отнесем ситуацию в разряд мифов. Но и по настоящему генеалогическому древу пройтись весьма интересно.

У Евгении, первой дочери спартаковского патриарха, которая ушла из жизни через восемь месяцев после отца вследствие инсульта, был только один ребенок — сын Николай. Но эта ветвь продолжения не получила.

Младшая дочь Елена воспитала двоих детей. Михаил Ширинян в восьмидесятые годы очень часто сопровождал деда в футбольных заграничных поездках, выступая в роли его персонального переводчика. В следующем десятилетии, будучи сотрудником «Совинтерспорта», занимался организацией подобных турне. В отличие от Николая Петровича Михаил Константинович заразился преферансом и даже побеждал в турнирах. Его сын от первого брака Александр, достигнув совершеннолетия, решил взять фамилию знаменитого прадеда — Старостин. Во втором браке родился сын Константин.

Дочь Елены Николаевны Екатерина вышла замуж за Сергея Королева, внука знаменитого конструктора космических кораблей. Таким образом, родившаяся в этом браке девочка Наталья стала прямой наследницей сразу двух легендарных личностей. Говорят, Николай Петрович шутил: «Первый гол в космосе забьет кто-то из моих правнуков». Как и ее двоюродный брат Александр, Наташа прадеда еще застала. А вот брак

распался, и за Екатерину дед очень переживал. Во втором браке на свет появился сын Лев. Любопытно, что юные Костя Ширинян и Лева Белецкий занимались футболом у одного тренера — Константина Самохина в московской школе № 1409. Там часто устраивались детские турниры в честь футбольных легенд, и мастера, которых когда-то воспитывал Старостин, с удовольствием наблюдали за первыми ударами по мячу его правнуков и фотографировались с ними.

Увы, линия Александра Старостина оборвалась очень рано. Единственная дочь Алла, как и ее мать, умерла от рака, так и не успев продолжить род.

Единственная дочь Андрея Старостина Наталья стала не только профессором университета, но и супругой неординарного человека — Александра Дорошевича, кинокритика и переводчика. Упоминание о их ребенке Елизавете можно найти в книгах Андрея Петровича. Впоследствии внучка футболиста избрала профессию концертмейстера и преподавателя музыки. Удивительно, но в этой ветви рождались только девочки, и самая младшая сейчас — правнучка Старостина Елена.

А вот среди наследников Петра Петровича более ярко выражена мужская линия. Носителями фамилии стали и его сын Андрей, и внуки, появившиеся на свет в двух разных браках. Младший, Андрей, не торопился создать семью, зато старший, Александр, вместе с супругой Линой осчастливили родственников сразу пятью чадами! Со своим тезкой Петром прадед еще успел понянчиться, а дальше родились Тихон, Александра, Николай и Софья. Как видим, здесь немало имен, характерных для старостинского рода.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ, АЛЕКСАНДРА, АНДРЕЯ, ПЕТРА СТАРОСТИНЫХ

Все даты по новому стилю.

1902, 26 февраля — в Москве (по неподтвержденным данным) родился Николай.

1903, 21 августа — в Погосте родился Александр.

1905, 27 марта — родилась сестра Клавдия.

1906, 24 октября — в Москве (по неподтвержденным данным) родился Андрей.

1909 — Николай поступил во 2-е Грузинское начальное училище.

29 августа — в Погосте родился Петр.

1910 — Александр начал учиться в школе.

1913 — Николай поступил в коммерческое училище братьев Мансфельд. Андрей начал учиться в школе.

1914 — Александр поступил в коммерческое училище братьев Мансфельд.

13 ноября — родилась сестра Вера.

1917 — Андрей поступил в коммерческое училище братьев Мансфельд.

1918 — Николай, окончив училище с отличием, поступил на работу бухгалтером в Центральные ремонтные мастерские Мосземотдела на Ходынке.

1920 — Николай призван на службу адъютантом 9-й Московской военно-инженерной дружины.

15 февраля — в Погосте скончался Петр Иванович Старостин, отец братьев.

1922 — Николай принят на работу заведующим финансовым отделом московской конторы Нижгубселькредсоюза.

1923 — Николай женился на Антонине Назаровой.

1924 — Николай принят на работу заведующим секцией спорттоваров Москоопкульта МСПО.

1926, 31 марта — у Николая родилась дочь Евгения.

1928 — Андрей призван на службу в Московскую пролетарскую стрелковую дивизию. Николай и Александр стали чемпионами СССР по футболу в составе сборной Москвы.

1929 — Андрей вступил в ряды ВКП(б). Петр поступил в энергетический институт, где проучился три семестра.

1930 — после демобилизации из армии Андрей стал директором фабрики «Спорт и туризм».

1931 — Александр стал чемпионом СССР по футболу в составе сборной Москвы. Петр поступил в химико-технологический институт.

1931 или 1932 — у Александра родилась дочь Алла.

1932 — Николай и Александр стали чемпионами СССР по футболу в составе сборной Москвы.

1933, 10 января — у Николая родилась дочь Елена.

5 февраля — Петр женился на Зое Шлыгиной.

1934 — по окончании вуза Петр возглавил производственный спортивный комбинат Москооппромсовета.

6 июля — Николаю присвоено звание «заслуженный мастер спорта».

1935, 19 апреля — при участии Николая, Александра, Андрея и Петра создано добровольно-спортивное общество «Спартак». Николай стал председателем Московского горсовета общества «Спартак». Вышла в свет книга Александра «Рассказ капитана». Александр, Андрей и Петр стали чемпионами СССР по футболу в составе сборной Москвы.

1936 — Николай стал председателем всесоюзной футбольной секции. Александру присвоено звание «заслуженный мастер спорта». Александр, Андрей и Петр стали осенними чемпионами СССР по футболу в составе «Спартака».

1937, 30 апреля — у Петра родился сын Андрей.

27 июля — Николай награжден орденом Ленина, Александр — орденом Трудового Красного Знамени, Андрей — орденом «Знак Почета». Александр стал председателем секции футбола и хоккея с мячом Комитета по делам физкультуры и спорта СССР.

1938 — Андрей и Петр стали чемпионами и обладателями Кубка СССР по футболу в составе «Спартака».

1939 — Александр вступил в ряды ВКП(б). Андрей стал чемпионом и обладателем Кубка СССР по футболу в составе «Спартака».

1940 — Петр вступил в ряды ВКП(б). Андрею присвоено звание «заслуженный мастер спорта».

1941, апрель — Николай вступил в ряды ВКП(б).

1942, 24 февраля — у Андрея родилась дочь Наталья.

21 марта — органами НКВД в Москве по обвинению в антисоветской деятельности арестованы Николай, Андрей, Петр.

Апрель — Александр ушел в Красную армию.

29 октября — органами НКВД в Горьком по обвинению в антисоветской деятельности арестован Александр. Репрессирована гражданская жена Андрея Ольга Кононова.

1943, 18–20 октября — Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла Николаю, Александру, Андрею и Петру приговор: десять лет лагерей, поражение в политических правах на пять лет и конфискация всего лично им принадлежащего имущества. Николай по этапу направлен в Ухту, Александр — в Пермь, Андрей — в Норильск, Петр — в Нижний Тагил.

1944 — Александр переведен в Печору.

1945 — Николай переведен в Комсомольск-на-Амуре, Александр — в Молотов. Николай и Александр встретились на пересылке в Молотове.

1947 — Петр переведен в Криволучье.

1948 — Александр переведен в Ивдель. Дочь Николая Евгения вышла замуж за Марка Соколова.

1950 — у Николая родился внук Николай. Александр переведен в Инту. Николай досрочно отбыл заключение и вызван Василием Сталиным в Москву. Николай переведен на спецпоселение в Ульяновск.

1951 — Николай отправлен в пожизненную ссылку в Казахстан.

1952 — Александр отбыл заключение и переведен на спецпоселение.

21 марта — Петр отбыл заключение и переведен на спецпоселение. Андрей отбыл заключение и переведен на спецпоселение. В Норильске Андрей официально оформил брак с Ольгой Кононовой.

1954 — Николай, Петр, Александр и Андрей вернулись в Москву из ссылки.

1955 — Николай, Александр, Андрей и Петр реабилитированы, а затем восстановлены в партии. Николаю, Александру и Андрею восстановлено звание «заслуженный мастер спорта».

19 июля — Петр зачислен в кооперативную промысловую артель инвалидов «Инжтехпомощь» на должность инженера. Александр назначен заместителем начальника центральной оптовой базы спорттоваров Министерства торговли РСФСР. Николай стал начальником футбольной команды «Спартак». Дочь Николая Елена вышла замуж за Константина Шириняна.

1956, 30 ноября — в Москве скончалась Александра Степановна Старостина, мать братьев.

1957 — вышла в свет книга Андрея «Большой футбол».

1959 — Александр стал председателем Федерации футбола РСФСР. Андрей стал ответственным секретарем Федерации футбола СССР.

25 октября — у Николая родился внук Михаил.

1960 — Андрей стал начальником сборной СССР по футболу, которая в тот же год выиграла первый Кубок Европы.

1 сентября — Петр в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров об упразднении промысловой кооперации направлен в порядке перевода в проектную контору.

1961 — Андрей стал заместителем председателя Федерации футбола СССР.

1963, 1 октября — у Петра родился внук Александр.

1966, 13 июля — у Николая родилась внучка Екатерина.

1967 — вышла в свет книга Николая «Звезды большого футбола».

1968 — Александр стал заместителем председателя Федерации футбола РСФСР.

1971 — Андрей стал председателем Федерации футбола Москвы.

14 октября — в Москве скончалась Антонина Старостина, супруга Николая.

1972 — Александр во второй раз награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1973 — вышла в свет книга Андрея «Повесть о футболе».

1975, 3 февраля — у Андрея родилась внучка Елизавета.

1978 — вышла в свет книга Андрея «Встречи на футбольной орбите».

15 июля — у Петра родился внук Андрей.

1979 — Петр вышел на пенсию.

27 февраля — в Москве скончалась сестра Клавдия.

1980 — Андрей награжден орденом Дружбы народов.

1981, 23 сентября — в Москве скончался Александр.

1982, 12 февраля — Николай награжден орденом Дружбы народов.

20 декабря — у Николая родился правнук Александр.

1986 — вышла в свет книга Николая «Мои футбольные годы». Петр перенес ампутацию ноги.

1987, 4 июля — у Петра родился правнук Петр.

22 октября — в Москве скончался Андрей. Николай награжден орденом Ленина.

1988 — вышла в свет книга Андрея «Флагман футбола».

1990, 22 апреля — Николай награжден орденом Ленина с присвоением звания «Герой Социалистического Труда».

1993, 10марта — в Москве скончался Петр. Николай вместе с Эльдаром Рязановым, Константином Кинчевым и Николаем Караченцовым публично поддержал президента России Бориса Ельцина, призвав голосовать за доверие ему во время референдума.

1995, 19 апреля — Николай награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени.

1996, 17 февраля — в Москве скончался Николай.

30 июня — открыт памятник Николаю в Лужниках.

Одна из улиц в Москве названа именем Николая Старостина.

2000 — вышла в свет книга Аркадия Ратнера «Старостины».

2002, 30 августа — в Москве на улице Тверской открыта мемориальная доска Николаю.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Старостин Александр. Рассказ капитана. М.: Молодая гвардия, 1935.

Старостин Андрей. Большой футбол. М.: Молодая гвардия, 1957.

Старостин Андрей. Большой футбол. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1959.

Старостин Андрей. Большой футбол. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1964.

Старостин Андрей. Повесть о футболе. М.: Советская Россия, 1973.

Старостин Андрей. Встречи на футбольной орбите. М.: Советская Россия, 1978.

Старостин Андрей. Встречи на футбольной орбите. 2-е изд. М.: Советская Россия, 1979.

Старостин Андрей. Флагман футбола. М.: Советская Россия, 1988.

Старостин Николай. Звезды большого футбола. М.: Советская Россия, 1967.

Старостин Николай. Звезды большого футбола. 2-е изд. М.: Советская Россия,1969.

Старостин Николай. Звезды большого футбола. 3-е изд. М.: Физкультура и спорт, 1969.

Старостин Николай. Мои футбольные годы. М.: Библиотечка «Огонька», 1986.

Старостин Николай. Футбол сквозь годы. Звезды большого футбола. М.: КПТО «Экран», 1992.

Ваншенкин Константин. Воспоминания о спорте. М.: Советская Россия, 1978.

Ваншенкин Константин. Андрей Петрович // Дружба народов. 1991. № 4.

Есенин Константин. Московский футбол. М.: Московский рабочий, 1974.

Кошель Юрий. Футбольный клуб царя // Наука и жизнь. 2005. № 3.

Маринов Игорь. Младший в квартете старейшин // Спортивные игры. 1989. № 10–12; 1990. № 1.

Нилин Александр. Век футбола. М.: Терра-Спорт, 1998.

Нилин Александр. XX век. Спорт. М.: Молодая гвардия, 2005.

Ратнер Аркадий. Старостины. М.: Книжный клуб, 2000.

Филатов Лев. Обо всем по порядку. М.: Физкультура и спорт, 1990.

Иллюстрации

Петр Иванович и Александра Степановна Старостины с сыновьями Николаем и Александром.

Деревянные дома за Краснопресненской заставой в Москве. *Конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.*

Семья Старостиных летом в Погосте. Петр Иванович — *во втором ряду крайний слева*, далее *сидят* сыновья Петр, Николай, Александр, Андрей. В *первом ряду слева* — дочь Клавдия. *Стоит справа* — Александра Степановна.

Братья здорово играли в хоккей с мячом. *Слева направо* — Андрей, Николай, Александр Старостины.

Первая команда «Пищевиков». *Четвертый слева* — Николай, *четвертый справа* — Александр Старостины. *1926 г.*

Афиша матча на первенство Москвы 1933 года.

Все братья в одной команде. *Второй слева* — Андрей, *третий* — Николай, *пятый* — Александр, *третий справа* — Петр.

Капитан сборной СССР Николай Старостин *(справа)* обменивается вымпелами с соперником из сборной Турции. *1932 г.*

Александр Старостин выводит спартаковцев на игру с киевским «Динамо». *1936 г.*

Капитан «Спартака» Андрей Старостин обменивается вымпелами перед товарищеским матчем с болгарами. *1940 г.*

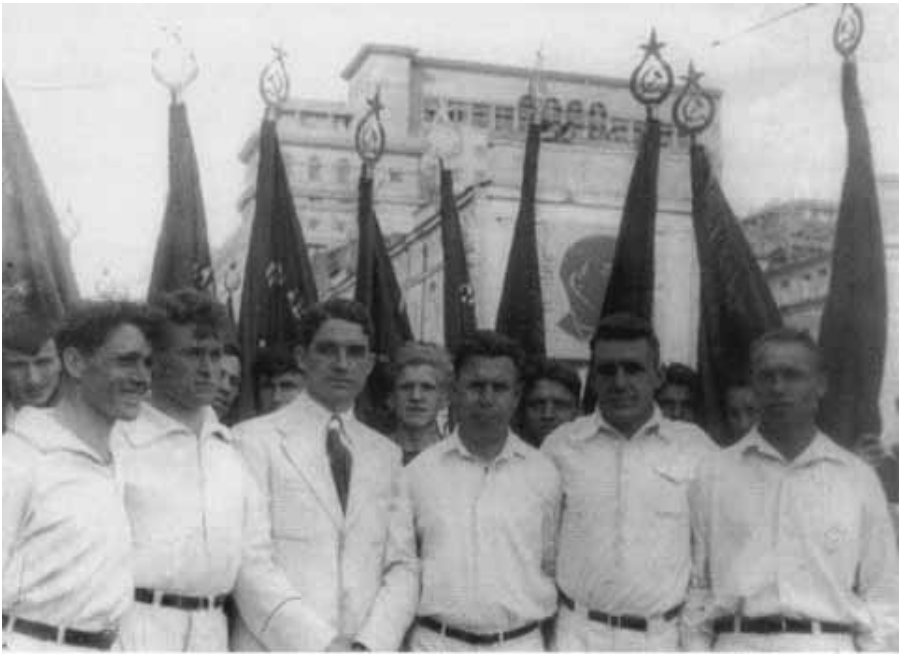
Братья Старостины в «Спартаке» в 1936 году. *В среднем ряду: второй слева* — Александр, *второй справа* — Андрей, *третий справа* — Николай. *В верхнем ряду: второй справа* — Петр.

Сестры Клавдия *(слева)* и Вера поддерживали спортивные традиции в семье Старостиных.

Отдых на полянке. *Слева* — Зоя и Петр Старостины, *второй справа* — Николай Старостин.

Братья Серафим и Георгий Знаменские.

Николай *(крайний слева)* завершил карьеру футболиста и стал руководителем. Остальные продолжали играть. *Стоят* — Александр *(третий слева)*, Андрей *(шестой слева)*. *Сидит* — Петр *(третий слева)*.



Перед физкультурным парадом на Красной площади. *В первом ряду: третий слева* — Николай, *второй справа* — Александр Старостины.

Показательный матч спартаковских команд на Красной площади. *6 июля 1936 г.*

Футболисты спортивного общества «Спартак» на Красной площади во время Всесоюзного парада физкультурников 18 июля 1939 года. *Впереди* — Андрей Старостин.

Михаил Яншин.

Юрий Олеша.

Перед матчем. У стадиона «Пищевик» (позднее — стадион Юных пионеров). *1926 г.*

Александр Косарев.

Валерий Чкалов.

Михаил Калинин *(слева)* награждает Николая Старостина орденом Ленина *(второй справа). 1937 г.*

Николай Старостин *(слева)* на стадионе в Ухте во время отбывания срока. *1944 г.*

Свидание Андрея и Ольги во время отбывания срока.

Александр Старостин *(слева)* в Молотове во время отбывания срока. *1947 г.*

Значок «Участнику футбольной команды ордена Ленина об-ва „Спартак“ Москва т. Старостину А. П.» *1939 г.*

Книги братьев Старостиных.

Все четверо — Александр, Николай, Андрей и Петр. *1937 г.*

Николай и Антонина Старостины на отдыхе в Сочи. *1956 г.*

Александр и его третья жена Евдокия.

Николай Старостин в зрительном зале вместе с семьей. *Рядом с ним* — дочь Евгения, *четвертая справа* — супруга Антонина, *пятая справа* — дочь Елена.

Чествование сборной СССР в «Лужниках» после завоевания Кубка Европы. *Впереди* — начальник команды Андрей Старостин. *1960 г.*

На базе в Тарасовке. Андрей Старостин *(крайний справа)* беседует с Сергеем Сальниковым.

Чемпионы СССР футболисты московского «Спартака» совершают круг почета на церемонии закрытия сезона. *Впереди* — начальник команды Николай Старостин. *1956 г.*

Сборная СССР в Тбилисском театре оперы и балета на спектакле «Отелло». *Слева* от балерины Веры Цигнадзе — начальник команды Андрей Старостин. *1961 г.*

Братья Старостины на стадионе. *Слева направо* — Александр, Николай, Андрей.

Александр с сестрой Клавдией.

Отдых в Молоденове. *На переднем плане* — супруг Веры Товмас Геворкян и Петр Старостин. *Крайняя слева* — дочь Александра Алла. *Вверху справа налево* — Клавдия, ее дочь Ирина, Вера, супруга Петра Зоя.

Глава московской федерации футбола Андрей Старостин *(слева)* и Игорь Нетто.

Штаб футбольного «Спартака». *Слева направо:* старший тренер Никита Симонян, тренер Николай Дементьев, начальник команды Николай Старостин.

Николай Старостин *(справа)* со старшим тренером московского «Спартака» Николаем Гуляевым.

Николай Старостин *(справа)* со старшим тренером московского «Спартака» Константином Бесковым.

На трибуне спорткомплекса «Олимпийский» *(слева направо)* — Николай Старостин, Андрей Старостин и Константин Бесков.

Николай Старостин дает автографы юным болельщикам. Вверху — Андрей Старостин *(слева)* и селекционер клуба

Валентин Покровский.

Николай Старостин с внуками. *Слева от него* — Коля и Миша, *справа* — Катя.

Слева направо — Андрей, Вера, Петр, Николай Старостины. *1980-е гг.*

Актриса Элина Быстрицкая поздравляет Андрея Старостина с 75-летием. *1981 г.*

На прогулке. *Слева направо* — супруга Петра Зоя, Николай, Вера, Петр Старостины, супруг Веры Товмас Геворкян.

Николай Старостин с Олегом Романцевым. *1989 г.*

Церемония вручения спартаковцам золотых медалей чемпионата России. *Слева направо* — игроки Андрей Тихонов,

Виктор Онопко, вице-президент РФС Никита Симонян, начальник команды Николай Старостин. *1994 г.*

Могила Александра и Андрея Старостиных на Ваганьковском кладбище, где похоронены также их сестра Вера и племянник Александр.

Николай Старостин в своем рабочем кабинете в 1-м Коптельском переулке. Рядом — администратор команды Александр Хаджи. *1991 г.*

Памятник Николаю Старостину в «Лужниках».

notes

Примечания

1

Статья была написана в 1993 году одним из наиболее авторитетных знатоков российского футбола, мэтром отечественной спортивной журналистики Львом Ивановичем Филатовым (1919–1997) по заказу одного из авторов настоящей книги. *(Прим. изд.)*.

2

Выделенные курсивом фрагменты подчеркнуты карандашом.